

Народно **аселение**

ISSN 1561-7785

4 . 2025

октябрь – декабрь

- ▼ **ДЕМОГРАФИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**
- ▼ **СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНОВ РОССИИ**
- ▼ **КАЧЕСТВО И УСЛОВИЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ**
- ▼ **НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ИСЭПН ФНИСЦ РАН**

МОСКВА

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ
ИМЕНИ Н. М. РИМАШЕВСКОЙ ФНИСЦ РАН (ИСЭПН ФНИСЦ РАН)

Народонаселение

ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2025. Том 28. № 4 (октябрь-декабрь)

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4; EDN: JRTIGE

Учредитель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН (ФНИСЦ РАН)

(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5)

Издатель: ИСЭПН ФНИСЦ РАН

(117218, Москва, Нахимовский пр-т, д. 32).

ISSN 1561–7785 (print)

ISSN 3034–2252 (online)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77–78718 от 20.06.2020

Индекс подписки в «Каталог периодики» агентства
«Урал-пресс» – 79183.

Журнал включён ВАР в «Перечень рецензируемых
научных изданий, в которых должны быть
опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание учёной степени
кандидата наук, учёной степени доктора наук»
(категория К1), индексируется РИНЦ и WoS RSCI.

Главный редактор:

Локосов В.В., член-корр. РАН (Москва, Россия).

Редакционная коллегия:

Аганбегян А.Г., академик РАН (Москва, Россия);
Аксенова Е.И., д.э.н., проф. (Москва, Россия);
Александрова О.А., д.э.н. (Москва, Россия);
Доброхлеб В.Г., д.э.н. (Москва, Россия);
Дохолян С.В., д.э.н., проф. (Москва, Россия);
Медведева Е.И., д.э.н. (Москва, Россия);
Назарова И.Б., д.э.н. (Москва, Россия);
Риччери М., д.э.н., проф. (Рим, Италия);
Русанова Н.Е., д.э.н. (Москва, Россия);
Рыбаковский О.Л., д.э.н. (Москва, Россия);
Рюмина Е.В., д.э.н., проф. (Москва, Россия);
Рязанцев С.В., член-корр. РАН (Москва, Россия);
Синельников А.Б. д.соц.н., проф. (Москва, Россия);
Сухоцка Л., к.псх.н., проф. (Люблин, Польша);
Теодорович М.Л., д.соц.н., проф. (Н. Новгород, Россия);
Токсанбаева М.С., д.э.н. (Москва, Россия);
Фуци С., д.фил.н., проф. (Пекин, Китай);
Шабунцова А.А., д.э.н. (Вологда, Россия);
Ярашева А.В. д.э.н., проф. (Москва, Россия).

Ответственный секретарь:

Симагин Ю.А., к.геогр.н., доцент (Москва, Россия).

Редактор перевода на английский язык:

Войтенкова Г. Ф., к.ист.н. (Москва, Россия).

Корректор:

Киндякова Н. С. (Москва, Россия).

© Редакция журнала «Народонаселение», 2025.

© ИСЭПН ФНИСЦ РАН, 2025.

Адрес редакции:

Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский пр-т, д. 32. Тел.: +7 499 129-08-01.

Website: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/population>; e-mail: isesp-population@yandex.ru.

Отпечатано в типографии ООО «Фабрика Офсетной Печати»

Адрес: 111024, Москва, ул. Авиамоторная, д. 2, к. 18.

Website: www.fop.ru; e-mail: info@fop.ru.

Заказ № 24197. Тираж 500 экз. Цена: бесплатно.

Дата выхода в свет 30.12.2025.

INSTITUTE OF SOCIO-ECONOMIC STUDIES
OF POPULATION FCTAS RAS (ISESP FCTAS RAS)

IPopulation

QUARTERLY SCIENTIFIC JOURNAL

2025. Vol. 28. No. 4 (October-December)

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4; EDN: JRTIGE

**Founder: Federal Center of Theoretical and Applied
Sociology RAS (FCTAS RAS)**

(24/35, kor. 5, Krzhizhanovskogo str.,
Moscow, Russia, 117218)

Publisher: ISESP FCTAS RAS

(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)

ISSN 1561–7785 (print)

ISSN 3034–2252 (online)

The journal was registered by the Federal Service
for Supervision of Communications, Information
Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)
on 20.6. 2020

Series ПИ № ФС77–78718.

Subscription index in the Ural-Press catalogue of
periodicals – 79183.

The journal is included by the State Commission for
Academic Degrees and Titles in the List of Russian
peer-reviewed scientific journals, publication in which
is required for defense of Candidate's and Doctor's
theses (Category K1), it is indexed in RSCI and WoS
RSCI.

Editor in Chief:

Lokosov V. V., RAS Corr. Member, (Moscow, Russia)

Editorial Board:

Aganbegian A. G., RAS Academician (Moscow, Russia);
Aksenova E. I., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia);
Aleksandrova O. A., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Dobrokhleb V. G., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Dokholyan S. V., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia);
Medvedeva E. I., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Nazarova I. B., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Riccery M., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Rome, Italy);
Rusanova N. E., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Rybakovsky O. L., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Ryumina E. V., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia);
Ryazantsev S. V., RAS Corr. Member (Moscow, Russia);
Sinelnikov A. B., Dr. Sc. (Sociol.), Prof. (Moscow, Russia);
Suchocka L., Cand. Sc. (Psychol.), Prof. (Lublin, Poland);
Teodorovich M. L., Dr. Sc. (Sociol.), Prof. (N. Novgorod, Russia);
Toksambaeva M. S., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Futsi X., Dr. Sc. (Philos.), Prof. (Beijing, China);
Shabunova A. A., Dr. Sc. (Econ.) (Vologda, Russia);
Yarasheva A. V., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia).

Executive secretary:

Simagin Yu. A., Cand. Sc. (Geogr.) (Moscow, Russia).

Editor of English translation:

Voytenkova G. F. Cand. Sc. (Hist.) (Moscow, Russia).

Proof-reader:

Kindyakova N. S. (Moscow, Russia).

© Editorial Board of the journal «Narodonaselenie» (Population), 2025.

© ISESP FCTAS RAS, 2025.

Postal address of the Editorial Board:

32, Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218. Tel.: +7 499 129–08–01

Website: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/population>; e-mail: isesp-population@yandex.ru.

Printed at the printing house "Offset Printing House"

Address: 2, kor. 18, Aviamotornaya str., Moscow, Russia, 111024

Website: www.fop.ru; e-mail: info@fop.ru.

Order № 24197. Circulation 500 copies. Price: free.

Date of publication 30.12.2025.

ДЕМОГРАФИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Локосов В.В. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ КРИЗИС СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОЦЕНКА И ВОЗМОЖНОСТИ ВЫХОДА	4
Ткаченко А.А. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ДЕМОГРАФИЧЕСКОМУ ВОСПРОИЗВОДСТВУ И ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА	15
Неклюдова Н.П. ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К УПРАВЛЕНИЮ	29
Зорин Д.П., Медведь В.А. ДИНАМИКА И КОМПОНЕНТЫ ИЗМЕНЕНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ.....	42
Смирнов А.В., Панарина И.А. ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРА РОССИИ И ПОТЕРИ ОТ ОТДЕЛЬНЫХ ПРИЧИН СМЕРТИ	54
Ярашева А.В., Кулешов С.М., Козырев Н.А. ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ НА РЕПРОДУКТИВНЫЕ УСТАНОВКИ РОССИЯН: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ СРЕЗ.....	68
Мокренский Д.Н. ТЕНДЕНЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ ЦФО ЗА МЕЖПЕРЕПИСНОЙ ПЕРИОД 2010-2020 ГОДОВ	80

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНОВ РОССИИ

Морковкин Д.Е., Ряховский Д.И., Симагин Ю.А., Назарова Н.А. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЕПОПУЛЯЦИИ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ ДЛЯ РАЗВИТИЯ АГРАРНОГО СЕКТОРА	93
Шаров С.Ю., Шнейдерман И.М. ДОСТУПНОСТЬ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА КАК СПОСОБА РЕШЕНИЯ ЖИЛИЩНОГО ВОПРОСА	105
Дохолян С.В., Вершинина М.А. ВЛИЯНИЕ «ПРОСТРАНСТВЕННОГО СЖАТИЯ» НА УРОВЕНЬ ЖИЗНИ: АНАЛИЗ РЕГИОНАЛЬНЫХ ДИСПРОПОРЦИЙ	117
Шабанов В.Л. КАЧЕСТВО ЖИЗНИ СЕЛЬСКОГО И ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: СРАВНЕНИЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНТЕГРАЛЬНОГО ИНДИКАТОРА	129
Баширова А.А., Гимбатов Ш.М. ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН	144

КАЧЕСТВО И УСЛОВИЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Пилипенко И.В. ТРИ МЕТОДИЧЕСКИХ ПОДХОДА К СРАВНЕНИЮ ДИНАМИКИ ЗАРАБОТНЫХ ПЛАТ В 15 РЕСПУБЛИКАХ СССР И ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВАХ В 1960-Х — 2020-Х ГОДАХ (ЧАСТЬ I)	155
Кашепов А.В. МАКРОЭКОНОМИКА И ДЕМОГРАФИЯ В ПРОГНОЗИРОВАНИИ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ...	171
Михалёв И.В., Цыпин А.П. СОЦИОЛОГО-СТАТИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ БАРЬЕРОВ ТРУДОУСТРОЙСТВА ИНВАЛИДОВ В РОССИИ.....	184
Сафонов А.Л., Коньчева Ю.Д. ЭФФЕКТИВНОСТЬ МЕР ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ-ИНВАЛИДАМИ В РОССИИ.....	197
Григорьева Н.С., Чубарова Т.В. ОХРАНА ЗДОРОВЬЯ РАБОТАЮЩИХ ПЕНСИОНЕРОВ В ФОКУСЕ ЗДРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ	212
Назарова И.Б. ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ: ПРИВЕРЖЕННОСТЬ И ОГРАНИЧЕНИЯ	227

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ИСЭПН ФНИСЦ РАН

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ» ЗА 2025 ГОД.....	236
---	-----

CONTENTS

Narodonaselenie [Population]. 2025. Vol. 28. No. 4 (October-December)

DEMOGRAPHY: THEORY AND PRACTICE ISSUES

Vyacheslav V. Lokosov DEMOGRAPHIC CRISIS OF MODERN RUSSIAN SOCIETY: CONCEPTUAL ASSESSMENT AND EXIT OPPORTUNITIES	4
Alexander A. Tkachenko CONCEPTUAL APPROACHES TO DEMOGRAPHIC REPRODUCTION AND DEMOGRAPHIC POLICY	15
Natalia P. Neklyudova DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT: CORE GOVERNANCE APPROACHES.....	29
Dmitry P. Zorin, Viktoriya A. Medved DYNAMICS AND COMPONENTS OF CHANGES IN THE POPULATION OF ETHNO-NATIONAL REGIONS OF RUSSIA.....	42
Andrey V. Smirnov, Irina A. Panarina LIFE EXPECTANCY IN RUSSIAN NORTH AND LOSSES FROM VARIOUS CAUSES OF DEATH.....	54
Aziza V. Yarasheva, Sergey M. Kuleshov, Nikolay A. Kozyrev FACTORS INFLUENCING THE REPRODUCTIVE ATTITUDES OF RUSSIANS: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS	68
Denis N. Mokrensky TRENDS IN THE RURAL POPULATION DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF THE CENTRAL FEDERAL DISTRICT REGIONS OVER THE 2010-2020 INTER-CENSUS PERIOD	80

SOCIO-ECONOMIC PROBLEMS OF RUSSIAN REGIONS

Dmitry E. Morkovkin, Dmitry I. Ryakhovskiy, Yury A. Simagin, Natalia A. Nazarova ECONOMIC CONSEQUENCES OF THE RURAL AREAS DEPOPULATION FOR AGRICULTURAL DEVELOPMENT	93
Sergey Yu. Sharov, Inna M. Shneiderman AFFORDABILITY OF INDIVIDUAL HOUSING CONSTRUCTION AS A WAY TO SOLVE THE HOUSING PROBLEM	105
Sergey V. Dokholyan, Maria A. Vershinina THE IMPACT OF «SPATIAL COMPRESSION» ON LIVING STANDARDS: ANALYSIS OF REGIONAL DISPARITIES.....	117
Viktor L. Shabanov QUALITY OF LIFE OF RURAL AND URBAN POPULATION IN RUSSIA: COMPARISON USING INTEGRAL INDICATOR.....	129
Aminat A. Bashirova, Shamil M. Gimbatov SOCIAL CAPITAL FORMATION IN THE REPUBLIC OF DAGESTAN.....	144

QUALITY AND LIVING CONDITIONS OF POPULATION

Igor V. Pilipenko THREE METHODOLOGICAL APPROACHES TO COMPARING THE DYNAMICS OF WAGES IN 15 REPUBLICS OF THE USSR AND POST-SOVIET STATES IN THE 1960S – 2020S (PART I)	155
Alexey V. Kashepov MACROECONOMICS AND DEMOGRAPHY IN FORECASTING EMPLOYMENT	171
Igor V. Mikhalev, Alexander P. Tsypin SOCIOLOGICAL AND STATISTICAL STUDY OF THE BARRIERS TO EMPLOYMENT OF PEOPLE WITH DISABILITIES IN RUSSIA.....	184
Alexander L. Safonov, Yulia D. Konycheva EFFECTIVENESS OF THE STATE SUPPORT MEASURES FOR FAMILIES WITH DISABLED CHILDREN IN RUSSIA	197
Natalia S. Grirorieva, Tatiana V. Chubarova PROTECTING HEALTH OF WORKING PENSIONERS IN THE FOCUS OF HEALTH POLICY	212
Inna B. Nazarova MEDICAL WORKERS' HEALTHY LIFESTYLE: COMMITMENT AND LIMITATIONS	227

SCIENTIFIC LIFE AT ISESP FCTAS RAS

CONTENTS OF THE JOURNAL "POPULATION" IN 2025	236
--	-----

ДЕМОГРАФИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-4-14
EDN: PCZVUE

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ КРИЗИС СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОЦЕНКА И ВОЗМОЖНОСТИ ВЫХОДА

Локосов В.В.

ИСЭПН ФНИСЦ РАН

(117218, Россия, Москва, Нахимовский пр-т, 32)

E-mail: vvlokos@yandex.ru

Для цитирования:

Локосов В.В. Демографический кризис современного российского общества: концептуальная оценка и возможности выхода // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 4. — С. 4-14.
DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-4-4-14; EDN: PCZVUE

Аннотация. В статье даётся концептуальная оценка демографической ситуации в современной России и анализируются три направления выхода из кризиса: биосоциальное, социально-экономическое и социокультурное. Негативные демографические тенденции приобрели стратегическое значение, тем не менее, по оценке автора, они не носят катастрофического или фатального характера и могут быть во-многом компенсированы проведением активной демографической политики. Основной целью демографической политики является поддержка популяционной (биосоциальной) жизнеспособности общества, которая выражается четырьмя видами (составами) демографической структуры: половой (гендерной), возрастной, по состоянию здоровья и этнической. Очевидно, если нет физически здоровых людей фертильного возраста, то любые проекты по выходу из демографического кризиса будут утопичны. Продолжая разработку и принятие мер поддержки социально-экономического характера, следует понимать, что они преимущественно ориентированы на качество жизни населения и увеличение ожидаемой продолжительности жизни, а не на рост рождаемости. Главным для роста рождаемости надо признать ментальную установку человека на необходимость, статусность продолжения своего рода, сохранение своего этноса. Здесь на первый план выходят мировоззренческие, конфессиональные, этнокультурные вопросы, а также вопросы воспитания и социализации подрастающего поколения. Сохранить и укрепить традиционные семейные ценности в современной России проще, чем в более индивидуализированных и феминизированных западных обществах. Реализация демографической политики предполагает консолидированное межведомственное и внутриведомственное взаимодействие с учетом региональных и муниципальных, этнокультурных особенностей, когда она осуществляется вместе с демографической экономикой, демографической культурой, реализуются корпоративный, вузовский, музейный и иные демографические стандарты.

Ключевые слова: демографический кризис, популяция, население, народ, биосоциальное, социально-экономическое и социокультурное направления, демографическая политика.

Наличие серьёзных проблем демографического развития современной России, сегодня мало кто оспаривает. Среди тех, кто оспаривает, преобладают две точки зрения. Согласно первой, приоритет отдаётся территории, а не коренным жителям, и тогда всё равно, кто будет жить на этой территории — главное, чтобы её природные ресурсы эффективно использовались, а экономические комплексы исправно работали. Отсюда многочисленные публикации о допустимости так называемого миграционного замещения [1–3]. Вторая точка зрения имеет технократическую окраску, когда коренных жителей замещают не мигранты, а роботы, что также положительно оценивается через экономическую выгоду¹.

К этим двум точкам зрения примыкают многочисленные рассуждения об организаторской самоорганизации общества и объективности демографических переходов (обычно насчитывают три таких перехода), которые не требуют управления. Более того, такое управление иногда признаётся не просто бесполезным, а вредным или даже нарушающим права человека. В результате, демографические проблемы приобретают некий закономерный, если не сказать, фатальный оттенок, а наблюдаемые демографические и технологические сдвиги рассматриваются как предпосылки к антропологическому переходу, допуская трансгуманное и эксгуманное разделение людей на некие конструируемые биосоциальные виды.

Возможно, если исходить из глобальной целесообразности, с учётом растущей экономической, антропогенной нагрузки на нашу планету, негативных экологических, климатических изменений, то многолетняя депопуляция населения современной России может оцениваться как позитивная тенденция. Но мы исходим из национальных интересов нашей страны и считаем демографический вызов России

на сегодняшний день главным, поскольку под угрозу поставлен фундамент российского общества — его экзистенциальная жизнеспособность. Если нам не нужен мир без России, то зачем нам Россия без русских и других её коренных народов.

Источником демографического вызова современной России является прошедшая за последние сто лет череда радикальных изменений, революций, войн и других лишений, которые сформировали три «демографические ямы». Убыль населения статистически фиксировалась в 1917–1920 гг. (2,8 млн человек), в 1940–1950 гг. (7,2 млн человек) [4, с. 56] и в 1992–2024 гг. (6,2 млн человек). Большинство российских демографов причины сегодняшней депопуляции видят в последствиях двух «демографических ям» времён ВОВ и шоковой терапии 1990-х гг. [5]. С нашей точки зрения, самой глубокой по своим последствиям была первая «демографическая яма», когда радикально менялись вековые традиции воспроизводства людей, их социокультурный код, опиравшийся на патриархальную семью, религиозный этос и крестьянско-общинное взаимодействие.

Благодаря российской демографической культуре 50 лет инерционно удавалось компенсировать людские потери от социальных экспериментов и бедствий, затем её потенциал был исчерпан: суммарный коэффициент рождаемости (СКР) за 1917–1967 гг. снизился в РСФСР в три раза — с 6,0 до 2,1. Очередная, теперь неолиберальная волна экспериментов привела к тому, что в течение 30 лет мирного времени шло сокращение численности её населения: естественная убыль началась в 1992 г., перерыв в депопуляции с учётом миграции длился десять лет (1994, 2009–2017), без учёта миграции — три года (2013–2015). Внешняя миграция примерно на 60% компенсировала естественную убыль населения, но изменить ход его вымирания не могла.

В опубликованной в 1906 г. работе Д.И. Менделеева «К познанию России» сделан прогноз о росте численности населения России к 2000 г. до 594 млн человек. Вычтем из них 25% населения, которое

¹ Футурологический конгресс — 2036. Демографические тренды // ВЦИОМ. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskie-obzory/futurologicheskiy-kongress-2036-demograficheskie-trendy> (дата обращения: 12.11.2025).

проживало в те годы в Привислинских губерниях, на Украине, в Прибалтике, Средней Азии, Закавказье, сделаем поправку на снижение уровня рождаемости — останется около 280 млн человек, то есть почти в два раза больше, чем сегодня проживают на территории РФ. Исходя из этого, допустимо предположить, что разница в 140 млн человек и есть те реальные и упущенные демографические потери, которые понесла страна в ходе столетних испытаний.

Официальный прогноз Росстата (в среднем варианте) предусматривает убыль населения России к 2045 г. в размере 12 млн человек², по состоянию на 2022 г. из 85 регионов страны, по которым была представлена статистика, только 12 регионов имели естественный прирост населения³. В соответствии с Национальными целями развития⁴ успешное выполнение всех мероприятий предполагает лишь замедление депопуляции, т.к. ожидаемый суммарный коэффициент рождаемости к 2030 г. составит не менее 1,6, а к 2036 г. — не менее 1,8. Хотя, во многих регионах РФ (как минимум, в 9 регионах Центрального и Северо-Западного ФО) уже сегодня величина СКР для нулевого естественного прироста населения должна быть не 2,1, а 3,0.

Итак, негативные демографические тенденции в современной России приобрели стратегическое значение, тем не менее, они не носят катастрофического или фатального характера и могут быть во многом компенсированы проведением активной демографической политики по трём взаимосвязанным направлениям: биосоциальному, социально-экономическому и социокультурному.

Биосоциальное направление выхода из демографического кризиса

Первое направление выхода из демографического кризиса — биосоциальное, которое отражает состояние демографического потенциала, как некой генуинной характеристики населения, приближая его содержание к термину популяция. Понятие «демографический потенциал» ввёл английский демограф Р.Э. Фишер в 1920-е гг., он его относил лишь к потенциалу рождаемости. Сегодня это понятие отражает совокупность возможностей для воспроизводства населения за счёт рождения, смертности, а также миграционных процессов [6].

Демографическая (популяционная) структура населения состоит из четырёх основных видов (составов): половой (гендерной), возрастной, по состоянию здоровья и этнической (рис. 1).

Рис. 1. Основные виды демографической структуры

Fig. 1. Main types of demographic structure
Источник: составлено автором.

² Родившиеся, умершие и естественный прирост населения // Росстат, 2024. — URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Progn_5.xls (дата обращения: 12.11.2015).

³ Естественный прирост // Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС), 2024. — URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/61750> (дата обращения: 12.11.2015).

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».

Три вида демографической структуры (половая, возрастная и по состоянию здоровья) активно исследуются в нашей стране, по ним есть обширные статистические базы данных. Обозначим некоторые основные тенденции их изменения, которые проанализированы во многих работах [7–9 и другие]. По поло-возрастной структуре идёт

снижение численности молодёжи, женщин в возрасте 20–34 лет (на которые приходится 80% рождений); повышается возраст матерей при рождении детей (за 30 лет (1992–2022) средний возраст женщины, родившей первенца, увеличился с 21 года до 27 лет). Сохраняется дисбаланс численности мужчин и женщин за счёт рекордной разницы их ожидаемой продолжительности жизни. Идёт старение населения.

Указанные и другие тенденции не вызывают оптимизма, но их не следует и драматизировать. Например, исследования показывают, что увеличение числа пожилых людей с сохранённым ресурсным потенциалом не ведёт автоматически к возрастанию иждивенческой нагрузки ни на семью, ни на социум в целом [10]. По «демографическим сбоям», предложенным немецким демографом Г.Хайнзоном (при спорности его подхода), ситуация в нашей стране скорее положительная. Первый «демографический сбой» происходит, когда на каждые 100 мужчин в возрасте 40–44 лет приходится меньше 80 мальчиков в возрасте от 0 до 4 лет. Например, в Германии это соотношение равно 100/50, что якобы означает её проигрыш странам, подобным мусульманским, где на 100 мужчин в возрасте 40–44 лет приходится 350 младенцев до 4 лет. В России эта пропорция составляет 100/90, что говорит о сохранении необходимого для самозащиты демографического баланса. Второй «демографический сбой» происходит в тех обществах, где юноши от 15 до 29 лет составляют более 30% от общего населения, что увеличивает популярность радикальных идей и склонность к насилию. В России их 8%, и по этому демографическому показателю, население настроено к компромиссному решению вопросов.

В современной России многое делается для повышения уровня здоровья населения, но вектор изменений носит негативный характер. И дело не только в том, что население становится более старым и соответственно более больным. Здоровье каждого нового поколения в нашей стране хуже здоровья поколения предыдущего [11; 12]: доля абсолютно здоровых детей (I-я группа

здоровья детей, не имеющих отклонений по всем избранным для оценки критериям) сократилась за 30 лет с 49 до 27%. Остро стоит проблема увеличения доли бесплодных семейных пар.

При преобладании негативных тенденций, есть и положительные. Например, за последние 30 лет младенческая смертность снизилась в четыре раза (до 4,1‰ в 2023 г.). По многим показателям, касающихся социального здоровья (кроме потребления наркотиков и психоактивных веществ) ситуация меняется в лучшую сторону. Например, снижаются показатели смертности от девиантных причин, уровня потребления алкоголя. Здоровый образ жизни входит в моду и стиль жизни россиян [13]. Однако по показателю ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) население России находится на 95 месте из 169 стран в Bloomberg Global Health Index (2019).

Этническую структуру демографического потенциала оценить сложнее. Отдавая себе отчёт, что этнос — сложный социальный феномен, который одновременно характеризуется биосоциальными и социокультурными характеристиками, отметим, что в массовом сознании, по данным социологических исследований, при понимании слова «национальность» (читай — этнос) на первое место респонденты ставили происхождение по родителям, предкам; на второе (с большим отрывом) — язык, культуру (что на самом деле тесно взаимосвязано).

При всей значимости этнической структуры населения, статистических данных по ней сегодня крайне мало. Отмена графы «национальность» в паспорте, свидетельстве о рождении ребёнка, прекращение сбора и публикации с 2007 г. этнической статистики, причисление к необязательным ответа на вопрос о своей национальности при всероссийских переписях населения не даёт отчётливого понимания изменения этнической структуры населения, миграционных процессов. Если при Всероссийской переписи 2010 г. 4% россиян не ответили о своей национальной принадлежности, то по переписи 2020 г. таковых было 11%. Например, гипотезу об особенностях протекания

COVID-19 среди этнических групп провести не удалось. В настоящее время о числе рождённых детей женщинами в разрезе национальности на региональном уровне можно судить лишь с долей условности, связывая рождаемость с той или иной титульной нацией региона, также, как о национальности мигранта можно судить лишь по стране, из которой он приехал. В этой связи целесообразно вернуть этническую статистику в научный и общественный оборот.

Социально-экономическое направление выхода из демографического кризиса

Второе направление выхода из демографического кризиса — социально-экономическое, к которому ближе термин не популяция, а население. Именно по этому направлению с 2006 г. проводится интенсивная демографическая политика, которая принесла свои результаты, главный из которых — восьмилетний перерыв депопуляции в 2010–2017 годах. Ежегодно принимаются решения о расширении социально-экономических мер поддержки семей с детьми, размеров и функционала материнского капитала [14; 15]. По расчётам ЦЭМИ РАН, требуется дополнительно 4,4 трлн рублей в год (2,2% ВВП) на подобные меры (прямые выплаты семьям, льготную ипотеку и другое) для успешного демографического развития. Сегодня социально-экономическое направление является приоритетным, его надо и далее всячески поощрять. Достаточно сказать, что по большинству опросов населения главными факторами преодоления демографического кризиса респонденты называют решение жилищных проблем и повышение уровня доходов, чтобы рождение ребёнка не вело семью за черту бедности [16; 17]. По оценке Минтруда, около 80% семей, находящихся за чертой бедности, это семьи с детьми⁵. Но рост благосостояния населения в первую очередь влияет на качество

и продолжительность его жизни, а не на рождаемость. В демографической сфере есть некий парадокс: вначале СКР растёт вместе с уровнем доходов до какого-то значения, затем эта взаимосвязь затухает.

Социокультурное направление выхода из демографического кризиса

И третье направление выхода из демографического кризиса — социокультурное, где уместнее использовать термин не население, а народ. Исторический опыт, а также ряд исследований, показывают, что установка на рождение детей в большей мере зависит от субъективных ценностных ориентаций людей, чем от их восприятия уровня и качества жизни [18; 19]. Доказательством служат примеры конфессиональных общин, где уровень рождаемости выше средних показателей. По данным исследования «Жизненные стратегии семей» в 2024 г. (ЖСС-2024) среди мотивов к рождению ребёнка более высокое значение — у психологических мотивов по сравнению с социальными и экономическими⁶.

Возможности сохранения и укрепления в современной России традиционных семейных ценностей определяются именно социокультурным потенциалом. Разрушение традиционной семьи в нашей стране зашло недалеко по сравнению с западными странами: в России 70% населения заключают браки, 10% живут в гражданских союзах⁷, а в странах Западной Европы, Северной Америки величина этих показателей составляет 45% и 20%, соответственно. Сторонниками «child free», по данным ВЦИОМ, себя называют 3% россиян, в западных странах — 15%⁸. Оставляем за скобками вопросы ЛГБТ (деятельность органи-

⁵ Антонов А.И. [и др.]. Жизненные стратегии семей с разным числом детей: от двух Я к семейному МЫ (ЖСС-2024). Аналитический отчёт по результатам социологического исследования. — Москва : ИСЭПН ФНИСЦ РАН, 2024.

⁷ Разводы в России: мониторинг // ВЦИОМ. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/razvody-v-rossii-monitoring> (дата обращения: 12.11.2025).

⁸ Чайлдфри — и нужно ли с ними бороться? // ВЦИОМ. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/chaildfri-i-nuzhno-li-s-nimi-borotsja> (дата обращения: 12.11.2025).

⁵ В Минтруде сообщили, что 80% бедных — семьи с детьми // РИА Новости, 18.10.2021. — URL: <https://ria.ru/20211018/bednost-1755039882.html> (дата обращения: 17.11.2025).

зации запрещена в РФ) с их многочисленными гендерами. Данные социологических исследований, например Института социологии ФНИСЦ РАН, показывают, что среди жизненных приоритетов россиян создание семьи, рождение детей находится на первых местах [20]. Для половины россиян идеальная семья — многодетная⁹. Сохранить и укрепить традиционные этнокультурные, семейные ценности в современной России проще, чем в более индивидуализированных и феминизированных западных обществах. За последние 10 лет произошло двухкратное (в Москве, Ханты-Мансийском автономном округе — Югра — трёхкратное) увеличение численности многодетных семей, которое к 2025 г. превысило 2,65 млн. Если принять, что для преодоления депопуляции надо, чтобы 55% семей с детьми были бы многодетными, то количество таких семей должно увеличиться до 12 миллионов, что реально достичь за 10 лет.

Здесь можно воспользоваться опытом государства Израиль, население которого — единственное из экономически развитых стран, имеет расширенное естественное воспроизводство и где семейно-детный образ жизни трактуется в контексте национальной безопасности. Израиль поддерживает иудеев-ортодоксов, которые не служат в армии, почти не платят налоги, у них главная задача — рожать, воспитывать детей и в их семьях по 8 и более детей. В российских условиях сходную роль могли бы играть многодетные семьи и 20–30% российских женщин, которые, по социологическим данным, ориентированы преимущественно на семью, а не на карьеру.

Важное значение для обоснования социокультурного направления выхода из демографического кризиса имеют разработка концепции государства-цивилизации, принятие ФЗ от 20.10.2022 г. № 402 «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» и Указа Президента РФ от 09.11.2022 г. «Об утверждении основ государственной политики по сохранению

и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

На заседании Совета по реализации государственной демографической и семейной политики 23 октября 2025 г. Президент России В.В. Путин подчеркнул, что «поддержка семьи, создание условий для того, чтобы в России рождалось как можно больше детей, важнейшее, по сути, так называемое сквозное направление всех наших национальных проектов, стратегических планов развития»¹⁰. Это значит, что нахождение ответов на демографический вызов надо видеть через разработку концепции человеческого потенциала [21] в комплексе трёх направлений: биосоциального, социально-экономического и социокультурного (популяции-населения-народа). Он может быть реализован через консолидированное межведомственное и внутриведомственное взаимодействие с учетом региональных и муниципальных, этнокультурных особенностей, когда демографическая политика осуществляется вместе с демографической экономикой, демографической культурой, реализуются корпоративный, вузовский, музейный и иные демографические стандарты.

Рассматривая «демографический проект» как стратегический, считаем, что при проведении демографической политики надо ориентироваться, в том числе, на следующие приоритеты.

1. Сохранение и укрепление популяционной жизнеспособности российского общества есть краеугольная основа его выживания. Поэтому биосоциальное направление выхода из демографического кризиса, рост ожидаемой продолжительности здоровой жизни, поддержка оптимального баланса демографической структуры — это базовая составляющая демографической ситуации. Очевидно, если нет физически здоровых людей фертильного возраста,

⁹ Семья как ценность // ВЦИОМ. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-kak-cennost> (дата обращения: 12.11.2025).

¹⁰ Заседание Совета по реализации государственной демографической и семейной политики 23 октября 2025 г. (Москва, Кремль). — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/78273> (дата обращения: 17.11.2025).

то любые проекты по выходу из демографического кризиса будут утопичны.

2. Продолжая разработку и принятие мер социально-экономического характера, следует понимать, что они преимущественно ориентированы на качество жизни населения и увеличение ожидаемой продолжительности жизни, а не на рост рождаемости.

3. Главным для роста рождаемости надо признать ментальную установку человека на необходимость, статусность продолжения своего рода, сохранения своего этноса. Здесь на первый план выходят мировоззренческие, конфессиональные, этнокультурные вопросы, а также вопросы воспитания, образования и социализации подрастающего поколения.

4. Приоритет социально-экономической и социокультурной государственной поддержки при проведении демографической политики надо отдать многодетным семьям.

5. Согласно многим исследованиям (в том числе ЖСС-2024), основную роль при решении о рождении одного-двух детей в современном российском обществе играет мать. При рождении трёх и более детей основная

роль в принятии решения переходит к отцу. Поэтому, возвращение к многодетной семье предполагает сделать «проотцовскую» семейную политику не менее важной, чем политику «проматеринскую».

6. Надо дополнить в общественном сознании горизонтальное восприятие многодетной семьи (как живущих в настоящее время семи членов семьи), её вертикальным пониманием, как преемственности своего генеалогического рода и этноса, когда семья трактуется как семь поколений: три поколения предков, затем современное поколение и далее — три поколения потомков.

У современного российского общества есть хорошие возможности продвижения по всем трём направлениям выхода из демографического кризиса. Главная причина депопуляции российского общества «неестественна», она тесно связана с негативными последствиями неолиберального этапа его трансформации. Депопуляция — один из способов адаптации населения к новым условиям жизни. Исправление этих условий может улучшить многие показатели демографического развития.

Литература и Интернет-источники

1. **Махова, О.А.** Замещение коренного населения как способ преобразования современного мира / О.А. Махова, М.В. Карманов // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук; отв. ред. В.И. Герасимов. — 2018. — С. 771–774. EDN: XSTJRJ
2. **Сетин, А.Н.** Феномен замещающей миграции как детерминанта российской идентичности / А.Н. Сетин // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. — 2022. — № 1(59). — С. 129–135. DOI: 10.26456/vtphilos/2022.1.129; EDN: VQEAJQ
3. **Рубина, А.Е.** Замещающая миграция и демографическое развитие России / А.Е. Рубина, Т.С. Хроленко, С.С. Ходячих // Миграционное право. — 2022. — № 1. — С. 17–23. DOI: 10.18572/2071-1182-2022-1-17-23; EDN: UGGAQC
4. **Локосов, В.В.** Пятилетка № 13. Взлёты и падения / В.В. Локосов, И.Б. Орлова. — Москва : Academia, 1996. — 126 с.
5. **Рыбаковский, Л.Л.** Людские потери СССР и России в Великой Отечественной войне / Л.Л. Рыбаковский. — Москва : Экон-Информ, 2010. — 140 с. EDN: QPPADP
6. **Рыбаковский, О.Л.** Демографический потенциал: из истории понятия / О.Л. Рыбаковский, О.Л. Таюнова // Народонаселение — 2019. — № 2. — С. 17–25. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00012; EDN: ZHTKVM
7. **Народонаселение современной России: воспроизводство и развитие** / ред. В.В. Локосов. — Москва : Экон-Информ, 2015. — 411 с. EDN: YHBMHN

8. **Секицки-Павленко, О.О.** Оценка трансформации половозрастной структуры населения Российской Федерации / О.О. Секицки-Павленко, О.А. Козлова // Парадигмы и модели демографического развития. Сборник статей XII Уральского демографического форума. Международная научно-практическая конференция (3–4 июня 2021 г.). Т. 1. — Екатеринбург : Институт экономики Уральского отделения РАН, 2021. — С. 281–286. DOI: 10.17059 / udf-2021-2-15; EDN: QZNPON
9. **Рыбаковский, О.Л.** Закономерности и особенности межрегиональных миграционных связей населения России за 50 лет / О.Л. Рыбаковский. — Москва : ФНИСЦ РАН, 2022. — 471 с. EDN: CCHKVJ
10. Старшее поколение и будущее / ред. Н.М. Римащевская. — Москва : Экономическое образование, 2014. — 211 с. EDN: TVDZQP
11. **Римащевская, Н.М.** Человек и реформы: секреты выживания / Н.М. Римащевская. — Москва : ИСЭПН РАН, 2003. — С. 74–79.
12. **Берова, Ф.Ж.** Сравнительный анализ заболеваемости и смертности населения на различных уровнях / Ф.Ж. Берова // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. — 2019. — № 4(90). — С. 31–39. DOI: 10.35330 / 1991-6639-2019-4-90-31-39; EDN: JVGXDI
13. **Ярашева, А.В.** Современные здоровьесберегающие практики россиян / А.В. Ярашева, С.В. Макар, Н.В. Алипперова // Народонаселение. — 2023. — Т. 26. — № 2. — С. 127–138. DOI: 10.19181 / population.2023.26.2.11; EDN: XOZVXW
14. **Агапцева, Ж.В.** Актуальные вопросы социальной политики по применению материнского капитала в Российской Федерации / Ж.В. Агапцева // Вестник Московской международной академии. — 2024. — № 2. — С. 40–47. EDN: DKWIQE
15. **Марков, С.Н.** Материнский капитал: сущность, механизм, проблемы и перспективы развития / С.Н. Марков, А.В. Алексеева // Скиф. Вопросы студенческой науки. — 2019. — № 8(36). — С. 77–87. EDN: HKQKSD
16. **Шевяков, А.Ю.** Неравенство, экономический рост и демография: неисследованные взаимосвязи / А.Ю. Шевяков, А.Я. Кирута; ИСЭПН РАН. — Москва : М-Студио, 2009. — 188 с. EDN: QUPDXR
17. Основы экономического поведения и благосостояния населения: мотивы, факторы, ожидания / ред. А.В. Ярашева. — Москва : ФНИСЦ РАН 2024. — 351 с. DOI: 10.19181 / monogr.978-5-89697-433-8.2024; EDN: SJXQTV
18. **Архангельский, В.Н.** Влияние субъективной оценки уровня жизни на репродуктивное поведение / В.Н. Архангельский // Уровень жизни населения регионов России. — 2011. — № 8. — С. 36–41. EDN: OFYAOR
19. **Синельников, А.Б.** Влияние репродуктивного опыта родительских семей на вероятность выбора многодетной стратегии родительства / А.Б. Синельников, В.М. Карпова, С.В. Ляликова, А.И. Антонов // Женщина в российском обществе. — 2023. — № 4. — С. 71–85. DOI: 10.21064 / WinRS.2023.4.6; EDN: KAUWCT
20. Российское общество и вызовы времени. Кн. 4 / ред. М.К. Горшков и В.В. Петухов. — Москва : Весь Мир, 2016. — 400 с. EDN: XVUERT
21. Комплексная характеристика человеческого потенциала регионов России / ред. В.В. Локосов, В.В. Рюмина. — Москва : ФНИСЦ РАН, 2024. — 422 с. DOI: 10.19181 / monogr.978-5-89697-435-2.2024; EDN: BQHGTT

Сведения об авторе:

Локосов Вячеслав Вениаминович, член-корр. РАН, директор, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.
Контактная информация: e-mail: vvlokos@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-3656-2112; РИНЦ SPIN-код: 6704-0300.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-4-14

DEMOGRAPHIC CRISIS OF MODERN RUSSIAN SOCIETY: CONCEPTUAL ASSESSMENT AND EXIT OPPORTUNITIES

Vyacheslav V. Lokosov

ISESP FCTAS RAS

(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)

E-mail: vvlokos@yandex.ru

For citation:

Lokosov V.V. Demographic crisis of modern Russian society: conceptual assessment and exit opportunities. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 4. P. 4-14. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-4-14 (in Russ.)

Abstract. *The article presents a conceptual assessment of the demographic situation in modern Russia and analysis of three ways out of the crisis: biosocial, socio-economic and sociocultural. Negative demographic trends have acquired strategic importance, but, according to the author, they are not catastrophic or fatal and can be largely compensated for by implementing an active demographic policy. The main goal of demographic policy is to support the population (biosocial) viability of society that is expressed in four types (components) of demographic structure: sex (gender), age, health and ethnic. It is obvious that if there are no physically healthy people of fertile age, then any projects to overcome the demographic crisis will be utopian. By continuing to develop and implement socio-economic support measures, it is important to understand that these measures are primarily focused on improving quality of life and increasing life expectancy, rather than raising birth rate. The main factor for raising the birth rate is a person's mental attitude towards the necessity and status of continuing the lineage, preserving the ethnic group. Here, the worldview, the ideological, confessional, ethno-cultural issues, as well as the issues of upbringing and socialization of the younger generation come to the fore. It is easier to preserve and strengthen traditional family values in modern Russia than in more individualized and feminized Western societies. The implementation of demographic policy presupposes a consolidated interdepartmental and intradepartmental interaction with the account of regional, municipal, ethno-cultural characteristics, when it is implemented together with demographic economy, demographic culture, when corporate, university, museum and other demographic standards are realized.*

Keywords: *demographic crisis, population, population, people, biosocial, socio-economic and sociocultural directions, demographic policy.*

References and Internet sources

1. Makhova O.A., Karmanov M.V. Zameshcheniye korenogo naseleniya kak sposob preobrazovaniya sovremennogo mira [Replacement of the indigenous population as a way to transform the modern world]. *Rossiia: tendentsii i perspektivy razvitiya [Russia: Trends and Development Prospects]*. Yearbook. Ed. V.I. Gerasimov. Institut nauchnoy informatsii po obshchestvennym naukam Rossiyskoy akademii nauk (INION RAN) [Institute of Scientific Information for Social Sciences RAS]. 2018. P. 771-774. (in Russ.)
2. Setin A.N. Fenomen zameshchayushchey migratsii kak determinanta rossiyskoy identichnosti [The phenomenon of replacement migration as a determinant of Russian identity]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya [Herald of Tver State University. Series: Philosophy]*. 2022. No. 1(59). P. 129-135. DOI: 10.26456/vtphilos/2022.1.129 (in Russ.)

3. Rubina A.E., Khrolenko T.S., Khodyachikh S.S. Zameshchayushchaya migratsiya i demograficheskoye razvitiye Rossii [Replacement migration and the demographic development of Russia]. *Migratsionnoye pravo [Migration Law]*. 2022. No. 1. P. 17-23. DOI: 10.18572/2071-1182-2022-1-17-23 (in Russ.)
4. Lokosov V.V., Orlova I.B. Pyatiletka № 13. Vzlety i padeniya [Five-Year Plan No. 13. Highs and Lows]. Moscow. Academia. 1996. 126 p. (in Russ.)
5. Rybakovsky L.L. Lyudskiye poteri SSSR i Rossii v Velikoy Otechestvennoy voyne [Human Losses of the USSR and Russia in the Great Patriotic War]. ISPI RAN [Institute of Socio-Political Research RAS]. Moscow. Ekon-Inform [Econ-Inform]. 2010. 140 p. (in Russ.)
6. Rybakovsky O.L., Tayunova O.L. Demograficheskiy potentsial: iz istorii ponyatiya [Demographic potential: from the history of the concept]. *Narodonaselenie [Population]*. 2019. No. 2. P. 17-25. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00012 (in Russ.)
7. Narodonaseleniye sovremennoy Rossii: vosproizvodstvo i razvitiye [Population of Modern Russia: Reproduction and Development]. Ed. V.V. Lokosov. Moscow. Ekon-Inform [Econ-Inform]. 2015. 411 p. (in Russ.)
8. Sekitsky-Pavlenko O.O., Kozlova O.A. Otsenka transformatsii polovozrastnoy struktury naseleniya Rossiyskoy Federatsii [Assessment of the changes in the age and sex structure of the Russian Federation]. *Paradigmy i modeli demograficheskogo razvitiya. sbornik statey 12 Ural'skogo demograficheskogo foruma [Paradigms and Models of Demographic Development. Proceedings of XII Ural Demographic Forum]*. International scientific and practical conference (3-4 June 2021). Vol. I. Ekaterinburg. 2021. P. 281-286. DOI: 10.17059/udf-2021-2-15 (in Russ.)
9. Rybakovsky O.L. Zakonomernosti i osobennosti mezhregional'nykh migratsionnykh svyazey naseleniya Rossii za 50 let [Patterns and Features of the Inter-Regional Migration Relationships of the Russian Population over 50 Years]. Moscow. FNISTS RAN [FCTAS RAS]. 2022. 471p. (in Russ.)
10. Starsheye pokoleniye i budushcheye [The Older Generation and the Future]. Ed. N.M. Rimashevskaya. Moscow. Ekonomicheskoye obrazovaniye [Economic Education]. 2014. 211 p. (in Russ.)
11. Rimashevskaya N.M. Chelovek i reformy: sekrety vyzhivaniya [Person and Reforms: Secrets of Survival]. Moscow. ISEPN RAN [ISESP RAS]. 2003. 392 p. (in Russ.)
12. Berova F. Zh. Sravnitel'nyy analiz zabolevayemosti i smernosti naseleniya na razlichnykh urovnyakh [Comparative analysis of morbidity and mortality at various levels]. *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN [News of the Kabardino-Balkarian Scientific Center RAS]*. 2019. No. 4 (90). P. 31-39. DOI: 10.35330/1991-6639-2019-4-90-31-39 (in Russ.)
13. Yarasheva A.V., Makar S.V., Alikperova N.V. Sovremennyye zdorov'yesberegayushchiye praktiki rossiyan [Modern health-saving practices of Russians]. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 2. P. 127-138. DOI: 10.19181/population.2023.26.2.11 (in Russ.)
14. Agaptseva Zh. V. Aktual'nyye voprosy sotsial'noy politiki po primeneniyu materinskogo kapitala v Rossiyskoy Federatsii [Contemporary issues of social welfare policy related to childbirth allowance in Russia]. *Vestnik Moskovskoy mezhdunarodnoy akademii [Bulletin of Moscow International Academy]*. 2024. No. 2. P. 40-47. (in Russ.)
15. Markov S.N., Alekseeva A.V. Materinskiy kapital: sushchnost', mekhanizm, problemy i perspektivy razvitiya [Maternity capital: the nature, mechanism, problems and prospects of development]. *Skif. Voprosy studencheskoy nauki [Sciif. Issues of Students' Science]*. 2019. No. 8 (36). P. 77-87. (in Russ.)
16. Shevyakov A. Yu., Kiruta A. Ya. Neravenstvo, ekonomicheskii rost i demografiya: neissledovannyye vzaimosvyazi [Inequality, Economic Growth and Demography: Unexplored Relationships]. *Uchrezhdeniye Rossiyskoy akad. nauk In-t sots.-ekonom. Problem narodonaseleniya RAN [ISESP RAS]*. Moscow. M-Studio [M.-Studio]. 2009. 188 p. (in Russ.)
17. Osnovy ekonomicheskogo povedeniya i blagosostoyaniya naseleniya: motivy, faktory, ozhidaniya [Basics of the Economic Behavior and Well-Being of Population: Motives, Factors, Expectations]. Ed. A.V. Yarasheva. Moscow. FNISTS RAN [FCTAS RAS]. 2024. 351 p. (in Russ.)
18. Arkhangelsky V.N. Vliyanie sub'yektivnoy otsenki urovnya zhizni na reproduktivnoye povedeniye [Impact of the subjective assessment of living standards on reproductive behavior]. *Uroven' zhizni*

- naseleniya regionov Rossii [*Living Standards of the Population in the Regions of Russia*]. 2011. No. 8. P. 36-41. (in Russ.)
19. Sinelnikov A.B., Karpova V.M., Lyalikova S.V. Antonov A.I. Vliyaniye reproduktivnogo opyta roditel'skikh semey na veroyatnost' vybora mnogodetnoy strategii roditel'stva [The influence of reproductive experience of parental families on the probability of choosing a parenting strategy for large families]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve* [*Woman in Russian Society*]. 2023. No. 4. P. 71-85. DOI: 10.21064/WinRS.2023.4.6 (in Russ.)
 20. Rossiyskoye obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga chetvertaya [*Russian Society and Challenges of the Time*. Book 4]. Eds. M.K. Gorshkov and V.V. Petukhov. Moscow. Izd-vo «Ves' Mir» [The Whole World Publishers]. 2016. 400 p. (in Russ.)
 21. Kompleksnaya kharakteristika chelovecheskogo potentsiala regionov Rossii [*Comprehensive Characteristics of the Human Potential of Russian Regions*]. Eds. V.V. Lokosov and E.V. Ryumina. Moscow. FNISTS RAN [FCTAS RAS]. 2024. 422 p. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-435-2.2024 (in Russ.)

Information about the author:

Lokosov Vyacheslav Veniaminovich, RAS Corr. Member, Director, ISESP FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: vvlokos@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-3656-2112; Elibrary SPIN-code: 6704-0300.

Статья поступила в редакцию 11.03.2025, утверждена 10.11.2025, опубликована 30.12.2025.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-15-28
EDN: KNXXSG

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ДЕМОГРАФИЧЕСКОМУ ВОСПРОИЗВОДСТВУ И ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Ткаченко А. А.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(125167, Россия, Москва, Ленинградский проспект, 49/2)

E-mail: alaltkachenko@gmail.com

Для цитирования:

Ткаченко А. А. Концептуальные подходы к демографическому воспроизводству и демографическая политика // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 4. — С. 15-28. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-15-28; EDN: KNXXSG

Аннотация. Тема исследования — концепции демографической политики и новые национальные проекты в свете их преемственности. Объект исследования — основные положения концептуальных документов по демографической и семейной политике. Цель исследования — выявить меру преемственности в целях и задачах демографического развития России в связи с принятием новых национальных проектов. Методы исследования — сопоставительный анализ документов федеральных институций и анализ возможных для апробации аналогичных решений других стран. Результаты исследования: показано отсутствие чёткого разграничения демографической и семейной политики в разрабатываемых новых национальных проектах, их перенасыщенность сведениями и задачами, не имеющими прямого отношения к этим видам социальной политики. На примере фельдшерско-акушерских пунктов, сокращающихся с 2014 г. даже в годы пандемии, сделан вывод, что без изменения подобных тенденций достижение основной цели — повышение благополучия граждан — невозможно; в полноценном развитии детей и их благополучии важнейшую роль играет система здравоохранения, которая нуждается в существенном улучшении. Обоснован вывод о неправомерности критики материнского капитала из-за возможного роста иждивенчества — это явление неизбежно при любом виде социальных выплат, но оно мизерно по сравнению с общей пользой пособий. Реальный недостаток института материнского/семейного капитала заключается в отсутствии дифференцированной шкалы выплат в зависимости от доходов семьи. Приоритетом демографической политики на данном этапе достижения национальных целей развития должно стать сокращение смертности населения, в первую очередь сверхсмертности мужского населения трудоспособного возраста.

Ключевые слова: национальные проекты, демографические концепции, учреждения здравоохранения, демография села, снижение смертности, человеческий капитал.

Постановка проблемы

В 2025 г. заканчивается действие Концепции демографической политики Российской Федерации¹. Реализация любой концепции даже при существовании стратегии с той же основной целью, но рассчитанной на более долгосрочную перспективу, наталкивается на препятствия объективного свойства, которые требуют внесения изменений в программы и планы в рамках осуществления самой концепции. Это случилось и с Концепцией-2025, так как через 5 лет после её принятия вышел указ о «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации»². И хотя указ поручал органам государственной власти разработать региональные проекты по направлению «Демография», реальное выполнение уже допускало смещение понятий. Так, субъекты Федерации принимали законы по социальной поддержке граждан, имеющих несовершеннолетних детей, что было связано с содержанием пункта 2 указа, вменяющего регионам установить бедным семьям ежемесячную денежную выплату в размере прожиточного минимума ребенка при рождении третьего или последующих детей до достижения ребёнком возраста 3 года. Этот пункт указа связан не с демографической политикой, а с политикой социальной помощи/поддержки наименее обеспеченным семьям. Такие разночтения могут возникать и при появлении новых национальных проектов.

Предварительные итоги разработки новых национальных проектов были рассмотрены на заседании нового Госсовета³ в декабре 2024 г., и правительство сообщило о готовности 12 проектов. Среди ключевых сфер, названных в основных документах 2024 г., с одной стороны, на первом месте стоят взаимосвязанные демография и повышение благополучия граждан, а далее — решение экологических проблем

и улучшение качества жизни людей, и только за ними идёт бизнес. С другой стороны, национальный проект «Демография» завершил своё существование, хотя само направление «Человеческий капитал» считается существующим и наполненным четырьмя другими национальными проектами, которые будут действовать номинально 6 лет, начиная с года их принятия. Но если ранее все проекты были напрямую направлены на количественный рост человеческого капитала и повышение его качества, то теперь многие из них имеют к этому направлению очень косвенное отношение. Более точно можно будет судить только после опубликования паспортов проектов, но, например, расшифровка правительством проекта «Кадры» — обеспечение экономики востребованными сотрудниками свидетельствует о переходе к более узкой задаче. Необходимо проанализировать, как новые проекты связаны с демографической политикой и её концепциями и насколько они отвечают целям этой политики.

Концепции демографической политики и национальные цели развития 2030/2036 в области демографических процессов и развития народонаселения

За время действия Концепции-2025 большинство регионов предпринимали ряд мер помощи семьям и даже по стимулированию рождения ребёнка, устанавливая выплаты региональных семейных/материнских капиталов и более высокие пособия на ребёнка. Низкая эффективность воздействия таких мер отмечалась как региональными, так и высшими федеральными служащими⁴. Возникает закономерный вопрос: если в регионах не работают все предпринимаемые меры, то почему они будут работать на федеральном уровне? Представляется, что вывод В. И. Матвиенко о необходимости переосмыслить все меры и программы, которые направлены на решение проблем демографии в регионе, следует распростра-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 09.10.2007 № 1351 (далее — Концепция-2025).

² Указ Президента РФ от 07.05.2012 N 606.

³ Совет по реализации государственной демографической и семейной политики.

⁴ Матвиенко предложила Мордовии давать квартиру по соцнайму при рождении первенца // Демоскоп weekly. — URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2025/01063/rossia01.php#9> (дата обращения: 1.04.2025).

нить и на переосмысление первоочередности демографических проблем в стране в целом.

Отметим, что Концепция-2025 принята всего через 6 лет после первой федеральной концепции 2007 года⁵ и за 8 лет до её окончания. Чем руководствовались при принятии новой концепции и, главное, подводили ли итоги воздействия первой? Наиболее полное сравнение двух концепций дал 10 лет назад Л.Л. Рыбаковский [1]. Отметим два важных момента: рассматривая пересекающиеся с Концепцией-2025 концепции о миграционной и семейной политике, автор говорит о таком явном их недостатке как перегруженность; кроме того, им точно подмечено взаимодействие семейной и демографической политики [1, с. 68]. Также важна идея о стандартизации принятых документов, «которые определяют на многие годы решение жизненно важных для страны проблем» [1, с. 69]. Важность стандартизации документов, принимаемых в области социальной политики, относящейся к демографии, семье и миграции, отрицать никто не может, но эта идея так и остаётся невоплощенной даже сейчас при принятии новых, теперь уже среднесрочных (а не кратко) целей развития. К сожалению, проанализированные, в том числе ниже, документы высших институций страны, принятые в 2024–2025 гг., свидетельствуют об продолжающемся уходе от стандартизации и всё тех же усилиях вместить в любой документ обширные задачи развития из разных сфер жизни российского общества, в том числе в План правительства по достижению национальных целей развития⁶.

Говоря о концепциях, принятых в 2001 и 2007 гг., напомним, что первая отечественная концепция демографического развития была принята Минтрудом РФ в 1995 г. и называлась «Современное состояние, прогноз и концепция демографи-

ческого развития Российской Федерации», она готовилась группой ведущих демографов страны⁷. В этой концепции разработчики на первое место поставили повышение уровня здоровья населения, с чего следует начинать осуществление программ, ориентированных на население России. Это относилось как к антикризисной, так и к стратегической программе, а политика в отношении семьи и рождаемости была на втором месте. Вернёмся к недостатку, свойственному большинству выходящих из институциональных источников концептуальных и даже стратегических документов — это их перенасыщенность фактами и задачами не только из направления, которое является основным в том или ином случае, но даже из просто соприкасающихся сфер. Так, действующая демографическая концепция, как было отмечено Л.Л. Рыбаковским, «перегружена конкретными мерами, то есть тем, чего при подготовке концепции 2001 г. удалось избежать» [1, с. 67]. Спустя четверть века избежать этого не удаётся и даже, напротив, насыщение всех рядом расположенных документов повторяющимися темами прогрессирует⁸. Обратимся к вновь принятым документам.

В 2024 г. завершился национальный проект «Демография», и были установлены новые национальные задачи на период до 2036 г., для решения которых разрабатывались новые и обновлялся ряд прежних национальных проектов. Новые национальные проекты «Семья», «Молодёжь и дети», «Продолжительная и активная жизнь», заменившие прежние в направлении «Человеческий капитал», обсуждались на Госсовете, посвящённом поддержке института семьи. На Совете правительство заявило о готовности 12 нацпроектов и утвердило «Единый план по достижению национальных целей». Судя по тексту этого плана, на первом месте остаётся проблема демографического развития, а именно — «важнейшим

⁵ Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2015 года (Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2001 года № 1270-р).

⁶ Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года. — URL: <http://government.ru/news/53927/> (дата обращения: 1.04.2025).

⁷ Демографическая энциклопедия. — Москва : Энциклопедия, 2013. С. 566.

⁸ Создаётся впечатление, что авторы подкрепляют свои идеи, сформулированные цели или задачи, всем имеющим хотя бы косвенное отношение к предмету, но это не делает его более обоснованным.

фактором развития останутся демографические вызовы»⁹. Напомним, что таковыми они остаются для российского общества уже треть века [2]. Оставим в стороне вопрос: как вызовы могут быть фактором развития(?!), и сосредоточимся на поставленных целях: стабилизация рождаемости, снижение смертности, повышение продолжительности жизни. Итак, повышение рождаемости¹⁰ как цель отсутствует в плане правительства по достижению национальных целей 2036 г., но сама рождаемость остаётся на первом месте: «коварство» записи состоит в том, что стабилизировать можно на существующем, очень низком уровне, но это ли цель пронаталистской политики? Второе и третье места занимают взаимосвязанные явления: снижение смертности всегда сопровождается повышением ожидаемой продолжительности жизни. Признается также неизбежное «в силу объективных демографических трендов»¹¹ сокращение численности населения.

В названии раздела плана, посвящённого демографии, на первое место как национальная цель выходит сохранение населения, укрепление здоровья, затем идет повышение благополучия людей и лишь последней — поддержка семьи. Но в структуре раздела на первом месте стоит рождаемость, и целевым показателем обозначено повышение суммарного коэффициента рождаемости (СКР), а пути достижения этого повышения описаны так эклектично, что непонятно то звено, за которые надо браться в первую очередь. Остановимся лишь на одном ключевом инструменте, обозначенном в плане: «создание женских консультаций, оснащение детских поликлиник современным оборудованием, в том числе в сельской местности, посёлках городского типа, ма-

лых городах»¹². Перечислены важные меры демографической и здравоохранительной политики, не имеющие отношения к уровню рождаемости, который отражает СКР. Эти меры способны привести к улучшению охраны здоровья матери и ребёнка. Это важнейшая часть демографической политики — сохранение жизни на первом месте как в концепции демографического развития, так и в политике государства и общества. Правоммерно выделяются посёлки, малые города и сельская местность — стоило даже написать не «в том числе», а в первую очередь, так как в сельской местности младенческая смертность выше, чем в городе, на 19,1% (2022)¹³, в то время как смертность детей до 1 года в 1940 г. на селе была на 21,3% ниже, чем в городе¹⁴.

План правительства говорит о создании женских консультаций, но их численность дается Росстатом только в сумме с детскими поликлиниками. Даже эти, суммарные данные, свидетельствуют, что снижение их числа в период пандемии не было компенсировано в 2023 г. и их общее число пока ниже 2020 г. на 1%. Более неблагоприятная ситуация видна на динамике числа фельдшерско-акушерских пунктов, которые не просто единственные медучреждения во многих сельских населённых пунктах, но и несут такую важную нагрузку, как патронаж детей до 3 лет¹⁵. Если численность сельского населения сократилась за 2000–2023 годы на 6,1%, то число названных медицинских пунктов, обслуживающих это население — на 25,1%. Это единственная доступная часть системы здравоохранения в сельской местности, но с периода экономической стагнации 2014 г. число пунктов ежегодно сокращалось, даже в годы пандемии. Уменьшение сельского населения

⁹ Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года. — URL: <http://government.ru/news/53927/> (дата обращения: 1.04.2025).

¹⁰ Мы избегаем в данном случае термина «уровень рождаемости», так как он отсутствует в институциональных документах.

¹¹ Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года. — С. 10. — URL: <http://government.ru/news/53927/> (дата обращения: 1.04.2025).

¹² Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года. — С. 16. — URL: <http://government.ru/news/53927/> (дата обращения: 1.04.2025).

¹³ Рассчитано по: Демографический ежегодник России. 2023: Стат. сб./ Росстат. — Москва, 2023. — С. 89–90.

¹⁴ Рассчитано по: [3, с. 98].

¹⁵ К сожалению, в «Демографическом ежегоднике» данные о детской смертности даются только для всего населения без разделения на город и село — не так, как показатели по младенческой или перинатальной смертности.

не должно играть никакой роли в обосновании сокращения числа пунктов, напротив, при такой тенденции выполнение нацпроектов и достижение основной объявленной цели 2036 г. — повышение благополучия граждан, невозможно. Поэтому национальные проекты, затрагивающие эту сферу демографического развития, должны были бы ставить задачу не просто их увеличения, а роста насыщенности на каждые 100/1000 человек. Пока же Росстат публикует только показатель числа коек для детей в расчёте на 10 тыс. детей только для всего населения. Если в 2000 г. этот показатель составил 86,6 (максимум был достигнут в 1990 г. — 98,4), то затем сократился почти в 2 раза, и только в годы пандемии (с 2021 г.) вернулся к росту: в 2023 г. он достиг всего лишь 58,4% от уровня 2000 года. Вероятно, многие эксперты говорили разработчикам нацпроектов о необходимости увеличения финансирования именно этого направления, но результата пока нет.

Основным в современных концепциях демографической политики нам представляется «здравоохранительное направление» — борьба за снижение смертности, особенно среди мужчин в трудоспособном возрасте. Остальные цели этой политики должны подчиняться этому приоритету как императиву. Вывод о первостепенной важности проблемы высокой смертности мужчин в нашей стране делается уже в течение нескольких десятилетий. Новейшие исследования на основе моделирования показывают актуальность снижения смертности, особенно в трудоспособном возрасте. Кроме того, исследователи доказали, что, учитывая экономическое богатство России, продолжительность жизни может быть существенно выше. Поэтому В.Школьников и соавторы приходят к выводу: «поддержание прогресса [в снижении смертности], наблюдаемого в течение последнего десятилетия, зависит от способности российского правительства и общества выделять адекватные ресурсы на здоровье людей» [4], сопадающему с целым рядом работ [5; 6].

В 2015 г. в сравнительной оценке демографических концепций Л.Л.Рыбаковский

отмечал, что «в результате смещения понятий в демографическую политику включено то, что относится к социальной политике, в частности повышение качества жизни населения» [1, с. 67]. Это задача — рост качества жизни, оценка которой в виде верификации невозможна, стала настолько популярной среди разработчиков, что до сих пор проникает во все государственные проекты, программы, концепции, чему бы они не были посвящены. И в плане Правительства РФ по выполнению Указа о новых национальных проектах записано, что одним из важнейших индикаторов качества жизни является её продолжительность. Для этого, по мнению Правительства РФ, нужно разработать и реализовать «семейно-ориентированную демографическую политику». Вероятно, этот новый термин в демографию вводится с той целью, чтобы исследователи не спорили о сути отличий семейной политики государства — с одной стороны, и демографической — с другой.

Семейная политика и материнский капитал

Необходимо отметить, что в институциональной сфере появилось разграничение и, может быть понимание, различий двух видов политики: демографической и семейной, если судить по названию департамента, где присутствуют оба вида¹⁶. Многие авторы придерживаются далеко не однозначной позиции приравнивания мер демографической политики и мер поддержки многодетных семей, хотя в последнем случае речь идёт о государственной политике поддержки благосостояния этих семей, скатывающихся в связи с появлением детей больших очередностей рождения в бедность и даже в нищету (*extreme poverty* — по терминологии ООН). В большинстве развитых стран эту часть социальной политики относят к политике по отношению к семьям или семейной политике. Такую же политику декларируют и в нашей стране и время от времени к ней возвраща-

¹⁶ Департамент демографической и семейной политики Минтруда России.

ются. Но самое опасное в концептуальном подходе к этой политике состоит в том, что почти все меры, принимаемые в её русле, приписываются к шагам в рамках пронаталистской политики. В реальности, как показывает мировой опыт, эта политика требует очень значительных средств от государства, должна быть рассчитана на долгосрочный период, но при этом никто не может гарантировать её успеха, а заинтересованные в такой политике не должны ожидать быстрого результата. При этом результат не очевиден, примеров даже небольших успехов мало, а страны, считающиеся успешными, обычно подсчитывают растущее бремя расходов.

Имеются редкие работы, пытающиеся оценить эффективность демографической и семейной политики. Е. А. Калогозов и Р. И. Чупин стремились дать более детальную оценку результатов семейной политики с помощью параметров естественного прироста и человеческого капитала [7, р. 25], выдвигая идею доказательного подхода к семейной политике в России. По мнению авторов, регионы «фактически несут ответственность за аллокационную эффективность и функционирование экономических механизмов семейной политики на местах» [7, р. 32]. Ещё более точно можно было бы сказать о реальном знании ситуации и ответственности со стороны местных (муниципальных) органов власти, но их бюджеты лишают всяких возможностей реализации семейной политики.

Важная и далеко неудовлетворённая потребность на местах в рамках семейной и демографической политики — это наличие мест в дошкольных учреждениях, прежде всего детских садах. За 5 лет действия проекта «Демография»¹⁷ в эксплуатацию было введено 246,2 тыс. мест в результате строительства детских садов. В этот период рождалось ежегодно более 1 млн детей, хотя и с понижающейся тенденцией: от 1,481 млн в 2019 г. до 1,264 млн в 2023 году. Сборники Росстата дают пока-

затели числа мест в расчёте на 1000 детей в возрасте 1–6 лет. Этот индикатор выявляет различия между городами и сёлами: если в городе показатель равен 819, то на селе — 721 (2023 г.).

Если взаимозависимость смертности и уровня образования в отечественных работах исследуется [8], то взаимосвязи рождаемости и образования в рамках теории человеческого капитала и теории экономического роста практически не изучаются на примере России. Мера эффекта этой взаимозависимости более заметна в исследованиях, применяющих более точную и адекватную эконометрическую модель. Существенно больший эффект этой взаимозависимости выявлен в работе, где результаты показали важность человеческого капитала как фактора, лежащего в основе демографических изменений в исторических обществах [9, с. 37]. Значение результатов этого исследования для истории экономического развития заключается в том, что авторы показали: переход к низкой рождаемости был ускорен родительскими инвестициями в детей и, значит, в человеческий капитал в западных экономиках конца XIX — начала XX веков. В работах отечественных учёных, писавших раньше других о демографическом переходе/революции, например, у А. Г. Вишневого и М. А. Клупта, анализ связи изменений в рождаемости с человеческим капиталом отсутствует [10; 11].

Некоторые меры в рамках семейной политики могут косвенно способствовать улучшению ситуации с рождаемостью и выживаемостью будущих матерей и новорождённых. Например, Программа дополнительной продовольственной помощи [12, с. 30–31] в виде продуктовой льготы охватывает 41 млн американцев (среднемесячный показатель 2024 г.¹⁸) с низкими и нулевыми доходами — это программа семейной политики, направленная на улучшение положения бедных семей в самом важном виде их жизнедеятельности, помогает сохранять здоровье членам семьи. Она связана только

¹⁷ Татьяна Голикова обсудила со всеми регионами ход реализации нацпроекта «Демография». 12.11.2024. — URL: <http://government.ru/news/53281/> (дата обращения: 10.04.2025).

¹⁸ Supplemental Nutrition Assistance Program (Программа «продовольственных талонов»). — URL: <https://www.cbpp.org/research/food-assistance/the-supplemental-nutrition-assistance-program-snap> (дата обращения: 01.09. 2024).

с благосостоянием бедных семей и не может способствовать изменению уровня рождаемости. Более специализированная в этой сфере программа — Специальная программа дополнительного питания для женщин, младенцев и детей (WIC)¹⁹ — одна из крупнейших программ социальной защиты в США, которая предоставляет продовольственную помощь беременным женщинам и молодым матерям, у которых доход ниже 185% федерального уровня бедности — это приблизительно около 78% от средней заработной платы в американской экономике. В декабре 2023 г. WIC охватывала 6,6 млн человек, среди них 22,4% младенцы, 55,0% дети и 22,6% матери²⁰. Эта программа может непосредственно влиять на рождаемость: благодаря лучшей выживаемости матерей и новорождённых и в результате большей уверенности потенциальных матерей в том, что независимо от конъюнктуры доходов и благополучия семьи они и новорождённые будут надлежаще обеспечены здоровым питанием²¹. Проблема российских семей, которые не могут позволить себе полноценное питание, исследована в работе Е. Е. Гришиной и Е. А. Цацуры, посвящённой оценке воздействия материнского капитала на материальное положение семей [14, с. 10], и эта проблема должна кардинально решаться.

Надежды на пронаталистский характер материнского капитала имеют не только исследователи, но и политики, предлагающие установить его более высокий размер для регионов с низкой рождаемостью, введя законом поправочный коэффициент (1,3–2,0) в зависимости от СКР в регионе. В то же время заметный прирост объёма финансирования на выплату материнского капита-

ла начинает вызывать негативные отклики губернаторов и региональных депутатов, связывающих большие выплаты с ростом иждивенчества. Это явление неизбежно, но оно имманентно не принадлежит к институту материнского капитала — такие издержки существуют в любых социальных институтах помощи: от пособий по безработице до талонов на питание. Одним из весомых недостатков этого института социальной помощи является выплата одинаковой суммы семьям независимо от дохода семьи. Такие выплаты требуют, как минимум, дифференцированной шкалы: большего размера выплат менее обеспеченным и меньших выплат при высоких доходах.

Исследование [15] показало, что женщины и их семьи испытывают глубокое недоверие к программе материнского капитала и даже получившие сертификат не активируют его. Напомним, что материнский капитал был введён законом 2006 г. в качестве дополнительной меры государственной поддержки семей. Решая теоретические и практические вопросы определения сущности и назначения средств материнского капитала для приобретения жилья, Н. В. Летова точно называет статью «Материнский капитал как вид социальной поддержки семей ...» [16, с. 96]. Если на выплату материнского (семейного) капитала в 2024 г. в РФ было запланировано потратить 495 млрд рублей, то это составляет 91,3%²² от объёма выплат по WIC, что вполне сопоставимо по затратам и весьма различно по целям, не говоря уже о том, что материнский капитал не учитывает доходы и обеспеченность семей, а, следовательно, может не способствовать уменьшению расслоения семей по доходам. Из более чем тысячи работ, опубликованных после введения этого института, автору не удалось найти ни одной с исследованием влияния этой меры на уменьшение дифференциации семей по доходам. Наиболее близко к этой теме исследование Л. П. Королевой, которая выстроила систему кластеров субъектов РФ по уровню рож-

¹⁹ The Special Supplemental Nutrition Program for Women, Infants and Children (WIC).

²⁰ WIC Program Overview. Report. — URL: <https://www.ncsl.org/human-services/wic-program-overview> (дата обращения: 10.04.2025).

²¹ Американские эксперты при анализе структуры питания по программе WIC отмечали, что матери и дети не получали достаточного количества витамина Е, магния, кальция, калия и клетчатки, и получали избыточное количество насыщенных жиров и натрия, что кардинально повлияло на будущее здоровье в самый критический период их жизни. Влияние на здоровье пересмотра вариантов питания, проведённого в 2009 г., проанализировано в работе [13].

²² Рассчитано автором по обменному курсу ЦБ России, что условно и не учитывает ППС.

даемости и благосостоянию семей с детьми [17, с. 1883].

Любая страна современного мира заботится о детях как своём будущем, но основная цель при этом не вырастить больше детей, а обеспечить всем появившимся на свет благополучное будущее, не обременённое низкими/недостаточными доходами семьи для полноценного и даже гармоничного развития. В каждой стране существует проблема бедных детей и детской депривации в целом. Шотландские специалисты утверждают, что всего 25 фунтов стерлингов в неделю как доплата на ребёнка²³, как это делается в Шотландии, превратило страну в европейского пионера в борьбе с детской депривацией. Эта сумма вполне вписывается в средний размер пособия по уходу за ребёнком неработающим родителям в РФ. Дополнительные выплаты осуществлялись в Шотландии с 2021 г., они помогли вытащить из нищеты в 2023 г. около 90 тыс. детей²⁴, что привело к более низкому уровню бедности детей до 16 лет в Шотландии по сравнению с остальной Великобританией.

Проведение демографической политики и профессиональное образование

Анализ/оценка эффективности любых государственных программ и проектов требует для этого соответствующие профессиональные кадры. Так, ведомства США в рамках программы WIC проводят оценку кадровых потребностей государственных и местных агентств WIC. Есть ли в России соответствующие кадры для оценки эффективности мер государственной демографической политики и политики в области народонаселения? Мы имеем в виду специалистов-демографов, социологов семьи, экономико-географов. И хотя их готовят некоторые организации, но привлекаются ли они государственными институтами к профильной работе и доста-

точно ли этих специалистов для регионов России, в том числе для 20,8 тыс. муниципальных образований? Не просто для работы в качестве специалистов, а как чиновников высшего звена как на региональном, так и местном уровне управления. Именно здесь определяется эффективность распределяемых по программам и национальным проектам средств и возможность точной оценки бедного и нищего населения (семей, домохозяйств), нуждающихся в финансово-материальной помощи и социальной опеке. Но начинать в стране, где кризисная демографическая ситуация [18; 19] констатируется всеми: от правительства до учёных-исследователей, решение поставленной проблемы, как пишут Т. К. Ростовская и О. А. Золотарева, приходится с актуализации «Общероссийского классификатора специальностей по образованию ОК 009–2016 1», в котором необходимо выделить направление подготовки «Демография», так как оно среди специальностей отсутствует [20, с. 208].

Демографическая политика²⁵ является сложным, ступенчатым феноменом как для государства и общества в вопросах формирования её целей и проведения, так и для «фундамента» её понимания/восприятия — исследователями, экспертами, местным самоуправлением и отдельными семьями/домохозяйствами. Фундамент в этих функциональных субъектах мы видим потому, что эти субъекты политики, несмотря на их разнородность, формулируют первичные запросы и ожидаемые решения, которые в определённой мере учитываются на практике. На верхнем институциональном уровне существует непреодолимая тяга демонстрировать активность проводимой демографической политики, приписывая этот статус практически большинству мер социального характера: помощи семьям, расширению здравоохранительной политики, развитию дошкольных учреждений и так далее. Это не субъективная негативная оценка, столь распространённая у критиков, а констатация

²³ Право на получение этой выплаты имеет каждый ребёнок Шотландии.

²⁴ Financial Times. — URL: <https://www.ft.com/content/cf41b5d9-c714-40a2-b66d-251efde61504> (дата обращения: 10.04.2025).

²⁵ Попытка дать оценку результативности демографической политики предпринята в [21].

реальных процессов в российском обществе²⁶. Так, в 2008 г. Минздравсоцразвития России издало приказ о мониторинге региональных программ демографического развития и соответственно ежегодных документах в виде «Отчёта о реализации региональных программ демографического развития». Но при всех современных возможностях в поисках информации найти такие отчёты невозможно за исключением единичных регионов²⁷. Мы выделили этот пример по той причине, что ежегодный мониторинг был обозначен в Концепции демографической политики РФ на период до 2025 г.²⁸ и в соответствующем распоряжении Правительства РФ²⁹.

Слабость федерального уровня понимания и проведения этой политики видна и на примере Методических рекомендаций Минтруда, которые появились только в 2012 г. для регионов и предполагали обязанность осуществлять мониторинг не только демографической ситуации, но и демографического поведения(?). Регионам вменялось выявление как результативности реализации программы, так и «дифференциации этой результативности по разным категориям населения и семей»³⁰. Хотелось бы надеяться, что в самом федеральном органе есть специалисты, которые могут показать существующую дифференциацию результативности по категориям семей на уровне хотя бы страны. Рекомендации были созданы и утверждены еще в тот период, когда в России не существовало такой профессии. Профессиональный стандарт «Демограф» был внесён на обсуждение и утверждение только в 2021 г. [22, с. 9], хотя в рекомендациях говорилось, что они созданы

для специалистов органов исполнительной власти субъектов, занимающихся вопросами разработки и реализации демографической политики в регионах. Об отсутствии таких специалистов говорит факт, отмечаемый Е. Б. Бедриной и К. В. Черновой: «отсутствие демографических дисциплин у студентов данных уровней обучения» [23, с. 5]³¹, а ведь здравоохранительная политика не просто пересекается с демографической, о чем свидетельствует и структура соответствующих национальных проектов [12, с. 24, 26], а является взаимодополняющей. Отметим, что обсуждение профессиональной подготовки демографов, а не просто вопроса о демографической компетентности государственных служащих (что также важно) началось только с 2017 г., то есть спустя 10 лет после выхода указа и распоряжения правительства, выполнение которых могло эффективно осуществляться только при наличии таких специалистов. Даже представители профильного комитета Госдумы РФ (Комитета по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства), с одной стороны, говорят, что выплаты с учётом критерия нуждаемости не обладают демографическим эффектом, а, с другой, уверяют, что благодаря материнскому капиталу родилось как минимум 2,5 млн детей³².

Образование очень необходимо журналистам, комментирующим заявления депутатов и чиновников, и не в меньшей мере последним, иначе вместо числа родившихся будут говорить и строить планы в отношении уровня рождаемости, планировать повышение показателя рождаемости в 1,5–2 раза в ближайшие пять лет, имея в виду всё то же число рождений, прогнозировать повышение индекса(?) рождаемости и воспроизводства населения в регионе. Хотелось бы выделить и редкие случаи адекватного понимания специфики демографических процессов и их взаимоотношения с динамикой развития. Так, секретарь Общественной палаты РФ Л. Ю. Михеева считает,

²⁶ Мы используем термин «общество», так как это относится не только к государственным структурам, но и части научного сообщества и общественных/ неправительственных организаций.

²⁷ Презентация системы комплексного полимасштабного мониторинга демографического развития региона. Е. Тарасова, начальник контрольного отдела секретариата Губернатора Алтайского края. 20.12.2017.

²⁸ Указ Президента РФ от 9 октября 2007 г. N 1351

²⁹ Распоряжении Правительства РФ от 14 февраля 2008 г. N 170-р «Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2008–2010 гг. Концепции ...».

³⁰ Методические рекомендации ...

³¹ Речь идёт о 13 медицинских университетах, вошедших в 100 лучших университетов России.

³² В Госдуме напомнили о мерах поддержки семей с детьми. — URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2025/01063/rossia01.php#1> (дата обращения: 01.04.2025).

что ограничительные и любые императивные установления бессмысленны, так как в демографической сфере они не работают, подчёркивая, что на демографическую динамику влияет экономическое возрождение и рост социального благополучия³³.

Выводы

1. В новом национальном проекте «Семья» целесообразно чётко разграничить меры семейной политики и меры демографической политики, закрепив большую часть первой за регионами и основную нагрузку по второй оставить за федеральной властью. Это необходимо учесть и в разрабатываемой национальной стратегии действий в интересах семьи.

2. Практика внедрения национальных проектов свидетельствует о необходимости большего участия субъектов РФ как для роста эффективности федеральных программ, так и разработки и апробации региональных мер семейной и социальной политики, значение которых показано на примере Шотландии.

3. В качестве императивного приоритета демографической политики на данном этапе достижения национальных целей развития необходимо определить сокращение смертности населения с особым упором на уменьшение сверхсмертности мужского населения трудоспособного возраста. Сохраняющееся неравенство смертности в зависимости от уровня образования «может стать препятствием для устойчивости общего прогресса в области здравоохранения в России» [8, с. 23], что показывает ещё одно важное направление снижения высокого уровня смертности мужского населения, образование которого всё больше отстаёт от женского.

4. Сохранение ориентации на пронаталистскую политику, как и задача роста человеческого капитала, требуют даже при сокращении дошкольных контингентов детей продолжать не только строительство новых детских садов, но и не снижать финансирование детских дошкольных учреждений, сохраняя работников и повышая, как минимум в меру инфляционного роста, их зарплату. В результате произойдёт уменьшение числа детей в группах, повысится качество их обслуживания и воспитания, что будет залогом роста человеческого капитала при их взрослении.

³³ Михеева: властям не стоит вмешиваться в личную жизнь для влияния на демографию. – URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2025/01063/rossia01.php> (дата обращения: 15.04.2025).

Литература и Интернет-источники

1. **Рыбаковский, Л.Л.** Концепция демографической политики России: опыт разработки и пути совершенствования / Л.Л. Рыбаковский // Социологические исследования. — 2015. — № 9. — С. 62–70. EDN: UISNAP
2. **Ткаченко, А.А.** Выходит ли Россия из демографического кризиса? / А.А. Ткаченко // Социально-политический журнал. — 1996. — № 5. — С. 36–41. EDN: YTOLKR
3. **Попов, В.П.** Региональные особенности демографического положения РСФСР в 40-е годы / В.П. Попов // Социологические исследования. — 1996. — № 3. — С. 91–103. EDN: MOUKZX
4. **Shkolnikov, V.M.** Patterns in the relationship between life expectancy and gross domestic product in Russia in 2005–15: a cross-sectional analysis / V.M. Shkolnikov, E.M. Andreev, R. Tursun-Zade, D.A. Leon // The Lancet Public Health. — 2019. — Vol. 4. — No. 4. — P. e181–e188. DOI: 10.1016 / S2468-2667(19)30036-2; EDN: DRTCDS
5. **Улумбекова, Г.Э.** Финансирование системы здравоохранения РФ: динамика, прогнозы, сравнение с развитыми странами / Г.Э. Улумбекова, Н.В. Альвианская // ОРГЗДРАВ: новости, мнения, обучение. Вестник ВШОУЗ. — 2021. — Т. 7. — № 3(25). — С. 36–47. DOI: 10.33029 / 2411-8621-2021-7-3-36-47; EDN: AATQKG

6. **Ткаченко, А.А.** Охрана здоровья населения в социальном государстве / А.А. Ткаченко // Парадигмы и модели демографического развития: сборник статей XII Уральского демографического форума, (Екатеринбург, 3–4 июня 2021 г.) / ред. О.А. Козлова [и др.]. Т. II. — Екатеринбург : Институт экономики Уральского отделения РАН, 2021. — С. 188–196. DOI: 10.17059/udf-2021-4-19; EDN: RITZZP
7. **Капогузов, Е.А.** Семейная политика в России: эффективность с позиций доказательного подхода / Е.А. Капогузов, Р.И. Чупин // Terra Economicus. — 2021. — Т. 19. — № 3. С. 20–36. DOI: 10.18522/20736606-2021-19-3-20-36; EDN: KBDSRE
8. **Shkolnikov, V.M.** Changes in mortality disparities by education in Russia from 1998 to 2017: evidence from indirect estimation / V.M. Shkolnikov, D. Jasilionis, E.M. Andreev // European Journal of Public Health. — 2022. — Vol. 32. — No. 1. — P. 21–23. DOI: 10.1093/eurpub/ckab070; EDN: OVBGHR
9. **Ferniough, A.** Human capital and the quantity–quality trade-off during the demographic transition / A. Ferniough // Journal of Economic Growth. — 2017. — Vol. 22. — Iss. 1. — P. 35–65. DOI: 10.1007/s10887-016-9138-3; EDN: JELNOK
10. **Клупт, М.А.** Теория демографического развития: институциональная перспектива / М.А. Клупт // Общественные науки и современность. — 2005. — № 2. — С. 139–149. EDN: OOVGVX
11. **Вишневский, А.Г.** Это ключ от другого замка / А.Г. Вишневский // Общественные науки и современность. — 2005. — № 2. — С. 150–155. EDN: OOVGWH
12. **Ткаченко, А.А.** Государственная политика и национальный проект «Демография» / А.А. Ткаченко // Народонаселение. — 2018. — Т. 21. — № 4. — С. 23–35. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-4-03; EDN: YVSQBN
13. **Guan, A.** Effects of the revised WIC food package on women’s and children’s health: a quasi-experimental study / A. Guan, A. Batra, R. Hamad // BMC Pregnancy Childbirth. — 2022. — Vol. 22. — Article No. 806. DOI: 10.1186/s12884-022-05116-w; EDN: HCSMWQ
14. **Гришина, Е.Е.** Материальное положение семей, использовавших федеральный материнский капитал / Е.Е. Гришина, Е.А. Цацура // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. — 2018. — № 9(115). — С. 39. EDN: YAKZZR
15. **Borozdina, E.** Russia Using maternity capital: Citizen distrust of Russian family policy / E. Borozdina, A. Rotkirch, A. Temkina, E. Zdravomyslova // European Journal of Women’s Studies. — 2016. — Vol. 23. — Iss. 1. — P. 60–75. DOI: 10.1177/135050681454383; EDN: WTKWQZ
16. **Летова, Н.В.** Материнский капитал как разновидность социальной поддержки семей с детьми: проблемы правоприменения и пути решения / Н.В. Летова // Государство и право. — 2022. — № 5. — С. 96–103. DOI: 10.31857/S102694520019750-6; EDN: PRARPG
17. **Королева, Л.П.** Социальная политика регионов: снижение бедности среди семей с детьми и стимулирование рождаемости / Л.П. Королева // Региональная экономика: теория и практика. — 2020. — Т. 18. — № 10(481). — С. 1869–1893. DOI: 10.24891/pe.18.10.1869; EDN: QBDRWL
18. **Ткаченко, А.А.** Демографическая ситуация и национальная экономика России в первом десятилетии XXI в. / А.А. Ткаченко // Власть. — 2012. — № 10. — С. 4–9. EDN: PEOAPV
19. **Рыбаковский, О.Л.** Воспроизводство населения регионов России в 1992–2024 гг.: итоги, компоненты, факторы / О.Л. Рыбаковский // Народонаселение. — 2024. — Т. 27. — № 4. — С. 4–17. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-4-17; EDN: XLNRPC
20. **Ростовская, Т.К.** Демографическое развитие: концептуализация модели кадрового потенциала в области исследования и управления / Т.К. Ростовская, О.А. Золотарева // Россия реформирующаяся. — 2022. — № 20. — С. 200–228. DOI: 10.19181/ezheg.2022.8; EDN: HQJCXI
21. **Губачев, Н.Н.** Государственная демографическая и национальная политика: аспекты гармонизации / Н.Н. Губачев, О.В. Одинцова. — Москва : Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина, 2024. — 197 с. EDN: MZWKPQ
22. **Ростовская, Т.К.** На пути к возрождению демографического образования в современной России / Т.К. Ростовская, О.А. Золотарева // Научный результат. Педагогика и психология образования. — 2022. — Т. 8. — № 1. — С. 3–14. DOI: 10.18413/2313-8971-2022-8-1-0-1; EDN: IOQXTI

23. **Бедрина, Е.Б.** Профессиональные стандарты как основа развития и совершенствования знаний в области демографии / Е.Б. Бедрина, К.В. Чернова // Human Progress. — 2021. — Т. 7. — № 3. — С. 5. DOI: 10.34709 / IM.173.5; EDN: ORUGXV

Сведения об авторе:

Ткаченко Александр Александрович, д.э.н., проф., главный научный сотрудник Института исследований международных экономических отношений, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: AATkachenko@fa.ru; ORCID: 0000-0002-8828-1761; РИНЦ SPIN-код: 4164-7174.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-15-28

CONCEPTUAL APPROACHES TO DEMOGRAPHIC REPRODUCTION AND DEMOGRAPHIC POLICY

Alexander A. Tkachenko

*Financial University under the Government of the Russian Federation
(49 Leningradsky prospect, Moscow, Russia, 125993)*

E-mail: alaltkachenko@gmail.com

For citation:

Tkachenko A. A. Conceptual approaches to demographic reproduction and demographic policy. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 4. P. 15-28. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-15-28 (in Russ.)

Abstract. *The topic of the research is the concepts of demographic policy and new national projects in the light of their continuity. The object of the study is the main provisions of conceptual documents on demographic and family policy. The purpose of the study is to identify the degree of continuity in the goals and objectives of demographic development in Russia in connection with the adoption of new development goals for 2036 and new national projects. The research methods are a comparative analysis of documents from federal institutions and an analysis of similar solutions from other countries that could be tested. The results of the study show that there is no clear distinction between demographic and family policies in the new national projects being developed, and that they are oversaturated with information and tasks that are not directly related to these types of social policy. Using the example of feldsher-midwife stations, which have been decreasing since 2014 even during the pandemic, it was concluded that without changing such trends, achievement of the main goal of 2036 — improving the well-being of citizens — is impossible. The public health system plays a vital role in the full development and well-being of children, and it needs significant improvement. The conclusion is substantiated that it is unlawful to criticize maternity capital due to the possible increase in dependency — this phenomenon is inevitable with any type of social payments, but it is insignificant compared to the overall good of the benefits. The real disadvantage of maternal (family) capital is lack of a differentiated scale of payments depending on family income. The absolute priority of demographic policy at this stage of achieving the national development goals should be reducing mortality, primarily excess mortality among working-age males.*

Keywords: *national projects, demographic concepts, healthcare institutions, rural demography, mortality reduction, human capital.*

References and Internet sources

1. Rybakovsky L. L. Kontsepsiya demograficheskoy politiki Rossii: opyt razrabotki i puti sovershenstvovaniya [Demographic policy concept in Russia: experiences in development and ways of improving]. *Sotsiologicheskije issledovaniya [Sociological Studies]*. 2015. No. 9. P. 62–70. (in Russ.)
2. Tkachenko A. A. Vychodit li Rossiya iz demograficheskogo krizisa? [Is there the end of demographic crisis in Russia?]. *Sotsialno-politichesky zhurnal [Socio-Political Journal]*. 1996. No. 5. P. 36–41. (in Russ.)
3. Popov V. P. Regional'nyye osobennosti demograficheskogo polozheniya RSFSR v 40-e gody [Regional features of the demographic situation of the RSFSR in the 40s]. *Sotsiologicheskije issledovaniya [Sociological Studies]*. 1996, No. 3. P. 91–103. (in Russ.)
4. Shkolnikov V. M., Andreev E. M., Tursun-Zade R., Leon D. A. Patterns in the relationship between life expectancy and gross domestic product in Russia in 2005–15: a cross-sectional analysis. *The Lancet Public Health*. 2019. Vol. 4. No. 4. P. e181–e188. DOI: 10.1016/S2468-2667(19)30036-2
5. Ulumbekova G. E., Alvianskaya N. V. Finansirovaniye sistem zdravookhraneniya RF: dinamika, prognozy, sravneniye s razvityimi stranami [Healthcare systems financing in the Russian Federation: dynamics, prognoses, comparison with developed countries]. *ORGZDRAV: novosti, mneniya, obucheniye. [Healthcare Management: News, Views, Education. Bulletin of VSHOUZ]*. 2021. Vol. 7. No. 3(25). P. 36–47. DOI: 10.33029/2411-8621-2021-7-3-36-47 (in Russ.)
6. Tkachenko A. A. Okhrana zdorov'ya naseleniya v sotsial'nom gosudarstve [Public health protection in a social state]. *Paradigmy i modeli demograficheskogo razvitiya: Sbornik statej 12 Ural'skogo demograficheskogo foruma, [Paradigms and Models of Demographic Development. Proceedings of the XII Ural Demographic Forum. Ekaterinburg, June 3–4, 2021]*. Eds. O. A. Kozlova et al. Vol II. Ekaterinburg. Institut ekonomiki Ural'skogo otdeleniya RAN [Institute of Economics of the Ural Branch RAS]. 2021. P. 188–196. DOI 10.17059/udf-2021-4-19 (in Russ.)
7. Kapoguzov E. A., Chupin R. I. Semejnaya politika v Rossii: effektivnost' s pozitsij dokazatel'nogo podkhoda [Effectiveness of family policy in Russia: evidence-based approach]. *Terra Economicus*. 2021. Vol. 19. No. 3. P. 20–36. DOI: 10.18522/20736606-2021-19-3-20-36 (in Russ.)
8. Shkolnikov V. M., Jasilonis D., Andreev E. M. Changes in mortality disparities by education in Russia from 1998 to 2017: evidence from indirect estimation. *European Journal of Public Health*. 2022. Vol. 32. No. 1. P. 21–23. DOI 10.1093/eurpub/ckab070
9. Fernihough A. Human capital and the quantity–quality trade-off during the demographic transition. *Journal of Economic Growth*. 2017. Vol. 22. Iss. 1. P. 35–65. DOI: 10.1007/s10887-016-9138-3
10. Klupt M. A. Teoriya demograficheskogo razvitiya: institutsional'naya perspektiva [Theory of demographic development: institutional perspective]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Contemporary World]*. 2005. No. 2. P. 139–149. (in Russ.)
11. Vishnevsky A. G. Eto klyuch ot drugogo zamka [This is the key to another lock]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Contemporary World]*. 2005. No. 2. P. 150–155. (in Russ.)
12. Tkachenko A. A. Gosudarstvennaya politika i natsional'nyj proekt «Demografiya» [State policy and national project Demography]. *Narodonaselenie [Population]*. 2018. Vol. 21. No. 4. P. 23–35. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-4-03 (in Russ.)
13. Guan A., Batra A., Hamad R. Effects of the revised WIC food package on women's and children's health: a quasi-experimental study. *BMC Pregnancy and Childbirth*. 2022. Vol. 22. Article No. 806. DOI: 10.1186/s12884-022-05116-w
14. Grishina E. E., Tsatsura E. A. Material'noye polozheniye semej, ispol'zovavshikh federal'nyj materinskij kapital [Financial situation of families who used federal maternity capital]. *Upravleniye ekonomicheskimi sistemami: elektronnyj nauchnyy zhurnal [Management of Economic Systems]*. Electronic scientific journal. 2018. No. 9(115). P. 39. (in Russ.)
15. Borozdina E., Rotkirch A., Temkina A., Zdravomyslova E. Russia Using maternity capital: Citizen distrust of Russian family policy. *European Journal of Women's Studies*. 2016. Vol. 23. Iss. 6. P. 60–75. DOI: 10.1177/135050681454383

16. Letova N. V. Materinskij kapital kak raznovidnost' sotsial'noj podderzhki semej s det'mi: problemy pravoprimeneniya i puti resheniya [Maternal capital as a type of social support for families with children: problems of law enforcement and solutions]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law]. 2022. No. 5. P. 96–103. DOI: 10.31857/S102694520019750–6 (in Russ.)
17. Koroleva L. P. Sotsial'naya politika regionov: snizhenije bednosti sredi semejs det'mi i stimulirovanije rozhdaemosti [Social policy of the regions: reducing poverty among families with children and stimulating fertility]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional Economics: Theory and Practice]. 2020. Vol. 18. No. 10 (481). P. 1869–1893. DOI: 10.24891/re.18.10.1869 (in Russ.)
18. Tkachenko A. A. Demograficheskaya situatsiya i natsional'naya ekonomika Rossii v pervom desyatiletii 21 v [Demographic situation and national economy of Russia in the first decade of the 21st century]. *Vlast'* [Authority]. 2012. No. 10. P. 4–9. (in Russ.)
19. Rybakovsky O. L. Vosproizvodstvo naseleniya regionov Rossii v 1992–2024 gg.: itogi, komponenty, faktory [Reproduction of the population of the regions of Russia in 1992–2024: results, components, factors]. *Narodonaselenie* [Population]. 2024. Vol. 27. No. 4. P. 4–17. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-4-17 (in Russ.)
20. Rostovskaya T. K., Zolotareva O. A. Demograficheskoe razvitiye: kontseptualizatsiya modeli kadrovogo potentsiala v oblasti issledovaniya i upravleniya [Generation of a conceptual model of human resources in the field of demographic development]. *Rossiya reformiruyushchayasya* [Russia under Reform]. 2022. No. 20. P. 200–225. DOI: 10.19181/ezheg.2022.8 (in Russ.)
21. Gubachev N. N., Odintsova O. V. Gosudarstvennaya demograficheskaya i natsional'naya politika: aspekty garmonizatsii [State Demographic and National Policy: Aspects of Harmonization]. Moscow. Kosygin State University. 2024. 197 p. (in Russ.)
22. Rostovskaya T. K., Zolotareva O. A. Na puti k vozrozhdeniyu demograficheskogo obrazovaniya v sovremennoj Rossii [On the way to the revival of demographic education in modern Russia]. *Nauchnyj rezul'tat. Pedagogika i psihologiya obrazovaniya* [Research Result. Pedagogy and Psychology of Education]. 2022. Vol. 8. No. 1. P. 3–14. DOI: 10.18413/2313-8971-2022-8-1-0-1 (in Russ.)
23. Bedrina E. B., Chernova K. V. Professional'nyje standarty kak osnova razvitiya i sovershenstvovaniya znaniy v oblasti demografii [Professional standards as a basis for development and improvement of knowledge in the field of demography]. *Human Progress*. 2021. Vol. 7. No. 3. P. 5. DOI: 10.34709/IM.173.5 (in Russ.)

Information about the author:

Tkachenko Alexander Alexandrovich., Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: alaltkachenko@gmail.com; ORCID: 0000-0002-8828-1761; Elibrary SPIN-code: 4164–7174.

Статья поступила в редакцию 03.03.2025, утверждена 10.11.2025, опубликована 30.12.2025.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-29-41
EDN: KXXAQQ

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К УПРАВЛЕНИЮ

Неклюдова Н. П.

*Институт экономики Уральского отделения РАН
(620014, Россия, Екатеринбург, Московская, 29)*

E-mail: neklyudova.np@uiiec.ru

Для цитирования:

Неклюдова Н.П. Демографическое развитие: основные подходы к управлению // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 4. — С. 29-41. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-4-29-41; EDN: KXXAQQ

Аннотация. В статье анализируются исторические и современные подходы к регулированию демографических процессов, которые классифицируются по степени государственного участия и оцениваются с точки зрения эффективности и этических последствий применяемых методов. Рассматриваются ключевые концепции, начиная от религиозного детерминизма и мальтузианских идей до современных методов, таких как наджинг, либеральная евгеника и трансгуманизм. Особое внимание уделено противоречиям между сторонниками естественной саморегуляции и активного государственного вмешательства. Цель работы — систематизировать разнообразие подходов к демографическому управлению, выделив их сильные и слабые стороны. Анализ государственного вмешательства в демографическое развитие выявил эволюцию от концепций невмешательства до современных умеренных методов регулирования и жесткого контроля. В статье показано, что жесткие методы зачастую нарушают права человека и приводят к социальным конфликтам, тогда как мягкие инструменты могут быть недостаточно эффективными в условиях глубоких структурных проблем. Результаты исследования демонстрируют, что современная демографическая политика требует баланса между эффективностью и этичностью, учета локальных особенностей и глобальных трендов. Критически оцениваются радикальные подходы, такие как трансгуманизм и генное редактирование, а также подчеркивается важность междисциплинарного диалога для разработки устойчивых стратегий. Обзор основан на анализе широкого спектра источников, включая классические труды, современные научные работы и данные государственных программ.

Ключевые слова: управление демографическим развитием, демографическое регулирование, демографическая политика, государственное регулирование.

Введение

Демографические процессы оказывают фундаментальное влияние на ключевые сферы общественного развития, включая экономический рост, пенсионное обеспечение и национальную безопасность. Вопрос о допустимости и масштабах государственного вмешательства в эти процессы остается предметом активных научных и политических дискуссий. Исторический опыт свидетельствует о многообразии подходов к демографическому регулированию. Например, политика «одна семья — один ребенок» в Китае (1979–2015 гг.) привела к значительному снижению рождаемости, но одновременно вызвала гендерный дисбаланс и проблемы старения населения. В противовес китайской модели, политика скандинавских стран привела к стабильности демографических показателей через систему социальных гарантий и равенства мужчин и женщин, избегая жестких запретительных мер. Современные экспертные позиции по вопросу государственного вмешательства образуют широкий спектр мнений. Сторонники естественной регуляции (В.Р. Дольник¹, Ф.А. Хайек², А.Г. Вишневский [1]) считают демографические процессы саморегулирующейся системой, где государственное вмешательство не только неэффективно, но и нарушает естественные механизмы развития. Приверженцы активной демографической политики рассматривают регулирование как необходимый инструмент обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития [2], а саму демографию той сферой, где «сегодня мы определяем свои жизни и жизнь общества больше, чем когда бы то ни было прежде» [3]. Подавляющее большинство исследователей сходятся в критике репрессивных мер (запреты аборт, ограничение контрацепции, налоговые санкции), отмечая их не только этическую проблематичность, но и практическую неэффектив-

ность. Альтернативой выступают стимулирующие меры: целевые пособия, льготное кредитование, развитие инфраструктуры для семей с детьми. Целью работы является выявление особенностей исторических и современных подходов к управлению демографическими процессами на основе их сравнительного анализа и классификации по степени государственного участия.

В исследовании проводится четкое терминологическое разграничение. Под управлением в области демографии мы понимаем создание долгосрочных условий для достижения демографических целей через косвенные инструменты: социальные программы, образование, инфраструктуру и так далее. Регулирование — это прямое воздействие на демографические процессы с помощью законодательных, административных или экономических мер (например, квоты, штрафы, стимулы). То есть регулирование — это часть управления или один из его инструментов. Таким образом, в нашем исследовании понятия «управление» и «регулирование» используются как взаимодополняющие, но не синонимичные. Использование в названии работы термина «управление» обусловлено его более широким концептуальным охватом по сравнению с «регулированием» и соответствует основной цели исследования — систематизировать разнообразие подходов к целенаправленному воздействию на демографические процессы. Автор исходит из теоретической предпосылки о принципиальной управляемости этих процессов, что является предметом научной дискуссии [2]. Фокус на «управлении» позволяет анализировать не только конкретные инструменты (регулирование), но и лежащие в их основе стратегии, парадигмы и дискурсы, что и составляет научную новизну представленного исследования.

При отборе материала для настоящего исследования автор осознает, что предлагаемый анализ не может претендовать на исчерпывающий охват всего многообразия научных школ и взглядов в области демографии. В связи с этим, в фокусе внимания оказываются наиболее репрезентатив-

¹ Дольник В.Р. Существуют ли биологические механизмы регуляции численности людей // Природа. — 1992. — Т. 6. — С. 3–16.

² Ф.А. фон Хайек. Пагубная самонадеянность. — Москва: АСТ, 2023. — 286 с.

ные концепции, так или иначе связанные с проблемой целенаправленного воздействия на демографические процессы. При этом важно подчеркнуть, что, анализируя воззрения мыслителей и учёных донаучного этапа развития демографии как науки, таких как И. П. Зюсмилх, или учёных, работавших до формирования современного категориального аппарата этой дисциплины, мы не приписываем им понимания терминов «управление» и «регулирование» в их современном, строгом значении. Речь идет о реконструкции идей, которые, формулируясь в ином мировоззренческом контексте (например, в парадигме божественного провидения или социального дарвинизма), содержали в себе зачатки будущих теорий демографического управления/регулирования и оказали существенное влияние на формирование последующих научных дискуссий. Предлагаемый анализ основан на комплексном изучении исторического опыта и современных тенденций демографического регулирования.

В исследовании применяется комплексный подход, сочетающий историко-сравнительный анализ, контент-анализ, критический дискурс-анализ и экспертные оценки для системного изучения подходов к управлению демографическими процессами. Историко-сравнительный метод позволяет проследить эволюцию концепций от религиозного детерминизма и мальтузианства до современных биополитических и технологических моделей, выявляя преемственность и трансформацию идей. Контент-анализ осуществлялся через кодирование ключевых категорий: типы вмешательства (от минимального до тотального), их эффективность и этические последствия, что структурирует разнородные данные в единую систему. Критический дискурс-анализ раскрывает идеологическую и языковую специфику аргументации авторов, например, как биополитика М. Фуко маскирует властные механизмы под научные нормы. Экспертные оценки дополняют анализ, акцентируя спорные аспекты, такие как риски либеральной евгеники или трансгуманизма. Этапы исследования включали под-

готовку (формулировка гипотезы, отбор источников), аналитическую работу (кодирование, сравнение кейсов), интерпретацию паттернов и выводы, направленные на баланс между эффективностью и этичностью управления. Ограничения связаны с субъективностью трактовки текстов и неполнотой данных, но методология обеспечивает целостное понимание демографического регулирования как междисциплинарной проблемы.

Результаты

Исторически первым научным трудом, поднимающим вопрос о возможности влияния на численность народонаселения, был трактат немецкого теолога Иоганна Петера Зюсмилха «Божественный порядок изменений в роде человеческом, подтверждаемый данными о происходящих в нем процессах рождаемости, смертности, размножения», изданный в 1761 году³. Закономерности, которые И. П. Зюсмилх выявил в этих процессах, он объяснял проявлением божественного провидения. При этом его идеи выходили за рамки теологии, предлагая рациональные методы анализа, которые предвосхитили развитие демографии как науки. Ключевая идея И. П. Зюсмилха заключалась в том, что демографические процессы подчиняются универсальным законам, установленным свыше, и человечество не способно кардинально влиять на них. То есть его взгляд на демографические процессы исключал активное вмешательство, предполагая, что задача общества заключается в познании установленного свыше порядка и жизни в соответствии с ним. Выражаясь современным языком, его позиция фактически отрицала саму возможность целенаправленной демографической политики, поскольку он рассматривал демографические процессы как проявление божественной воли, которой следует довериться.

³ Süßmilch J.P. Die göttliche Ordnung in den Veränderungen des menschlichen Geschlechts, aus der Geburt, dem Tode und der Fortpflanzung desselben erwiesen. – Berlin, 1761. – URL: <https://www.digitale-sammlungen.de/view/bsb11283119?page=8> (дата обращения: 15.01.2025).

В контрасте с фаталистическим подходом И.П. Зюсмилля в конце XVIII в. сформировалась принципиально иная концепция. Томас Роберт Мальтус в своём труде «Опыт закона о народонаселении» разработал пессимистическую теорию, бросившую вызов оптимизму эпохи Просвещения⁴. В росте численности населения он усматривал угрозу глобальной катастрофы, требующую активного вмешательства. Для предотвращения катастрофы Т.Р. Мальтус предложил два механизма регулирования: превентивные проверки (добровольное ограничение рождаемости населения через поздние браки и воздержание) и деструктивные проверки (голод, войны и эпидемии) как «естественные» регуляторы численности населения. Он занимал жёсткую позицию в отношении социальной политики, выступая против помощи бедным, которую считал фактором, стимулирующим безответственную рождаемость. Его пессимизм распространялся и на технологический прогресс. Признавая временный эффект инноваций в сельском хозяйстве, он утверждал, что в долгосрочной перспективе рост населения всё равно опередит ресурсную базу. Теория Т.Р. Мальтуса подверглась критике как современниками⁵, так и последующими исследователями, отмечавшими недооценку таких факторов, как демографический переход и технологические революции. В XX в. мальтузианство возродилось в дискуссиях о перенаселении, например, в докладе Римского клуба «Пределы роста»⁶ и в политике Китая «Одна семья — один ребёнок»⁷. Сегодня, в эпоху снижения рождаемости в развитых странах, его предупреждения актуальны для регионов с быстрым приростом населения и ограниченными ресурсами, таких как Африка к югу от Сахары.

⁴ Мальтус Т.Р. Опыт закона о народонаселении. — Москва : Наше завтра, 2022. — 320 с.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала») // Соч.: в 50 т. Т. 46. Ч. I., 2-е изд. — Москва : Государственное издательство политической литературы, 1954. — 440 с.

⁶ Медоуз Д.Х., Медоуз Д.Л., Рандерс Й., Беренс В. Пределы роста. — Москва : Издательство МГУ, 1991. — 208 с.

⁷ Xu B. Chairman Mao's Children: Generation and the Politics of Memory in China / B. Xu. — Cambridge : Cambridge University Press, 2021. — 300 p.

Герберт Спенсер, один из основоположников теории социального дарвинизма, рассматривал демографические процессы через призму эволюционного развития общества. Его подход к управлению демографическим развитием был тесно связан с идеями естественного отбора, минимального государственного вмешательства и саморегуляции социальных систем. Г. Спенсер полагал, что общество развивается по законам, аналогичным биологическим и распространил дарвиновские принципы на социальную сферу, утверждая, что конкуренция и выживание наиболее приспособленных служат двигателем прогресса. Согласно его концепции, демографические процессы (рождаемость, смертность, миграция) регулируются механизмами естественного отбора. Высокую рождаемость в бедных слоях и смертность среди «неприспособленных» (вследствие болезней или нищеты) он рассматривал как факторы «очищения» социума и поддержания его жизнеспособности. Регулирование демографических процессов должно исключать участие государства, поскольку оно нарушает естественный ход эволюции [4]. Г. Спенсер утверждал, что любые попытки государства контролировать рождаемость населения, поддерживать слабых или ограничивать миграцию ведут к социальной деградации⁸. В частности, программы помощи бедным, в его интерпретации, сохраняли «неприспособленных» элементы популяции, ослабляя её в долгосрочной перспективе. Таким образом, управление демографическим развитием сводилось к принципу невмешательства, государство должно лишь обеспечивать условия для свободной конкуренции, позволяя демографическим процессам автономно регулироваться через механизмы естественного отбора.

Учёный рассматривал общество как живой организм, способный к саморегуляции, а демографические дисбалансы (перенаселение или депопуляцию) — как вре-

⁸ Оригинальное название книги «The Man versus the State» («Личность против государства»), но на русском языке она была издана под названием «Личность и государство»: Спенсер Г. Личность и государство. — Санкт-Петербург: Вестник знания, 1908. — 84 с.

менные явления, устраняемые через адаптацию. Эта позиция, сохраняя мальтузианскую основу, акцентировала не катастрофические, а эволюционные сценарии преодоления кризисов. Его оппоненты отмечали аморальность оправдания детской смертности, отрицания социальной поддержки и имплицитных евгенических идей (хотя сам учёный избегал прямых призывов к евгенике) [5]. Тем не менее, его теории значительно повлияли на развитие социологии и демографии, подчеркнув взаимосвязь биологических и социальных процессов. Впоследствии неомальтузианцы и либертарианцы использовали аргументы Г. Спенсера для обоснования ограничения роли государства в демографической политике [6].

Более поздним сторонником минимального вмешательства государства в том числе и в демографические процессы можно назвать представителя либеральной школы Фридриха фон Хайека. Как и в случае с рыночной экономикой в целом, он считал, что демографические изменения — это результат миллионов индивидуальных решений отдельно взятых людей, которые невозможно регулировать сверху без угрозы свободе и эффективности. Ф. Хайек критиковал любые попытки регулирования демографических процессов, считая их утопическими и опасными. Он считал, что демографический рост становится угрозой в ситуации, когда он опережает внутреннее социальное расслоение. Иными словами, опасность возникает при увеличении доли «однотипных индивидов», чьи роли в обществе недостаточно дифференцированы⁹.

Помимо полемики между сторонниками невмешательства и активного регулирования, в демографической науке сформировалась концепция демографического оптимума, направленная на поиск научно обоснованного целевого ориентира для политики. Эта концепция предполагала, что государство может и должно стремиться к достижению наилучшего типа воспроизводства населения, сбалансированного по интенсивности рождаемости и смертности, а так-

же по демографическим структурам. Зарубежные исследователи (например, шведский экономист К. Виксель) часто трактовали оптимум в мальтузианском ключе, акцентируя проблему избыточности населения. Более сбалансированный, экономико-социологический подход развивал французский демограф А. Сови, связывая оптимум с темпами экономического роста. В советской демографической школе 1970-х гг. (А. Я. Боярский, А. Я. Кваша и другие) эта концепция разрабатывалась в контексте плановой экономики и была направлена на определение параметров эффективной демографической политики. Исследования на основе математических моделей показали, что оптимальный тип воспроизводства населения в долгосрочной перспективе мог характеризоваться нетто-коэффициентом воспроизводства населения в интервале от 1,0 до 1,2¹⁰. Таким образом, концепция оптимума была сфокусирована на позитивном целодостижении, представляя собой попытку найти рациональный и научно обоснованный компромисс.

Французский философ Мишель Фуко предлагал глубокий анализ управления демографическим развитием через призму своих ключевых концепций: биополитики, биовласти и правительственности¹¹. Его подход раскрывает, как современные государства осуществляют контроль над населением, трансформируя человеческую жизнь в объект управления и оптимизации. М. Фуко вводит ключевое понятие правительственности как искусства управления, сочетающего техники контроля и производства знаний¹². Согласно его концепции, основной объект власти — население; основная форма знания — политическая экономия; а ключевой инструмент — аппараты безопасности. Демографическая политика в этой парадигме реализуется не через

¹⁰ Кваша А. Я. Проблемы демографического оптимума. Курс лекций. — Москва : Издательство Московского университета, 1974. — 104 с.

¹¹ Фуко М. Безопасность, территория, население: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году. — Санкт-Петербург: Наука, 2011.

¹² Фуко М. Правительственность (идея государственного интереса и её генезис) // Логос. — 2003. — № 4–5(39). — С. 4–22.

⁹ Хайек фон Ф. А. Пагубная самонадеянность. — Москва : АСТ, 2023. — 286 с.

прямое принуждение, а через науку, статистику и институциональные механизмы, трансформирующие жизнь в данные. Переписи населения, эпидемиологические отчеты и миграционная аналитика создают дискурсивные «истины», легитимирующие государственное вмешательство. Эти данные, подчёркивает М.Фуко, никогда не бывают нейтральными: они всегда отражают властные интересы и способствуют нормализации общества, управление демографией связано с установлением норм, государства определяют «здоровые» показатели рождаемости, «допустимый» уровень иммиграции или «оптимальную» структуру семьи. Политика одного ребенка в Китае, европейское законодательство о репродуктивном здоровье и миграционные квоты — все эти практики, по М.Фуко, маргинализируют тех, кто не соответствует установленным нормам. Такое управление не просто регулирует поведение, но и формирует субъективность, заставляя индивидов интернализировать государственные установки через пропаганду мало- или многодетности, культуру «ответственного родительства» и подобное. М.Фуко выявляет парадокс современности: забота о жизни оборачивается её подчинением. В капиталистических обществах, где здоровье и продуктивность граждан прямо коррелируют с экономическими показателями, биополитика приводит к дегуманизации, превращая людей в набор статистических показателей. Философ предупреждает об опасности «общества контроля», где даже такие интимные сферы, как планирование семьи или миграционные решения, становятся объектом регулирования. Таким образом, по М.Фуко, управление демографическим развитием — это не технический вопрос, а сложный механизм власти, соединяющий знание, нормализацию и контроль.

Концепция наджинга, предложенная Р.Талером и К.Санстейном в 2008 г., предлагает новый взгляд на управление поведением, в том числе демографическим [7]. Согласно концепции наджинга, небольшие изменения в окружающей среде или контексте могут значительно повлиять на по-

ведение людей, не требуя принуждения или жестких ограничений. Наджинг использует знания из поведенческой экономики и психологии, чтобы мягко направлять людей к принятию решений, которые считаются более выгодными для них самих и общества в целом. В контексте демографического развития наджинг может быть использован для стимулирования желаемого поведения: ведение здорового образа жизни, повышение рождаемости, регулирование миграций. Наджинг не ограничивает свободу людей, а лишь создает условия, которые делают желаемое поведение привлекательным. Несмотря на свои преимущества, концепция наджинга не лишена критики¹³. Некоторые исследователи считают, что даже мягкое подталкивание может быть формой манипуляции, особенно если люди не осознают, что их поведение направляется¹⁴. Кроме того, наджинг может быть менее эффективным в ситуациях, где требуются радикальные изменения, такие как борьба с глубокими социальными или экономическими проблемами.

Классическая евгеника, зародившаяся в конце XIX в., представляет собой один из самых противоречивых подходов к управлению демографическим развитием. Основанная на идеях селекции и улучшения человеческой популяции, она была основана Фрэнсисом Гальтоном, двоюродным братом Чарльза Дарвина, который в 1883 г. ввел сам термин «евгеника» (от греч. *eugenes* — «хорошего рода»). Ф.Гальтон считал, что талант, интеллект и моральные качества наследуются, а потому общество должно поощрять размножение «лучших» и ограничивать размножение «неполноценных»¹⁵. Целью евгеники было создание «совершенного человека» через контроль над наследственностью, что, по мнению её сторонников, должно

¹³ Schmidt A.T. & Engelen B. The ethics of nudging: An overview // *Philosophy compass*. — 2020. — No. 15(4). — e12658.

¹⁴ Hansen P.G. & Jespersen A.M. Nudge and the manipulation of choice: A framework for the responsible use of the nudge approach to behaviour change in public policy // *European journal of risk regulation*. — 2013. — No. 4(1). — P 3–28.

¹⁵ Гальтон Ф. Наследственность таланта: законы и последствия. — Москва : Мысль, 1996. — 270 с.

было привести к улучшению качества населения. Классическая евгеника разделялась на два направления: позитивную и негативную. Позитивная евгеника предполагала поощрение рождаемости среди «биологически ценных» групп населения. Это направление включало финансовые стимулы, пропаганду многодетности среди «успешных» семей и создание условий для их благополучия. Негативная евгеника была направлена на ограничение размножения «неполноценных» групп. Методы включали принудительную стерилизацию, запреты на браки, сегрегацию и даже эвтаназию. Эти методы основывались на идее, что демографическое развитие можно улучшить, если исключить из популяции «нежелательные» элементы и увеличить долю «ценных» генов. Классическая евгеника подверглась жесткой критике как с научной, так и с этической точки зрения. Многие предположения евгеников о наследовании интеллекта и моральных качеств оказались ошибочными. Современные исследования доказали, что такие сложные признаки, как интеллект или поведение, определяются не только генами, но и средой, образованием и социальными условиями. Кроме того, методы классической евгеники нарушали базовые права человека и приводили к дискриминации миллионов людей. Ярким примером злоупотребления евгеникой стала нацистская программа расовой гигиены. Несмотря на дискредитацию, классическая евгеника оставила глубокий след в истории демографической политики [8].

Прогресс в генетике, а именно технологии редактирования генома и преимплантационная генетическая диагностика (ПГД), позволил переосмыслить евгенику как инструмент индивидуального выбора, а не государственного принуждения. В 2012 г. было опубликовано исследование о революционной технологии редактирования генов (CRISPR), которая позволяет точно изменять ДНК живых организмов [9]. За эту работу Э. Шарпантье и Д. Дудна в 2020 г. получили Нобелевскую премию. Технология CRISPR возродила дебаты о «дизайнерских детях», но с акцентом на добровольность

и этику, что привело к появлению так называемой либеральной евгеники¹⁶. «Дизайнерские дети» — это неофициальный термин, описывающий детей, чьи генетические характеристики были искусственно изменены или подобраны на этапе зачатия или эмбрионального развития. Суть подхода заключается в улучшении генетических характеристик потомства через добровольные решения родителей, а не государственные меры [10]. Генное редактирование также позволяет «исправлять» или добавлять определенные гены в эмбрионе. Таким образом технология CRISPR позволяет «спроектировать» здоровье, физические черты (цвет глаз, рост) и другие дополнительные возможности, например, повышенную устойчивость к ВИЧ. На данный момент это не массовая практика, но развитие CRISPR и других технологий делает «дизайнерских детей» всё более реальными. Вопрос в том, как общество будет регулировать такие возможности, поскольку либеральная евгеника в своей основе морально проблематична, балансируя между научным прогрессом и этическими рисками. [11]. С одной стороны, она рассматривается как путь к снижению страданий и повышению качества жизни, с другой стороны, это путь к социальному неравенству и утрате идентичности.

«Рука об руку» с либеральной евгеникой идёт трансгуманизм, идеи которого, направленные на радикальное преобразование человеческой природы, уходят корнями в философские концепции XIX–XX веков. Одной из ключевых предпосылок стала ницшеанская идея «сверхчеловека», акцентирующая преодоление ограничений традиционной морали и биологии. Однако практическое воплощение этих идей стало возможным лишь с развитием научно-технологического прогресса, включая открытие структуры ДНК и становление кибернетики. Эти достижения заложили основу для манипуляций с биологией человека на молекулярном уровне. Суть трансгуманизма заключается в использовании технологий для преодоления базовых биоло-

¹⁶ López B.R. Liberal eugenics, coercion and social pressure // Enrahonar. An international journal of theoretical and practical reason. — 2024. — No. 72. — P. 73–89.

гических ограничений (старения, болезней, смерти) и создания «постчеловека» с расширенными физическими и когнитивными возможностями [12; 13]. К инструментам трансгуманизма относят генную инженерию, наномедицину, искусственный интеллект и крионику. Однако, как отмечают критики, эти технологии могут быть использованы не только для индивидуального совершенствования, но и как механизмы социального контроля. Например, нейроинтерфейсы и цифровые платформы, демонстрируют потенциал технологий для регулирования поведения населения. Предельным случаем трансгуманизма является идея искусственного воспроизводства населения о которых говорится в антиутопиях О.Л.Хаксли «О дивный новый мир»¹⁷ и Е.И.Замятина «Мы»¹⁸, где технологический контроль над биологией становится инструментом тоталитаризма. Оба автора подчёркивают, что устранение естественного рождения и семьи превращает человека в функциональный элемент системы, лишённый автономии. Несмотря на эти предупреждения, исследования в области искусственного воспроизводства продолжают. Например, проекты по разработке искусственных маток показывают, что технологии, описанные в антиутопиях, постепенно становятся реальностью¹⁹. Как отмечает философ Ю.Н.Харари, трансгуманизм может привести к разделению человечества на «улучшенных» и «архаичных», что угрожает фундаментальным принципам равенства²⁰. Таким образом, трансгуманизм, сочетающий философские амбиции и технологические возможности, остаётся полем острой дискуссии.

Перечисленные концепции сформировали общемировую дискуссию о управлении демографическим развитием. И среди российских исследователей вопрос о степе-

ни и формах государственного вмешательства в демографические процессы остаётся предметом активных дискуссий. Сторонники концепции естественной регуляции утверждают, что демографические процессы обладают свойствами саморегуляции, аналогичными природным популяционным механизмам. Они приводят данные, что сокращение численности населения может отражать естественные социально-экономические трансформации и иметь определённые экономические выгоды. При этом государственное вмешательство оценивается как малоэффективное и требующее неоправданно высоких бюджетных затрат [1; 14]. Иную точку зрения разделяют сторонники активной демографической политики (А.И. Антонов, В.Н. Архангельский, В.В. Елизаров, Ж.А. Зайончковская, Л.Л. Рыбаковский, А.Б. Синельников, А.А. Ткаченко и многие другие). Их исследования показывают, что целенаправленные государственные меры способны существенно влиять на демографические показатели [15–18]²¹. М.А. Клупт критикует избыточное государственное регулирование и предлагает гибкую модель, где государство регулирует демографические процессы через институты и адаптивные механизмы, учитывая экономику, культуру и ценности общества [19].

Для систематизации и наглядного представления методов и подходов, используемых в практиках государственного регулирования демографических процессов, приведём обобщающую табл. 1, которая позволяет сравнить основные характеристики рассмотренных концепций.

Проведённый анализ методов и подходов к управлению демографическим развитием от религиозного детерминизма до трансгуманизма позволяет сформулировать ключевой вывод: в современных усло-

¹⁷ Хаксли О.Л. О дивный новый мир. — Москва : АСТ, 2024. — 718 с.

¹⁸ Замятин Е.И. Мы. — Москва : DeAgostini, 2019. — 371 с.

¹⁹ Oei G. The Artificial Womb: State of the Art. // The Artificial Womb. Copernicus Books. — Cham : Springer, 2025. DOI: 10.1007/978-3-031-85905-2_8

²⁰ Харари Ю.Н. Homo Deus. Краткая история будущего / пер. с англ. А. Андреева. — Москва : Синдбад, 2018. — 496 с.

²¹ В статье приведены лишь некоторые работы упомянутых отечественных авторов, отражающие их взгляды. Полный перечень их научного наследия значительно шире, но в силу ограниченного объема публикации был подвергнут строгой селекции. Заинтересованные читатели могут обратиться к специализированным библиографическим базам (например, РИНЦ) для более детального изучения.

Таблица 1

Масштабы государственного регулирования в демографической сфере

Table 1

Scope of state regulation in the demographic sphere

Уровень	Подходы и методы	Цель	Концептуализация (представители)
Полное невмешательство	Божественный порядок	Наблюдение	Естественное регулирование (И. П. Зосмильх)
	Спонтанный порядок	–	Стихийное взаимодействие (Ф. А. фон Хайек)
	Социальный дарвинизм	–	Саморегуляция через отбор (Г. Спенсер)
Косвенное регулирование / ограниченное вмешательство	Наджинг	Создание «экосистемы решений», где желательное демографическое поведение становится естественным следствием среды, а не результатом принуждения	Мягкое подталкивание (Р. Талер, К. Н. Санстейн)
	Биополитика	Создание управляемого, предсказуемого и экономически полезного населения	Государство управляет демографией через науку и статистику. Вмешательство скрытое, но системное. (М. Фуко)
	Институциональный подход	Адаптация к демографическим тенденциям	Баланс государственного регулирования и индивидуальных свобод (М. А. Клупт).
Активная демографическая политика / умеренное вмешательство	Напрямую зависят от того, как определяется оптимум и в какой социально-экономической системе он реализуется	Оптимизация демографических процессов для решения определенных социально-экономических задач	Демографический оптимум (А. Сови, А. Я. Боярский, А. Я. Кваша, Я. И. Рубин)
	Социальные программы	Достижение целей демографической политики	Системное стимулирование (А. И. Антонов, В. Н. Архангельский, В. В. Елизаров, А. Б. Синельников, Л. Л. Рыбаковский и др.)
	Либеральная евгеника	Добровольная корректировка генетических характеристик будущих детей	Регулирование доступа к технологиям
Жесткий контроль	Превентивные меры	Контроль рождаемости	Предотвращение катастрофы (Т. Р. Мальтус)
	Запреты (на аборт, на эмиграцию/иммиграцию)	Национальная безопасность	Геополитическое укрепление (В. И. Якунин и С. С. Сулакшин)
Тотальное управление	Позитивная и негативная евгеника	Улучшение популяции	Общество должно управлять эволюцией человека. Поощрение рождаемости «лучших» и ограничение «неполноценных» (Ф. Гальтон)
	Трансгуманизм (ИИ, генетика)	Преодоление биологических ограничений	Технологический контроль (Н. Бостром, Р. Курцвейл)

Источник: составлено автором.

виях ни одна из рассмотренных парадигм в отдельности не является достаточной для разработки устойчивой и эффективной демографической стратегии. Жёсткие методы контроля, будь то мальтузианские ограничения или тотальная евгеника, исторически доказали свою этическую несостоятельность и способность провоцировать острые социальные конфликты. В то же время, политика полного невмешательства оказывается неадекватной перед лицом структурных вызовов, таких как стремительное старение населения или депопуляция. Успешная демографическая стратегия XXI в. не может базироваться на одной парадигме. Она требует прагматичного, гибкого и этически ответственного комбинирования инструментов с обязательным учётом локального социально-культурного контекста. Это подразумевает отказ от поиска универсального решения в пользу адаптивного подхода, где 1) косвенные методы (наджинг, био-

политика в её современном, мягком проявлении) формируют долгосрочную среду, благоприятную для достижения демографических целей, не ущемляя автономию личности; 2) прямое стимулирование (целевые демографические и социальные программы) адресно воздействует на ключевые барьеры (экономические, инфраструктурные), выявленные в конкретном социуме; 3) этико-правовые рамки становятся обязательным фундаментом, ограничивающим применение спорных технологий (либеральная евгеника, трансгуманизм) и предотвращающим их превращение в инструмент социального расслоения. Таким образом, эффективное управление демографическим развитием представляет собой иерархическую систему, где тактическое регулирование служит инструментом для достижения стратегических целей управления, сочетая эффективность, этику и особенности локального контекста.

Литература и Интернет-источники

1. **Вишневский, А.Г.** Демографический переход и проблема демографического саморегулирования. Ответ А.Б. Синельникову / А.Г. Вишневский // Социологический журнал. — 2019. — Т. 25, № 4. — С. 93–104. DOI: 10.19181 / socjour.2019.25.4.6820; EDN: ZTXAYA
2. Государственная политика вывода России из демографического кризиса. 2-е изд. / В.И. Якунин, [и др.]. — Москва : Экономика, 2007. — 888 с. EDN: TDNNAB
3. **Дорлинг, Д.** Почему важна демография / Д. Дорлинг, С. Гител-Бастен // Экономическая социология. — 2022. — Т. 23. — № 2. — С. 36–64. DOI: 10.17323 / 1726-3247-2022-2-36-64; EDN: VGONQQ
4. **Вишневский, А.Г.** Герберт Спенсер — забытый отец теории демографического перехода / А.Г. Вишневский // Демографическое обозрение. — 2019. — Т. 6. — № 1. — С. 6–31. EDN: WKXGFG
5. **Воробьев, В. С.** К 200-летию со дня рождения Герберта Спенсера — выдающегося ученого-энциклопедиста XIX века / В.С. Воробьев // Теоретическая и экспериментальная психология. — 2020. — Т. 13. — № 2. — С. 90–108. EDN: NSNHPY
6. **Pearl, R.** On the Rate of Growth of the Population of the United States since 1790 and its Mathematical Representation / R. Pearl, L.J. Reed // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America (PNAS; USA). — 1920. — Vol. 6 — No. 6. — P. 275–288.
7. **Талер, Р.** Архитектура выбора. Как улучшить наши решения о здоровье, благополучии и счастье / Р. Талер, К.Н. Санстейн. — Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2017. — 240 с.
8. **Саймиддинов, А.К.** Советская евгеника: идеи по преобразованию «человеческой породы» / А.К. Саймиддинов // Abyss (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). — 2021. — № 1(15). — С. 26–34. EDN: QNVWBU
9. **Jinek, M.** A programmable dual-RNA-guided DNA endonuclease in adaptive bacterial immunity / M. Jinek K. Chylinski, I. Fonfara, [at all.] // Science. — 2012. — Vol. 337. — Iss. 6096. — P. 816–821. DOI: 10.1126 / science.1225829

10. **Буйнякова, И. С.** «Дизайнерские младенцы»: социально-этические проблемы биотехнологического проектирования будущих детей / И.С. Буйнякова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. — 2017. — № 10(259). — С. 130–139. EDN: ZCJEHR
11. **Хен, Ю.В.** Философский анализ проблемы усовершенствования человека в свете расширения возможностей биотехнологий / Ю.В. Хен, С.А. Михайлина // Вопросы философии. — 2022. — № 5. — С. 36–46. DOI: 10.21146/0042-8744-2022-5-36-46; EDN: WKAXJG
12. **Кириленко, В.Г.** Идеино-исторические основания концепции «улучшения человека» / В.Г. Кириленко // Человек. — 2021. — Т. 32. — № 3. — С. 135–151. DOI: 10.31857/S023620070015652-4; EDN: TLUUCK
13. **Ростова, Н.Н.** Философские истоки постгуманизма: к проблеме нечеловеческого / Н.Н. Ростова // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. — 2023. — № 72. — С. 151–162. DOI: 10.17223/1998863X/72/14; EDN: KUWYRS
14. **Вишневский, А.Г.** Демографические тормоза экономики / А.Г. Вишневский, Е.М. Щербакова // Вопросы экономики. — 2018. — № 6. — С. 48–70. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-6-48-70; EDN: XPUDWN
15. **Архангельский, В.Н.** Дети или материальный достаток: детерминация выбора / В.Н. Архангельский, В.В. Елизаров, Н.Г. Джанаева // Уровень жизни населения регионов России. — 2021. — Т. 17. — № 1. — С. 102–120. DOI: 10.19181/lsprr.2021.17.1.8; EDN: KKBDAI
16. **Елизаров, В.В.** Материнский (семейный) капитал как программа поддержки семей с детьми: итоги реализации и перспективы развития (часть первая) / В.В. Елизаров, Н.Г. Джанаева // Уровень жизни населения регионов России. — 2020. — Т. 16. — № 3. — С. 38–48. DOI: 10.19181/lsprr.2020.16.3.3; EDN: DOXTNS
17. **Рыбаковский, Л.Л.** Демографическая безопасность / Л.Л. Рыбаковский // Безопасность Евразии. — 2003. — № 3. — С. 154–186. EDN: QZVRTB
18. **Синельников, А.Б.** Семейно-демографическая политика и пути повышения ее эффективности / А.Б. Синельников // Социология. — 2022. — № 2. — С. 162–173. EDN: DXTKIA
19. **Ткаченко, А.А.** Актуальные проблемы развития регионов России: экономика и демография / А.А. Ткаченко // Экономика. Налоги. Право. — 2024. — Т. 17. — № 3. — С. 115–124. DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-3-115-124; EDN: LAZTXW
20. **Клупт, М.А.** Теория демографического развития: институциональная перспектива / М.А. Клупт // Общественные науки и современность. — 2005. — № 2. — С. 139–149. EDN: OOVGVX

Сведения об авторе:

Неклюдова Наталья Павловна, к.э.н., старший научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия.

Контактная информация: e-mail: neklyudova.np@uiec.ru; ORCID: 0000-0002-5026-1394; РИНЦ SPIN-код: 2555-0827.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-29-41

DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT: CORE GOVERNANCE APPROACHES

Natalia P. Neklyudova

Institute of Economics of the Ural Branch RAS
(29 Moskovskaya str., Ekaterinburg, Russia, 20014)

E-mail: neklyudova.np@uiec.ru

For citation:

Neklyudova N. P. Demographic development: core governance approaches. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 4. P. 29–41. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-29-41 (in Russ.)

Abstract. The article analyzes historic and contemporary approaches to regulating demographic processes, classifying them by the degree of state intervention, and evaluating their effectiveness and ethical implications. It examines key concepts ranging from religious determinism and Malthusian ideas to modern methods, such as nudging, liberal eugenics, and transhumanism. Special attention is given to the contradictions between proponents of natural self-regulation and advocates of active state intervention. The study aims to systematize the diversity of demographic governance approaches, highlighting their strengths and weaknesses. Analysis of the state intervention in demographic development reveals an evolution from non-interventionist concepts to contemporary moderate regulation and strict control measures. The article demonstrates that coercive methods often violate human rights and provoke social conflicts, while soft tools may prove ineffective in addressing deep structural challenges. The findings suggest that modern demographic policy requires a balance between efficiency and ethics, accounting for both local specifics and global trends. Radical approaches, such as transhumanism and gene editing, are critically assessed, with emphasis placed on the importance of interdisciplinary dialogue in developing sustainable strategies. This article is intended for researchers in demography, sociology, political science, and bioethics, as well as policymakers involved in designing and implementing demographic programs. The review is based on analysis of a wide range of sources, including classical works, modern scientific studies, and government programs data.

Keywords: demographic governance, demographic regulation, population policy, state regulation.

References and Internet sources

1. Vishnevsky A. G. Demograficheskiy perekhod i problema demograficheskogo samoregulirovaniya. Otvet A. B. Sinel'nikovu [Demographic transition and the problem of demographic self-regulation. Answer to A. B. Sinelnikov]. *Sotsiologicheskii zhurnal [Sociological Journal]*. 2019. Vol. 25. No. 4. P. 93–104. DOI: 10.19181/socjour.2019.25.4.6820 (in Russ.)
2. Yakunin V. I., et. al. Gosudarstvennaya politika vyvoda Rossii iz demograficheskogo krizisa [State Policy of Bringing Russia out of the Demographic Crisis]. 2nd ed. 2007. Moscow. Ekonomika [Economics], 2007. 888 p. (in Russ.)
3. Dorling D., Gietel-Basten S. Pochemu vazhna demografiya [Why demography matters (excerpt)]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya [Journal of Economic Sociology]*. 2022. Vol. 23. No. 2. P. 36–64. DOI: 10.17323/1726-3247-2022-2-36-64 (in Russ.)
4. Vishnevsky A. G. Gerbert Spenser: nepriznannyj otets teorii demograficheskogo perekhoda [Herbert Spencer: the unrecognized father of the theory of demographic transition]. *Demograficheskoye obozreniye [Demographic Review]*. 2019. Vol. 6. No. 1. P. 6–31. DOI: 10.17323/demreview.v6i1.9110 (in Russ.)
5. Vorobyev V. S. K 200-letiyu so dnya rozhdeniya Gerberta Spensera — vydayushchegosya uchonogo-entsiklopedista 19 veka [On the 200th anniversary of the birth of Herbert Spencer — an outstanding scientist and encyclopedist of the XIX century]. *Teoreticheskaya i eksperimentalnaya psikhologiya [Theoretical and Experimental Psychology]*. 2020. Vol. 13. No. 2. P. 90–107. (in Russ.)
6. Pearl R., Reed L. J. On the rate of growth of the population of the United States since 1790 and its mathematical representation. [Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America (PNAS, USA)]. 1920. Vol. 6. No. 6. P. 275–288.
7. Thaler R., Sunstein C. R. Arkhitektura vybora. Kak uluchshit' nashi resheniya o zdorov'e, blagopoluchii i schast'e [Nudge: Architecture of Choice. Improving Decisions about Health, Wealth, and Happiness]. Moscow. Mann, Ivanov and Ferber. 2018. 240 p. (in Russ.)
8. Saimiddinov A. K. Sovetskaya yevgenika: idei po preobrazovaniyu «chelovecheskoy porody» [Soviet eugenics: ideas for transforming the «human race»]. *Abyss (Voprosy filosofii, politologii i sotsialnoy antropologii) [Abyss (Issues of Philosophy, Political Science, and Social Anthropology)]*. 2021. No. 1(15). P. 26–34. (in Russ.)
9. Jinek M., Chylinski K., Fonfara I., et. al. A programmable dual-RNA-guided DNA endonuclease in adaptive bacteril immunity. *Science*. 2012. Vol. 337. Iss. 6096. P. 816–821. DOI: 10.1126/science.1225829

10. Buynyakova I. S. «Dizaynerskiye mladentsy»: sotsial'no-eticheskiye problemy biotekhnologicheskogo proektirovaniya budushchikh detey [«Designer babies»: socio-ethical issues of biotechnological engineering of future children]. Nauchnyye vedomosti belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo [Scientific Bulletin of Belgorod State University. Philosophy. Sociology. Law]. 2017. Vol. 40. No. 10(259). P. 130–139. (in Russ.)
11. Khen Yu. V., Mikhailina S. A. Filosofskiy analiz problemy usovershenstvovaniya cheloveka v svete rasshireniya vozmozhnostej biotekhnologii [Philosophical analysis of the problem of human improvement in the expansion of the possibilities of biotechnology]. Voprosy filosofii [Russian Studies in Philosophy]. 2022. No. 5. P. 36–46. DOI: 10.21146/0042-8744-2022-5-36-46 (in Russ.)
12. Kirilenko V. G. Idejno-istoricheskije osnovaniya kontseptsii «uluchsheniya cheloveka» [Sources of the concept of human enhancement in the history of ideas]. Chelovek [Human]. 2021. Vol. 32. No. 3. P. 135–151. DOI: 10.31857/S023620070015652-4 (in Russ.)
13. Rostova N. N. Filosofskie istoki postgumanizma: k probleme nechelovecheskogo [Philosophical origins of posthumanism: on the problem of the non-human]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science]. 2023. No. 72. P. 151–162. DOI: 10.17223/1998863X/72/14 (in Russ.)
14. Vishnevsky A. G., Shcherbakova E. M. Demograficheskiye tormoza ekonomiki [Demographic Brakes of the Economy]. Voprosy Ekonomiki [Issues of Economics]. 2018. No. 6. P. 48–70. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-6-48-70 (in Russ.)
15. Arkhangelsky V. N., Elizarov V. V., Dzhanayeva N. G. Deti ili material'nyy dostatok: determinatsiya vybora [Children or material support: the determination of choice]. Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2021. Vol. 17. No. 1. P. 102–120. DOI: 10.19181/lsprr.2021.17.1.8 (in Russ.)
16. Elizarov V. V., Dzhanayeva N. G. Materinskiy (semeynnyy) kapital kak programma podderzhki semeys det'mi: itogi realizatsii i perspektivy razvitiya (chast' pervaya) [Maternity (family) capital as a support program for families with children: implementation results and development prospects (Part One)]. Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2020. Vol. 16. No. 3. P. 38–48. DOI: 10.19181/lsprr.2020.16.3.3 (in Russ.)
17. Rybakovsky L. L. Demograficheskaya bezopasnost' [The demographic security]. Bezopasnost' Yevrazii [Security of Eurasia]. 2003. No. 3. P. 154–186. (in Russ.)
18. Sinelnikov A. B. Semeyno-demograficheskaya politika i puti povysheniya yeyo effektivnosti [Family-demographic policy and ways to improve its effectiveness]. Sotsiologiya [Sociology]. 2022. No. 2. P. 162–173. (in Russ.)
19. Tkachenko A. A. Aktual'nyye problemy razvitiya regionov Rossii: ekonomika i demografiya [Actual Problems of Development of Russian Regions: Economics and Demographics]. Ekonomika. Nalogi. Pravo [Economics, Taxes and Law]. 2024. No. 3(17). P. 115–124. DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-3-115-124 (in Russ.)
20. Klupt M. A. Teoriya demograficheskogo razvitiya: institutsional'naya perspektiva [Theory of demographic development: institutional perspective]. Obshchestvennyye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Contemporary World]. 2005. No. 2. P. 139–149. (in Russ.)

Information about the authors:

Neklyudova Natalia Pavlovna, Candidate of Economics, Senior Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch RAS, Ekaterinburg, Russia.

Contact information: e-mail: neklyudova.np@uiec.ru; ORCID: 0000-0002-5026-1394; Elibrary SPIN-code: 2555-0827.

Статья поступила в редакцию 05.02.2025, утверждена 10.11.2025, опубликована 30.12.2025.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-42-53
EDN: NOYIBK

ДИНАМИКА И КОМПОНЕНТЫ ИЗМЕНЕНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ

Зорин Д. П.¹, Медведь В. А.^{1,2*}

¹ИДИ ФНИСЦ РАН

(119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой 6, к. 1)

²Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

(119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, 76)

*E-mail: viktoriyamedved@gmail.com

Для цитирования:

Зорин Д. П., Медведь В. А. Динамика и компоненты изменения численности населения этнонациональных регионов России // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 4. — С. 42-53.
DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-4-42-53; EDN: NOYIBK

Аннотация. В статье проведён анализ динамики естественного движения населения и динамики миграционного прироста в этнонациональных регионах России. Выявлены ключевые факторы, определяющие характеристики рождаемости, смертности и миграционной подвижности населения, дана оценка их влияния на социально-экономическое развитие данных территорий, а также определены факторы, способствующие притоку и оттоку населения в исследуемых регионах. Особое внимание уделено выявлению взаимосвязей между различными демографическими показателями, что позволяет глубже понять существующие проблемы в системе управления демографическими процессами. В рамках исследования проанализированы 26 субъектов РФ за период с 2010 по 2023 годы. В ходе анализа выявлена тенденция миграционной убыли населения в большинстве этнонациональных регионов России, зафиксировано стабильное снижение темпов воспроизводства населения в данных субъектах. Проведено сравнение показателей за пятилетний период — до пандемии коронавирусной инфекции (2019 г.) и после (2023 г.). В ходе анализа 2019–2023 гг. установлено, что рост населения в рассматриваемых субъектах обусловлен в большей мере естественным приростом, чем миграционным. В абсолютных значениях среднегодовой численности населения за 5 лет наибольший рост отмечен в республиках Дагестан и Татарстан, наибольшее снижение — в республиках Коми и Карелия. Наиболее высокий миграционный прирост зафиксирован в Ханты-Мансийском АО — Югра и Республике Татарстан, что может быть обусловлено высокой привлекательностью регионов для трудовой миграции. Миграционная убыль выше всего в республиках Дагестан и Чеченская. Ввиду положительного естественного прироста некоторые этнонациональные субъекты являются регионами-донорами населения для других регионов России. Миграционные процессы напрямую связаны с экономическим развитием регионов — отток обусловлен прежде всего социально-экономическими факторами. Авторами выявлена взаимосвязь между показателями воспроизводства населения и финансовым благополучием граждан. В ходе анализа авторы приходят к выводу о важности внедрения новых и усовершенствования старых инструментов реализации демографической политики.

Ключевые слова: численность населения, этничность, естественное движение населения, рождаемость, миграционный отток, убыль населения, этнонациональные регионы России.

Естественное и механическое (миграционное) движение населения являются двумя важными составляющими демографической динамики, определяющими не только количественные, но и качественные характеристики населения в различных регионах. В России, стране с богатым этнокультурным разнообразием, особо актуально изучение как естественного, так и механического движения населения в этнонациональных регионах. В рамках текущего исследования под этнонациональными понимаются регионы России, в которых название этнических групп отражается в названии республики, автономных округов и автономной области. Оценки и анализ статистических показателей демографических процессов в исследуемых регионах важны для построения стратегии и прогнозов их развития¹. Хронологические рамки исследования опираются на анализ динамики естественного и миграционного движения населения в период с 2010 по 2023 годы. Анализ базируется на данных Росстата, в том числе данных Всероссийской переписи населения 2010 года.

Влияние миграционного и естественного движения населения на демографическую структуру этнонациональных регионов

На сегодняшний день в этнонациональных регионах России имеются тенденции к ухудшению демографической ситуации, что характеризуется депопуляцией, сокращением численности населения, его миграционной и(или) естественной убылью [1]. При этом процессы естественного движения населения и миграции являются основопо-

лагающими составляющими как роста населения, так и его убыли. На фоне общероссийских тенденций этнонациональные регионы страны имеют свои особенности движения населения. К примеру, этнонациональные республики Северного Кавказа на фоне других субъектов РФ выделяются более молодой возрастной структурой, ростом численности населения и высоким коэффициентом суммарной рождаемости. Однако в миграционном обмене с другими регионами и странами для них характерна миграционная убыль населения [2]. Вместе с тем, миграционные процессы играют значимую роль в динамике этносоциального развития народов Северного Кавказа, Сибири и других регионов страны [3]. Таким образом, миграционные процессы оказывают прямое влияние на динамику численности населения, его демографическую структуру и этнический состав.

В динамике 2010–2023 гг. в среднем значении миграционный прирост наблюдается лишь в 6-ти этнонациональных субъектах РФ: Республика Адыгея — самый высокий показатель прироста в 6,80%, Республика Ингушетия — 5,46, ХМАО — 2,10, Республика Татарстан — 1,74 и НАО — 0,44 (рис. 1). Отметим, что именно в данных субъектах РФ подобная положительная тенденция прослеживается практически в каждый год за обозначенный период. Исключением являются показатели ХМАО, выраженные отрицательной динамикой в 2013–2015 гг. и в 2017–2018 гг., и НАО, где зафиксирована миграционная убыль населения в 2010 г., 2013 г., 2016–2018 гг. и в 2022 году. В остальных исследуемых субъектах выявлена миграционная убыль населения. По расчётам в средних значениях за обозначенный период лидером по отрицательным значениям является Еврейская АО, где миграционная убыль достигает –9,01%, далее идут Республика Коми (–8,84), Республика Калмыкия (–7,44), Республика Тыва (–6,26), РСОА (–5,62), ЯНАО (–5,00). Относительно незначительная убыль фиксируется в республиках Алтай (–0,48), Хакасия (–0,58), Башкортостан (–0,74) и Карелия (–0,83). В остальных регионах показатели варьируются от –1,45% до –4,24%.

¹ Перечень исследуемых этнонациональных регионов включает данные 26 субъектов РФ: Ненецкий АО (НАО), Ханты-Мансийский АО — Югра (ХМАО), Республика Калмыкия, Республика Адыгея, Республика Ингушетия, Чукотский АО, Республика Татарстан, Республика Карелия, Республика Марий Эл, Республика Саха (Якутия), Республика Мордовия, Республика Башкортостан, Республика Хакасия, Ямало-Ненецкий АО (ЯНАО), Чувашская Республика, Кабардино-Балкарская Республика (КБР), Карачаево-Черкесская Республика (КЧР), Удмуртская Республика, Республика Бурятия, Республика Дагестан, Республика Алтай, Чеченская Республика, Республика Коми, Республика Северная Осетия — Алания (РСОА), Еврейская АО, Республика Тыва.

Исходя из представленного анализа, выявлена тенденция миграционной убыли населения в большинстве этнонациональных регионов России в 2010–2023 годах. Население активно покидает территории данных регионов на протяжении 14 лет. На рис. 1 представлена динамика процесса. Несмотря на скачки показателей в определённые годы, общая картина в средних значениях отображает явную отрицательную динамику: процесс миграционной убыли населения данных регионов можно определить как стабильный и постоянный. Такая устойчивая тенденция миграционного оттока населения значительно усугубляет и так имеющуюся проблему кадрового голода на рынке труда большинства исследуемых субъектов, что в перспективе ведёт к острой необходимости разработки инструментов по привлечению рабочей силы из других регионов России [4]. Однако, следует дифференцировать механизмы, учитывая региональные особенности территорий. К примеру, миграционные процессы в ЯНАО зависят от осуществления крупных проектов по освоению природных ресурсов. Все же, несмотря на высокие заработные платы, в ЯНАО также фиксируется проблема нехватки рабочей силы и стабильной убыли населения. Дело в том, что основная часть жителей региона представлена трудовыми мигрантами, которые в большинстве своем покидают ЯНАО по достижении пенсионного возраста [5].

Динамика естественного прироста населения схожа для всех этнонациональных субъектов. К 2023 г. темпы воспроизводства населения снизились по сравнению с 2010 годом. Снижение темпов естественного прироста населения по всем этнонациональным субъектам за 14 лет составило 3,2‰ (в 2010 г. прирост составлял 4,6‰). При сохранении текущей тенденции к увеличению естественной убыли населения, к 2035 г. лишь 9 этнонациональных субъектов РФ будут демонстрировать положительный естественный прирост (коэффициент выше 0‰). Это говорит о важности внедрения новых и усовершенствования старых инструментов реализации демогра-

фической политики. Причём их разработка должна вестись на разных уровнях и в связке друг с другом: от частных, научных, профильных ведомств до государственных образований.

На основе анализа (рис. 2) предлагается разделить субъекты на две группы по показателям воспроизводства населения: 1) оптимистичные — естественный прирост населения за 14 анализируемых лет положительный (коэффициент выше 0‰); 2) депрессивные — естественный прирост населения отрицательный, что выражено низкими показателями воспроизводства. Так, к первой группе отнесены все этнонациональные субъекты СКФО, а именно республики: Чеченская, Ингушетия, Дагестан, КБР и РСОА. Во второй группе не представляется возможным определить конкретный субъект, однако отдельно следует выделить республики Мордовия и Карелия, где показатели естественного прироста населения отрицательны и достигают –5‰ и ниже.

Прослеживается взаимосвязь в показателях воспроизводства населения и финансовом благополучии жителей разных субъектов. Так, в республиках Северного Кавказа, а также республиках Тыва, Алтай и Бурятия коэффициент естественного прироста населения положителен, однако по уровню финансовой обеспеченности они отстают от среднероссийских значений. Это подчёркивает необходимость учёта экономических факторов при анализе демографических процессов в исследуемых регионах. Миграционные процессы напрямую связаны с экономическим развитием регионов, что отражается на производительности труда и росте общей факторной производительности [6].

Сравнение демографических показателей этнонациональных регионов со среднероссийскими показателями

В табл. 1 представлены демографические показатели в абсолютном выражении, такие как: среднегодовая численность населения, естественный и миграционный прирост/

Fig. 1. Migration dynamics of the ethno-national regions of Russia in 2010, 2023 and on average for 14 years, %

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата.

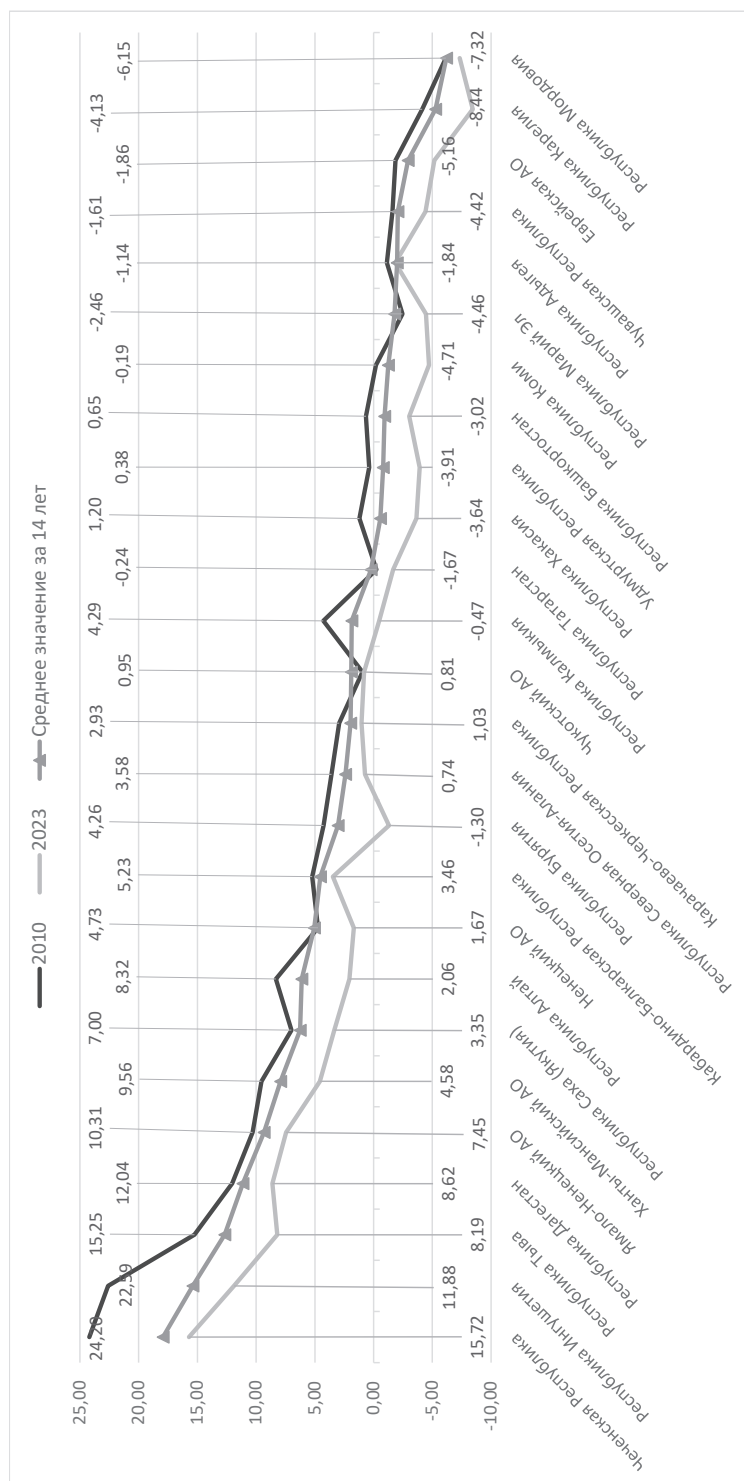

Рис. 2. Динамика естественного прироста населения этнонациональных регионов России в 2010, 2023 и в среднем за 14 лет, %
 Fig. 2. Dynamics of natural population growth in the ethno-national regions of Russia in 2010, 2023 and on average for 14 years, %
 Источник: рассчитано авторами по данным Росстата.

Таблица 1

Основные демографические показатели в 2019 и 2023 гг., тыс. человек

Table 1

Main demographic indicators in 2019 and 2023, thousand people

	2023			2019		
	среднегодовая численность населения	естественный прирост	миграционный прирост	среднегодовая численность населения	естественный прирост	миграционный прирост
РФ	146299,1	-500,3	203,6	146764,7	-317,2	285,1
Все этнонациональные регионы	27021,2	29,6	14	26914,5	63,5	-18,7
Республика Башкортостан	4071,0	-12,3	-0,9	4044,6	-7,3	-5,5
Республика Татарстан	4002,3	-6,7	8,1	3900,8	-0,2	4,4
Республика Дагестан	3221,0	27,8	-5,3	3098,5	31,0	-6,3
ХМАО	1744,9	8,0	21,0	1669,2	10,6	0,2
Удмуртская Республика	1543,0	24,3	-4,6	1504,2	-3,3	-3,2
Чеченская Республика	1438,4	-5,6	-2,1	1467,8	23,4	-1,7
Чувашская Республика	1170,1	-5,2	-0,9	1220,6	-3,6	-2,0
Республика Бурятия	999,6	3,3	0,8	984,6	1,6	1,0
Республика Саха (Якутия)	973,3	-1,3	-1,4	969,5	5,2	-0,2
КБР	904,4	3,1	-0,9	867,3	2,7	-0,6
Республика Коми	768,6	-5,6	0,1	825,4	-2,0	-7,8
Республика Мордовия	723,5	-3,4	-2,4	792,9	-4,5	-0,8
РСОА	679,8	0,5	-2,4	698,0	1,4	-3,8
Республика Марий Эл	671,1	-3,0	0,5	679,9	-1,5	0,5
Республика Карелия	529,2	-1,9	-0,1	616,1	-3,3	-0,7
ЯНАО	525,9	-4,4	0,4	543,0	4,3	-1,3
Республика Хакасия	523,1	6,2	1,9	535,2	-1,1	-0,8
Республика Ингушетия	514,2	3,8	-0,3	502,2	6,7	2,9
КЧР	499,3	-0,9	3,5	465,5	0,8	-0,9
Республика Адыгея	468,4	0,5	-0,6	458,9	-1,5	9,8
Республика Тыва	337,4	2,8	-2,5	325,9	3,3	-0,4
Республика Калмыкия	265,6	-0,1	2,4	271,9	0,3	-1,8
Республика Алтай	210,8	0,4	-0,4	219,5	0,8	0,6
Еврейская АО	146,6	-0,8	-0,9	159,1	-0,6	-1,0
Чукотский АО	47,9	0,0	0,2	49,9	0,1	0,6
НАО	41,8	0,1	0,8	44,0	0,2	0,1

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата.

убыль за 2019 и 2023 годы. Также отдельно были даны комментарии относительно рассматриваемых значений в разрезе город/село. При сборе и анализе показателей основная идея заключалась в сравнении актуальных данных до COVID-19 и после пандемии коронавируса.

В ходе анализа показателей среднегодовой численности и естественного движения населения было выявлено следующее: 1) среднегодовая численность населения этнонациональных регионов за 5 лет выросла на 106,8 тыс. человек (в целом по России естественная убыль населения составила 465,5 тыс. человек). В комплексе с данными рис. 1 и 2 ясно, что рост населения в рассматриваемых регионах выражен в большей степени естественным приростом, чем миграционным. Ввиду положительного естественного прироста некоторые этнонациональные регионы являются регионами-донорами населения для других регионов России; 2) за 5 лет доля населения, проживающего в этнонациональных регионах в сравнении со всем населением страны выросла с 18,34% до 18,47%. При сохранении текущих темпов роста доли (прирост 0,13 процентных пунктов — п.п. за 5 лет), к 2035 г. она может приблизиться к 19%, но этот сценарий не учитывает возможные изменения в демографической политике, миграционных потоках или общей динамике населения страны; 3) в абсолютных значениях среднегодовой численности населения за 5 лет наибольший рост отмечен в республиках Дагестан (122,5 тыс. человек) и Татарстан (101,6 тыс.), наибольшее снижение произошло в республиках Коми (–101,8 тыс. человек) и Карелия (–90,2 тыс.); 4) И в 2019, и в 2023 гг. только в 6 регионах преобладало сельское население над городским (республики Дагестан, Чеченская, Адыгея, КЧР, Калмыкия, Алтай); 5) в абсолютных показателях за 2023 г. наибольший естественный прирост зафиксирован в республиках Дагестан (27,8 тыс. человек), Чеченской (24,3 тыс.) и ХМАО (8,0 тыс. человек). Естественная убыль отмечена в республиках Башкортостан (–12,3 тыс. человек) и Татарстан (–6,7 тыс. человек).

В 2023 г. усреднённый коэффициент естественного прироста по всем рассматриваемым субъектам превалировал над среднероссийскими показателями (1,09 и –3,42% соответственно). В 2019 г. коэффициенты составляли 2,36% в анализируемых субъектах и –2,16 по РФ. Это повторяет описанную в табл. 1 динамику — естественный прирост населения идёт на спад, что в перспективе ближайших лет приведёт к ускорению темпов потери населения этнонациональных регионов, особенно в совокупности с миграционным оттоком из ряда республик. В разрезе город/село, естественное движение населения также имеет свои отличия. Коэффициент естественного прироста за 2023 г. в городе выше, чем в селе почти во всех субъектах. Исключение составляют республики Чеченская, Дагестан, КБР и Алтай, где преобладают сельские жители. Проведённый анализ показал, что естественный прирост населения этнонациональных регионов в городах в среднем выше, чем в сёлах (0,61 и 0,49% соответственно).

В рамках проведённого исследования также рассмотрены коэффициенты естественного и миграционного движения населения в этнонациональных регионах с целью выявления различий со среднероссийскими значениями (табл. 2). Коэффициент миграционного прироста в 2023 г. в среднем по России превышает усреднённые показатели по всем 26-ти этнонациональным регионам (1,39 и 0,52% соответственно). Схожая тенденция прослеживалась и в 2019 году. В целом наиболее высокие показатели миграционного прироста в 2023 г. зафиксированы в НАО (18,44%) и ХМАО (12,06%), а наиболее высокие показатели миграционной убыли — в Республике Тыва (–7,39%) и Еврейской АО (–6,13%). Миграционный прирост населения в разрезе город/село, как в 2023 г., так и в 2019 г. в городах выше, чем в сёлах, как в среднем по РФ, так и по всем исследуемым субъектам. Наиболее высокий показатель миграционной убыли в сёлах в 2023 г. зафиксирован в Республике Тыва (–7,07%). В большинстве этнонациональных регионов доля городского населения выросла, что указывает на про-

Таблица 2

**Коэффициенты естественного и миграционного движения населения
в РФ и этнонациональных регионах в 2019 и 2023 гг., %**

Table 2

Rates of natural and migration movement of the population in the Russian
Federation and ethno-national regions in 2019 and 2023, %

Территория	2023 г., население:			2019 г., население:		
	в целом	городское	сельское	в целом	городское	сельское
	общий коэффициент естественного прироста, %					
РФ	-3,42	-2,32	-1,10	-2,16	-1,27	-0,89
Этнонациональные регионы	1,09	0,61	0,49	2,36	1,59	0,77
Территория	коэффициент миграционного прироста, %					
	в целом	городское	сельское	в целом	городское	сельское
	общий коэффициент естественного прироста, %					
РФ	1,39	1,17	0,22	1,94	1,87	0,07
Этнонациональные регионы	0,52	1,13	-0,62	-0,68	0,50	-1,18

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата.

должающиеся процессы урбанизации, при этом происходит стабильная убыль как сельского, так и городского населения.

Убыль населения в сёлах наиболее высока, за исключением лишь нескольких республик. Стабильный миграционный отток молодого населения из сел в развитые крупные города влечёт за собой стагнацию в социально-экономическом развитии сельских районов. Высокие показатели миграционной убыли сельского населения этнонациональных регионов обусловлены рядом факторов, способствующих оттоку населения: низкая заработная плата, отсутствие рабочих мест, неразвитая инфраструктура, невозможность получить ряд социальных услуг [7]. Таким образом, отток населения обусловлен прежде всего социально-экономическими факторами. Связующим и определяющим фактором, побуждающим трудоспособное население покидать пределы территорий этнонациональных субъектов, является нехватка рабочих мест. Молодёжь стремится переехать в крупные города России или уехать за границу, что обусловлено большими возможностями для профессиональной реализации и карьерного роста. Это говорит о необходимости преодоления существующих демографических вызовов путём внедрения новых эффективных функционирующих стратегий в социальной и политической сферах [8].

Миграционные процессы в России являются важным аспектом, играющим значительную роль в формировании социально-экономической и социокультурной динамики общества. В этнонациональных регионах миграции значительно влияют на состав населения, его размещение, движение рабочей силы, создают новые возможности для развития, а также порождают определённые вызовы. Миграция также влияет на изменение этнической, конфессиональной и прочих структур населения, что также косвенно сказывается на темпах воспроизводства населения [9]. При устойчивой тенденции естественной убыли населения в большинстве этнонациональных регионов России миграционный прирост выступает значимым источником замещения убыли и восполнения численности населения, что в долгосрочной перспективе может привести к изменению структуры и состава населения, а также к изменению этнокультурных и социальных особенностей исследуемых регионов [10]. Мониторинг миграционного прироста и выводы, сделанные на основе собранных данных, служат основой для разработки управленческих решений по регулированию миграционных процессов, что позволит не только минимизировать негативные аспекты миграции, но и эффективно использовать её положительные стороны.

Закключение

В ходе исследования был проведён комплексный анализ динамики естественного движения населения и миграционного прироста в этнонациональных регионах России. Результаты исследования выявили ключевые факторы, влияющие на демографические процессы, а также их взаимосвязь с социально-экономическим развитием данных территорий. Основные выводы свидетельствуют о том, что миграционные процессы оказывают значительное влияние на численность, демографическую структуру и этнический состав населения регионов. В период с 2010 по 2023 гг. в большинстве исследуемых регионов наблюдалась устойчивая тенденция миграционной убыли населения, что подчёркивает наличие системных проблем, связанных с привлекательностью данных территорий для проживания.

Анализ естественного движения населения показал, что к 2023 г. естественный прирост снизился по сравнению с 2010 г. Это указывает на необходимость разработки эффективных мер по стимулированию рождаемости и снижению смертности, особенно в условиях наблюдаемого старения населения и миграционного оттока. Отмечена существующая взаимосвязь между показателями воспроизводства и уровнем финансового благополучия населения. Несмотря на относительно высокие показатели рождаемости в республиках Тыва, Алтай, Бурятия и северокавказских, уровень экономического развития этих регионов оста-

ётся ниже среднероссийского. Это подчёркивает необходимость учёта экономических факторов при разработке демографической политики.

Исследование также выявило, что рост численности населения в этнонациональных регионах в значительной степени обусловлен естественным, а не миграционным приростом. Такие регионы, как республики Дагестан и Татарстан, демонстрируют положительную динамику, в то время как республики Коми и Карелия сталкиваются с убылью населения. При сохранении текущих тенденций доля населения, проживающего в этнонациональных субъектах, может достичь 19% от общей численности населения России в ближайшие 10 лет.

На фоне общего снижения темпов естественного прироста и роста миграционного оттока в ряде регионов наблюдается ускорение темпов потери населения. Это требует принятия срочных мер для стабилизации демографической ситуации, включая улучшение экономических условий, развитие инфраструктуры и повышение качества жизни. Таким образом, результаты исследования подчёркивают необходимость комплексного подхода к управлению демографическими процессами в этнонациональных регионах России. Учёт региональных особенностей, экономических факторов и миграционной динамики позволит разработать эффективные стратегии, направленные на устойчивое демографическое и социально-экономическое развитие страны.

Литература и Интернет-источники

1. **Рязанцев, С.В.** Демографическое благополучие этнонациональных регионов Российской Федерации / С.В. Рязанцев, Е.Е. Письменная, Т.Р. Мирязов, Н.С. Рязанцев // ДЕМИС. Демографические исследования. — 2023. — Т. 3. — № 4. — С. 23–36. DOI: 10.19181 / demis.2023.3.4.2; EDN: SBKTCB
2. **Медведь, В.А.** Иммиграция в регионах Северо-Кавказского федерального округа: влияние на численность и этнонациональный состав населения / В.А. Медведь, Ф.М. Гарибова // Труд и социальные отношения. — 2024. — Т. 35. — № 6. — С. 123–132. DOI: 10.20410 / 2073-7815-2024-35-6-123-132; EDN: NVEKQJ
3. **Попков, Ю.В.** Влияние миграции на этносоциальные процессы (на примере Сибири) / Ю.В. Попков, Т.В. Попкова // Знание. Понимание. Умение. — 2016. — № 1. — С. 86–94. DOI: 10.17805 / zpu.2016.1.6; EDN: VSBNAВ

4. **Журавлев, Н.Ю.** Особенности миграционных процессов Республики Коми: 1990–2020 годы / Н.Ю. Журавлев // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. — 2023. — № 3(61). — С. 35–43. DOI: 10.19110 / 1994-5655-2023-3-35-43; EDN: NVQKJL
5. **Ростовцев, А.И.** Взаимозависимость численности населения и ВРП в динамике развития регионов России / А.И. Ростовцев // Народонаселение. — 2024. — Т. 27. — № 3. — С. 62–72. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2024-3-62-72; EDN: XOHNQN
6. **Limonov, L.** Impact of ethno-demographic structure of the population on performance of the Russian regions / L. Limonov, M. Nesena // Regional Science Policy & Practice. — 2020. — Vol. 12. — Iss. 4. — P. 657–670. DOI: 10.1111 / rsp3.12263; EDN: UDYBYC
7. **Рязанцев, С.В.** Миграция в сельской местности этнонациональных регионов Российской Федерации: тренды и последствия / С.В. Рязанцев, А.Д. Брагин // Урбанистика. — 2023. — № 4. — С. 62–77. DOI: 10.7256 / 2310-8673.2023.4.69059; EDN: МНААУС
8. **Доброхлеб, В.Г.** Динамика демографического старения этнонациональных регионов РФ во втором и начале третьего десятилетия XXI века / В.Г. Доброхлеб // Проблемы развития территории. — 2024. — Т. 28. — № 6. — С. 112–122. DOI: 10.15838 / ptd.2024.6.134.8; EDN: LEYLDE
9. **Рыбаковский, О.Л.** Воспроизводство населения регионов России в 1992–2024 гг.: итоги, компоненты, факторы / О.Л. Рыбаковский // Народонаселение. — 2024. — Т. 27. — № 4. — С. 4–17. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2024-4-4-17; EDN: XLNRPC
10. **Тарасова, Т.Т.** Миграция населения Адыгеи как фактор трансформации социально-демографического равновесия / Т.Т. Тарасова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. — 2020. — № 3(264). — С. 208–214. EDN: DIVKIR

Сведения об авторах:

Зорин Дмитрий Павлович, к.э.н., научный сотрудник, ИДИ ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: zorindmy@gmail.com; ORCID: 0000-0002-2138-3683; РИНЦ SPIN-код: 7471–1420.

Медведев Виктория Александровна, к.э.н., научный сотрудник, ИДИ ФНИСЦ РАН; старший преподаватель, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: viktoriyamedved@gmail.com; ORCID: 0000-0002-9099-0524; РИНЦ SPIN-код: 2494–3481.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-42-53

DYNAMICS AND COMPONENTS OF CHANGES IN THE POPULATION OF ETHNO-NATIONAL REGIONS OF RUSSIA

Dmitry P. Zorin¹, Viktoriya A. Medved^{1,2*}

¹IDR FCTAS RAS

(6 bld 1, Fotievoy str., Moscow, Russia, 119333)

²MGIMO University

(76 Vernadskogo prospekt, Moscow, Russia, 119454)

*E-mail: viktoriyamedved@gmail.com

For citation:

Zorin D. P., Medved V. A. Dynamics and components of changes in the population of ethno-national regions of Russia [Population]. 2025. Vol. 28. No. 4. P. 42–53. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-42-53 (in Russ.)

Abstract. The article analyzes dynamics of the natural population movement and dynamics of the migration increase in the ethno-national regions of the Russian Federation. The key factors that determine the characteristics of fertility, mortality and migration mobility of the population are identified, their impact on the socio-economic development of these territories is assessed, and the push and pull factors of population migration in the studied regions are examined. Particular attention is paid to identifying the relationship between various demographic indicators, which allows a deeper understanding of the existing problems in the toolkit of demographic processes. The study analyzed 26 constituent entities of the Russian Federation for the period from 2010 to 2023. The analysis revealed a trend of migration growth of the population in most ethno-national regions of the Russian Federation, and a stable decrease in the natural reproduction rates in these RF subjects was recorded. A comparison of the indicators for a five-year period was made — before the coronavirus pandemic (2019) and after it (2023). During the analysis of 2019–2023 it was found that population growth in the subjects under consideration is more due to natural movement than to migration. In absolute values of the average annual population over 5 years, the highest growth was in the Republics of Dagestan and Tatarstan, the largest decrease — in the Republics of Komi and Karelia. The highest migration increase was recorded in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug and the Republic of Tatarstan, which is due to high attractiveness of these regions for labor migration. Migration decrease is highest in Dagestan and Chechnya. Due to the natural population growth, most ethno-national subjects are donor regions for other regions of Russia. Migration processes are directly related to the economic development of the regions. The main reasons for the outflow of population are socio-economic factors. The authors identified a relationship between the indicators of natural reproduction and financial well-being of the population. In the course of the analysis, the authors come to the conclusion about the importance of introducing new and improving the old tools for implementing demographic policy.

Keywords: population size, ethnicity, natural population movement, fertility, migration outflow, population decline, ethno-national regions of Russia.

References and Internet sources

1. Ryazansev S. V., Pismennaya E. V., Miryazov T. R., Ryazantsev N. S. Demograficheskoye blagopoluchiyey etnonatsionalnykh regionov Rossiyskoy Federatsii [Demographic well-being of the ethnonational regions of the Russian Federation]. DEMIS. Demograficheskoye issledovaniya [DEMIS. Demographic Research]. 2023. Vol. 3. No. 4. P. 23–36. DOI: 10.19181/demis.2023.3.4.2 (in Russ.)
2. Medved V. A., Garibova F. M. Immigratsiya v regionakh Severo-Kavkazskogo federalnogo okruga: vliyaniye na chislennost i etnonatsionalniy sostav naseleniya [Immigration in the regions of the North Caucasus Federal District: impact on the number and ethno-national composition of the population]. Trud i sotsialnyye otnosheniya [Labor and Social Relations]. 2024. Vol. 35. No. 6. P. 123–132. DOI: 10.20410/2073-7815-2024-35-6-123-132 (in Russ.)
3. Popkov Yu. V., Popkova T. V. Vliyaniye migratsii na etnosotsialnyye prosessy (na primere Sibiri) [The impact of migration on ethnosocial processes: the case of Siberia]. Znaniye. Ponimaniye. Umeniye. [Knowledge. Understanding. Ability.]. 2016. No. 1. P. 86–94. DOI: 10.17805/zpu.2016.1.6 (in Russ.)
4. Zhuravlev N. Yu. Osobennosti migratsionnykh prosessov Respubliki Komi: 1990–2020 godi [Features of migration processes in the Komi Republic: 1990–2020]. Izvestiya Komi nauchnogo tsentra Uralskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk [Proceedings of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences]. 2023. No. 3(61). P. 35–43. DOI: 10.19110/1994-5655-2023-3-35-43 (in Russ.)
5. Rostovtsev A. I. Vzaimozavisimost' chislennosti naseleniya i VRP v dinamike razvitiya regionov Rossii [Interdependence of population and GRP in the dynamics of development of Russian regions]. Narodonaseleniye [Population]. 2024. Vol. 27. No. 3. P. 62–72. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-62-72 (in Russ.)

6. Limonov L., Nesena M. Impact of ethno-demographic structure of the population on performance of the Russian regions. *Regional Science Policy & Practice*. 2020. Vol. 12. Iss. 4. P. 657–670. DOI: 10.1111/rsp3.12263
7. Ryazantsev S.V., Bragin A.D. Migratsiya v sel'skoj mestnosti etnonatsional'nykh regionov Rossijskoj Federatsii: trendy i posledstviya [Migration in rural areas of ethnonational regions of the Russian Federation: trends and consequences]. *Urbanistika [Urbanistics]*. 2023. No. 4. P. 62–77. DOI: 10.7256/2310-8673.2023.4.69059 (in Russ.)
8. Dobrokhleb V.G. Dinamika demograficheskogo stareniya etnonasional'nykh regionov RF vo vtorom i nachale tret'jego desyatiletiya 21 veka [Demographic aging dynamics in the ethnonational regions of the Russian Federation in the twenties and early thirties of the 21st century]. *Problemy razvitiya territorii [Problems of Territory's Development]*. 2024. Vol. 28. No. 6. P. 112–122. DOI: 10.15838/ptd.2024.6.134.8 (in Russ.)
9. Rybakovsky O.L. Vosпроизводство naseleniya regionov Rossii v 1992–2024 gg.: itogi, komponenty, faktory [Reproduction of the population of the regions of Russian in 1992–2024: results, components, factors]. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No 4. P. 4–17. DOI: 10.24412 / 1561-7785–2024-4-4-17 (in Russ.)
10. Tarasova T. T. Migratsiya naseleniya Adygei kak faktor transformatsii sotsialno-demograficheskogo ravnovesiya [Adygea population migration as a factor in the transformation of socio-demographic balance]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedeniye: filosofiya, istoriya, sosiologiya, yurisprudensiya, politologiya, kulturologiya [Bulletin of the Adygea State University. Series: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Law, Political Science, Cultural Studies]*. 2020. No. 3(264). P. 208–214. (in Russ.)

Information about the authors:

Zorin Dmitry Pavlovich, Candidate of Economics, Researcher, IDR FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: zorindmy@gmail.com; ORCID: 0000-0002-2138-3683; Elibrary SPIN-code: 7471-1420.

Medved Viktoriya Aleksandrovna, Candidate of Economics, Researcher, IDR FCTAS RAS; Senior Lecturer, MGIMO University, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: viktoriyamedved@gmail.com; ORCID: 0000-0002-9099-0524; Elibrary SPIN-code: 2494-3481.

Статья поступила в редакцию 27.03.2025, утверждена 10.11.2025, опубликована 30.12.2025..

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-54-67
EDN: NSFKEU

ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРА РОССИИ И ПОТЕРИ ОТ ОТДЕЛЬНЫХ ПРИЧИН СМЕРТИ

Смирнов А. В.^{*}, Панарина И. А.

*Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
Коми научного центра Уральского отделения РАН
(167982, Россия, Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26)*

^{}E-mail: av.smirnov.ru@gmail.com*

Финансирование:

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ, проект № 24-78-10061. – URL: <https://rscf.ru/project/24-78-10061/>.

Для цитирования:

Смирнов А.В., Панарина И.А. Продолжительность жизни населения Севера России и потери от отдельных причин смерти // Народонаселение. – 2025. – Т. 28. – № 4. – С. 54-67. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-4-54-67; EDN: NSFKEU

Аннотация. В статье рассматривается ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ) населения регионов Севера России в 1993–2023 годах. Северные территории вносят большой вклад в экономику России. Вместе с тем, некоторые из них остаются в числе наименее благополучных по показателям ОПЖ. По данным Российской базы данных по рождаемости и смертности (РосБРС) рассчитаны потери в ОПЖ северных регионов от 307 причин смерти в 2015–2021 годах. Выявлены причины смерти, которые выражены на Севере сильнее и слабее, чем в среднем по стране. В число «северных» причин смерти вошли убийства, самоубийства, отравления, кардиомиопатия, бактериальная пневмония и воздействие низкой температуры. К «несеверным» причинам отнесены неалкогольный фиброз и цирроз печени; болезнь, вызванная ВИЧ; нарушения нервной системы; хронические обструктивные заболевания лёгких; церебральный атеросклероз и старость. Определены ведущие причины смерти, вызывающие наибольшие потери в продолжительности жизни на Севере, а также причины, уносящие не типично много жизней в отдельных северных регионах. Выявлены различия в региональных практиках регистрации причин смерти, а также социальные проблемы, приводящие к повышенной смертности в ряде территорий. Детальный анализ структуры смертности продемонстрировал, что имеются значительные резервы по улучшению демографической ситуации на Севере России. Смертность от предотвратимых причин остаётся высокой, особенно в Республике Тыва и Чукотском АО. Наибольшее беспокойство вызывают распространение туберкулёза в Республике Тыва, ВИЧ — в Ханты-Мансийском АО – Югра, обусловленные алкоголем причины смерти — в большинстве северных регионов. Будущие исследования должны быть направлены на изучение возрастных закономерностей смертности и демографических последствий сжатия социальной инфраструктуры северных территорий.

Ключевые слова: продолжительность жизни, смертность, причины смерти, структура смертности, регионы Севера России.

Введение

Продолжительность жизни населения Севера России¹ уступает среднероссийской. Два региона (Республика Тыва и Чукотский АО) стабильно занимают по показателю ожидаемой продолжительности жизни при рождении (ОПЖ) последние места среди субъектов РФ. Специфика северных территорий проявляется от природно-климатических условий и экологической обстановки до этнического состава и экономической специализации. Огромное число факторов оказывает разнонаправленное влияние на продолжительность жизни населения. Поэтому объяснение закономерностей смертности на Севере России является актуальной научной задачей.

Статья нацелена на изучение вклада отдельных причин смерти в продолжительность жизни северян. Для этого по 13 регионам, территории которых полностью входят в Перечень районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей (далее — регионы Севера России), рассчитано, на какую величину изменилась бы ОПЖ мужчин и женщин при устранении различных причин смерти. Такой подход к оценке смертности удобен в обосновании мероприятий демографической политики, поскольку описывает резервы улучшения одного из важнейших целевых показателей государственного управления — ожидаемой продолжительности жизни населения. Исследование основано на Российской базе данных по рождаемости и смертности (РосБРС) за 2015–2021 годы. Использовался наиболее подробный общедоступный классификатор причин смерти, соответствующий Международной классификации болезней и содержащий 307 причин. В первой части работы рассмотрена динамика ОПЖ в северных регионах России за три десятилетия. Во второй выделены причины смерти, характерные и не характерные для Севера.

ра. В третьей определены причины смерти, уносящие нетипично много жизней в отдельных северных регионах.

Факторы и причины смерти на Севере

Изменения структуры смертности часто рассматриваются в рамках концепций демографического и эпидемиологического перехода. По мере развития здравоохранения и санитарии, улучшения качества и образа жизни населения экзогенные причины смерти сменяются дегенеративными и антропогенными заболеваниями [1]. Некоторые северные регионы занимают отступающее положение в этом переходе относительно среднероссийского уровня. Также существуют специфические для Севера природные, климатические, экологические, инфраструктурные, социальные и этнические факторы смертности.

Север России — макрорегион с неблагоприятными природными условиями. Жители Крайнего Севера сталкиваются с холодом, колебаниями атмосферного давления, недостатком или избытком света, повышенной влажностью воздуха в летний и переходный периоды и чрезмерной сухостью в зимний период, повышенной ионизирующей радиацией [2, с. 70–71]. Постоянное воздействие этих факторов оказывает разностороннее влияние на организм человека, вызывая ряд изменений в обменных процессах и функциональной активности всех его систем [3, с. 37]. Так, северяне предрасположены к формированию у них уже в молодом возрасте артериальной гипертензии, увеличивающей риск инсультов, инфаркта миокарда, ишемической болезни сердца, патологии почек [4, с. 241–245]. На Севере преобладают затяжные и хронические формы болезней органов дыхания с поражением лиц трудоспособного возраста [5, с. 72]. Ультрафиолетовое «голодание» снижает иммунную защиту организма от простудных и инфекционных заболеваний, способствует хронизации болезней и их прогрессированию [6, с. 7]. У жителей Заполярья чаще встречаются недостаток витаминов и микроэлементов,

¹ В статье рассматриваются все регионы, полностью входящие в «Перечень районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей»: республики Карелия, Коми, Саха (Якутия) и Тыва; Камчатский край; области Архангельская, Магаданская, Мурманская и Сахалинская; автономные округа Чукотский, Ненецкий, Ханты-Мансийский — Югра (ХМАО) и Ямало-Ненецкий (ЯНАО).

иммунодефициты, сезонная депрессия. Организм на Севере функционирует в более напряжённом режиме, физиологические резервы постепенно истощаются, наблюдается преждевременное старение организма и как результат — сокращается продолжительность жизни [2, с. 70–72].

Изменение климата, которое в наибольшей мере проявляется на Севере, вносит свой вклад в здоровье населения и структуру причин смерти [7, с. 792]. Растёт число дней с аномально высокой и низкой температурой воздуха. Анализ температурных волн показал, что в Якутске смертность от естественных причин во время их действия возрастает примерно в полтора раза, при этом основное влияние оказывают ишемическая болезнь сердца и инфаркты. Падение атмосферного давления влияет на риск смерти от заболеваний органов дыхания, а подъём — от сердечно-сосудистых заболеваний [8, с. 66–98]. Данные по Архангельску, Мурманску и Якутску показывают, что влияние температурных волн более выражено в старшей (65 лет и более лет) возрастной группе, а основной вклад в повышение смертности вносят болезни системы кровообращения, тогда как в среднем возрасте влияют ещё и внешние причины [7, с. 797]. Из-за таяния вечной мерзлоты могут разрушаться здания, а рост среднегодовых температур приводит к расширению ареалов возбудителей инфекционных и паразитарных заболеваний. Изменение климата может вносить и положительный эффект в продолжительность жизни. Так, в результате потепления зимних месяцев снижается частота некоторых заболеваний [8, с. 155–156].

Неблагоприятные экологические условия характерны для многих северных территорий. Специализации экономики на добывающей промышленности приводит к загрязнению воздуха, почв и водоёмов. К примеру, Норильск входит в число самых загрязнённых городов России. В промышленных городах наблюдаются повышенные показатели смертности от болезней органов дыхания и системы кровообращения, новообразований [9]. На азиатском Севере ниже рассеивающая способность атмосфе-

ры, что приводит к формированию высоких концентраций примесей, поступающих в воздух в результате сжигания топлива.

Большие расстояния между населёнными пунктами и ограничения инфраструктуры на Севере могут затруднять доступ к получению качественной медицинской помощи. К примеру, многие северные территории находятся более чем в четырёх часах езды или вообще не имеют дорожного сообщения с медицинскими организациями, в которых выполняются вмешательства, необходимые при инфаркте миокарда [10]. Проблемы есть даже на заселённом европейском Севере. Так, на юге Архангельской области около 25% населения проживают в зоне риска по времени движения до больницы или поликлиники (1–1,5 часа), а при возникновении неблагоприятных погодных условий в зоне риска может оказаться половина населения [11]. Частично преодолеть эту проблему можно путём развития телемедицины.

Депрессивная социально-экономическая ситуация, сложившаяся во многих периферийных районах Севера, приводит к росту социально-обусловленных причин смерти. К примеру, Чукотский АО среди лидеров в стране по смертям от причин, связанных с потреблением алкоголя, а Республика Тыва — от туберкулёза [12]. Как и в других северных странах, в России высока смертность коренных народов, связанная с такими причинами, как убийство и самоубийство [13]. Это может быть связано с бедностью, безработицей и маргинализацией населения отдалённых районов. Существуют культурные особенности, повышающие риск суицидального поведения у некоторых коренных народов Севера [14]. Отличия северных народов проявляются и на физиологическом уровне. Эпигенетические исследования продемонстрировали, что жители Якутии быстрее стареют из-за ускорения метаболизма для адаптации организма к холодным температурам [15]. Чтобы лучше понять закономерности продолжительности жизни на Севере необходимо оценить влияние каждой причины смерти на ОПЖ населения северных регионов.

Результаты и обсуждение

Объект исследования — население 13 регионов России, территории которых полностью входят в Перечень районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей². Данные об ожидаемой продолжительности жизни в России и регионах получены из Единой Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС)³. Для изучения структуры смертности применялись данные по возрастам и причинам смерти из РосБРИС⁴. Было решено использовать усредненные данные за 2015–2021 гг., поскольку, начиная с 2022 г., внешние причины смерти не детализируются и даются одной строкой. Были рассчитаны потери ОПЖ от каждой из 307 причин смерти (включая COVID-19). Для этого построены стандартные таблицы смертности [16] и таблицы смертности, в которых исключены отдельные её причины. Сравнение итоговых показателей таблиц позволяет ответить на вопрос — насколько изменится ОПЖ мужчин и женщин, если они перестанут умирать от определённой причины при неизменных вероятностях смерти от остальных причин? Коррекция на полиморбидность и перераспределение «мусорных» причин смерти не производились. Алгоритмы для расчётов были реализованы на языке программирования Julia. Отметим ограничения метода. Во-первых, в действительности смертность от большинства причин не является устранимой. Во-вторых, снижение вероятности смерти от одной причины может привести к увеличению от других. В-третьих, кодирование причин смерти отличаются в регионах, что затрудняет их сравнение.

² Постановление Правительства РФ от 16.11.2021 № 1946 «Об утверждении перечня районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера...» // Официальный сайт правительства РФ. — URL: <http://government.ru/docs/all/137437/> (дата обращения: 15.12.2024).

³ Ожидаемая продолжительность жизни при рождении // Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). — URL: <https://fedstat.ru/indicator/31293> (дата обращения: 15.12.2024).

⁴ Российская база данных по рождаемости и смертности. Центр демографических исследований Российской экономической школы, Москва (Россия). — URL: <https://www.nes.ru/demogr-fermort-data> (дата обращения: 15.12.2024).

Ожидаемая продолжительность жизни на Севере России немного ниже среднего по стране уровня. Отставание, которое составляло в 1993 г. около двух лет, к 2023 г. сократилось до одного года. За 1993–2023 гг. ОПЖ на Севере увеличилась на 9,5 лет, достигнув 72,5 лет, хотя были периоды спада (1994–1995, 1999–2003 и 2020–2021 гг.), вызванные тяжёлой социально-экономической ситуацией и пандемией COVID-19. В северных регионах РФ всегда был большой разрыв в продолжительности жизни между мужчинами и женщинами, городом и селом (рис. 1). Так, городские женщины в 1993–2023 гг. в среднем жили на 15,4 года больше, чем сельские мужчины. В целом в стране этот разрыв был на два года меньше. Разрыв между полами сократился, а между городом и селом увеличился. Продолжительность жизни дифференцирована и в региональном разрезе. Чукотский АО и Республика Тыва традиционно входят в число регионов с самым низким значением показателя ОПЖ (табл. 1). Продолжительность жизни мужчин в этих регионах к 2023 г. не достигала даже 60 лет. Наилучшие значения — в нефтегазодобывающих ХМАО и ЯНАО, ОПЖ которых выше средне-российского уровня. Относительно благополучный показатель (особенно среди женщин) в последние годы наблюдается и в Республике Саха (Якутия).

Выделим причины смерти, которые условно можно назвать «северными», то есть встречающиеся на Севере существенно чаще, чем в других регионах страны. Для формального выделения этих причин установим следующий критерий. Влияние потерь в продолжительности жизни мужчин или женщин от такой причины должно быть на 0,1 года или на 25% выше, чем в среднем по стране (рис. 2). Более половины «северных» причин смерти относятся к числу внешних: самоубийство, убийство, повешение и отравление с неопределёнными намерениями, воздействие чрезвычайно низкой природной температуры. Две причины относятся к болезням системы кровообращения: алкогольная и неуточнённая кардиомиопатия. Последняя причина — бак-

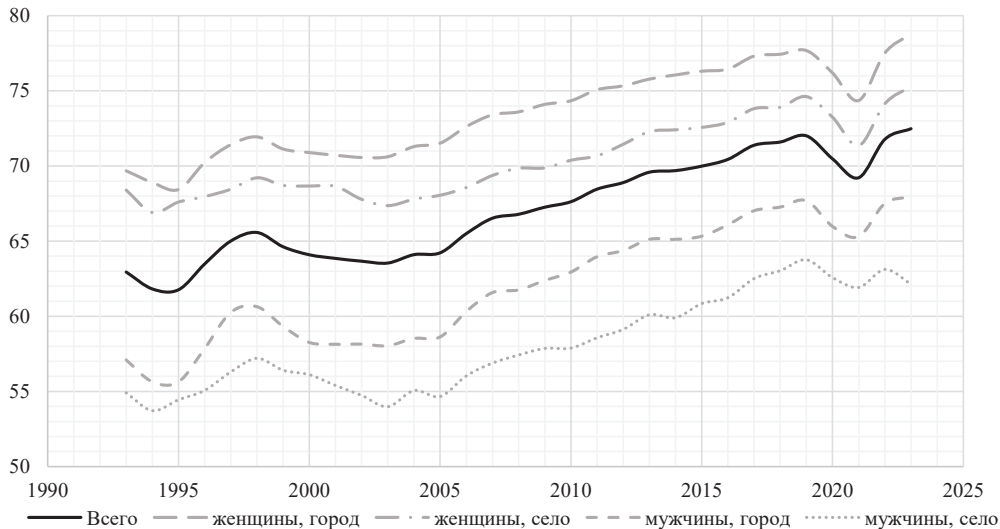

Рис. 1. Ожидаемая продолжительность жизни (при рождении) населения регионов Севера России по полу и типу поселения, лет
Fig. 1. Life expectancy (at birth) of the population of the Russian North by sex and type of settlement, years

Источник: ЕМИСС. — URL: <https://fedstat.ru/indicator/31293> (дата обращения: 15.12.2024).

Таблица 1

ОПЖ в северных регионах России по полу, 1993–2023 гг., лет

Table 1

Life expectancy (at birth) in the northern regions of Russia by sex, 1993–2023, years

Территория	Мужчины				Женщины			
	1993	2003	2013	2023	1993	2003	2013	2023
Российская Федерация	58,8	58,6	65,1	68,0	71,8	71,9	76,3	78,7
Регионы Севера России	56,5	57,1	64,0	66,7	69,4	70,0	75,1	78,2
в том числе Европейский Север:	56,9	55,4	63,7	64,5	70,2	69,5	75,5	76,9
Республика Карелия	55,8	53,7	62,9	63,1	70,6	69,0	74,9	76,5
Республика Коми	56,2	55,5	63,0	64,4	68,9	68,7	75,3	76,5
Архангельская область	56,8	55,4	63,9	65,4	70,8	69,9	76,1	77,8
в том числе Ненецкий АО	53,4	52,1	59,3	64,0	69,2	68,0	74,9	78,2
Мурманская область	58,8	56,8	64,9	64,5	70,6	70,0	75,2	76,3
в том числе Азиатский Север:	56,1	58,6	64,3	68,2	68,5	70,5	74,9	79,0
Республика Саха (Якутия)	57,7	58,1	63,5	67,9	69,7	70,6	75,0	79,3
Республика Тыва	51,8	48,8	56,4	59,9	63,9	60,2	67,5	73,3
Камчатский край	56,2	57,5	62,4	65,2	68,2	69,8	73,9	76,4
Магаданская область	54,4	57,5	61,8	63,6	67,6	70,0	72,7	75,3
Сахалинская область	56,2	55,2	62,2	64,0	69,0	68,7	73,5	77,3
ХМАО	55,4	62,0	67,2	71,6	68,3	73,1	77,1	80,9
Чукотский АО	55,2	54,8	58,3	58,7	67,5	64,5	66,4	76,4
ЯНАО	58,5	61,4	66,3	70,4	70,0	72,2	75,7	80,2

Источник: ЕМИСС. — URL: <https://fedstat.ru/indicator/31293> (дата обращения: 15.12.2024).

териальная пневмония — входит в число болезней органов дыхания. Если повышенная смертность от пневмонии и воздействия низкой температуры могут быть ча-

стично объяснены климатическим фактором, то все остальные «северные» причины смерти связаны с неблагополучием и распространением алкоголизма.

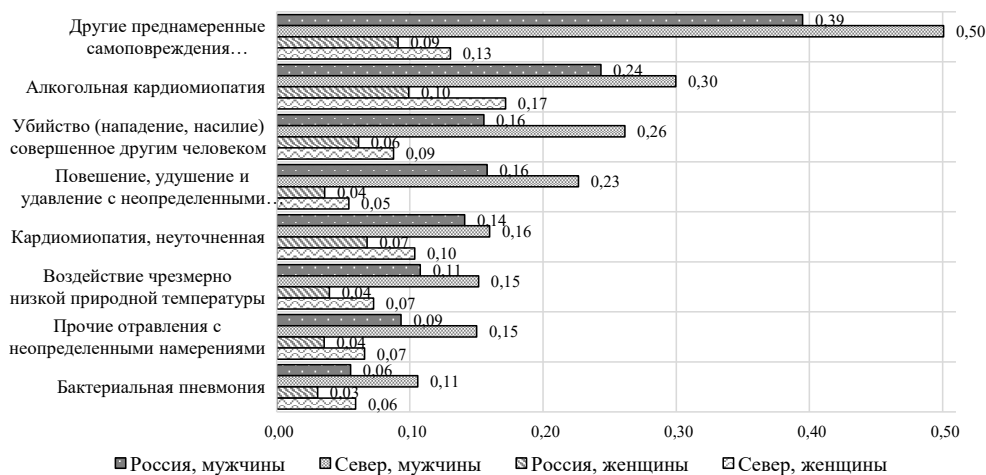

Рис. 2. Причины смерти, устранение которых сильнее повлияло бы на продолжительность жизни населения регионов Севера России, 2015–2021 гг., лет

Fig. 2. Causes of death, the elimination of which would have a greater impact on the life expectancy of the population of the Russian North, 2015–2021, years

Источник: рассчитано авторами по данным РосБРИС. — URL: <https://www.nes.ru/demogr-fermort-data> (дата обращения: 15.12.2024).

Какие причины по аналогичному критерию являются «несеверными», то есть меньше влияют на продолжительность жизни северян? Среди болезней системы кровообращения выделяются прочие формы ишемической болезни сердца и церебральный атеросклероз. Другие «несеверные» причины: неалкогольный фиброз и цирроз печени, прочие нарушения нервной системы, ВИЧ, другие обструктивные заболевания лёгких и старость (рис. 3). Отчасти низкая смертность от перечисленных причин обусловлена более высокой смертностью в ранних возрастах от внешних причин. Северяне реже доживают до возрастов, в которых распространены некоторые болезни. Особенно показательна низкая смертность населения от причины «старость», которая используется только для людей старше 80 лет. Наибольшее влияние на ОЖ северных регионов среди всех причин смерти оказала атеросклеротическая болезнь сердца,

на втором месте — коронавирусная инфекция, вызванная COVID-19, хотя из семи рассмотренных лет только два пришлось на период пандемии. Потери от этой причины сильно зависели от доли населения в возрасте старше 60 лет в регионе [17].

Рассмотрим причины смерти, оказывающие нетипично сильное влияние на продолжительность жизни населения отдельных регионов. Будем использовать следующий критерий: вклад в сокращение ОЖ должен быть более, чем на 0,25 года выше, чем в среднем по стране, либо в 1,5 раза выше и превышать 0,5 года. Руководствуясь данным критерием, выделено 57 случаев высокого влияния отдельных причин смерти на ОЖ в северных регионах по 31 причине. Среди внешних причин смерти восемь демонстрируют в северных регионах нетипично-высокие значения (табл. 2). Сразу в пяти регионах выделяются самоубийства. В Ненецком АО они сокращают

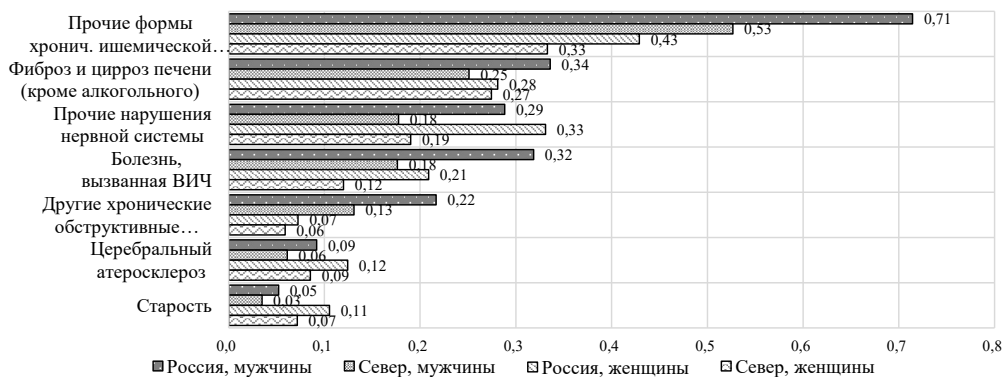

Рис. 3. Причины смерти, устранение которых слабее бы повлияло на продолжительность жизни населения регионов Севера России, 2015–2021 гг., лет

Fig. 3. Causes of death, the elimination of which would have a lesser impact on life expectancy of the population of the Russian North, 2015–2021, years

Источник: составлено по данным РосБРИ С. — URL: <https://www.nes.ru/demogr-fermort-data> (дата обращения: 15.12.2024).

ОПЖ мужчин на 1,26 года, а в Чукотском АО — на 1,07, и этот регион является лидером по женским самоубийствам (0,62). Большое влияние суицидов зафиксировано также в республиках Саха (Якутия) и Коми, Архангельской области. В Республике Тыва, Сахалинской области и Чукотском АО аномально высока смертность от повешений, удушений и утоплений с неопределёнными намерениями (НН), которые также могут быть связаны с самоубийствами.

По влиянию убийств на ОПЖ выделяются три региона: республики Тыва и Саха (Якутия), Чукотский АО. Негативный вклад убийств в ОПЖ мужчин Республики Тыва составляет 0,94 года, что в 6 раз выше среднероссийского уровня. Хотя этот регион является самым южным среди северных, он занимает первое место по потерям от воздействия низкой природной температуры — по 0,35 года у мужчин и женщин. Причина в употреблении алкоголя — у большинства, получивших обморожение, выявлено состояние опьянения. Чукотский АО с огромным отрывом лидирует по смертям от случайных утоплений и пожаров. Наибольшее число аномально высоких значений по внешним причинам зафиксировано в Чукотском АО (6 причин) и в Республике Тыва (4 причины).

Различия в практиках кодирования причин заметны при анализе потерь ОПЖ от болезней системы кровообращения (табл. 3). Так, в Республике Саха (Якутия) выше, чем в других регионах, смертность от причины кода 130 (атеросклеротическая сердечно-сосудистая болезнь), но ниже — от кода 129 (атеросклеротическая болезнь сердца). В республиках Карелия и Тыва существенно выше средней смертность от кода 133 (другие формы острой ишемической болезни сердца), но ниже — от кодов 131–132. Аналогичным образом в Республике Саха (Якутия) выше влияние неутончённой кардиомиопатии (код 136), но ниже — алкогольной кардиомиопатии (код 135). Если внешние причины приводят к значительно большим потерям среди мужчин, то многие болезни системы кровообращения сильнее влияют на ОПЖ женщин. В частности, это инфаркт мозга, другие поражения сосудов мозга, гипертоническая болезнь с преимущественным поражением сердца.

В остальных группах причин смерти реже встречаются аномально высокие значения (табл. 4). Сразу в четырёх регионах высоко влияние на ОПЖ внезапной смерти без свидетелей по неизвестной причине — это Республика Карелия, Камчатский край, Магаданская и Мурманская области.

Таблица 2

Потери в ожидаемой продолжительности жизни населения северных регионов России от некоторых внешних причин, 2015–2021 гг., лет

Table 2

Losses in life expectancy of the population of the northern regions of Russia from some external causes, 2015–2021, years

Причина смерти и потери от неё в ОПЖ населения России (мужчины/женщины)	Регион с повышенной смертностью	Потери в ОПЖ	
		мужчины	женщины
Случайное утопление и погружение в воду в результате падения в естественный водоём (0,02/0,00)	Чукотский АО	0,31	0,03
Случайные несчастные случаи, вызванные воздействием дымом, огнём и пламенем (0,05/0,03)	Чукотский АО	0,34	0,33
Случайное отравление (воздействие) алкоголем (0,19/0,06)	Архангельская обл.	0,44	0,14
Другие преднамеренные самоповреждения (включая самоубийство) (0,39/0,13)	Ненецкий АО	1,26	0,09
	Чукотский АО	1,07	0,62
	Республика Саха (Якутия)	0,89	0,23
	Республика Коми	0,81	0,20
	Архангельская обл.	0,80	0,19
Убийство (нападение, насилие), совершённое другим человеком, включая легально произведённую смертную казнь (0,16/0,06)	Республика Тыва	0,94	0,24
	Республика Саха (Якутия)	0,53	0,15
	Чукотский АО	0,51	0,12
Отравление и воздействие алкоголем с НН (0,05/0,02)	Магаданская обл.	0,50	0,21
	Сахалинская обл.	0,41	0,17
Прочие отравления с НН (0,09/0,04)	Мурманская обл.	0,74	0,35
Повешение, удушение и удушение с НН (0,16/0,04)	Сахалинская обл.	0,70	0,14
	Республика Тыва	0,68	0,20
	Чукотский АО	0,44	0,16
Контакт с острым и тупым предметом с НН (0,21/0,06)	Республика Тыва	0,69	0,25
Уточнённые и неуточнённые повреждения с НН (0,06/0,02)	Чукотский АО	0,67	0,37
	Магаданская обл.	0,56	0,19
Воздействие чрезмерно низкой природной температуры (0,11/0,04)	Республика Тыва	0,35	0,35

Источник: составлено по данным РосБриС. — URL: <https://www.nes.ru/demogr-fermort-data> (дата обращения: 15.12.2024).

Хотя влияние туберкулёза на ОПЖ северян близко к среднероссийскому уровню, выделяется Республика Тыва, в которой потери у мужчин выше средних по стране в 9 раз, а у женщин — в 12 раз. ВИЧ является «несеверной» причиной смерти — единственным регионом Севера с повышенной смертностью от ВИЧ стал ХМАО, привлекательный для мигрантов. По потерям от инсулиннезависимого сахарного диабета вы-

деляется Сахалинская область. Аномально высокие потери от пневмонии зафиксированы в четырёх регионах: бактериальной — в республиках Коми и Карелия, без уточнения возбудителя — в Магаданской и Сахалинской областях. Фиброз и цирроз печени (кроме алкогольного) приводит к высоким потерям ОПЖ в Сахалинской области, а острый панкреатит и другие болезни поджелудочной железы — в Ненецком АО.

Таблица 3

Потери в ожидаемой продолжительности жизни населения северных регионов России от некоторых болезней системы кровообращения, 2015–2021 гг., лет

Table 3

Losses in life expectancy of the population of the northern regions of Russia from some cardiovascular diseases, 2015–2021, years

Причина смерти и потери от неё в ОПЖ населения России (мужчины/женщины)	Регион с повышенной смертностью	Потери в ОПЖ	
		мужчины	женщины
Гипертоническая болезнь с преимущественным поражением сердца (0,06/0,07)	Чукотский АО	0,29	0,33
Острый инфаркт миокарда, включая определённые осложнения, развивающиеся после острого инфаркта миокарда (0,29/0,19)	Магаданская обл.	0,70	0,43
	Ненецкий АО	0,55	0,36
Атеросклеротическая болезнь сердца (1,04/0,95)	ХМАО	1,95	1,41
	Мурманская обл.	1,49	1,26
	Архангельская обл.	1,25	1,33
Атеросклеротическая сердечно-сосудистая болезнь, так описанная (0,04/0,03)	Республика Саха (Якутия)	0,28	0,32
Другие формы острой ишемической болезни сердца (0,36/0,16)	Республика Карелия	1,31	0,47
	Республика Тыва	0,80	0,63
	Ямало-Ненецкий АО	0,66	0,22
	Камчатский край	0,60	0,29
	Архангельская обл.	0,57	0,19
Алкогольная кардиомиопатия (0,24/0,10)	Чукотский АО	0,93	1,06
	Магаданская обл.	0,65	0,33
	Мурманская обл.	0,55	0,27
Кардиомиопатия, неуточнённая (0,14/0,07)	Республика Саха (Якутия)	0,42	0,23
Прочие болезни сердца (0,40/0,24)	Ненецкий АО	0,78	0,52
	ХМАО	0,70	0,37
	Республика Саха (Якутия)	0,68	0,47
Внутримозговые и другие нетравматические внутрисердечные кровоизлияния (0,29/0,23)	Республика Тыва	0,42	0,70
Инфаркт мозга (0,41/0,41)	Магаданская обл.	0,50	0,63
Другие уточнённые поражения сосудов мозга (0,14/0,19)	Мурманская обл.	0,45	0,67
Последствия цереброваскулярных болезней (0,14/0,13)	Республика Тыва	0,33	0,47

Источник: составлено по данным РосБРИ С. — URL: <https://www.nes.ru/demogr-fermort-data> (дата обращения: 15.12.2024).

Заключение

Исследование показало, что Север России имеет существенные резервы для увеличения продолжительности жизни населения. Сохраняется большой разрыв в величине ОПЖ по полу, типу поселения (город/село) и регионам, разные социальные группы и территории находятся на разных стадиях эпидемиологического перехода. В то время, когда одна часть населения стала жить существенно дольше, другая (глав-

ным образом мужчины в сельской местности) умирает от причин, связанных с алкоголем, бедностью и неблагополучием. Для отдельных групп населения, например, городских женщин, более значимыми являются болезни системы кровообращения и новообразования. Проведённый анализ выявил причины смерти, на которые региональным властям необходимо ориентироваться в первую очередь.

Анализ структуры смертности показал, что на Севере более выражены внешние

Таблица 4

Потери в ожидаемой продолжительности жизни населения северных регионов России от некоторых прочих причин, 2015–2021 гг., лет

Table 4

Losses in life expectancy of the population of the northern regions of Russia from some other causes, 2015–2021, years

Причина смерти и потери от неё в ОПЖ населения России (мужчины/женщины)	Регион с повышенной смертностью	Потери в ОПЖ	
		мужчины	женщины
Туберкулёз органов дыхания, подтверждённый бактериологически и гистологически (0,10/0,03)	Республика Тыва	0,90	0,42
Болезнь, вызванная вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ) (0,32/0,21)	ХМАО	0,51	0,31
Инсулиннезависимый сахарный диабет (0,10/0,23)	Сахалинская обл.	0,19	0,48
Бактериальная пневмония (0,06/0,03)	Республика Коми	0,33	0,15
	Республика Карелия	0,31	0,15
Пневмония без уточнения возбудителя (0,26/0,15)	Магаданская обл.	0,62	0,40
	Сахалинская обл.	0,53	0,41
Фиброз и цирроз печени (кроме алкогольного) (0,34/0,28)	Сахалинская обл.	0,48	0,57
Острый панкреатит и другие болезни поджелудочной железы (0,14/0,07)	Ненецкий АО	0,41	0,14
Другие виды внезапной смерти по неизвестной причине, смерть без свидетелей (0,46/0,18)	Республика Карелия	0,75	0,33
	Магаданская обл.	0,75	0,30
	Камчатский край	0,74	0,28
	Мурманская обл.	0,71	0,23

Источник: составлено по данным РосБРС. — URL: <https://www.nes.ru/demogr-fermort-data> (дата обращения: 15.12.2024).

причины смерти, обусловленные качеством и образом жизни, а также потреблением алкоголя. Резервы увеличения продолжительности жизни населения связаны, прежде всего, с работой по сокращению смертности от причин, относимых к предотвратимым. Улучшение материального уровня жизни, образованности населения приведёт (через образ жизни) к сокращению числа умерших от большинства рассмотренных причин. Поэтому меры по увеличению продолжительности жизни на Севере в первую очередь лежат в экономической плоскости. Важное значение приобретает также сохранение и развитие социальной инфраструктуры на пери-

ферийных территориях, поскольку миграционный отток населения провоцирует перенос сферы социального обслуживания в столицы и крупнейшие населённые пункты.

Благодаря расчету элиминированных резервов смертности за период 2015–2021 гг. удалось выявить наиболее важные отклонения показателей от средних значений. Полученные результаты могут найти применение при разработке мер демографической политики в северных регионах страны. В дальнейших исследованиях следует уделить внимание возрастным закономерностям смертности, оценке последствий сжатия социальной инфраструктуры.

Литература и Интернет-источники

1. **Омран, А.Р.** Теория эпидемиологического перехода: взгляд 30 лет спустя / А.Р. Омран // Демографическое обозрение. — 2019. — Т. 6. — № 1. — С. 177–216. DOI: 10.17323 / demreview. v6i1.9117; EDN: AWGHUZ
2. **Солонин, Ю.Г.** Медико-физиологические аспекты жизнедеятельности в Арктике / Ю.Г. Солонин, Е.Р. Бойко // Арктика: экология и экономика. — 2015. — № 1(17). — С. 70–75. EDN: TUUTMT

3. **Запесочная, И.Л.** Суточный профиль артериального давления у здоровых северян / И.Л. Запесочная, А.Г. Автандилов, Н.В. Верткина // Клиническая медицина. — 2014. — № 3. — С. 35–38. EDN: SCXQDH
4. **Хаснулин, В.И.** Артериальная гипертензия на Севере / В.И. Хаснулин, П.В. Хаснулин // Проблемы здравоохранения и социального развития Арктической зоны России. — Москва : Paulsen, 2011. — С. 241–253. EDN: TDCBVN
5. **Гамбарян, М.Г.** Эпидемиологические особенности хронических респираторных заболеваний в ряде регионов российской Арктики с развитым промышленным производством / М.Г. Гамбарян // Профилактическая медицина. — 2014. — Т. 17. — № 6. — С. 71–78. EDN: TSMTTR
6. **Хаснулин, В.И.** Здоровье человека и космогеофизические факторы Севера / В.И. Хаснулин // Экология человека. — 2013. — № 12. — С. 3–13. EDN: RQBHHB
7. **Ревич, Б.А.** Волны жары и холода в городах, расположенных в арктической и субарктической зонах как факторы риска повышения смертности населения на примере Архангельска, Мурманска и Якутска / Б.А. Ревич, Д.А. Шапошников, О.А. Анисимов, М.А. Белолуцкая // Гигиена и санитария. — 2018. — Т. 97. — № 9. — С. 791–798. DOI: 10.18821 / 0016-9900-2018-97-9-791-798. EDN: MGFAKL
8. **Ревич, Б.А.** Изменение климата и здоровье населения России: анализ ситуации и прогнозные оценки / Б.А. Ревич, В.В. Малеев. — Москва : ЛЕНАНД, 2019. — 208 с.
9. **Измеров, Н.Ф.** Условия труда и смертность мужчин трудоспособного возраста в России (на примере Мурманской области) / Н.Ф. Измеров, Г.И. Тихонова, Т.Ю. Горчакова // Вестник РАМН. — 2013. — № 9. — С. 32–36. EDN: RDCVNN
10. **Timonin, S.** Reducing geographic inequalities in access times for acute treatment of myocardial infarction in a large country: the example of Russia / S. Timonin, A. Kontsevaya, M. McKee, D.A. Leon // International Journal of Epidemiology. — 2018. — Vol. 47. — No. 5. — P. 1594–1602. DOI: 10.1093 / ije / dyt146. EDN: LKOEOT
11. **Шартова, Н.В.** Оценка территориальной доступности медицинских учреждений по открытым данным на примере Архангельской области / Н.В. Шартова, М.Ю. Грищенко, Б.А. Ревич // Социальные аспекты здоровья населения. — 2019. — Т. 65. — № 6. — С. 1–29. DOI: 10.21045 / 2071-5021-2019-65-6-1. EDN: CEGYRH
12. **Ревякина, О.В.** Прогноз развития эпидемической ситуации с туберкулезом в Республике Тыва / О.В. Ревякина, П.Н. Филимонов, Г.С. Мурашкина, [и др.] // Бюллетень Восточно-Сибирского научного центра СО РАМН. — 2011. — № 2(78). — С. 167–171. EDN: OIGQBT
13. **Park, J.** Mortality among First Nations people, 2006 to 2016. / J. Park // Health Reports. — 2021. — Vol. 32. — No. 10. — P. 3–13. DOI: 10.25318 / 82-003-x202101000001-eng
14. **Любов, Е.Б.** Жизнестойкость и факторы риска суицидального поведения коренных малочисленных народов Севера России / Е.Б. Любов, Ю.А. Сумароков, Э.Р. Конопленко // Суицидология. — 2015. — Т. 6. — № 3. — С. 23–30. EDN: UNVVWH.
15. **Kalyakulina, A.** Epigenetics of the far northern Yakutian population / A. Kalyakulina, I. Yusipov, E. Kondakova et al. // Clinical Epigenetics. — 2023. — Vol. 15. — No. 1. — P. 189. DOI: 10.1186 / s13148-023-01600-y. EDN: WZMBJS
16. **Preston, S.** Demography: Measuring and modeling population processes / S. Preston, P. Heuveline, M. Guillot. — Oxford : Blackwell Publishers Ltd, 2001. — 291 p.
17. **Логинов, В.Г.** Демографические особенности распространения COVID-19 в арктическом регионе / В.Г. Логинов // Народонаселение. — 2023. — Т. 26. — № 1. — С. 172–186. DOI: 10.19181 / population.2023.26.1.14. EDN: ADEKRR

Сведения об авторах:

Смирнов Андрей Владимирович, к.э.н., зав. лабораторией, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия.

Контактная информация: e-mail: av.smirnov.ru@gmail.com; ORCID: 0000-0001-6952-6834; РИНЦ SPIN-код: 3787–4340.

Панарина Ирина Александровна, младший научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия.

Контактная информация: e-mail: i.a.panarina@yandex.ru; РИНЦ SPIN-код: 3350–3587.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-54-67

LIFE EXPECTANCY IN RUSSIAN NORTH AND LOSSES FROM VARIOUS CAUSES OF DEATH

Andrey V. Smirnov*, Irina A. Panarina

*Institute for Socio-Economic and Energy Problems of North
of Komi SC of the Ural Branch RAS*

**E-mail: av.smirnov.ru@gmail.com*

Funding:

The reported study was funded by RSF, project No. 24-78-10061. URL: <https://rscf.ru/project/24-78-10061/>.

For citation:

Smirnov A.V., Panarina I.A. Life expectancy in Russian North and losses from various causes of death. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 4. P. 54-67 DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-54-67 (in Russ.)

Abstract. *The article considers life expectancy of the population of the regions of Russian North in 1993–2023. Despite the large contribution of the northern territories to the economy, some of them remain among the most lagging in mortality rates. Using the Russian Fertility and Mortality database, the authors calculated the losses in life expectancy in the northern regions from 307 causes of death in 2015–2021. The study identified causes of death that are more and less pronounced in the North than the national average. The «northern» causes of death included murders, suicides, poisoning, cardiomyopathy, bacterial pneumonia and exposure to low temperatures. «Non-northern» causes include non-alcoholic fibrosis and cirrhosis of liver; diseases caused by HIV; disorders of the nervous system, chronic obstructive pulmonary diseases, cerebral atherosclerosis and old age. The article identifies the leading causes of death that cause the greatest losses in life expectancy in the North, as well as causes that take an unusually large number of lives in certain northern regions (57 cases). They allowed us to identify some features of the practices of registering causes of death in the regions, as well as social problems that lead to increased mortality in a number of territories. Of greatest concern are external causes of death, especially in the Tuva Republic and Chukotka Autonomous Okrug, the spread of tuberculosis in the Tuva Republic, HIV in Khanty-Mansi Autonomous Okrug, and alcohol-related causes of death in most northern regions. A detailed analysis of the mortality structure demonstrated that there are significant reserves for improving the demographic situation in the North of Russia. Mortality from preventable causes remains high. Future research should be aimed at studying the demographic consequences of the compression of the social infrastructure of the Northern territories.*

Keywords: *life expectancy, mortality, causes of death, mortality structure, regions of Russian North.*

References and Internet sources

1. Omran A.R. Teoriya epidemiologicheskogo perekhoda: vzglyad 30 let spustya [The epidemiologic transition theory revisited thirty years later]. *Demograficheskoye obozreniye [Demographic Review]*. 2019. Vol. 6. No. 1. P. 177–216. DOI: 10.17323/demreview.v6i1.9117 (in Russ.)
2. Solonin Yu. G., Boyko E.R. Mediko-fiziologicheskije aspekty zhiznedeyatel'nosti v Arktike [Medical and physiological aspects of vital activity in the Arctic]. *Arktika: ekologiya i ekonomika [Arctic]*:

- Ecology and Economy*]. 2015. 17. No. 1(17). P. 70–75. (in Russ.)
3. Zapesochnaya I.L., Avtandilov A.G., Vertkina N.V. Sutochnyj profil' arterial'nogo davleniya u zdorovykh severyan [Diurnal profile of arterial pressure in healthy residents of Northern regions]. *Klinicheskaya meditsina* [*Clinical Medicine*]. 2014. No. 3. P. 35–38. (in Russ.)
 4. Hasnulin V.I., Hasnulin P.V. Arterial'naya gipertenziya na Severe [Arterial hypertension in the North]. *Problemy zdravookhraneniya i sotsial'nogo razvitiya Arkticheskoy zony Rossii* [*Problems of Healthcare and Social Development in the Arctic zone of Russia*]. Moscow. Paulsen. 2011. P. 241–253. (in Russ.)
 5. Gambarian M.G. Epidemiologicheskije osobennosti khronicheskikh respiratornykh zabolevanii v ryade regionov rossiiskoi Arktiki s razvitym promyshlennym proizvodstvom [Epidemiological features of chronic respiratory diseases in a number of regions of the Russian Arctic with developed industry]. *Profilakticheskaya meditsina* [*Russian Journal of Preventive Medicine*]. 2014. Vol. 17. No. 6. P. 71–78. (in Russ.)
 6. Hasnulin V.I. Zdorov'je cheloveka i kosmogeofizicheskije faktory Severa [Human health and cosmocephysical North factors]. *Ekologiya cheloveka* [*Human Ecology*]. 2013. No. 12. P. 3–13. (in Russ.)
 7. Revich B.A., Shaposhnikov D.A., Anisimov O.A., Belolutskaia M.A. Volny zhary i kholoda v gorodakh, raspolozhennykh v arkticheskoy i subarkhticheskoy zonakh kak faktory riska povysheniya smertnosti naseleniya na primere Arkhangel'ska, Murmanskaya i Yakutskaya [Heat waves and cold spells in three Arctic and Subarctic cities as mortality risk factors]. *Gigijena i sanitariya* [*Hygiene and Sanitation*]. 2018. Vol. 97. No. 9. P. 791–798. DOI: 10.18821/0016-9900-2018-97-9-791-798 (in Russ.)
 8. Revich B.A., Maleev V.V. Izmeneniye klimata i zdorov'je naseleniya Rossii: analiz situatsii i prognozyne otsenki [Climate Change and Health of the Population of Russia: Analysis of the Situation and Forecast Estimates]. Moscow. LENAND. 2019. 208 p. (in Russ.)
 9. Izmerov N.F., Tikhonova G.I., Gorchakova T.Yu. Usloviya truda i smertnost' muzhchin trudospobnogo vozrasta v Rossii (na primere Murmanskoy oblasti) [Working conditions and mortality among men of working age in Russia (experience of Murmansk region)]. *Vestnik RAMN* [*Annals of the Russian Academy of Medical Sciences*]. 2013. No. 9. P. 32–36. (in Russ.)
 10. Timonin S., Kontsevaya A., McKee M., Leon D.A. Reducing geographic inequalities in access times for acute treatment of myocardial infarction in a large country: the example of Russia. *International Journal of Epidemiology*. 2018. Vol. 47. No. 5. P. 1594–1602. DOI: 10.1093/ije/dyy146
 11. Shartova N.V., Grisichenko M. Yu., Revich B.A. Otsenka territorial'noj dostupnosti meditsinskikh uchrezhdenii po otkrytym dannym na primere Arkhangel'skoy oblasti [Geographical accessibility of health services based on open data in Arkhangelsk region]. *Sotsial'nyye aspekty zdorov'ya naseleniya* [*Social Aspects of Population Health*]. 2019. Vol. 65. No. 6. P. 1–29. DOI: 10.21045/2071-5021-2019-65-6-1 (in Russ.)
 12. Revyakina O.V., Filimonov P.N., Murashkina G.S., et al. et al. Prognoz razvitiya epidemicheskoy situatsii s tuberkulezom v Respublike Tyva [Prognosis of epidemiologic situation with TB in the Republic of Tuva]. *Byulleten' Vostochno-Sibirskogo nauchnogo tsentra SO RAMN* [*Bulletin of the East Siberian Scientific Center of the SB RAMS*]. 2011. No. 2 (78). P. 167–171. (in Russ.)
 13. Park J. Mortality among First Nations people, 2006 to 2016. *Health Reports*. 2021. Vol. 32. No. 10. P. 3–13. DOI: 10.25318/82-003-x202101000001-eng
 14. Lyubov E.B., Sumarokov Yu. A., Konoplenko E.R. Zhiznестojkost' i faktory riska suitsidal'nogo povedeniya korennykh malochislennykh narodov Severa Rossii [Resilience and suicide behaviour risk factors in indigenous peoples of the Russian North]. *Suitsidologiya* [*Suicidology*]. 2015. Vol. 6. No. 3. P. 23–30. (in Russ.)
 15. Kalyakulina A., Yusipov I., Kondakova E., et al. Epigenetics of the far northern Yakutian population. *Clinical Epigenetics*. 2023. Vol. 15. No. 1. P. 189. DOI: 10.1186/s13148-023-01600-y
 16. Preston S., Heuveline P., Guillot M. *Demography: Measuring and Modeling Population Processes*. Oxford: Blackwell Publishers Ltd. 2001. 291 p.
 17. Loginov V.G. Demograficheskije osobennosti rasprostraneniya COVID19 v arkticheskom regione

[Demographic features of the COVID-19 spreading in the Arctic region]. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 1. P. 172–186. DOI: 10.19181/population.2023.26.1.14 (in Russ.)

Information about the authors:

Smirnov Andrey Vladimirovich, Candidate of Economics, Head of Laboratory, Institute for Socio-Economic and Energy Problems of the North of Komi SC of the Ural Branch RAS, Syktyvkar, Russia.

Contact information: e-mail: av.smirnov.ru@gmail.com; ORCID: 0000-0001-6952-6834; Elibrary SPIN-code: 3787–4340.

Panarina Irina Aleksandrovna, Junior Researcher, Institute for Socio-Economic and Energy Problems of the North of Komi SC of the Ural Branch RAS, Syktyvkar, Russia.

Contact information: e-mail: i.a.panarina@yandex.ru; Elibrary SPIN-code: 3350–3587.

Статья поступила в редакцию 14.02.2025, утверждена 10.11.2025, опубликована 30.12.2025.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-68-79
EDN: CPZQWG

ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ НА РЕПРОДУКТИВНЫЕ УСТАНОВКИ РОССИЯН: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ СРЕЗ

Ярашева А. В.¹, Кулешов С. М.^{2*}, Козырев Н. А.²

¹ИСЭПН ФНИСЦ РАН

(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

²Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(125167, Россия, Москва, Ленинградский проспект, 49/2)

*E-mail: smkuleshov@fa.ru

Для цитирования:

Ярашева А.В., Кулешов С.М., Козырев Н.А. Факторы влияния на репродуктивные установки россиян: социологический срез // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 4. — С. 68-79. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-68-79; EDN: CPZQWG

Аннотация. В статье проанализированы результаты социологических исследований ВЦИОМ, Аналитического агентства НАФИ, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, а также авторского опроса, осуществлённого в Финансовом университете при Правительстве РФ, посвящённых факторам, влияющим на репродуктивные установки россиян. Выделено мнение респондентов о количестве желаемых детей, как в идеальных условиях, так и в реальных жизненных обстоятельствах (в зависимости от пола и возраста опрошиваемых). Определено, что 14% россиян, принявших участие в опросе и имеющих 2-х детей, планируют завести ещё детей в ближайшие год-два, и 17% — среди тех, кто имеет 3-х детей. Показаны стереотипы, которые оказывают влияние на выбор человека относительно рождения детей. В топ-3 таковых вошли следующие позиции: понимание необходимости больших финансовых вложений (45%), сомнение в родительских способностях — обеспечении ребёнка должным вниманием, заботой, уходом (38%), представления о полноценной и достаточной жизни без детей (36%). Среди ответов респондентов-женщин, на плечи которых ложится основная нагрузка по уходу за детьми, значимыми оказались аспекты, связанные с физическим состоянием и доверием к супругу (партнёру). Выделены три взаимосвязанные группы факторов: экономические, социальные и личностно-психологические, оказывающие зачастую одновременное воздействие на принятие решения о планировании (рождении) детей в российских семьях, причём препятствия экономического характера преобладают над социальными условиями и личностно-психологическими характеристиками индивидов.

Ключевые слова: репродуктивные установки, демографические проблемы, суммарный коэффициент рождаемости, социологический опрос, многодетность.

Постановка проблемы

В современной сложной демографической ситуации, связанной с низким уровнем рождаемости в России, государство вводит всё новые беспрецедентные меры поддержки семей, как уже имеющих детей, так и планирующих их рождение. Несмотря на это, суммарный коэффициент рождаемости (СКР) с 2015 г. снижается; в 2024 г. этот показатель составил 1,41. Для изменения негативных тенденций в области рождаемости был реализован национальный проект «Демография»¹ (2019–2024 гг.), одним из ключевых показателей которого значилось увеличение СКР до 1,7, однако, итоговый результат не был достигнут, уровень рождаемости и показатель СКР продолжили своё падение. В 2025 г. принята «Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в РФ до 2036 года»², в которой планируется достижение СКР к 2030 г. — 1,6, а к 2036 г. — до 1,8. Востребован научный анализ сложившихся в стране условий социального и экономического характера, влияющих на репродуктивное поведение россиян, необходимого для воспроизводства и роста населения. Одним из инструментов такого анализа могут служить социологические исследования, посвящённые выявлению факторов, влияющих на установку населения на рождение детей.

Анализу демографической политики в области поддержки рождаемости посвящены труды социологов, экономистов и демографов, в которых рассмотрены не только общие вопросы динамики естественного движения населения [1, 2], но и региональные особенности [3, 4] и тенденции рождаемости, а также исторический обзор и анализ комплекса факторов, влияющих на уровень рождаемости [5]. Отдельное внимание

в работах учёных уделяется воспроизводственному потенциалу и прогнозам (перспективам) демографического развития России [6]. Вопросы многодетности рассматриваются в контексте современной трансформации общества [7], а проблемы репродуктивного выбора в пользу рождения детей затрагиваются в публикациях с учётом физического и психологического состояния здоровья женщин [8; 9]. Факторы, влияющие на репродуктивные установки и желаемое количество детей, изучаются в структуре жизненного (и карьерного) пути современной российской женщины [10; 11], особое внимание при этом уделяется брачному и репродуктивному поведению молодёжи [12; 13]. Выявление эффективности финансовой поддержки государства для осуществления демографической политики в России исследуется через анализ результатов реализации проекта семейной ипотеки [14], особенностей материального обеспечения семей с детьми, а также экономических факторов и установок населения на многодетность [15].

Методы и результаты исследования

Для осуществления исследования применялся анализ результатов замеров ВЦИОМ, мониторингов НАФИ, опросов ИСЭПН ФНИСЦ РАН. А также итогов авторского социологического опроса, выполненного в Финансовом университете при Правительстве РФ, который включал всероссийский онлайн-опрос жителей страны (n=1200) в возрасте 18–49 лет, квотированный по социально-демографическим характеристикам³, и по федеральным округам⁴; и проведение экспертных интервью, в которых приняли участие 8 специалистов — представителей профильных исследовательских центров. В работе использо-

¹ Национальные проекты России. — URL: [https:// projects/demografiya/](https://projects/demografiya/) (дата обращения: 26.06.2025).

² Распоряжение Правительства РФ от 15.03.2025 № 615-р «Об утверждении Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года // Сайт правительства РФ. — URL: <http://static.government.ru/media/files/r10o4FJgcqMhYx2bGAJRxMNN52m7pmN4.pdf> (дата обращения: 20.06.2025).

³ В опросе приняли участие респонденты: в возрасте 18–24 лет — 113 женщин и 68 мужчин; в возрасте 25–34 лет — 304 женщины и 285 мужчин; в возрасте 35–44 лет — 186 женщин и 164 мужчины; в возрасте 45–49 лет — 41 женщина и 39 мужчин.

⁴ В ЦФО опрошено 330 человек, в СЗФО — 114 человек, в СФО — 136 человек, в УФО — 100 человек, в ПФО — 235 человек, в ЮФО — 136 человек, в ДФО — 65 человек, в СКФО — 84 человека

вались результаты анализа вопроса ориентации россиян на рождение детей (как в «идеальных» условиях, так и в «реаль-

ных жизненных обстоятельствах»), проведённого ВЦИОМ: замеры 2017, 2020, 2021 и 2025 гг. (табл. 1 и 2).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Сколько всего детей Вы бы хотели иметь в идеальных условиях, без учёта нынешних условий жизни?», %

Table 1

Distribution of answers to the question: "How many children in total would you like to have in ideal conditions, without taking into account the current living conditions?" %

Количество детей	2017	2020	2021	2025
Одного	7	6	6	6
Двух	40	35	32	30
Трёх	28	31	32	31
Четырёх и более	14	16	19	22
Не хотел(-а) бы иметь детей	6	7	6	5
Затрудняюсь ответить	5	5	5	6

Примечание: в телефонном опросе приняли участие 1600 граждан старше 18 лет.

Источник: данные ВЦИОМ.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «С учётом Ваших реальных жизненных обстоятельств Вы планируете иметь детей в будущем или нет? Если да, то, сколько детей?», %*

Table 2

Distribution of answers to the question: «Taking into account your real life circumstances, do you plan to have children in the future or not? If so, how many children? «%»

Количество детей	2020	2025
Одного	12	13
Двух	9	9
Трёх	3	4
Четырёх и более	1	3
Не планирую иметь детей в будущем	72	68
Затрудняюсь ответить	3	3

*Примечание: на этот вопрос отвечали, в том числе, представители социально-демографических групп, которые в силу обстоятельств (возрастных и других) уже имеют детей и/или не могут их иметь, и поэтому не планируют их рождение.

Источник: данные ВЦИОМ.

Полученные данные свидетельствуют о двух положительных трендах. Во-первых, за годы исследований не наблюдается увеличение доли россиян, которые не хотели бы иметь детей; во-вторых, увеличилась доля тех, кто хотел бы иметь многодетную семью (3, 4 и более детей). Усиление ценностных ориентаций на многодетность совпадает с трендом увеличения количества многодетных семей: в 2014–2024 гг. г. доля многодетных (3 и более детей) россиян вы-

росла в 1,8 раза⁵. По опросам Аналитического центра НАФИ (февраль 2024 г.), о желании «иметь в будущем большую семью и много детей» заявляют 27% представителей молодёжной аудитории⁶. Чаще желаю-

⁵ РБК: За 10 лет в России почти в два раза увеличилось число многодетных семей. – URL: <https://www.rbc.ru/life/news/67bee33c9a79475b0a75c34a> (дата обращения: 28.06.2025).

⁶ НАФИ: Установки российской молодёжи в отношении семьи и детей. – URL: <https://nafi.ru/analytics/ustanovki-rossiyskoy-molodezhi-v-otnoshenii-semi-i-detey/> (дата обращения: 29.05.2025).

щие иметь много детей встречаются «среди представителей «зумеров» (19–24 года) — 31%, а у поколения «альфа» (14–18 лет) такое мнение высказали 23% опрошенных⁷. Однако, несмотря на устойчивые установки («в идеальных условиях») на рождение детей, общий уровень рождаемости в России снижается. В табл. 2 показано распределение ответов на этот вопрос, заданный ВЦИОМ в 2020 и 2025 гг., касательно планов россиян о желаемом количестве детей «в реальных жизненных обстоятельствах».

Согласно данным ВЦИОМ, за рассматриваемый период «доля россиян, которые не планируют в будущем (при любых обстоятельствах) иметь детей, несколько сократилась, причем в большей степени это характерно для россиян 25–44 лет; а среди 18–24-летних, напротив, выросла»⁸. Учёт возраста и пола респондентов при замере в 2025 г. показал, что по мере взросления, россияне, по данным ВЦИОМ, «снижают» свои ожидания в отношении желаемого ко-

личества детей даже в «идеальных условиях» (табл. 3). В табл. 4 приведено распределение ответов респондентов по полу и возрасту относительно планов рождения детей в будущем с учётом реальных жизненных обстоятельств.

Результаты авторского социологического исследования, осуществлённого в 2025 г., выявили следующую картину. На вопрос «Сколько детей вы бы хотели иметь в идеальных условиях, без учёта текущих жизненных обстоятельств?» ответы респондентов распределились следующим образом: одного — 13%, двоих — 45%, троих — 27%, четверых — 7%, пятерых и более — 4%, «нисколько детей» — 1%, затруднились ответить — 3%.

Кросс-табуляция «возраста респондентов» и «желаемого количества детей» с учётом «идеальных условий» для рождения детей представлена в табл. 5. С возрастом желание иметь большую семью усиливается, и тут могут быть две причины, не противоречащие друг другу. Первая — по мере взросления человека меняются семейные ценности, и желание иметь детей становится более важным относительно других жизненных устремлений. Вторая причина — разница в сформированных ценностях поколений; можно предположить, что молодёжь в возрасте 18–24 и 25–34 лет воспитывалась в иной ситуации (отличающейся,

⁷ Всероссийский опрос молодёжи проведён Аналитическим центром НАФИ в феврале 2024 г.; опрошены 1600 человек в возрасте 14–24 лет. Выборка построена на данных официальной статистики Росстат и репрезентирует население РФ по полу, возрасту, уровню образования и типу населённого пункта.

⁸ ВЦИОМ: Репродуктивные планы россиян: два пишем, три в уме? — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reproduktivnye-plany-rossijan-dva-pishem-tri-v-ume> (дата обращения: 20.06.2025).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Сколько всего детей Вы бы хотели иметь в идеальных условиях, без учёта нынешних условий жизни?» % (2025 г.)

Table 3

Distribution of answers to the question: «How many children in total would you like to have in ideal conditions, without taking into account the current living conditions?» % (2025)

Количество детей	Все	Мужчины	Женщины	18-24 года	25-34 года	35-44 года	45-59 лет	60 лет и старше
Одного	6	5	7	10	10	6	6	4
Двух	30	26	33	37	33	28	28	29
Трёх	31	30	32	31	36	33	29	28
Четырёх и более	22	28	16	13	16	27	24	21
Не хотел(-а) бы иметь детей	5	4	6	2	2	4	6	8
Затрудняюсь ответить	6	7	6	7	3	2	7	10

Источник: данные ВЦИОМ.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «С учётом Ваших реальных жизненных обстоятельств Вы планируете иметь детей в будущем или нет? Если да, то, сколько детей Вы планируете в будущем, % (2025 г.)»*

Table 4

Distribution of answers to the question: «Taking into account your real life circumstances, do you plan to have children in the future or not? If so, how many children do you plan to have in the future, % (2025)»

Количество детей	Все	Мужчины	Женщины	18-24 года	25-34 года	35-44 года	45-59 лет	60 лет и старше
Одного	13	16	10	21	33	22	5	0
Двух	9	11	8	25	21	13	3	1
Трёх	4	5	3	12	10	4	0	1
Четырёх и более	3	5	1	9	3	4	1	1
Не планирую иметь детей в будущем	68	59	76	26	28	54	89	94
Затрудняюсь ответить	3	4	2	7	5	3	2	3

*Примечание: на этот вопрос отвечали, в том числе, представители социально-демографических групп, которые в силу обстоятельств (например, возрастных) уже имеют детей и/или не могут их иметь, и поэтому не планируют их рождение.

Источник: данные ВЦИОМ.

в том числе, внутри этих двух групп) относительно старших поколений и «ценность большой семьи» могла снизиться.

По результатам опроса нами выявлено, что осмысленно планируют завести детей в ближайшей перспективе 20% респондентов. Позитивным аспектом является и то, что 14% россиян, принявших участие в опросе и имеющих 2-х детей, планируют завести ещё детей в ближайшие год-два, и 17% — среди тех, кто имеет 3-х детей. Чуть больше четверти опрошенных россиян (27%) не планируют в будущем иметь детей, но и не исключают такой возможности. Но 16% тех, кто уже имеет детей, больше «их не хочет» в силу тех или иных причин (с одним ребёнком — 21%, с двумя детьми — 34%, с тремя — 34%). Лишь 4% опрошенных вовсе не планируют заводить детей, а 2% респондентов затруднились ответить на вопрос.

Полученные данные перекликаются с результатами двух исследований, проведённых в ИСЭПН ФНИСЦ РАН в 2017 г. (n=1400) и 2024 г. (n=450), посвящённых⁹ формиро-

ванию семейных паттернов. Доказано, что существенное значение имеет количество детей в родительской семье, что зачастую предопределяет и желаемое (планируемое) количество детей в собственной семье. Так, 57% респондентов, у родителей которых в семье было 1–2 ребёнка, хотят иметь 2-х детей в своей семье, почти пятая часть (22%) — одного; 4% опрошенных из данной категории планируют иметь 5 и более детей (1,5% — четверых детей, 15,5% — трёх). Молодые люди из многодетных семей в большей степени сами ориентированы в будущем стать многодетными (38%) [16].

Выявление факторов, вызывающих опасения при решении вопроса о рождении детей, показало: на первом месте (52%), по мнению опрошенных, оказался «недостаточный уровень доходов (личный или у партнёра)», на втором месте (41%) — «опасения за будущее ребёнка («неустойчивость», военные действия, неблагоприятная экологическая ситуация)», тройку самых важных фак-

составила от 14 до 35 лет — 71,6% в 2024 г. и 71,9% в 2017 г., от 35–50 лет — 16,2% в 2024 г. и 18,2% в 2017 г.; от 50 до 70 лет — 12,2% в 2024 г. и 9,9% в 2017 г. (структура опроса респондентов предполагала изучение мнения в большей степени молодой аудитории).

⁹ География исследования охватывала юго-восток Московской области и граничащие с ней районы Центрального федерального округа; опрошены представители возрастных групп от 14 до 70 лет. Среди них молодёжь

Таблица 5
Сопоставление желаемого количества детей от возраста респондентов, % (2025 г.)

Table 5

Comparison of the desired number of children by the age of the respondents, %, 2025

Количество детей	18-24 лет	25-34 лет	35-44 лет	45-49 лет
1	17	13	11	16
2	49	47	42	33
3	21	29	28	25
4	5	5	9	11
5 и более	3	3	7	7
Нисколько	1	1	1	3

Источник: результаты авторского исследования.

торов замыкает (39%) «экономическая ситуация в стране». Далее по ранжированию следуют: проблемы с жильём (34%), недостаточные материальные меры поддержки родителей со стороны государства (33%), риск потери источника дохода после рождения ребёнка (25%). Затем следуют разнообразные причины, связанные с личностными особенностями, ценностными установками и детализацией страхов о будущем: внешнеполитическая ситуация (25%), «неполная жизненная реализация» (25%), отсутствие подходящего партнёра/сомнения в текущем (22%), трудности в совмещении обязанностей родителей и карьеры (17%), желание посвятить жизнь другим целям (14%), отсутствие близких людей, которые могли бы помочь с ребёнком в первое время (14%). Гораздо меньше процентов «набрали» позиции: дефицит инфраструктуры (11%), страх и непонимание обязанностей и статуса родителей (11%), наследственные заболевания, которые могут передаться ребёнку (9%), жизнь в населённом пункте, который не подходит для воспитания ребёнка (5%), нежелание партнёра заводить детей (5%).

Вопрос совмещения профессионального роста с заботой о ребёнке, действительно выступает важным фактором, влияющим на мотивы рождения детей. По данным исследования НАФИ (январь 2024 г.)¹⁰,

«74% респондентов уверены, что современная женщина может успешно продвигаться по карьерной лестнице и одновременно быть хорошей матерью; мужчины и женщины разделяют такое мнение почти в равной степени (72% и 75% соответственно); 38% опрошенных считают важным увеличение мер помощи матерям для расширения возможностей профессиональной самореализации женщин»¹¹. На поддержку успешного материнства ориентирована «Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023–2030 годы»¹².

В авторском опросе нами определены стереотипы (установки), которые оказывают влияние на выбор человека относительно рождения детей. В топ-3 вошли следующие позиции: понимание необходимости больших финансовых вложений (45%), сомнение в родительских способностях — обеспечении ребёнка должным вниманием, заботой, уходом (38%), представления о полноценной и достаточной жизни без детей (36%). Следующими по значимости ответами оказались: отсутствие подходящего партнёра (30%), ограничение личной свободы из-за необходимости ухода за ребёнком (28%), разочарование в жизни/нежелание жизни детей в сложившемся мире

¹⁰ Всероссийский опрос проведён Аналитическим центром НАФИ в январе 2024 г.; опрошены 1600 человек от 18 лет из всех регионов Российской Федерации. Выборка построена на данных официальной статистики Росстат и репрезентирует население РФ по полу, возрасту, уровню образования и типу населённого пункта.

¹¹ Большинство россиян считают, что женщина может совмещать успешную карьеру и материнство. — URL: <https://nafir.ru/analytics/bolshinstvo-rossiyan-schitayut-cto-zhenshchina-mozhet-sovmeshchat-uspeshnuyu-kareru-i-materinstvo/> (дата обращения: 01.03.2025).

¹² Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023–2030 годы. — URL: <http://static.government.ru/media/files/iHtVckhsBAE9DAfID3Akpd787xAOC4.pdf> (дата обращения: 29.06.2025).

(28%), высокая ответственность за ребёнка, которую «не хочется нести» (23%).

При рассмотрении причин, останавливающих россиян от рождения детей, стоит особенное влияние уделить анализу проблем, которые видят женщины, на плечи которых ложится основная нагрузка — беременность, роды, уход и воспитание. В рамках авторского исследования был задан дополнительный вопрос девушкам о том, что их останавливает от рождения детей. Наиболее популярные варианты ответов оказались связанными с физическим состоянием: 33% девушек отметили, что имеют проблемы со здоровьем, которые «могут осложнить беременность и плохо сказаться на ребёнке» (среди женщин 35–44 лет, этот процент значительно выше — 42%). Ответ «потенциальные проблемы для собственного здоровья» выбрали 30% (43% в возрастной группе 18–24 лет); «страх перед родами и послеродовым восстановлением» отметили 30% женщин. Среди других опасений — степень нагрузки из-за ухода за новорождённым при невозможности нанять няню (28%), недоверие государственным медицинским учреждениям (25%), страх зависеть от партнёра в период декретного отпуска (24%), приостановка карьеры и профессионального развития — 21% (среди респондентов с 2-мя высшими образованиями или учёной степенью — 31%). Кроме того, женщины опасаются «изменения тела после родов» (20%), возможности послеродовой депрессии (19%), невозможности справиться с ролью матери (17%; при этом 29% среди девушек, у которых нет партнёра), опасения, что отношения с отцом ребёнка ухудшатся (12%), возможность измен (7%), разные взгляды на воспитание детей (6%).

Репродуктивные установки, безусловно, тесно связаны с репродуктивным здоровьем, как женщин, так и мужчин. По результатам исследования, проведённого фармацевтической компанией «Гедеон Рихтер» совместно с НАФИ (март 2024 г.), касающегося «репродуктивной грамотности и безграмотности» россиян, выявлено: «у подавляющего большинства россиян от 18

до 45 лет понятие «репродуктивного здоровья» непосредственно связано с семьёй, детьми и возможностью продолжения рода; каждый второй видит в нем возможность иметь здоровых детей (50%), 37% — возможность зачать ребенка естественным путем, каждый пятый — осознанное материнство и отцовство (27%)»¹³. Репродуктивное здоровье и его сохранение важно для 90% россиян, однако «42% больше года не посещали врача и только 30% полностью довольны своим физическим состоянием; не довольны собственным репродуктивным здоровьем 20% опрошенных (чаще — женщины — 24% против 16% мужчин)»¹⁴.

Для сопоставления текущего уровня рождаемости с задачами «Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики до 2036 г.» относительно перспектив достижения показателя СКР до установленной цели 1,6 к 2030 г. и 1,8 к 2036 г. экспертам, участвовавшим в исследовании, были заданы вопросы о возможности достижения указанных цифр. На вопрос: «Как Вы оцениваете достижимость поставленной в рамках Стратегии цели по показателю СКР — 1,6 к 2030 году? Дайте оценку по 10-балльной шкале» средняя оценка оказалась равна 8,2, а на вопрос: «Как Вы оцениваете достижимость поставленной в рамках Стратегии цели по показателю СКР — 1,8 к 2036 году? Дайте оценку по 10-балльной шкале» — 7,1.

Участники экспертного опроса выразили уверенность в возможности достижения национальной цели по показателю СКР на уровне 1,6 к 2030 г. (с учётом текущего 1,4). По всей видимости, это обусловлено несколькими факторами. Во-первых, падение показателя за последние годы, по мнению опрошенных, не носило характер «об-

¹³ НАФИ: Репродуктивное здоровье россиян: мужчины VS женщины. — URL: <https://nafi.ru/analytics/reproduktivnoe-zdorove-rossiyan-muzhchiny-vs-zhenshchiny/> (дата обращения: 23.04.2025).

¹⁴ Всероссийский опрос молодёжи проведён Аналитическим центром НАФИ в марте 2024 г. Опрошены 3000 человек в возрасте 18–45 лет (1491 мужчин и 1509 женщин). Выборка построена на данных официальной статистики Росстат и репрезентирует население РФ детородного возраста по полу, возрасту, уровню образования и типу населённого пункта.

вала», он «полз вниз» медленными темпами. Во-вторых, россияне, по-прежнему, хотят иметь (по крайней мере, в идеальных условиях) 2–3-х детей, то есть, при должном уровне поддержки со стороны государства часть россиян сможет реализовать свои репродуктивные установки.

Приведём некоторые высказанные экспертами позиции: «Для роста рождаемости необходимы два условия: улучшение социально-экономической конъюнктуры и реализация мер поддержки. Планируемая политика подразумевает более точечный характер воздействия, а также масштабирование ранее реализуемых практик, которые показали значимый эффект. Эти условия внушают надежду на достижение цели СКР в 1,6 к 2030 году»; «Прогнозы по увеличению рождаемости довольно оптимистичны. Достичь показателя СКР равного 1,6 в краткосрочном периоде вполне реально. Куда сложнее будет достичь показателя СКР, равного 1,8. За историю России подняться до такого уровня ещё не удавалось. Даже в 2015 г., когда был достигнут самый высокий уровень СКР за последние годы, показатель составлял 1,76. Поэтому, достичь уровня СКР 1,8 к 2036 г. — слишком амбициозная цель».

Эксперты выделяют ряд ключевых факторов, влияющих на принятие решения о рождении детей: «Во-первых — экономическое благополучие, уверенность в том, что человек сможет обеспечить ребёнка всем необходимым, при этом каждый исходит из своих представлений о том, что он должен дать ребёнку. Во-вторых — личные ориентации человека, это очень широкий спектр ценностей, например, любовь к детям и желание во что бы то ни стало пытаться завести детей; хорошо это или плохо — отдельная тема, но с точки зрения повышения рождаемости — хорошо. В-третьих, карьерные устремления: часто «карьера и дети» считаются несовместимыми ценностями. В-четвертых, отношения внутри семьи, насколько женщина готова заводить детей с партнёром. В-пятых — поддержка родных и/или уверенность в собственных силах, ведь рождение и воспитание ребёнка

требуют огромных усилий, и человеку важно чувствовать поддержку».

Выводы

Анализ результатов социологических измерений репродуктивных установок россиян показал три группы факторов, влияющих на желание/нежелание, готовность/неготовность к рождению детей: 1) экономические: уровень дохода; риски снижения (потери) источника доходов после рождения ребёнка; уровень жилищной обеспеченности; общая экономическая ситуация в стране; меры материальной поддержки со стороны государства в отношении семей с детьми; 2) социальные: семейные традиции и количество детей у родителей; уровень тревожности в обществе; отсутствие супруга (партнёра); стабильность развития общества и внешнеполитическая ситуация; устойчивость занятости, в т.ч., связанная с уровнем (качеством) образования; экологическая ситуация в стране; 3) личностно-психологические: отсутствие уверенности в успешном выполнении обязанностей родителей; недостаточная реализация личности в жизни (в т.ч., в профессии), степень доверия к супругу (партнёру); страх зависимости от супруга (партнёра); страх потери здоровья; нежелание иметь детей в целом.

Мнение опрошенных экспертов, проанализированное в исследовании, отражает общие тренды, характерные для установок российского населения, выявленных в ходе массового опроса. Преобладание числа экономических факторов негативного воздействия на планирование рождения детей демонстрируют запрос населения на помощь государства, несмотря на большое количество уже принятых и реализуемых мер поддержки рождаемости.

Для решения задачи трансформации репродуктивных установок населения на рождение первого и последующих детей (и многодетности) необходимы новые меры в рамках государственной политики в области поддержки рождаемости. Представляется важным усилить неэкономические стимулы влияния на репродуктивное поведение:

в частности, расширять сеть государственных перинатальных центров и женских консультаций, увеличивать количество детских садов с ясельными группами и др. Кроме того, востребованы возможности развития поддержки рождаемости через корпоратив-

ный сектор (бизнес) с помощью разработки единого корпоративного демографического стандарта с учётом мнения бизнеса и работников; возможности введения налоговых льгот для компаний, реализующих меры поддержки рождаемости для своих сотрудников.

Литература и Интернет-источники

1. Демографическое развитие России в XXI веке: монография / ред. Г.В. Осипов, Л.Л. Рыбаковский. — Москва : Минздравсоцразвития России; ИСПИ РАН. — 2009. — 339 с. EDN: QOPJDR
2. **Рыбаковский, Л.Л.** Рождаемость населения регионов России в конце XX — начале XXI вв.: тенденции, особенности и последствия / Л.Л. Рыбаковский, Т.А. Фадеева // *Народонаселение*. — 2024. — Т. 27. — № 2. — С. 111–124. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2024-2-111-124; EDN: PEYBVC
3. **Рыбаковский, О.Л.** Воспроизводство населения регионов России в 1992–2024 гг.: итоги, компоненты, факторы / О.Л. Рыбаковский // *Народонаселение*. — 2024. — Т. 27. — № 4. — С. 4–17. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2024-4-4-17; EDN: XLNRPC
4. **Пастухова, Е.Я.** Демографический фактор экономического развития регионов Сибирского федерального округа России в 2005–2022 годах / Е.Я. Пастухова, Т.А. Логунов // *Народонаселение*. — 2024. — Т. 27. — № 1. — С. 109–122. — DOI : 10.24412 / 1561-7785-2024-1-109-122; EDN: BWCQYS
5. **Рыбаковский, О.Л.** Демографическая динамика регионов России и её компоненты в 1959–2017 гг. / О.Л. Рыбаковский, О.А. Таюнова // *Народонаселение*. — 2019. — Т. 22. — № 1. — С. 4–20. — DOI : 10.24411 / 1561-7785-2019-00001; EDN: MPTHVQ
6. **Архангельский, В.Н.** Перспективы демографического развития России до середины века / В.Н. Архангельский, И.А. Данилова, Р.В. Дмитриев, Р.Р. Хасанова // *Народонаселение*. — 2017. — № 3(77). — С. 24–36. DOI: 10.26653 / 1561-7785-2017-3-2; EDN: ZWTFIF
7. **Журавлева, Е.К.** Опорные точки многодетности в условиях трансформации современной России / Е.К. Журавлева, О.А. Копцева // *Народонаселение*. — 2024. — Т. 27. — № S1. — С. 28–37. — DOI : 10.24412 / 1561-7785-2024-S1-28-37. — EDN : PABRMG
8. **Русанова, Н.Е.** Эмоциональные проблемы на этапах репродуктивного выбора: от планирования до послеродовой депрессии / Н.Е. Русанова, И.Б. Назарова // *Народонаселение*. — 2025. — Т. 28. — № 1. — С. 40–50. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-1-40-50; EDN: WVTYNK
9. **Русанова, Н.Е.** Репродуктивные стратегии российских женщин: результаты пилотного опроса / Н.Е. Русанова, А.А. Ожиганова // *Народонаселение*. — 2022. — Т. 25. — № 4. — С. 55–67. DOI: 10.19181 / population.2022.25.4.5; EDN: VFYDZC
10. **Кочepasова, А.Ю.** Репродуктивные стратегии в структуре жизненного пути современной российской женщины / А.Ю. Кочepasова // *Евразийское Научное Объединение*. — 2020. — № 7–5(65). — С. 360–362. EDN: PDAIEE
11. **Филимонова, И.В.** Факторы влияния на решение о рождении ребёнка и количестве детей у женщин в России / И.В. Филимонова, А.В. Ивершинь, А.В. Комарова, О.И. Кривошеева // *Народонаселение*. — 2023. — Т. 26. — № 1. — С. 55–69. DOI: 10.19181 / population.2023.26.1.5; EDN: NLQTTN
12. **Абдульязнов, А.Р.** Брачное и репродуктивное поведение современной российской молодёжи / А.Р. Абдульязнов, Г.М. Рустамова // *Народонаселение*. — 2024. — Т. 27. — № S1. — С. 94–106. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2024-S1-94-106. EDN: RGQIRV
13. **Александрова, О.А.** Инфантильные или ответственные: студенческая молодёжь о новых тенденциях в брачно-семейной и репродуктивной сферах / О.А. Александрова // *Народонаселение*. — 2024. — Т. 27. — № S1. — С. 107–119. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2024-S1-107-119; EDN: YXWVNE

14. **Ярашева, А.В.** Семейная ипотека как один из инструментов демографической политики / А.В. Ярашева, С.В. Макар // Народонаселение. — 2024. — Т. 27. — № S1. — С. 177–189. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2024-S1-177-189; EDN: ITULAQ
15. **Крошилин, С.В.** Семейные паттерны в достижении показателей эффективности деятельности руководителей субъектов РФ / С.В. Крошилин, Е.И. Медведева // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 2. — С. 16–28. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-2-16-28; EDN: WMLEDM

Сведения об авторах:

Ярашева Азиза Викторовна, д.э.н., проф., зав. лабораторией ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: baktriana@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-6041-7700; РИНЦ SPIN-код: 4700–6733.

Кулешов Сергей Михайлович, к.соц.н., доцент, доцент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва Россия.

Контактная информация: e-mail: smkuleshov@fa.ru; ORCID: 0000-0003-0408-5999; РИНЦ SPIN-код: 2897–5229

Козырев Николай Александрович, магистрант Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: nikolav.kozyrev77@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7168-7450; РИНЦ SPIN-код: 5100–9081

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-68-79

FACTORS INFLUENCING THE REPRODUCTIVE ATTITUDES OF RUSSIANS: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Aziza V. Yarasheva¹, Sergey M. Kuleshov^{2*}, Nikolay A. Kozyrev²

¹ISESP FCTAS RAS

(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)

²Financial University under the Government of the Russian Federation

(49/2 Leningradsky prospect, Moscow, Russia, 125167)

*E-mail: smkuleshov@fa.ru

For citation:

Yarasheva A. V., Kuleshov S. M., Kozyrev N. A. Factors influencing the reproductive attitudes of Russians: a sociological analysis. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 4. P. 68-79. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-68-79 (in Russ.)

Abstract. *The article analyzes the results of sociological studies conducted by VCIOM (2017–2025), Analytical Agency NAFI (2024), Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS TAS (2017 and 2024), and the authors' survey conducted in the course of one of the scientific studies at the Financial University under the Government of the Russian Federation (2025) using quantitative (mass survey) and qualitative (expert interviews) methods to identify the factors influencing the reproductive attitudes of Russians. The opinion of respondents on the number of children they would like to have, both in ideal conditions and in the real life circumstances (depending on the gender and age of the respondents), has been highlighted. It has been found that 14% of Russians who participated in the survey and have two children plan to have more children in the next year or two, and 17% of those who have three children. The stereotypes that influence people's choices regarding having children have been identified. The top three include the following: understanding the need for large financial investments (45%), doubts about parents' abilities to provide children with proper attention, care,*

and nurturing (38%), and the idea of a fulfilling and adequate life without children (36%). Among the responses of female respondents, who traditionally bear the main burden of childcare, aspects related to physical condition and trust in their spouse (partner) were found to be significant. There were identified three interrelated groups of factors: economic, social, and personal-psychological, which often have a simultaneous impact on the decision to plan (or have) children in Russian families. However, economic obstacles to having children in a family prevail over social conditions and personal-psychological characteristics of individuals.

Keywords: reproductive attitudes, demographic problems, total fertility rate, sociological survey, large family.

References and Internet sources

1. Demograficheskoye razvitiye Rossii v 21 veke. [Demographic Development of Russia in the 21st century]. Eds. Osipova G. V., Rybakovsky L. L. Moscow. Minzdravsotsrazvitiya Rossii, ISPI RAN [Ministry of Health and Social Development of Russia, ISPR RAS]. 2009. 339 p. (in Russ.)
2. Rybakovsky L. L., Fadeeva T. A. Rozhdajemost' naseleniya regionov Rossii v kontse 20 — nachale 21 vv.: tendentsii, osobennosti i posledstviya [Fertility of the population of Russian regions in the late 20th and early 21st centuries: trends, features, and consequences]. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 2. P. 111–124. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-111-124 (in Russ.)
3. Rybakovsky O. L. Vosproizvodstvo naseleniya regionov Rossii v 1992–2024: itogi, komponenty, faktory [Reproduction of the population of the regions of Russia in 1992–2024: results, components, factors]. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 4. P. 4–17. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-4-17 (in Russ.)
4. Pastukhova E. Ya., Logunov T. A. Demograficheskij faktor ekonomicheskogo razvitiya regionov Sibirskogo federal'nogo okruga Rossii v 2005–2022 godakh [Demographic factor in the economic development of the regions of the Siberian Federal District of Russia in 2005–2022]. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 1. P. 109–122. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-109-122 (in Russ.)
5. Rybakovsky O. L., Tayunova O. A. Demograficheskaya dinamika regionov Rossii i yeyo komponenty v 1959–2017 gg. [Demographic dynamics of Russia's regions and its components in 1959–2017]. *Narodonaselenie [Population]*. 2019. Vol. 22. No. 1. P. 4–20. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00001 (in Russ.)
6. Arkhangelsky V. N., Danilova I. A., Dmitriev R. V., Khasanova R. R. Perspektivy demograficheskogo razvitiya Rossii do serediny veka [Prospects of the demographic development of Russia until the mid-century]. *Narodonaselenie [Population]*. 2017. No. 3(77). P. 24–36. DOI: 10.26653/1561-7785-2017-3-2 (in Russ.)
7. Zhuravleva E. K., Koptseva O. A. Opornyye tochki mnogodetnosti v usloviyakh transformatsii sovremennoj Rossii [Supporting points of large families]. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. S1. P. 28–37. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-28-37 (in Russ.)
8. Rusanova N. E., Nazarova I. B. Emotsional'nyye problemy na etapakh reproduktivnogo vybora: ot planirovaniya do poslerodovoy depressii [Emotional problems at the stages of reproductive choice: from planning to postpartum depression]. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 1. P. 40–50. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-1-40-50 (in Russ.)
9. Rusanova N. E., Ozhiganova A. A. Reproaktivnyye strategii rossijskikh zhenshchin: rezul'taty pilotnogo oprosa [Reproductive strategies of Russian women: results of a pilot survey]. *Narodonaselenie [Population]*. 2022. Vol. 25. No. 4. P. 55–67. DOI: 10.19181/population.2022.25.4.5 (in Russ.)
10. Kochepasova A. Yu. Reproaktivnyye strategii v strukture zhiznennogo puti sovremennoj rossijskoj zhenshchiny [Reproductive strategies in the life path of a modern Russian woman]. *Yevraziyskoye Nauchnoye Ob'yedineniye [Eurasian Scientific Association]*. 2020. No. 7–5(65). P. 360–362. (in Russ.)
11. Filimonova I. V., Ivershin A. V., Komarova A. V., Krivosheeva O. I. Faktory vliyaniya na resheniye o rozhdenii rebyonka i kolichestve detej u zhenshchin v Rossii [Factors affecting the decision about

- having a child and the number of children by women in Russia]. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 1. P. 55–69. DOI: 10.19181/population.2023.26.1.5 (in Russ.)
12. Abdulzhanov A. R., Rustamova G. M. Brachnoje i reproduktivnoje povedenije sovremennoj rossijskoj molodyozhi [Mating and reproductive behavior of modern Russian youth]. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. S1. P. 94–106. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-94-106 (in Russ.)
 13. Aleksandrova O. A. Infantil'nyje ili otvetstvennyje: studencheskaya molodyozh' o novykh tendentsiyakh v brachno-semejnoj i reproduktivnoj sferakh [Infantile or responsible: student youth on new trends in the marriage and family, and reproductive spheres]. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. S1. P. 107–119. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-107-119 (in Russ.)
 14. Yarasheva A. V., Makar S. V. Semejnaya ipoteka kak odin iz instrumentov demograficheskoy politiki [Family mortgage as one of the tools of demographic policy]. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. S1. P. 177–189. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-177-189 (in Russ.)
 15. Kroshilin S. V., Medvedeva E. I. Semejnyje patterny v dostizhenii pokazatelej effektivnosti deyatel'nosti rukovoditelej sub"ektov RF [family patterns in achieving performance indicators for the heads of constituent entities of the Russian Federation]. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 2. P. 16–28. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-16-28 (in Russ.)

Information about the authors:

Yarasheva Aziza Viktorovna, Doctor of Economics, Full Professor, Head of Laboratory, ISESP FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: baktriana@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-6041-7700; Elibrary SPIN-code: 4700–6733

Kuleshov Sergey Mikhailovich, Candidate of Sociology, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: smkuleshov@fa.ru; ORCID: 0000-0003-0408-5999; Elibrary SPIN-code: 2897–5229

Kozyrev Nikolay Aleksandrovich, Master's Student, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: nikolav.kozyrev77@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7168-7450; Elibrary SPIN-code: 5100–9081.

Статья поступила в редакцию 03.07.2025, утверждена 10.11.2025, опубликована 30.12.2025.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-80-92
EDN: BEDTDN

ТЕНДЕНЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ ЦФО ЗА МЕЖПЕРЕПИСНОЙ ПЕРИОД 2010–2020 ГОДОВ

Мокренский Д. Н.

НИУ ВШЭ

(109028, Россия, Москва, Покровский бульвар, д. 11)

E-mail: dmokrenskii@hse.ru

Финансирование:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта № 24–68–00055 «ИЗ ПРОШЛОГО В БУДУЩЕЕ: сельские сообщества в условиях постаграрного вектора трансформаций» – URL: <https://rscf.ru/project/24-68-00055>.

Для цитирования:

Мокренский Д.Н. Тенденции демографического развития сельского населения регионов ЦФО за межпереписной период 2010–2020 годов // Народонаселение. – 2025. – Т. 28. – № 4. – С. 80–92. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-4-80-92; EDN: BEDTDN

Аннотация. В статье представлены результаты анализа тенденций демографического развития сельского населения всех регионов Центрального федерального округа (ЦФО) за межпереписной период 2010–2020 гг. с учётом задач, обозначенных в Концепции демографической политики РФ на период до 2025 года. В большинстве регионов ЦФО численность сельского населения сокращается несмотря на то, что они в основном миграционно привлекательны. Доля сельского населения старше трудоспособного возраста почти во всех регионах ЦФО выше, чем в среднем в России. Несмотря на задачи демографической политики по повышению уровня рождаемости населения, а также по сокращению уровня смертности, продолжается снижение рождаемости и нарастание естественной убыли сельского населения в регионах ЦФО. Невзирая на меры, направляемые государством на стимулирование рождаемости в регионах (в том числе программы материнского капитала, подробно рассмотренные в настоящей статье), показатели рождаемости сельского населения регионов ЦФО значительно отстают от среднероссийских. На фоне снижения показателей рождаемости сельского населения отмечается тенденция к сближению показателей рождаемости городского и сельского населения в регионах ЦФО. Численность сельского населения ЦФО в 2020 г. по сравнению с 2010 г. изменилась незначительно, но демографические показатели сельского населения и их динамика в отдельных регионах ЦФО вызывают опасения. Положительная динамика численности сельского населения в ЦФО во многом обеспечена благодаря Московской, Тульской и Калужской областям. В остальных регионах ЦФО численность сельского населения за рассмотренный период уменьшилась более значительными темпами, чем в среднем по стране.

Ключевые слова: Центральный федеральный округ (ЦФО), сельское население, демографическое развитие, депопуляция населения, миграционная привлекательность.

Введение

В последние годы появились документы, в которых обозначены основные вызовы демографического развития, а также определены основные цели и задачи демографической политики в РФ на ближайшие годы. Важное место среди документов занимают Послания Президента России Федеральному Собранию Российской Федерации (далее — Послание). К основным вызовам демографического развития в Посланиях 2010 и 2018 гг. отнесены последствия демографического спада 1990-х гг., в связи с которым сокращалась численность женщин репродуктивного возраста в последние 15 лет, а также снижение рождаемости¹.

В Послании 2010 г. обозначен ряд задач демографической политики, направленных в первую очередь на повышение уровня рождаемости. К основным из них относятся повышение доступности и качества медицинских, социальных, образовательных услуг для матерей и детей (в том числе технологическая модернизация детских поликлиник и больниц, решение проблемы нехватки детских садов), жилищная поддержка молодых и многодетных семей, дополнительные налоговые преференции для семей с тремя и более детьми.

В 2007 г. Указом Президента России была утверждена «Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» (далее — Концепция)². Согласно этому документу в ряде субъектов РФ демографическая ситуация требует незамедлительного реагирования, в частности, в девяти областях Центрального федерального округа (ЦФО), где наблюдаются высокие темпы сокращения численности населения: Владимирской, Ивановской,

Костромской, Курской, Рязанской, Смоленской, Тамбовской, Тверской, Тульской.

К основным задачам демографической политики РФ на период до 2025 г. в Концепции отнесены задачи сокращения уровня смертности не менее чем в 1,6 раза, прежде всего в трудоспособном возрасте от внешних причин, а также повышения уровня рождаемости (увеличение суммарного показателя рождаемости в 1,5 раза) за счет рождения в семьях второго и последующих детей. Аналогичные задачи обозначены в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»³ (далее — Стратегия). Помимо сбережения народа России к национальным интересам Российской Федерации в Стратегии отнесено сохранение культурного и исторического наследия народа России. Сохранение населения на староосвоенных территориях России имеет важное значение для реализации национальных интересов. Такими территориями являются регионы ЦФО⁴, демографическое развитие сельского населения⁵ которых исследуется в настоящей статье [1].

ЦФО — самый большой по численности населения федеральный округ России, где проживает четверть её населения. Однако субъекты ЦФО относят к «самым демографически депрессивным» регионам России⁶. Начиная с 1960-х гг. и до настоящего времени численность населения субъектов ЦФО (за исключением Москвы и Московской области) быстро снижалась, причем быстрее всего в сельской местности [2]. За последние 30 лет численность сельского населения

¹ Послание Президента Федеральному Собранию РФ от 30 ноября 2010 года. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/33028> (дата обращения: 25.08.2024); Послание Президента Федеральному Собранию РФ от 1 марта 2018 года. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42902> (дата обращения: 15.09.2024).

² Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» (2007). — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71673/ (дата обращения: 17.09.2024).

³ Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (2021). — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 25.09.2024).

⁴ Центр и регионы России. Актуальные проблемы экономических взаимоотношений и пути их оптимизации (заседание «Меркурий-клуба») // ЭТАП. — 2014. — № 3. — С. 24–25.

⁵ В соответствии с методологией Росстата к сельскому относится население, проживающее в сельских населенных пунктах (вне границ населенных пунктов, утвержденных законодательными актами в качестве городов и поселков городского типа).

⁶ Концепция социально-экономического развития Центрального федерального округа (на период до 2020 года) // Среднерусский вестник общественных наук. — 2009. — № 3. — С. 175–191.

ЦФО снизилась более чем на 13%, в то время как для всей России она снизилась на 5%. За этот период в большинстве регионов ЦФО смертность превышала рождаемость, а также наблюдался значительный отток молодежи в крупные города. Также продолжался процесс концентрации населения в региональных центрах [3].

В данной статье представлены результаты анализа тенденций демографического развития сельского населения всех регионов ЦФО с учетом задач, обозначенных в Концепции, сравниваются значения демографических показателей с разницей в 10 лет — за 2010 и 2020 гг. (для некоторых показателей рассчитано скользящее среднее значение за три года). В настоящей работе использованы статистические данные, опубликованные по результатам проведения Всероссийских переписей населения 2010 и 2020 годов.

Методология настоящего исследования основана на использовании количественных методов. В частности, проанализированы статистические данные, характеризующие различные аспекты демографического развития сельского населения регионов ЦФО: 1) численность населения (темпы прироста/убыли, динамика доли сельского населения); 2) естественное движение населения (общий коэффициент естественного прироста); 3) рождаемость (суммарный коэффициент рождаемости); 4) смертность (стандартизированный общий коэффициент смертности); 5) миграции (коэффициент миграционного прироста населения); 6) половозрастная структура (доля молодого, трудоспособного и пожилого населения). Для города федерального значения Москвы значения некоторых показателей, характеризующих сельское население, не представлены в связи с их отсутствием в открытых источниках, а также невозможности их сравнения в динамике в связи с расширением административных границ Москвы за счёт территории Московской области в 2012 г. [4].

Численность населения

Проанализируем динамику численности сельского населения (рис. 1). В целом по ЦФО численность сельского населения в 2020 г. по сравнению с 2010 г. изменилась незначительно: она увеличилась на 0,6%, в среднем по стране численность сельского населения уменьшилась на 1,2%.

Однако, за исключением Московской, Тульской, Калужской, Белгородской, Ярославской областей в остальных регионах ЦФО численность сельского населения уменьшилась. Рост численности сельского населения в Московской и Калужской об-

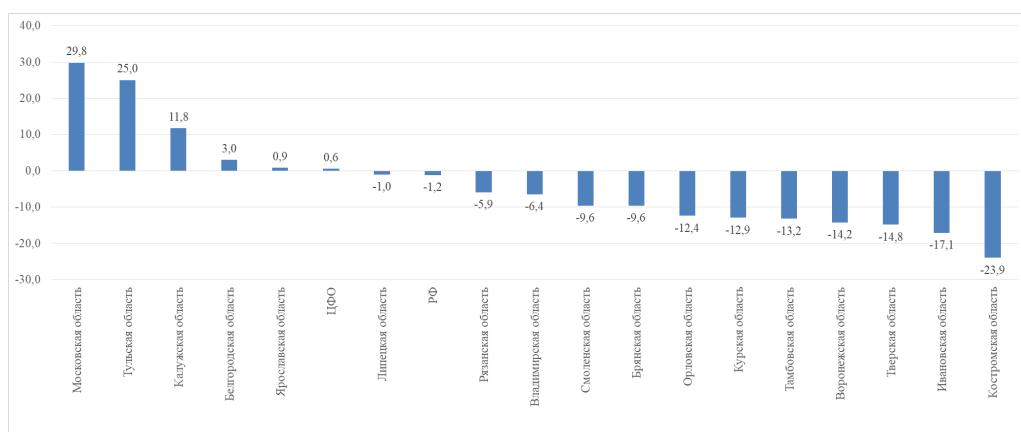

Рис. 1. Динамика численности сельского населения регионов ЦФО, 2020 г. к 2010 г., %

Fig. 1. Rural population dynamics in the Central Federal District regions, 2020 to 2010, %

Источник: рассчитано автором на основе данных Росстата.

ластях, вероятно, связан с близостью к Москве. Кроме того, в связи с активным развитием обрабатывающей промышленности (в первую очередь машиностроения, включая автомобилестроение, металлургии, пищевой промышленности) Калужская область приняла значительное количество мигрантов. Рост численности сельского населения в Тульской области с большой долей вероятности связан с административно-территориальными преобразованиями городских населенных пунктов в сельские. По информации В.Н.Архангельского только за 2010–2014 гг. в результате

административно-территориальных преобразований численность городского населения Тульской области сократилась, а сельского — увеличилась на 69,4 тысячи человек [5]. Наиболее значительна убыль сельского населения в Костромской области (на 23,9%).

Доля сельского населения в 2020 г. по сравнению с 2010 г. уменьшилась в среднем в России (–1,1 п.п.) и в ЦФО (–0,8 п.п.). Отметим значительный рост (+6,1 п.п.) доли сельского населения в Тульской области, возможную причину которого мы обозначили выше (рис. 2).

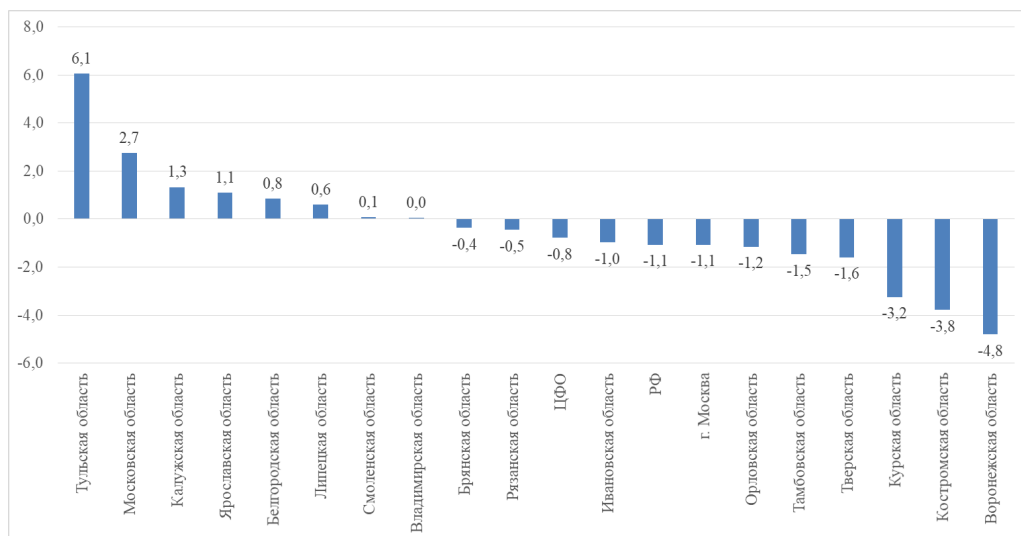

Рис. 2. Изменение доли сельского населения регионов ЦФО, 2020 г. к 2010 г., процентные пункты

Fig. 2. Changes in the share of rural population in the Central Federal District regions, 2020 to 2010, percentage points

Источник: построено автором на основе данных Росстата.

Сельское население ЦФО старше, чем в среднем по стране. В 2020 г. доля сельского населения старше трудоспособного возраста почти во всех регионах ЦФО была выше, чем в среднем в России. Только в Московской области данный показатель незначительно ниже, чем в среднем по стране. Наибольшая доля населения старше трудоспособного возраста в Костромской, Ивановской областях. Доля сельского населения моложе трудоспособного возраста

в среднем в России выше, чем в ЦФО. Наиболее молодое население в ЦФО в 2020 г. — в Брянской и Липецкой областях. Процесс старения сельского населения ЦФО продолжается. В 2020 г. по сравнению с 2010 г. почти во всех субъектах ЦФО увеличилась доля сельского населения старше трудоспособного возраста — наибольшие темпы прироста — в Костромской и Ивановской областях.

Естественный прирост

В 2010 и в 2020 гг. естественная убыль сельского населения в ЦФО значительно выше, чем в среднем по стране (табл. 1). Во всех регионах значения коэффициента естественного прироста сельского населения отрицательные. Значения коэффициен-

та естественного прироста сельского населения в 2020 году ниже, чем в среднем по стране (за исключением Московской области). Наименьшие значения данного показателя в Курской, Ивановской и Смоленской областях. Для городского населения ЦФО показатели естественной убыли в целом ниже, чем для сельского, хотя и незначительно.

Таблица 1
Коэффициент естественного прироста населения регионов ЦФО, 2010 и 2020 гг., ‰

Table 1

Population natural increase rate in the Central Federal District regions, 2010 and 2020, ‰

Территория	2010		2020	
	Городское население	Сельское население	Городское население	Сельское население
Белгородская область	-1,2	-8,0	-6,2	-10,3
Брянская область	-4,9	-9,5	-8,3	-11,0
Владимирская область	-6,3	-10,7	-10,6	-11,5
Воронежская область	-4,8	-10,4	-6,5	-12,2
Ивановская область	-7,3	-11,1	-10,1	-14,0
Калужская область	-4,4	-9,2	-7,8	-7,7
Костромская область	-4,5	-8,3	-7,6	-12,4
Курская область	-2,5	-13,8	-7,3	-14,4
Липецкая область	-4,4	-8,2	-8,4	-11,0
Москва	-0,3	-	-2,0	-
Московская область	-4,4	-4,9	-3,5	-5,3
Орловская область	-5,4	-8,3	-10,4	-11,5
Рязанская область	-6,0	-12,4	-9,3	-12,7
Смоленская область	-5,3	-14,9	-9,3	-14,0
Тамбовская область	-6,5	-10,4	-9,5	-12,4
Тверская область	-7,4	-14,4	-10,1	-12,5
Тульская область	-9,7	-10,3	-11,7	-9,3
Ярославская область	-5,3	-8,8	-8,6	-10,7
ЦФО	-3,4	-9,4	-5,0	-9,8
РФ в целом	-1,5	-2,2	-4,4	-5,7

Источник: рассчитано автором на основе данных Росстата.

Несмотря на определенные в Концепции задачи демографической политики по сокращению уровня смертности и повышению уровня рождаемости населения, отмечается продолжающееся нарастание естественной убыли населения в регионах ЦФО [6]. Более чем в половине регионов ЦФО (за исключением областей Калужской, Тульской, Тверской и Смоленской) значение коэффициента естественного прироста сельского насе-

ления в 2020 г. уменьшилось по сравнению с 2010 годом. Аналогичные тенденции наблюдаются в динамике данного показателя для городского населения.

Рождаемость

Показатели рождаемости сельского населения ЦФО значительно отстают от средних российских (табл. 2). Суммарный коэффи-

циент рождаемости (СКР) для сельского населения почти во всех регионах ЦФО (за исключением Костромской области) в 2020 г. не превышает среднее значение данного

показателя по РФ. Значение данного показателя в Московской области ниже среднего российского вдвое.

Таблица 2

Суммарный коэффициент рождаемости регионов ЦФО, 2010 и 2020 гг., число детей

Table 2

Total fertility rate in the Central Federal District regions, 2010 and 2020, number of children

Территория	2010		2020	
	городское население	сельское население	городское население	сельское население
Белгородская область	1,30	1,64	1,22	1,27
Брянская область	1,31	1,70	1,36	1,17
Владимирская область	1,40	1,68	1,25	1,20
Воронежская область	1,32	1,45	1,24	1,34
Ивановская область	1,38	1,48	1,37	1,28
Калужская область	1,42	1,67	1,44	1,27
Костромская область	1,51	2,07	1,57	1,92
Курская область	1,51	1,64	1,32	1,52
Липецкая область	1,36	1,70	1,29	1,39
Москва	1,25	-	1,36	-
Московская область	1,41	1,19	1,51	0,81
Орловская область	1,25	2,08	1,17	1,60
Рязанская область	1,28	1,94	1,33	1,29
Смоленская область	1,29	1,67	1,19	1,19
Тамбовская область	1,25	1,50	1,28	1,25
Тверская область	1,41	1,92	1,35	1,48
Тульская область	1,22	1,66	1,21	1,19
Ярославская область	1,41	1,90	1,38	1,45
ЦФО	1,32	1,58	1,34	1,28
РФ в целом	1,44	1,98	1,41	1,69

Источник: рассчитано автором на основе данных Росстата.

Динамика показателей рождаемости сельского населения ЦФО также негативна. СКР для сельского населения во всех субъектах ЦФО в 2020 г. снизился по сравнению с 2010 годом. Для городского населения в большинстве регионов ЦФО в 2020 г. по сравнению с 2010 г. указанный показатель изменился незначительно. В Министерстве труда и социальной защиты РФ снижение рождаемости в сельской местности за рассматриваемый период связывают с оттоком молодёжи в города и сокращением сельской инфраструктуры⁷.

На фоне снижения показателей рождаемости сельского населения отметим тенденцию к сближению показателей рождаемости городского и сельского населения в регионах ЦФО. Если в 2010 г. во всех регионах ЦФО (за исключением Московской области) СКР для сельского населения превышал данный показатель для городского населения, то в 2020 г. в 9 из 17 областей ЦФО СКР для городского населения был равен или превышал СКР для сельского населения: области Рязанская, Ивановская, Калужская, Тамбовская, Владимирская, Смоленская, Тульская, Брянская и Московская.

⁷ Росстат объяснил аномальный рост притока мигрантов в начале 2019 года. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/21691649> (дата обращения: 05.11.2024).

В условиях снижения значений показателей рождаемости особенно актуальными становятся меры, направляемые на стимулирование рождаемости. Остановимся подробнее на региональных мерах поддержки рождаемости в субъектах ЦФО, к основной из которых можно отнести региональные программы материнского капитала (далее — маткапитал).

После вступления в силу Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ, в котором было прописано, что органы государственной власти субъектов РФ и органы местного самоуправления могут устанавливать дополнительные меры поддержки семей, имеющих детей, за счет средств бюджетов субъектов РФ и местных бюджетов⁸, во всех регионах ЦФО (за исключением Москвы) появились региональные программы материнского капитала. В соответствии с данными программами в большей части регионов ЦФО выплаты предоставляются после рождения третьего ребенка или последующих детей начиная с 2011–2012 гг. [7]. Позже в некоторых регионах появились выплаты при рождении первого или второго ребёнка (Воронежская и Липецкая области).

Рассмотрим основные особенности регионального материнского капитала в субъектах ЦФО на момент вступления в силу регионального закона о материнском капитале: сумма и назначение выплат, наименование и дата вступления в силу закона. В таблице 3 представлены общие условия назначений выплат. Выплаты могут отличаться в случае одновременного рождения двойни, тройни или большего количества детей.

Наибольшая сумма выплаты в рамках маткапитала среди регионов ЦФО на момент вступления в силу регионального закона о материнском капитале была в Костромской области (200 тыс. рублей), выплаты производились с 1 января 2009 года. Однако, предоставлялась данная выплата

та в виде первоначального взноса при получении ипотечного жилищного кредита, основной суммы долга и уплаты процентов по ипотечным жилищным кредитам на приобретение (строительство) жилого помещения. Напомним, что только в Костромской области из всех регионов ЦФО СКР для сельского населения в 2020 г. превышал среднее значение данного показателя по РФ. Однако, в 2020 г. СКР в Костромской области был ниже, чем в 2010 г. Поэтому оценить влияние данной выплаты на показатели рождаемости в регионе сложно.

Смертность

Для анализа динамики смертности населения в регионах ЦФО в 2020 и в 2010 гг. используем общие коэффициенты смертности населения (табл. 4). Так как данные коэффициенты зависят не только от интенсивности демографического процесса, но и от структуры населения, то для дальнейшего их сравнения предварительно воспользуемся методом косвенной стандартизации общих коэффициентов. Данный метод выбран благодаря наличию статистических данных о возрастных коэффициентах смертности городского и сельского населения РФ за 2010 г., которые использованы в расчётах в качестве стандарта для регионов. Общий коэффициент смертности РФ принят за эталон и равен 1.

Так как стандартизированные коэффициенты смертности населения зависят от выбранного стандарта, то их значения можно использовать только для сравнения. Таким образом, мы можем определить только в каком регионе выше/ниже уровень смертности населения в городе и селе, но не можем точно сказать на сколько (поэтому город Москва не рассмотрен). В 2020 г. средний уровень смертности сельского населения в ЦФО был ниже среднего уровня смертности в РФ. Однако, в половине субъектов ЦФО в 2020 г. был более высокий уровень смертности, чем в среднем по стране. Максимальный уровень смертности населения — в Курской и Смоленской областях, минимальный — в Московской области. В 2010 г. уровень смертности сельско-

⁸ Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ (2006) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64872/ (дата обращения: 20.11.2024).

Таблица 3

Особенности регионального материнского капитала в субъектах ЦФО на момент вступления в силу региональных законов о материнском капитале

Table 3

Regional maternity capital features in the Central Federal District subjects

Регион	Сумма регионального материнского капитала, рублей	Дата вступления в силу закона	Назначение выплаты материнского капитала
Белгородская область	50000	01.01.2012	при рождении третьего ребёнка или последующих детей
Брянская область	50000	01.01.2012	при рождении третьего ребёнка или последующих детей
Владимирская область	50000	08.01.2012	при рождении третьего ребёнка или последующих детей
Воронежская область	100000	01.01.2012	при рождении третьего ребёнка или последующих детей
	150000	01.12.2019	при рождении второго ребёнка
Ивановская область	50000	20.02.2012	при рождении третьего ребёнка или последующих детей
Калужская область	50000	06.01.2012	при рождении второго ребёнка,
	100000	06.01.2012	при рождении третьего ребёнка или последующих детей
Костромская область	до 200000	01.12.2007	при рождении третьего ребёнка или последующих детей
Курская область	75000	01.01.2012	при рождении третьего ребёнка или последующих детей
Липецкая область	100000	27.03.2009	при рождении третьего ребёнка или последующих детей
	85000	01.01.2019	при рождении первого ребёнка с 01.01.2019 женщинам от 18 до 24 лет включительно
Московская область	100000	23.04.2011	при рождении второго ребёнка или последующих детей (отменен с 1.01.2017)
Орловская область	100000	16.05.2011	при рождении третьего ребёнка или последующих детей
Рязанская область	50000	25.11.2011	при рождении третьего ребёнка или последующих детей
Смоленская область	163300	10.03.2008	при рождении второго или последующих детей
Тамбовская область	100000	05.06.2011	при рождении третьего ребёнка или последующих детей
Тверская область	50000	02.03.2012	при рождении третьего ребёнка или последующих детей
Тульская область	50000	01.04.2012	при рождении третьего ребёнка или последующих детей
Ярославская область	50000	18.06.2011	при рождении третьего ребёнка или последующих детей

Источник: составлено автором по данным сайтов администраций регионов.

го населения в ЦФО был выше, чем в среднем по стране. Причём уровень смертности был выше среднероссийского почти во всех субъектах ЦФО (за исключением Московской, Бел-

городской, Воронежской, Липецкой областей). Смертность сельского населения в среднем по ЦФО несколько выше, чем городского населения в 2010 и 2020 годах. Уровень смертности

Таблица 4

**Стандартизированный общий коэффициент смертности
населения регионов ЦФО, 2010 и 2020 годы**

Table 4

Standardized crude death rate in the Central Federal District regions population, 2010 and 2020

Территория	2010 г., население:		2020 г., население:	
	городское	сельское	городское	сельское
Белгородская область	0,8902	0,9098	0,9994	0,9727
Брянская область	1,0131	1,0779	1,0822	1,0536
Владимирская область	1,0745	1,1529	1,1394	0,9590
Воронежская область	0,9802	0,9681	1,0046	0,9844
Ивановская область	1,1049	1,1131	1,1346	1,0870
Калужская область	0,9885	1,1136	1,1282	0,9201
Костромская область	1,0940	1,1148	1,1322	1,1118
Курская область	1,0095	1,0682	1,0891	1,1521
Липецкая область	1,0481	0,9874	1,1686	1,0379
Московская область	1,0495	0,8344	1,0125	0,6783
Орловская область	0,9975	1,0972	1,1669	1,1103
Рязанская область	1,0176	1,0579	1,0822	0,9821
Смоленская область	1,0267	1,2889	1,0816	1,1408
Тамбовская область	0,9734	1,0037	1,0893	0,9801
Тверская область	1,1142	1,2707	1,1118	1,0801
Тульская область	1,0846	1,1054	1,1002	0,8940
Ярославская область	1,0362	1,0307	1,1040	1,0183
ЦФО	0,9165	1,0234	0,9339	0,9628
РФ	1,0000	1,0000	1,0000	1,0000

Источник: рассчитано автором на основе данных Росстата.

сельского населения ЦФО в 2020 г. по сравнению с 2010 г. снизился, а уровень смертности городского населения вырос.

Миграция

Далее проанализируем динамику миграций городского и сельского населения в субъектах ЦФО и на основе данных Росстата рассчитаем коэффициент миграционного прироста для сельского и городского населения (табл. 5). Для снижения влияния случайных колебаний значения показателя представлены в виде скользящих средних за 2008–2010 и 2018–2020 годы. Отметим, что в 2011 г. в России произошли значительные изменения текущего статистического учёта населения и миграционного законодательства.

Сразу после вступления в силу новых правил учёта мигрантов в 2011 г. в статистическом

учёте резко возросло их число. Однако данное увеличение не связано с реальным ростом миграционной активности. В частности, с 2011 г. выросло число прибывших, а после 2011 г. возросло число выбывших [8]. В результате изменений методики в течение 2011–2012 гг. резко увеличилось количество учтённых долговременных международных и внутренних мигрантов [9; 10]. Кроме того, в 2019 г. наблюдался резкий прирост числа мигрантов в России, который, по информации Росстата, был связан с более полными данными, которые в статистическое ведомство направило МВД РФ⁹.

Регионы ЦФО в целом привлекают значительное число мигрантов. Поэтому показатели миграционного прироста ЦФО выше среднероссийских. Более половины регионов

⁹ Росстат объяснил аномальный рост притока мигрантов в начале 2019 года. – URL: <https://www.rbc.ru/economics/23/07/2019/5d3713239a7947183a6a9198> (дата обращения: 05.11.2024).

Таблица 5

Коэффициент миграционного прироста населения регионов ЦФО, ‰

Table 5

Net migration rate in the Central Federal District regions population, ‰

Территория	2008-2010 гг., население:		2018-2020 гг., население	
	городское	сельское	городское	сельское
Белгородская область	6,9	7,3	2,8	5,5
Брянская область	-0,5	1,1	-1,1	0,1
Владимирская область	1,0	1,2	-0,9	0,8
Воронежская область	4,5	-0,4	2,6	2,2
Ивановская область	2,4	2,3	-0,1	-4,1
Калужская область	3,2	5,8	1,1	7,0
Костромская область	0,5	-1,7	1,0	-8,1
Курская область	5,2	-6,1	3,0	-1,0
Липецкая область	1,5	0,9	0,1	0,6
Москва	5,4	-	3,2	-
Московская область	11,2	10,4	9,7	20,1
Орловская область	-1,3	4,8	-3,0	0,0
Рязанская область	2,3	2,7	1,3	-0,5
Смоленская область	-0,5	1,7	-2,8	0,8
Тамбовская область	0,5	0,0	-2,3	-7,7
Тверская область	3,8	-1,8	0,0	-5,7
Тульская область	1,0	5,8	-0,6	-0,4
Ярославская область	3,0	3,1	-0,2	1,3
ЦФО	5,0	3,0	3,2	5,4
РФ в целом	2,6	-0,4	1,8	-0,6

Источник: рассчитано и построено автором на основе данных Росстата.

ЦФО (кроме Костромской, Тамбовской, Тверской, Ивановской, Курской областей) в 2018–2020 гг. имеют более высокие значения коэффициента миграционного прироста сельского населения, чем в среднем по РФ. Наибольшее значение данного показателя в 2018–2020 гг. — в Московской области, наименьшее — в Костромской области. Однако, более чем в половине регионов ЦФО (за исключением Московской, Калужской, Воронежской, Курской областей) коэффициент миграционного прироста сельского населения в 2018–2020 гг. оказался ниже, чем в 2008–2010 годах.

Значительную часть мигрантов аккумулируют города ЦФО из-за их близости к центру Московской агломерации. Поэтому в Московской области и Москве самые высокие значения коэффициента миграционного прироста городского населения. Также в 2018–2020 гг. более высокие зна-

чения коэффициента миграционного прироста городского населения, чем в среднем по РФ, выявлены в Курской, Белгородской, Воронежской областях, что может быть связано с приёмом приграничными регионами беженцев с территории Украины.

Таким образом, почти во всех регионах ЦФО значения основных демографических показателей для сельского населения (коэффициент естественного прироста, суммарный коэффициент рождаемости, стандартизованный общий коэффициент смертности) в 2020 г. были ниже среднероссийских значений. Лучше относительно других регионов ЦФО выглядят эти показатели в Московской области. Отметим, что только Костромская область из всех регионов ЦФО имеет более высокое значение показателя суммарного коэффициента рождаемости сельского населения, чем в среднем по стра-

не. Ни по одному из представленных демографических показателей значения показателей Тверской, Ивановской, Курской областей не оказались выше значений аналогичных показателей в среднем по РФ.

Для большинства регионов ЦФО динамика значений двух демографических показателей для сельского населения (коэффициент естественного прироста, общий коэффициент смертности) за рассмотренный период была выше среднероссийской динамики аналогичных показателей. По динамике значений показателей численности сельского населения, суммарного коэффициента рождаемости, коэффициента миграционного прироста сельского населения большинство регионов ЦФО отставали от среднероссийской динамики аналогичных показателей. Лучше относительно других регионов ЦФО по динамике представленных показателей выглядят Московская и Калужская области. Негативная динамика по большинству из показателей (численность сельского населения, суммарный коэффициент рождаемости, стандартизированный общий коэффициент смертности, коэффициент миграционного прироста) выявлена в Смоленской и Орловской областях.

Выводы

Несмотря на то, что численность сельского населения ЦФО в 2020 г. по сравнению с 2010 г. изменилась незначительно, демографические показатели сельского населения и их динамика в отдельных регионах ЦФО вызывают серьезные опасения. Положительная динамика численности сельско-

го населения в ЦФО во многом обеспечена благодаря трём субъектам РФ: Московской, Тульской и Калужской областям. Более чем в половине регионов ЦФО численность сельского населения за рассмотренный период уменьшилась, причем более значительными темпами, чем в среднем по стране.

Более половины регионов ЦФО в 2020 г. значительно отстают от среднероссийских значений по ряду основных демографических показателей для сельского населения: коэффициент естественного прироста, суммарный коэффициент рождаемости, стандартизированный общий коэффициент смертности. Численность сельского населения в 2020 г. по сравнению с 2010 г. уменьшилась в большинстве регионов ЦФО, причем более быстрыми темпами, чем в целом по стране. Во всех регионах ЦФО в 2020 г. коэффициент естественного прироста сельского населения был отрицательным, и только в Московской области значения данного показателя были лучше, чем в среднем по стране.

СКР сельского населения почти во всех регионах ЦФО в 2020 г. не превышает среднероссийский. СКР для сельского населения во всех субъектах ЦФО в 2020 г. стал ниже по сравнению с 2010 г., причем темпы его снижения были выше, чем в среднем по РФ. Несмотря на то, что уровень смертности сельского населения ЦФО в 2020 г. по сравнению с 2010 г. снизился, в половине субъектов ЦФО в 2020 г. он был более высоким, чем в среднем по стране. Таким образом, задачи значительного повышения уровня рождаемости и снижения уровня смертности, обозначенные в Концепции, для сельского населения ЦФО не были достигнуты.

Литература и Интернет-источники

1. **Гальянов, И.В.** Демографические изменения на сельских территориях центральной России в контексте государственной социальной политики / И.В. Гальянов, А.В. Резвяков, Н.С. Студеникова // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2017. — № 2 (347). — С. 270–284. DOI: 10.24891/ni.13.2.270; EDN: XWVKJT
2. **Денисенко, М.Б.** Что происходит с сельским населением на ближнем севере России? (на материале Костромской области) / М.Б. Денисенко, У.Г. Николаева // Социологические исследования. — 2015. — № 12. — С. 70–81. DOI: 10.7868/S50000392-7-1; EDN: VGMFSH
3. **Калабихина, И.Е.** Динамика численности населения муниципальных образований центральной России / И.Е. Калабихина, Д.Н. Мокренский // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. — 2017. — № 6. — С. 97–124. DOI: 10.38050/01300105201766; EDN: YMOWHK

4. **Савоскул, М.С.** Сельское расселение и учет населения в сельской местности в зоне влияния Московской агломерации (на примере Боровского района Калужской области) / М.С. Савоскул, А.И. Алексеев, Г.Ю. Кузнецова, Н.А. Мозгунов // Вестник Московского университета. Серия 5: География. — 2019. — № 2. — С. 86–94; EDN: MVZMVO
5. **Архангельский, В.Н.** Демографическая ситуация и репродуктивное поведение молодежи в Тульской области / В.Н. Архангельский. — Тула, 2015–82 с.
6. **Щепин, В.О.** Особенности смертности населения Российской Федерации, Центрального федерального округа и города Москвы в 2020 г. / В.О. Щепин, Р.У. Хабриев // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 2021. — № 2. — С. 189–193. DOI: 10.32687/0869-866X-2020-29-2-189-193; EDN: SCYSSA
7. **Вакуленко, Е.С.** Региональные программы материнского капитала: влияние на рождаемость в России / Е.С. Вакуленко, Н.В. Ивашина, Я.О. Свистильник // Экономика региона. — 2023. — № 4. — С. 1077–1092. DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-4-10; EDN: DTIEAV
8. **Чудиновских, О. С.** О понимании статистики миграции / О.С. Чудиновских // Вопросы статистики. — 2017. — № 5. — С. 19–27; EDN: YRGZKR
9. **Мкртчян, Н.В.** Проблемы в статистике внутрироссийской миграции, порожденные изменением методики учета в 2011 г. / Н.В. Мкртчян // Демографическое обозрение. — 2020. — № 1. — С. 83–99. DOI: 10.17323/demreview.v7i1.10821; EDN: ZLDEXI
10. **Mkrтчyan, N.V.** Migration in rural areas of Russia: territorial differences // Population and Economics. — 2019. — Vol. 3. — № 1. — P. 39–51. DOI: 10.3897/popecon.3.e34780; EDN: JAPEJF

Сведения об авторе:

Мокренский Денис Николаевич, к.э.н., доцент, ведущий научный сотрудник, НИУ ВШЭ, Москва, Россия.
 Контактная информация: e-mail: dmokrenskii@hse.ru, ORCID: 0000-0002-8989-4666, РИНЦ SPIN-код: 6634–2581.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-80-92

TRENDS IN THE RURAL POPULATION DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF THE CENTRAL FEDERAL DISTRICT REGIONS OVER THE 2010–2020 INTER-CENSUS PERIOD

Denis N. Mokrensky

HSE University

(11 Pokrovsky Boulevard, Moscow, Russia, 109028)

E-mail: dmokrenskii@hse.ru

Funding:

The reported study was funded by RSF, project No. 24–68–00055, «FROM THE PAST TO THE FUTURE: Rural Communities in a Post-Agricultural Vector of Transformation». URL: <https://rscf.ru/project/24-68-00055/>.

For citation:

Mokrensky D. N. Trends in the rural population demographic development of the Central Federal District regions over the 2010–2020 inter-census period. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 4. P. 80–92. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-80-92 (in Russ.)

Abstract. This article presents results of the demographic trends analysis in rural areas of all regions of the Central Federal District for the inter-census period from 2010 to 2020, taking into account the objectives outlined in the Russian Federation Concept of Demographic Policy through 2025. In most regions of the Central Federal District, the rural population is declining, despite the fact that most of these regions are attractive for migrants. Proportion of the rural population of post-working age in almost all regions of the Central Federal District is higher than the Russian average. Despite the demographic policy objectives set out in the aforementioned Concept to increase the birth rate and reduce the mortality rate, the birth rate continues to decline, and the natural decline of the rural

population in the regions of the Central Federal District increases. Despite the government measures to stimulate the birth rate in the regions (including maternity capital programs, which are analyzed in detail in this article), rural birth rates in the Central Federal District lag significantly behind the Russian average. Against the background of declining birth rates in rural areas, there is a tendency for convergence of the urban and rural birth rates in the Central Federal District.

Keywords: Central Federal District, rural population, demographic development, depopulation, migration attractiveness.

References and Internet sources

1. Galyanov I. V., Rezvyakov A. V., Studennikova N. S. Demograficheskiye izmeneniya na sel'skikh territoriyakh tsentral'noy Rossii v kontekste gosudarstvennoy sotsial'noy politiki [Demographic changes in rural areas of Central Russia in the context of social policy of the state]. *Natsional'nyye interesy: priority i bezopasnost'* [National Interests: Priorities and Security]. 2017. No. 2(347). P. 270–284. DOI: 10.24891/ni.13.2.270 (in Russ.)
2. Denisenko M. B., Nikolaeva U. G. Chto proiskhodit s sel'skim naseleniyem na blizhnem severe Rossii? (na materiale Kostromskoy oblasti) [What is happening to the rural population in the Near North of Russia? (the case of Kostroma oblast)]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. 2015. No. 12. P. 70–81. (in Russ.)
3. Kalabikhina I. E., Mokrensky D. N. Dinamika chislennosti naseleniya munitsipal'nykh obrazovaniy tsentral'noy Rossii [Population dynamics of municipalities in Central Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta . Seriya 6: E'konomika* [Moscow University Economics Bulletin]. 2017. No. 6. P. 97–124. DOI: 10.38050/01300105201766 (in Russ.)
4. Savoskul M. S., Alekseev A. I., Kuznetsova G. Yu., Mozgunov N. A. Sel'skoye rasseleniye i uchet naseleniya v sel'skoy mestnosti v zone vliyaniya Moskovskoy aglomeratsii (na primere Borovskogo rayona Kaluzhskoy oblasti) [Rural settlement and population registration within the zone of influence of the Moscow agglomeration (case study of the Borovsk raion of the Kaluga oblast)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta . Seriya 5: Geografiya* [Moscow University Bulletin. Series 5. Geography]. 2019. No. 2. P. 86–94. (in Russ.)
5. Arkhangelsky V. N. Demograficheskaya situatsiya i reproduktivnoye povedeniye molodezhi v Tul'skoy oblasti [Demographic Situation and Reproductive Behavior of Young People in Tula Oblast]. Tula. 2015. 82 p. (in Russ.)
6. Shchepin V. O., Khabriev R. U. Osobennosti smernosti naseleniya Rossiyskoy Federatsii, Tsentral'nogo federal'nogo okruga i goroda Moskvy v 2020 g. [The characteristics of population mortality of the Russian Federation, the Central Federal Okrug and the city of Moscow in 2020]. *Problemy sotsial'noy gigiyeny, zdavookhraneniya i istorii meditsiny* [Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine]. 2021. No. 2. P. 189–193. DOI: 10.32687/0869-866X-2020-29-2-189-193 (in Russ.)
7. Vakulenko E. S., Ivashina N. V., Svistilnik Ya. O. Regional'nyye programmy materinskogo kapitala: vliyaniye na rozhdayemost' v Rossii [Regional maternity capital programs: impact on fertility in Russia]. *Ekonomika regiona* [Economy of Regions]. 2023. No. 4. DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-4-10 (in Russ.)
8. Chudinovskikh O. S. O ponimanii statistiki migratsii [On understanding migration statistics]. *Voprosy statistiki* [Statistical Issues]. 2017. No. 5. P. 19–27. (in Russ.)
9. Mkrtchyan N. V. Problemy v statistike vnutrirossiyskoy migratsii, porozhdennyye izmeneniyem metodiki ucheta v 2011 g. [Problems in the statistics of internal Russian migration caused by change in accounting methods in 2011]. *Demograficheskoye obozreniye* [Demographic Review]. 2020. No. 1. P. 83–99. DOI: 10.17323/demreview.v7i1.10821 (in Russ.)
10. Mkrtchyan N. V. Migration in rural areas of Russia: territorial differences. *Population and Economics*. 2019. Vol. 3. No. 1. P. 39–51. DOI: 10.3897/popecon.3.e34780

Information about the author:

Mokrensky Denis Nikolaevich, Candidate of Economics, Associate Professor, Leading Researcher, HSE University, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: dmokrenskii@hse.ru; ORCID: 0000-0002-8989-4666; Elibrary SPIN-code: 6634-2581.

Статья поступила в редакцию 28.03.2025, утверждена 10.11.2025, опубликована 30.12.2025.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНОВ РОССИИ

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-93-104
EDN: AFTRKI

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЕПОПУЛЯЦИИ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ ДЛЯ РАЗВИТИЯ АГРАРНОГО СЕКТОРА

Морковкин Д. Е.^{1*}, Ряховский Д. И.¹, Симагин Ю. А.², Назарова Н. А.¹

¹Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(125167, Россия, Москва, Ленинградский проспект, 49/2)

²ИСЭПН ФНИСЦ РАН
(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

*E-mail: morkovkinde@mail.ru

Для цитирования:

Морковкин Д.Е., Ряховский Д.И., Симагин Ю.А., Назарова Н.А. Экономические последствия депопуляции сельских территорий для развития аграрного сектора // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 4. — С. 93-104. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-4-93-104; EDN: AFTRKI

Аннотация. Современное развитие российского аграрного сектора происходит в условиях масштабной депопуляции сельских территорий, характеризующейся устойчивой миграцией населения в городские агломерации, снижением рождаемости в сельской местности и прогрессирующим старением сельского населения. Данное исследование посвящено комплексному анализу экономических последствий демографических трендов для производственного потенциала сельского хозяйства через призму трансформации трудовых ресурсов, изменения социально-экономической инфраструктуры и модификации агропроизводственных систем. Рассматриваются механизмы воздействия депопуляции на эффективность сельскохозяйственного производства, конкурентоспособность аграрных предприятий и устойчивость развития сельских территорий. Анализируется эволюция научных подходов к изучению взаимосвязи демографических и аграрно-экономических процессов от классических теорий сельского развития до современных концепций устойчивого агропроизводства в условиях демографических вызовов. Особое внимание уделяется теоретическому обоснованию адаптивных стратегий развития аграрного сектора в условиях сокращения сельского населения и обоснованию необходимости структурной модернизации сельскохозяйственного производства. Исследование демонстрирует важность разработки инновационных подходов к управлению трудовыми ресурсами в сельском хозяйстве, включая механизмы автоматизации, цифровизации и привлечения сезонной рабочей силы для компенсации демографических потерь. Разработанная авторами концептуальная модель включает анализ прямых и косвенных эффектов депопуляции на аграрное производство, оценку рисков снижения продовольственной безопасности и обоснование стратегических направлений адаптации сельского хозяйства к новым демографическим реалиям. Научная новизна исследования заключается в создании интегративной теоретической концепции взаимодействия депопуляции и аграрной экономики, учитывающей специфику российского сельского хозяйства и региональные особенности демографического развития, что открывает возможности для разработки эффективных стратегий пространственного развития агропромышленного комплекса.

Ключевые слова: депопуляция сельских территорий, демографические тренды, трудовые ресурсы, сельская экономика, цифровизация агропроизводства.

Введение

Современная российская деревня переживает период глубоких демографических трансформаций, проявляющихся в интенсивной депопуляции сельских территорий, которая становится одним из ключевых факторов, определяющих развития агропромышленного комплекса¹. Согласно данным официальной статистики, сельское население России сократилось за последние три десятилетия более чем на 20%, что создаёт серьёзные вызовы для обеспечения продовольственной безопасности страны и устойчивого развития сельских территорий.

Актуальность исследования экономических последствий депопуляции сельских территорий обусловлена критической важностью аграрного сектора для национальной экономики и необходимостью адаптации сельскохозяйственного производства к изменяющимся демографическим условиям². В Европейском Союзе лишь 6% сельскохозяйственных производителей моложе 35 лет, а свыше 50% — старше 55 лет, что указывает на глобальный характер проблемы старения сельского населения и необходимость поиска новых подходов к организации агропроизводства³. Научная проблема заключается в неразработанности теоретических основ и практических механизмов адаптации аграрного сектора к условиям масштабной депопуляции сельских территорий, а также в отсутствии комплексной методологии оценки экономических последствий демографических трендов для производственного потенциала сельского хозяйства. Несмотря на существование отдельных исследований в сферах демографии сельских

территорий и экономики сельского хозяйства, в современной науке недостаточно изучены интегративные подходы к анализу взаимодействия депопуляции и аграрно-экономического развития.

Объектом исследования выступают экономические процессы в аграрном секторе в условиях депопуляции сельских территорий и трансформации демографической структуры сельского населения. Предметом исследования являются экономические механизмы и закономерности влияния демографических трендов на производственный потенциал сельского хозяйства. Цель исследования — разработка теоретических основ и методологических принципов анализа экономических последствий депопуляции для развития аграрного сектора с обоснованием стратегических направлений адаптации сельскохозяйственного производства к новым демографическим реалиям. Задачи исследования: 1) провести анализ эволюции теоретических концепций взаимосвязи демографических процессов и развития сельского хозяйства в контексте современных вызовов аграрной экономики; 2) исследовать механизмы воздействия депопуляции сельских территорий на производственный потенциал и экономическую эффективность аграрного сектора; 3) обосновать стратегические направления модернизации аграрного производства для компенсации негативных эффектов депопуляции. Практическая значимость работы определяется возможностью применения разработанных теоретических принципов в практике планирования развития агропромышленного комплекса и разработки региональных программ поддержки сельских территорий.

Методологическую основу исследования составляют принципы системного и структурно-функционального подходов в экономике, позволяющие рассматривать демографические и аграрно-экономические процессы в их взаимосвязи. Теоретической базой выступают концепции устойчивого развития сельских территорий, теории размещения сельскохозяйственного производства и современные

¹ Сельское хозяйство в России: тенденции развития, проблемы, сценарии модернизации. — URL: <https://delprof.ru/press-center/open-analytics/selskoe-khozyaystvo-v-rossii-tendentsii-razvitiya-problemy-stsenarii-modernizatsii/> (дата обращения: 13.01.2025).

² Развитие сельского хозяйства в России: этапы и проблемы. — URL: <https://mtraktor.ru/blog/raboty-tractorum/razvitie-selskogo-hozyaystva-v-rossii> (дата обращения: 13.01.2025).

³ Старение Европы, миграция и урбанизация порождают серьёзные проблемы в сфере развития сельского хозяйства // Новости ООН. — URL: <https://news.un.org/ru/story/2018/05/1330122> (дата обращения: 13.01.2025).

представления о трансформации аграрных систем в условиях демографических вызовов. Особое внимание уделено работам следующих авторов: С.А. Вангородская, Е.В. Ретутов, К.А. Хрипков [1], О.М. Вербицкая [2], А.А. Вяльшина [3], К.В. Климов, М.В. Филатова [4], А.И. Костяев, Г.Н. Никонова [5, 6], В.Н. Лексин [7], Л.В. Логинова [8], Д.В. Паршуков, З.Е. Шапорова [9], И.Н. Рюмкина [10], С.В. Рязанцев, А.Д. Брагин [11], Е.В. Серова [12], Т.В. Ускова, С.С. Патракова [13].

В качестве основного метода исследования использован сравнительно-исторический анализ, включающий изучение эволюции демографических процессов в сельской местности и их влияния на развитие аграрного сектора. Применялись методы статистического анализа демографических и экономических показателей, экономико-математического моделирования и экспертной оценки тенденций развития сельского хозяйства. Эмпирическая база включает данные Всероссийской сельскохозяйственной переписи, материалы Министерства сельского хозяйства РФ, данные Росстата, аналитические отчёты ведущих аграрных исследовательских центров и международных организаций, специализирующихся на изучении сельского развития.

Результаты и обсуждения

Исследования взаимосвязи демографических процессов и развития сельского хозяйства имеют давние традиции в экономической науке, восходящие к классическим работам представителей аграрной экономики и сельской социологии, которые заложили основы понимания роли человеческого фактора в сельскохозяйственном производстве. Эволюция научных подходов к изучению демографических аспектов аграрного развития демонстрирует последовательное усложнение концептуальных моделей и расширение предметного поля исследований, причем каждый исторический период привносил новые методологические решения в понимание механизмов взаимодействия демографических и эко-

номических факторов в сельском хозяйстве. Систематизация эволюции теоретических подходов к анализу демографических факторов развития сельского хозяйства, представленная в табл. 1, показывает переход от простых концепций трудозатратности сельскохозяйственного производства к сложным интегративным моделям, учитывающим социально-экономические, технологические и экологические аспекты аграрного развития в условиях демографических трансформаций.

Классический период развития аграрной экономики, представленный работами А.В. Чаянова и Н.Д. Кондратьева, заложил фундаментальные основы понимания роли трудовых ресурсов в организации сельскохозяйственного производства, причем особое значение имела теория семейно-трудового хозяйства Чаянова, которая продемонстрировала специфику мотивации и организации труда в крестьянском хозяйстве. Данный подход позволил выявить уникальные характеристики сельского труда и обосновать необходимость учёта демографических особенностей сельского населения при планировании аграрного развития⁴.

Теория модернизации сельского хозяйства, развитая во второй половине XX в. Т.Шульцем и другими представителями неоклассической экономической школы, внесла вклад в понимание роли человеческого капитала в повышении эффективности сельскохозяйственного производства. Концепция «эффективного, но бедного» крестьянина Т.Шульца продемонстрировала важность инвестиций в образование и профессиональную подготовку сельского населения для достижения устойчивого аграрного роста, что стало основой для понимания долгосрочных последствий депопуляции сельских территорий.

Формирование концепции устойчивого развития в конце XX в. ознаменовало новый этап в изучении взаимосвязей демографических и аграрно-экономических процес-

⁴ Положение дел в области продовольствия и сельского хозяйства. Миграция, сельское хозяйство и развитие сельских регионов. – URL: <https://www.fao.org/state-of-food-agriculture/2018/ru/> (дата обращения: 13.01.2025).

Таблица 1

Эволюция теоретических подходов к анализу демографических факторов развития сельского хозяйства

Table 1

Evolution of theoretical approaches to the analysis of demographic factors of agricultural development

Исторический период	Научная школа	Основные представители	Ключевые концепции	Методологический вклад
1920-1940 гг.	Классическая аграрная экономика	А. В. Чаянов, Н. Д. Кондратьев	Трудовое хозяйство, аграрные циклы	Обоснование роли семейного труда в сельском хозяйстве
1950-1970 гг.	Теория модернизации сельского хозяйства	Т. Шульц, И. Хайями	Человеческий капитал, технологические инновации	Анализ влияния образования на аграрную производительность
1980-2000 гг.	Концепция устойчивого развития	Э. Остром, М. Липтон	Общинное управление ресурсами, сельская бедность	Изучение институциональных факторов сельского развития
2000-2020 гг.	Теория сельско-городских взаимосвязей	Дж. Такер, П. ВанВей	Урбанизация, миграция, трансформация землепользования	Анализ влияния урбанизации на сельские территории
2020 – настоящее время	Концепция умного сельского хозяйства	Р. Флеминг, С. Вольфорт	Цифровизация, автоматизация, точное земледелие	Адаптация агротехнологий к дефициту трудовых ресурсов

Источники: 1) Что такое сельское хозяйство: роль в экономике, проблемы и перспективы. – URL: <https://mtraktor.ru/blog/raboty-traktorom/chto-takoe-selskoe-hozyaistvo>; 2) Современные проблемы сельского хозяйства. – URL: <https://grainrus.com/novosti-kompanii/articles/sovremennye-problemy-selskogo-khozyaystva/> (дата обращения: 13.01.2025).

сов, работы Э. Остром по изучению коллективного действия и управления общими ресурсами выявили критическую роль социального капитала в обеспечении устойчивости сельских сообществ. Данный подход позволил понять, как демографические изменения влияют на способность сельских сообществ к самоорганизации и коллективному решению проблем развития.

Современный этап развития теории сельско-городских взаимосвязей характеризуется усилением внимания к процессам урбанизации и их влиянию на сельские территории, причем исследования показывают неоднозначность эффектов урбанизации для сельского развития. С одной стороны, рост городов создаёт новые рынки сбыта для сельскохозяйственной продукции и стимулирует интенсификацию производства, с другой стороны, приводит к оттоку наиболее квалифицированных кадров из сельской местности и деградации сельской инфраструктуры. Анализ современного состояния демографических процессов в российской сельской местности выявляет

критические тенденции, представленные в табл. 2, которые создают серьёзные вызовы для устойчивого развития аграрного сектора и требуют разработки адаптивных стратегий управления сельскохозяйственным производством. Представленные данные демонстрируют устойчивую тенденцию к сокращению численности сельского населения России, которое за период 2010–2024 гг. уменьшилось на 3,7 млн человек, что составляет почти 10% от исходной численности. Особенно тревожным является прогнозируемое увеличение среднего возраста сельского населения до 49,7 лет к 2030 г., что свидетельствует о критическом старении сельских территорий и создаёт серьёзные риски для обеспечения преемственности в сельскохозяйственном производстве.

Анализ влияния депопуляции на разные отрасли сельского хозяйства (табл. 3), выявляет дифференцированные эффекты демографических трансформаций и позволяет определить приоритетные направления адаптационных мер. Анализ отраслевой структуры показывает, что наиболее уяз-

Таблица 2

**Динамика демографических показателей сельской местности
России и их влияние на аграрный сектор**

Table 2

Dynamics of demographic indicators of rural areas of Russia and their impact on the agricultural sector

Показатель	2010 год	2015 год	2020 год	2024 год	Прогноз на 2030 год	Влияние на сельское хозяйство
Численность сельского населения (млн человек)	37,5	36,2	35,1	33,8	31,5	Сокращение трудовых ресурсов
Доля сельского населения (%)	26,3	25,2	24,1	23,2	21,8	Снижение значимости сельских территорий
Средний возраст сельского населения (лет)	41,2	43,5	45,8	47,3	49,7	Старение кадров в сельском хозяйстве
Общий коэффициент рождаемости (‰)	11,8	10,9	9,2	8,7	7,8	Критическое сокращение воспроизводства населения
Миграционный отток (тыс. человек в год)	-185	-203	-228	-245	-267	Потеря наиболее активного населения
Плотность населения (человек на 1 км ²)	2,2	2,1	2,0	1,9	1,8	Деградация сельской инфраструктуры

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата.

Таблица 3

Влияние депопуляции на отраслевую структуру сельского хозяйства России

Table 3

Impact of depopulation on the sectoral structure of agriculture in Russia

Подотрасль сельского хозяйства	Трудоемкость	Влияние депопуляции	Адаптационные стратегии	Перспективы развития
Растениеводство зерновые	Низкая	Умеренное негативное	Механизация, точное земледелие	Устойчивые
Овощеводство открытого грунта	Высокая	Критическое негативное	Автоматизация, привлечение мигрантов	Трансформация производства
Животноводство молочное	Высокая	Критическое негативное	Роботизация, укрупнение ферм	Концентрация производства
Животноводство мясное	Средняя	Значительное негативное	Экстенсивные технологии	Адаптация к условиям
Птицеводство	Средняя	Умеренное негативное	Автоматизация процессов	Стабильное развитие
Свиноводство	Средняя	Умеренное негативное	Промышленные технологии	Концентрация в агрохолдингах

Источник: составлено авторами на основе анализа материалов: Сельское хозяйство Дальнего Востока: тенденции развития и потенциал роста 2024. — URL: <https://roscongress.org/materials/selskoe-khozyaystvo-dalnego-vostoka-tendentsii-razvitiya-i-potentsial-rosta-2024/> (дата обращения: 13.01.2025).

вимыми к демографическим изменениям являются трудоёмкие подотрасли сельского хозяйства, такие как овощеводство открытого грунта и молочное животноводство, требующие постоянного присутствия квалифицированной рабочей силы. В то же время механизированные отрасли, такие

как зерновое растениеводство, демонстрируют большую устойчивость к сокращению трудовых ресурсов и имеют лучшие перспективы адаптации к новым демографическим условиям.

Воздействие депопуляции на аграрный сектор представлено на рис. 1. Представлен-

ная схема отражает комплексный характер воздействия депопуляции на аграрный сектор и демонстрирует взаимосвязь негативных эффектов, которые в совокупности создают системные риски для развития сельского хозяйства. Критическим является тот факт, что депопуляционные процессы носят самоусиливающийся характер: экономические проблемы сельских территорий стиму-

лируют дальнейший отток населения, что усугубляет демографический кризис. При этом региональный анализ воздействия депопуляции на аграрный сектор выявляет значительную дифференциацию эффектов в зависимости от географического положения, специализации сельского хозяйства и уровня социально-экономического развития территорий.

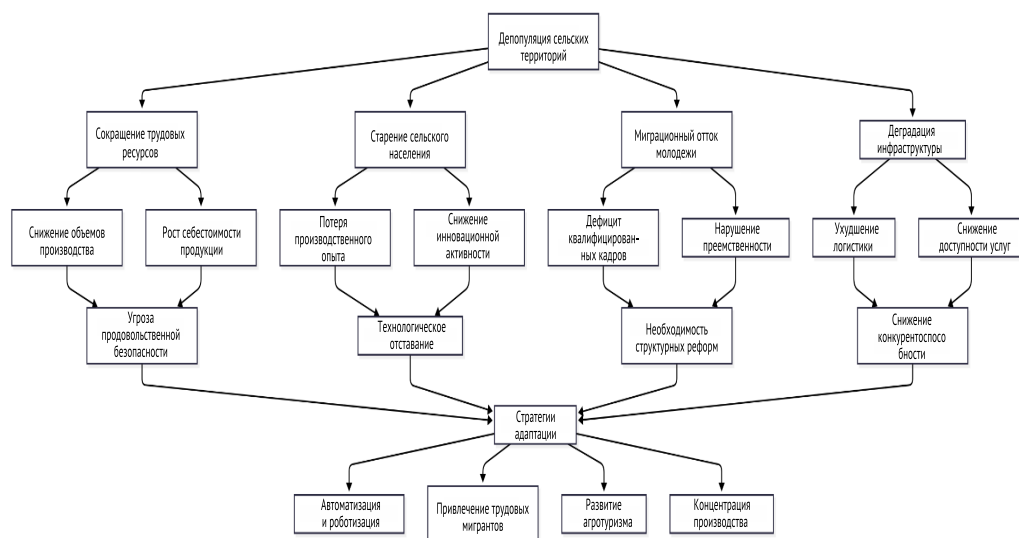

Рис. 1. Воздействие депопуляции на аграрный сектор

Fig. 1. Impact of depopulation on the agricultural sector

Источник: разработано авторами.

Представленная в табл. 4 типология регионов по характеру демографических процессов и их влиянию на сельское хозяйство позволяет определить специфические стратегии развития для различных типов сельских территорий. Типологический анализ демонстрирует необходимость дифференцированных подходов к решению проблем депопуляции в зависимости от региональных особенностей. Стабильные регионы с развитым агропромышленным комплексом имеют наилучшие возможности для адаптации к демографическим вызовам через технологическую модернизацию, тогда как кризисные регионы требуют кардинальной структур-

ной перестройки сельскохозяйственного производства.

Анализ международного опыта адаптации сельского хозяйства к депопуляции показывает разнообразие стратегических подходов к решению данной проблемы [14]. Европейские страны активно используют автоматизацию и роботизацию аграрного производства, что позволяет компенсировать дефицит трудовых ресурсов и поддерживать конкурентоспособность аграрного сектора. Одновременно действует система привлечения иностранных трудовых мигрантов для выполнения наиболее трудоёмких операций в сезоны интенсивных полевых работ. Особого внимания заслужи-

Таблица 4

Типология регионов РФ по характеру демографических процессов в сельской местности

Table 4

Typology of Russian regions by the nature of demographic processes in rural areas

Тип регионов	Характеристика демографических процессов	Влияние на сельское хозяйство	Примеры регионов	Приоритетные меры
Южные стабильные	Медленная депопуляция, молодое население	Умеренное негативное воздействие	Краснодарский край, Белгородская область	Модернизация технологий
Центральные кризисные	Интенсивная депопуляция, старение	Критическое сокращение производства	Псковская, Тверская области	Структурная перестройка
Северные кризисные	Экстремальная депопуляция, вахтовая занятость	Деградация традиционного хозяйства	Архангельская область, Республика Коми	Альтернативные формы хозяйствования
Южные предкризисные	Умеренная депопуляция, миграционный приток	Компенсация за счёт мигрантов	Ставропольский край, Ростовская область	Интеграция мигрантов
Сибирские кризисные	Значительная депопуляция, удалённость	Сокращение освоенных территорий	Томская, Новосибирская области	Концентрация производства

Источник: составлено авторами на основе анализа материалов: Миграции населения в 2024 году. — URL: https://raexpert.ru/researches/regions/migration_regions_2024/ (дата обращения: 13.01.2025).

вает опыт Японии, где в условиях критического старения сельского населения активно развиваются технологии точного земледелия и автономные сельскохозяйственные системы. Внедрение беспилотных технологий, роботизированных систем доения коров и автоматизированных теплиц позволяет поддерживать высокую эффективность производства при минимальном участии человеческого труда.

Перспективы развития российского сельского хозяйства в условиях депопуляции связаны с необходимостью комплексной модернизации отрасли, включающей технологическое переоснащение, развитие цифровых технологий и создание новых форм организации производства. Критическое значение имеет развитие системы профессиональной подготовки кадров для современного сельского хозяйства, способных работать с высокотехнологичным оборудованием и цифровыми системами управления.

Стратегическими направлениями адаптации аграрного сектора к демографическим вызовам должны стать: развитие точного земледелия и умных агротехнологий, создание крупных высокотехнологичных комплексов, интеграция с международными цепочками поставок продовольствия и развитие альтернативных форм сельско-

го хозяйства, включая агротуризм [15]. Важным элементом стратегии является создание благоприятных условий для привлечения и закрепления молодых специалистов в сельской местности через развитие социальной инфраструктуры и повышение уровня жизни сельского населения.

Выводы

Анализ эволюции теоретических концепций взаимосвязи демографических процессов и развития сельского хозяйства выявил последовательную трансформацию научных подходов от классических теорий трудового хозяйства до современных концепций умного сельского хозяйства. Установлена ведущая роль теории человеческого капитала в формировании понимания долгосрочных последствий депопуляции для аграрного сектора, а также важность концепции устойчивого развития для обоснования необходимости адаптации аграрного производства к изменяющимся демографическим условиям. Современный этап характеризуется формированием интегративных подходов, учитывающих технологические, социальные и экологические аспекты аграрного развития в условиях демографических вызовов.

Исследование механизмов воздействия депопуляции сельских территорий на производственный потенциал аграрного сектора продемонстрировало критическое сокращение численности сельского населения России на 10% за период 2010–2024 гг. при одновременном увеличении среднего возраста до 47,3 лет. Выявлена дифференцированная уязвимость различных отраслей сельского хозяйства к демографическим изменениям: трудоёмкие отрасли (овощеводство, молочное животноводство) испытывают критическое негативное воздействие, тогда как механизированные производства (зерновое растениеводство) демонстрируют большую устойчивость. Установлена региональная дифференциация эффектов депопуляции, требующая разработки территориально-специфических стратегий адаптации.

Обоснование стратегических направлений модернизации сельскохозяйственного производства выявило необходимость комплексного подхода, включающего автоматизацию и роботизацию производственных процессов, развитие цифровых агротехно-

логий, создание крупных высокотехнологичных агропромышленных комплексов и интеграцию с глобальными продовольственными цепочками. Критическое значение имеет развитие системы профессиональной подготовки кадров для современного сельского хозяйства и создание благоприятных условий для привлечения молодых специалистов в сельскую местность. Обоснована необходимость государственной поддержки процессов технологической модернизации и развития альтернативных форм сельскохозяйственной деятельности.

Проведённое исследование свидетельствует о необходимости трансформации российского аграрного сектора в ответ на демографические вызовы. Разработанная концептуальная модель взаимодействия депопуляционных процессов и аграрной экономики представляет собой теоретическую основу для формирования адаптивных стратегий развития сельского хозяйства, способных обеспечить продовольственную безопасность и устойчивое развитие сельских территорий в условиях изменяющейся демографической ситуации.

Литература и Интернет-источники

1. **Вангородская, С.А.** Социально-демографические характеристики сельских территорий Центрального Черноземья: основные тенденции и условия перехода к устойчивому развитию / С.А. Вангородская, Е.В. Реутов, К.А. Хрипков // Геополитика и экогеодинамика регионов. — 2023. — Т. 9. — № 3. — С. 105–113. EDN: DBIKUE
2. **Вербицкая, О.М.** Изменение поселенческой структуры российского села в 2000-е гг. / О.М. Вербицкая // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. — 2024. — № 3 (71). — С. 90–104. DOI: 10.21685 / 2072-3024-2024-3-8; EDN: EYKIRQ
3. **Вялышина, А.А.** Тенденции, факторы и риски устойчивого развития сельских территорий в условиях социально-экономической нестабильности / А.А. Вялышина // Островские чтения. — 2023. — № 1. — С. 21. EDN: ICOCGF
4. **Климов, К.В.** Обострение демографического кризиса в сельской местности как фактор снижения агропромышленного потенциала и продовольственной безопасности Российской Федерации / К.В. Климов, М.В. Филатова // KANT. — 2023. — № 4(49). — С. 52–57. DOI: 10.24923 / 2222-243X.2023-49.10; EDN: DIZTAU
5. **Костяев, А.И.** Развитие процессов территориальной дифференциации аграрного производства Нечерноземья и их современные тренды / А.И. Костяев, Г.Н. Никонова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2021. — Т. 14. — № 4. — С. 150–168. DOI: 10.15838 / esc.2021.4.76.9; EDN: SLCKEA
6. **Kostyaev, A.I.** Dynamics of differentiation of rural North-West of Russia: main trends and features / A.I. Kostyaev, G.N. Nikonova // Baltic Region. — 2024. — Vol. 16. — No. 4. — P. 72–99. DOI: 10.5922 / 2079-8555-2024-4-4; EDN: YLRRBW

7. **Лексин, В.Н.** Системные основания и последствия территориально опосредованной депопуляции / В.Н. Лексин // Регион: экономика и социология. — 2021. — № 2(110). — С. 101–134. DOI: 10.15372 / REG20210205; EDN: JVSARM
8. **Логинова, Л.В.** Миграция сельского населения в современных условиях: состояние, особенности и последствия / Л.В. Логинова // Аграрная наука и образование: проблемы и перспективы. — Саратов, 2022. — С. 239–245. EDN: QYQLVW
9. **Паршуков, Д.В.** Прогнозирование динамики численности сельского населения и её влияние на социально-экономическое развитие сельских территорий (на материалах Красноярского края) / Д.В. Паршуков, З.Е. Шапорова // Социально-экономический и гуманитарный журнал. — 2022. — № 4(26). — С. 54–63. DOI: 10.36718 / 2500-1825-2022-4-54-63; EDN: NAKHUE
10. **Рюмкина, И.Н.** Мировой опыт устойчивого развития сельских территорий / И.Н. Рюмкина, С.В. Рюмкин, Е.В. Рудой [и др.] // Международный сельскохозяйственный журнал. — 2022. — № 5. — С. 555–560. DOI: 10.55186 / 25876740_2022_65_5_555; EDN: MNQONT
11. **Рязанцев, С.В.** Миграция в сельской местности этнонациональных регионов Российской Федерации: тренды и последствия / С.В. Рязанцев, А.Д. Брагин // Урбанистика. — 2023. — № 4. — С. 62–77. DOI: 10.7256 / 2310-8673.2023.4.69059; EDN: MHAAYC
12. **Серова, Е.В.** Проблемы сельского развития и новые подходы к их решению в России / Е.В. Серова, А.С. Наумов Р.Г. Янбых [и др.] // Международный сельскохозяйственный журнал. — 2021. — № 6. — С. 10–16. DOI: 10.24412 / 2587-6740-2021-6-10-16; EDN: SXHRTF
13. **Ускова, Т.В.** Развитие сельских территорий в условиях пространственного сжатия северного региона / Т. В Ускова, С.С. Патракова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2021. — Т. 14. — № 5. — С. 34–52. DOI: 10.15838 / esc.2021.5.77.2; EDN: CQJPKI
14. **Морковкин, Д.Е.** Анализ зарубежного опыта государственной поддержки агропромышленного комплекса и возможности его использования в России в условиях импортозамещения / Д.Е. Морковкин // Сельское хозяйство. — 2018. — № 3. — С. 9–19. DOI: 10.7256 / 2453-8809.2018.3.22433; EDN: YTXRXF
15. **Дмитриева, О.А.** Развитие агротуризма как фактор диверсификации региональной экономики: влияние на качество жизни сельского населения / О.А. Дмитриева, Д.Е. Морковкин, Ю.А. Симагин, А.Е. Поляков // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 1. — С. 190–203. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-1-190-203; EDN: GRJMOI

Сведения об авторах:

Морковкин Дмитрий Евгеньевич, к.э.н., доцент, доцент кафедры налогов и налогового администрирования факультета налогов, аудита и бизнес-анализа, ведущий научный сотрудник Института исследований международных экономических отношений, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: morkovkinde@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5372-8519; РИНЦ SPIN-код: 8277–4480.

Ряховский Дмитрий Иванович, д.э.н., проф., зав. кафедрой налогов и налогового администрирования факультета налогов, аудита и бизнес-анализа, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: diryahovskiy@fa.ru; ORCID: 0000-0002-7161-3547; РИНЦ SPIN-код: 6456–6804.

Симагин Юрий Алексеевич, к.геогр.н., доцент, ведущий научный сотрудник, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: yas63@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8392-8645; РИНЦ SPIN-код: 5881–6084.

Назарова Наталья Александровна, к.э.н., доцент, доцент кафедры налогов и налогового администрирования факультета налогов, аудита и бизнес-анализа, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: nanazarova@fa.ru; ORCID: 0000-0002-0592-4873; РИНЦ SPIN-код: 9815–7706.

ECONOMIC CONSEQUENCES OF THE RURAL AREAS DEPOPULATION FOR AGRICULTURAL DEVELOPMENT

Dmitry E. Morkovkin¹, Dmitry I. Ryakhovsky¹,
Yury A. Simagin², Natalia A. Nazarova¹

¹Financial University under the Government of the Russian Federation
(49/2 Leningradsky prospect, Moscow, Russia, 125167)

²ISESP FCTAS RAS
(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)

For citation:

Morkovkin D.E., Ryakhovsky D.I., Simagin Yu. A., Nazarova N.A. Economic consequences of the rural areas depopulation for agricultural development. [Population]. 2025. Vol. 28. No. 4. P. 93-104. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-93-104 (in Rus.)

Abstract. Modern development of the Russian agricultural sector goes on in the context of large-scale depopulation of rural areas, characterized by sustainable migration of the population to urban agglomerations, decline in fertility in rural areas and progressive aging of the rural population. This study is devoted to a comprehensive analysis of the economic consequences of demographic trends for the agricultural production potential through the prism of labor force transformation, changes in the socio-economic infrastructure and modification of the agricultural production systems. There are considered mechanisms of the impact of depopulation processes on the efficiency of agricultural production, competitiveness of agricultural enterprises and sustainability of rural areas' development. The evolution of scientific approaches to study of the relationship between demographic and agrarian-economic processes from classical theories of rural development to modern concepts of sustainable agricultural production in the face of demographic challenges is analyzed. Particular attention is paid to the theoretical substantiation of the adaptive strategies for development of the agricultural sector in the context of the rural population decline and the need for structural modernization of agricultural production. The study demonstrates the critical importance of developing innovative approaches to labor force management in agriculture, including mechanisms for automation, digitalization, and attracting seasonal labor to compensate for the demographic losses. The conceptual model developed by the authors includes an analysis of the direct and indirect effects of depopulation on agricultural production, an assessment of the risks of reducing food security, and a substantiation of strategic directions for adapting agriculture to new demographic realities. The scientific novelty of the study lies in creation of an integrative theoretical concept of the interaction of depopulation processes and the agrarian economy, taking into account the specifics of Russian agriculture and regional features of the demographic development, which opens up opportunities for developing effective strategies for the spatial development of the agro-industrial complex.

Keywords: depopulation of rural areas, demographic trends, labor resources, rural economy, digitalization of agricultural production.

References and Internet sources

1. Vangorodskaya S. A., Reutov E. V., Khripkov K. A. Sotsial'no-demograficheskiye kharakteristiki sel'skikh territoriy Tsentral'nogo Chernozem'ya: osnovnyye tendentsii i usloviya perekhoda k ustoychivomu razvitiyu [Socio-demographic characteristics of rural areas of the Central Chernozem region: main trends and conditions of transition to sustainable development]. Geopolitika i ekogeodinamika regionov [Geopolitics and Ecogeodynamics of Regions]. 2023. Vol. 9. No. 3. P. 105–113. (in Russ.)

2. Verbitskaya O. M. Izmeneniye poselencheskoy struktury rossiyskogo sela v 2000-ye gg [Changes in the settlement structure of the Russian village in the 2000s]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnyye nauki* [University Proceedings. Volga Region. Humanities]. 2024. No. 3(71). P. 90–104. DOI: 10.21685/2072-3024-2024-3-8 (in Russ.)
3. Vyalshina A. A. Tendentsii, faktory i riski ustoychivogo razvitiya sel'skikh territoriy v usloviyakh sotsial'no-ekonomicheskoy nestabil'nosti [Trends, factors and risks of sustainable rural development in the conditions of socio-economic instability]. *Ostrovskiy chteniya* [Ostrovsky Readings]. 2023. No. 1. P. 21. (in Russ.)
4. Klimov K. V., Filatova M. V. Obostreniye demograficheskogo krizisa v sel'skoy mestnosti kak faktor snizheniya agropromyshlennogo potentsiala i prodovol'stvennoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii [Exacerbation of the demographic crisis in rural areas as a factor in reducing the agro-industrial potential and food security of the Russian Federation]. *KANT*. 2023. No. 4(49). P. 52–57. DOI: 10.24923/2222-243X.2023-49.10 (in Russ.)
5. Kostyaev A. I., Nikonova G. N. Razvitiye protsessov territorial'noy differentsiatsii agrarnogo proizvodstva Nechernozem'ya i ikh sovremennyye trendy [Developing territorial differentiation processes of agricultural production in the Non-Black Earth region and their current trends]. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]. 2021. Vol. 14. No. 4. P. 150–168. DOI: 10.15838/esc.2021.4.76.9 (in Russ.)
6. Kostyaev A. I., Nikonova G. N. Osobennosti i tendentsii differentsiatsii sel'skogo prostranstva Severo-Zapada [Dynamics of differentiation of rural North-West of Russia: main trends and features]. *Baltic Region*. 2024. Vol. 16. No. 4. P. 72–99. DOI: 10.5922/2079-8555-2024-4-4
7. Leksin V. N. Sistemnyye osnovaniya i posledstviya territorial'no oposredovannoy depopulyatsii [Systemic causes and consequences of spatially mediated depopulation]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology]. 2021. Vol. 2. No. 110. P. 101–134. DOI: 10.15372/REG20210205 (in Russ.)
8. Loginova L. V. Migratsiya sel'skogo naseleniya v sovremennykh usloviyakh: sostoyaniye, osobennosti i posledstviya [Migration of rural population in modern conditions: state, features and consequences]. *Agrarnaya nauka i obrazovaniye: problemy i perspektivy* [Agricultural Science and Education: Problems and Prospects]. Saratov. 2022. P. 239–245. (in Russ.)
9. Parshukov D. V., Shaporova Z. E. Prognozirovaniye dinamiki chislennosti sel'skogo naseleniya i yeyo vliyaniye na sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye sel'skikh territoriy (na materialakh Krasnoyarskogo kraya) [Forecasting the rural population dynamics and its impact on the rural territories socio-economic development (by the materials of the Krasnoyarsk region)]. *Sotsial'no-ekonomicheskyy i humanitarnyy zhurnal* [Socio-Economic and Humanitarian Magazine]. 2022. No. 4(26). P. 54–63. DOI: 10.36718/2500-1825-2022-4-54-63 (in Russ.)
10. Ryumkina I. N., Ryumkin S. V., Rudoy E. V., et al. Mirovoy opyt ustoychivogo razvitiya sel'skikh territoriy [World experience of sustainable rural development]. *Mezhdunarodnyy sel'skokhozyaystvennyy zhurnal* [International Agricultural Journal]. 2022. No. 5. P. 555–560. DOI: 10.55186/25876740_2022_65_5_555 (in Russ.)
11. Ryazantsev S. V., Bragin A. D. Migratsiya v sel'skoy mestnosti etnonatsional'nykh regionov Rossiyskoy Federatsii: trendy i posledstviya [Migration in rural areas of ethnonational regions of the Russian Federation: trends and consequences]. *Urbanistika* [Urbanistics]. 2023. No. 4. P. 62–77. DOI: 10.7256/2310-8673.2023.4.69059 (in Russ.)
12. Serova E. V., Naumov A. S., Yanbykh R. G., et al. Problemy sel'skogo razvitiya i novyye podkhody k ikh resheniyu v Rossii [Rural development problems and new approaches to their solution in Russia]. *Mezhdunarodnyy sel'skokhozyaystvennyy zhurnal* [International Agricultural Journal]. 2021. No. 6. P. 10–16. DOI: 10.24412/2587-6740-2021-6-10-16 (in Russ.)
13. Uskova T. V., Patrakova S. S. Razvitiye sel'skikh territoriy v usloviyakh prostranstvennogo szhatiya severnogo regiona [Rural development in the conditions of spatial compression of the Northern region]. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]. 2021. Vol. 14. No. 5. P. 34–52. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.2 (in Russ.)

14. Morkovkin D.E. Analiz zarubezhnogo opyta gosudarstvennoy podderzhki agropromyshlennogo kompleksa i vozmozhnosti yego ispol'zovaniya v Rossii v usloviyakh importozameshcheniya [Analysis of foreign experience of government support for the agricultural sector and the potential of using it in Russia in the context of import substitution]. *Sel'skoye khozyaystvo [Agriculture]*. 2018. No. 3. P. 9–19. DOI: 10.7256/2453-8809.2018.3.22433 (in Russ.)
15. Dmitrieva O.A., Morkovkin D.E., Simagin Yu. A., Polyakov A.E. Razvitiye agroturizma kak faktor diversifikatsii regional'noy ekonomiki: vliyaniye na kachestvo zhizni sel'skogo naseleniya [Development of agritourism as a factor in diversification of regional economy: impact on the quality of life of rural population]. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 1. P. 190–203. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-1-190-203 (in Russ.)

Information about the authors:

Morkovkin Dmitry Evgenievich, Candidate of Economics, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: morkovkinde@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5372-8519; Elibrary SPIN-code: 8277-4480.

Ryakhovsky Dmitry Ivanovich, Doctor of Economics, Associate Professor, Head of Department, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Contact information: e-mail: diryahovskiy@fa.ru; ORCID: 0000-0002-7161-3547; Elibrary SPIN-code: 6456-6804.

Simagin Yury Alekseyevich, Candidate of Geography, Associate Professor, Leading Researcher, ISESP FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: yas63@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8392-8645; Elibrary SPIN-code: 5881-6084.

Nazarova Natalia Alexandrovna, Candidate of Economics, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: nanazarova@fa.ru; ORCID: 0000-0002-0592-4873; Elibrary SPIN-code: 9815-7706.

Статья поступила в редакцию 17.07.2025, утверждена 10.11.2025, опубликована 30.12.2025.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-105-116
EDN: AKHNXO

ДОСТУПНОСТЬ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА КАК СПОСОБ РЕШЕНИЯ ЖИЛИЩНОГО ВОПРОСА

Шаров С. Ю.*, Шнейдерман И. М.

ИСЭПН ФНИСЦ РАН

(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

*E-mail: sharov.su@gmail.com

Для цитирования:

Шаров С.Ю., Шнейдерман И.М. Доступность индивидуального жилищного строительства как способ решения жилищного вопроса // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 4. — С. 105-116.
DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-4-105-116; EDN: AKHNXO

Аннотация. Индивидуальное жилищное строительство имеет ряд преимуществ: оно может быть более доступно в строительстве, предпочтительнее с демографической точки зрения, лучше в плане среды для жизни, способствовать большей пространственной равномерности системы расселения. В статье рассмотрены вопросы доступности индивидуального жилищного строительства как с точки зрения домохозяйств и с точки зрения общества. Для домохозяйств среднего достатка индивидуальные дома по сути являются единственной возможностью создания просторного жилья, однако вероятно при этом придётся столкнуться с более высокими временными затратами при создании или приобретении объекта недвижимости и его содержании, что связано с низкой институциональной организованностью сектора по сравнению с квартирами. Также вероятны более высокие платежи за коммунальные услуги или расходы на автономное обеспечение. При рассмотрении доступности индивидуального жилищного строительства с точки зрения общества, то есть с позиции градостроительного планирования и альтернативы обеспечения жильём больших слоёв населения, требуется решать вопросы транспортной доступности, выделения больших площадей земли при сохранении природных комплексов и удовлетворении других потребностей в земле, обеспечения удобствами на уровне городских. Проанализированы информационные потребности для исследования доступности, они сопоставлены с наличной информацией и сделан вывод о её недостаточности по ряду позиций. В связи с этим предложены альтернативные косвенные методы оценки доступности с использованием результатов опросов населения, сделан вывод о низкой доступности индивидуальных домов в высокоурбанизированных территориях, на основе анализа структуры землепользования в РФ получены косвенные доводы в пользу гипотезы об искусственной природе дефицита земли для индивидуального жилищного строительства.

Ключевые слова: индивидуальное жилищное строительство, малоэтажное жильё, доступность жилья, дефицит земли под застройку, субурбанизация.

Целью статьи является всесторонняя оценка доступности индивидуального жилищного строительства как способа обеспечения себя жильём с точки зрения домохозяйств и как способа решения жилищной проблемы с точки зрения общества. В первую очередь рассматриваются преимущества индивидуального жилья, которые служат мотивацией для его выбора и аргументацией в пользу актуальности темы. Далее обсуждается определение показателя доступности жилья, рассматриваются методологические особенности оценки доступности индивидуального жилья по сравнению с квартирами и имеющаяся информация для такой оценки, в том числе с учётом текущих затрат на содержание и жилищно-коммунальные услуги. В связи с информационными ограничениями предлагаются косвенные методы оценки на основе микроданных соцопросов посредством сравнения показателей для домохозяйств, уже проживающих в индивидуальных домах и квартирах. Изучается возможность существенного увеличения земельных площадей для индивидуального жилищного строительства на основе анализа существующей структуры землепользования.

Малоэтажное строительство имеет более короткий цикл строительства, существенно дешевле в расчёте на метр площади, предоставляет лучшие экологические условия [1]. Индивидуальные дома как разновидность малоэтажного жилья в дополнение к этому часто связаны с ведением личного подсобного хозяйства, что повышает продовольственную автономность, даёт демпфер риска снижения доходов. В дореволюционной России индивидуальные дома были возможностью обеспечить себя жильём для трудового населения с ограниченными доходами. В архитектурном сборнике проектов «Дешёвые дома» говорилось: «Жизненные условия настоящего времени создали особый вид собственников, которые стремятся с минимальными затратами устроить себе «собственное гнездо» [2]. Ситуация более чем столетней давности перекликается с современной. Во многих источниках подчёркивается, что индивидуальные

дома предпочтительнее квартир с точки зрения демографии. С одной стороны, низкая доступность жилья достаточной площади в больших городах снижает количество детей в семье [например, 3]. С другой стороны, «более половины многодетных семей в России проживают в собственных домах, а не в квартирах» [4]. В связи с этим возникает потребность в оценке доступности индивидуального жилья для широких слоёв населения в современных условиях высоко урбанизированного общества. Недооценка потенциала и роли индивидуального жилищного строительства (ИЖС) приводит к перекосу в пользу многоквартирных домов при градостроительном планировании, недостаточности ресурсов для снятия инфраструктурных ограничений для ИЖС [5; 6], недофинансированию строительства ИЖС и неоптимальному удовлетворению жилищных потребностей [7].

Доступность жилья для домохозяйства принято рассчитывать, как соотношение стоимости приобретения (квартиры или дома с участком) или строительства (дома плюс стоимость земельного участка) и годового дохода [8]. В идеале нужно дополнить этот показатель текущими расходами на содержание жилья и оплату жилищно-коммунальных услуг. Рассмотрим имеющуюся статистическую информацию о стоимости жилых зданий. С 2022 г. Росстат не собирает данные о фактической стоимости строительства зданий (до 2021 г. включительно этот показатель был в форме С-1 «Сведения о вводе в эксплуатацию зданий и сооружений», заполняемой застройщиками). Что касается рыночной стоимости, Росстат собирает данные о рыночной стоимости 1 м² общей площади жилья у организаций и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих операции с недвижимостью. Разделяются первичный и вторичный рынки, дома разделяются по материалам стен, качеству (низкого, среднего, улучшенного качества и элитные), наличию отделки. Однако данные относятся только к квартирам. Минстрой России утверждает норматив стоимости 1 м² общей площади жилого помещения (на каждые полгода) и норма-

тив средней рыночной стоимости 1 м² общей площади жилого помещения по субъектам РФ (ежеквартально). Показатель средней рыночной стоимости квадратного метра используется при расчете социальных выплат и льгот для покупки жилья или при закупках жилья для переселения из ветхого и аварийного фондов. Показатели не дифференцируются для квартир и ИЖС, но охватывают в первую очередь квартиры. В связи с описанной ситуацией для получения статистики стоимости ИЖС необходимо обратиться к иным источникам.

Что касается текущих расходов на жильё и коммунальные услуги, Росстат собирает данные об оплате населением жилищно-коммунальных услуг от организаций, оказывающих жилищно-коммунальные услуги и осуществляющих начисление жилищно-коммунальных платежей. Это данные об общей массе платежей, не в расчёте на домохозяйство, они не дифференцируются по типам домохозяйств или типам жилья. Из этого источника информации для анализа финансовой нагрузки на домохозяйства могут быть полезны данные о собираемости платежей и объёме субсидий на оплату жилищно-коммунальных услуг. Данные о расходах на оплату жилья и коммунальных услуг по домохозяйствам можно взять из опросов населения Росстата. Выборочное обследование бюджетов домашних хозяйств включает вопросы о размере расходов на оплату жилья и коммунальных услуг по их видам, факте получения субсидий, причинах задержки платежей, если таковая есть, достаточности средств для оплаты платежей. Кроме того, сведения о получении субсидий и задолженности по оплате есть в «Комплексном обследовании уровня жизни».

Состав работ по содержанию ИЖС официально не формализован. Поэтому можно использовать состав работ по многоквартирным домам и внести необходимые корректировки. В отношении многоквартирных домов Постановление Правительства РФ от 03.04.2013 № 290 «О минимальном перечне услуг и работ, необходимых для обеспечения надлежащего содержа-

ния общего имущества в многоквартирном доме, и порядке их оказания и выполнения» устанавливает такой перечень: 1) обеспечение исправности конструкций самого здания (фундаментов, стен, опор, перекрытий и покрытий, балок, ригелей, лестниц, несущих элементов крыш) и не-несущих конструкций (перегородок, внутренней отделки, полов) многоквартирных домов; 2) содержание оборудования и систем инженерно-технического обеспечения в многоквартирном доме, а именно оборудования систем холодного и горячего водоснабжения, отопления, канализации, электрооборудования, лифтов, вентиляции, мусоропровода и т.п.; 3) работы и услуги по содержанию иного общего имущества в многоквартирном доме. В затраты на содержание включаются уборка подъездов, мойка окон, уничтожение грызунов и насекомых, очистка снега с крыш, уборка территории вокруг дома, а также расходы на охрану и видеонаблюдение.

Для получения данных о текущих расходах в качестве дополнения к соцопросам можно использовать обсуждения в соцсетях. В частности, из обсуждения ВКонтакте¹ можно сделать следующие выводы относительно текущих расходов. Большая площадь дома существенно увеличивает расходы на отопление. Отопление большого дома в сотни квадратных метров без подключения к газу очень дорого. Наличие хорошей теплоизоляции может существенно сократить расходы на отопление, но не в разы. При наличии хорошей теплоизоляции расходы на газ для отопления дома в 300 м² могут быть сопоставимы с платой за отопление квартиры в 80 м² с учётом отсутствия в первом случае перетоков в тёплое время в межсезонье. В доме вероятно будет выше расход электричества: возникают расходы на подачу воды из своей скважины и возможно, перекачку канализации, дополнительное локальное отопление электричеством, возможно, нагрев горячей воды электричеством летний период. Очень

¹ Истра. Подслушано // ВКонтакте. 12 июля 2023. — URL: https://vk.com/wall-63417789_1844185?w=wall-63417789_1844185&ysclid=m9sqkecpfx505082611 (дата обращения: 22.05.2025).

энергозатратно кондиционирование больших площадей. Также расходы на капитальный ремонт целиком несут собственники.

Существенная статья расходов — обеспечение бесперебойности электроэнергии. Статья включает установку и обслуживание генератора, как правило газо- или бензинового, и расходы на топливо. Специфика ИЖС состоит в том, что многие работы выполняются своими силами или с привлечением бесплатной или платной помощи на неформальной основе. Это можно рассматривать как скрытые затраты, потенциально ведущие к недооценке полного объёма текущих затрат на ИЖС при экономическом анализе. С другой стороны, оценки этих затрат косвенными методами (например, по неким нормативным затратам времени и средней заработной плате) ненадёжны в плане обоснованности. Они напоминают упражнения экономистов по оценке работы домохозяйств по сумме зарплат на работы, как если бы они выполнялись сторонними лицами: зарплата повара, няни, уборщицы и т.д. С другой стороны, работы по уходу за домом и участком можно рассматривать как элемент образа жизни или даже хобби. В целом дом обходится дороже, но масштабирование площади домов значительно дешевле, чем для квартир: как капитальные, так и текущие расходы в расчёте на метр площади для домов ниже [9]. В отличие от дома, домохозяйство среднего класса не может себе позволить квартиру площадью 150 м² и более.

Относительную доступность ИЖС можно оценить также косвенно, сравнивая домохозяйства, проживающие в квартирах и домах в сложившейся на настоящий момент структуре жилищного фонда. В качестве источника для такого сравнения — использовать Комплексное наблюдение условий жизни населения Росстата (далее — КОУЖ). Наблюдение является выборочным, проводится анкетированием, охватывает всю территорию России. В генеральную совокупность входят все частные домохозяйства и население в них, проживающие на территории Федерации. Помимо итоговых таблиц, Росстат предоставил доступ к микро-

данным, что позволяет проводить детальный анализ. Последний раз это наблюдение проводилось в 2022 году.

В табл. 1 приведена характеристика выборки по типу помещения, занимаемого домохозяйством (в КОУЖ — вопрос «Условия проживания домохозяйства»). Таблица 1 включает число опрошенных домохозяйств, проживающих в каждом типе помещений, и общую и жилую площадь. В строке «Итого» в расчёт средних значений площади включены только данные, вошедшие в строки 1–4. Далее будут анализироваться в сопоставлении данные по домохозяйствам, проживающим в отдельных квартирах (строка 1), и в индивидуальных домах (строка 3). Они отражают квартиры и дома в наиболее чистом виде. Анализ выиграет из-за того, что эти категории достаточно представительны.

В таблице 1 обращает на себя внимание то, что площадь как общая, так и жилая, существенно выше для домов, чем для квартир. Также интересно, что в домах существенно выше доля жилой площади. Это подтверждается и данными по коммунальным квартирам и частям индивидуальных домов (рис. 1). Более низкий доход для ИЖС может не означать большую доступность, а отражать относительную географическую концентрацию ИЖС.

На рис. 2 рассмотрены только домохозяйства, занимающие целую квартиру или дом (94% выборки). В сельских населённых пунктах большая доля домохозяйств проживает в индивидуальных домах. Если рассматривать выборку как репрезентативную по отношению к генеральной совокупности в части соотношения проживающих домохозяйств в квартирах и домах, видно, что «нормальное» соотношение квартир и домов сохраняется в малых городах, а в средних, крупных и мегаполисах люди вынуждены «скупиваться» в многоквартирные дома. Следует сделать оговорку, что этот анализ не учитывает агломерации. С точки зрения агломераций картина может выглядеть иначе, поскольку ИЖС просто «вытесняется» на их периферию, которая на рис. 2 представлена как отдельные малые поселения.

Таблица 1
Распределение выборки по типу помещения, занимаемого домохозяйством

Table 1

Distribution of sample by lodgment type

Условия проживания домохозяйства	Число наблюдений в выборке	Среднее значение общей площади помещений, м ²	Среднее значение жилой площади помещений, м ²	Удельный вес жилой площади в общей, %
Отдельная квартира	38922	50,1	34,2	68,3
Коммунальная квартира	290	39,4	25,0	63,4
Индивидуальный (одно-квартирный) дом	17493	73,8	54,5	73,9
Часть индивидуального (одноквартирного) дома	3145	62,2	45,9	73,8
Общесжитие	131	-	-	-
Другое	13	-	-	-
Итого	59994	57,6	40,7	70,7

Примечание: здесь и далее — результаты анализа по основной выборке домохозяйств.

Источник: КОУЖ 2022.

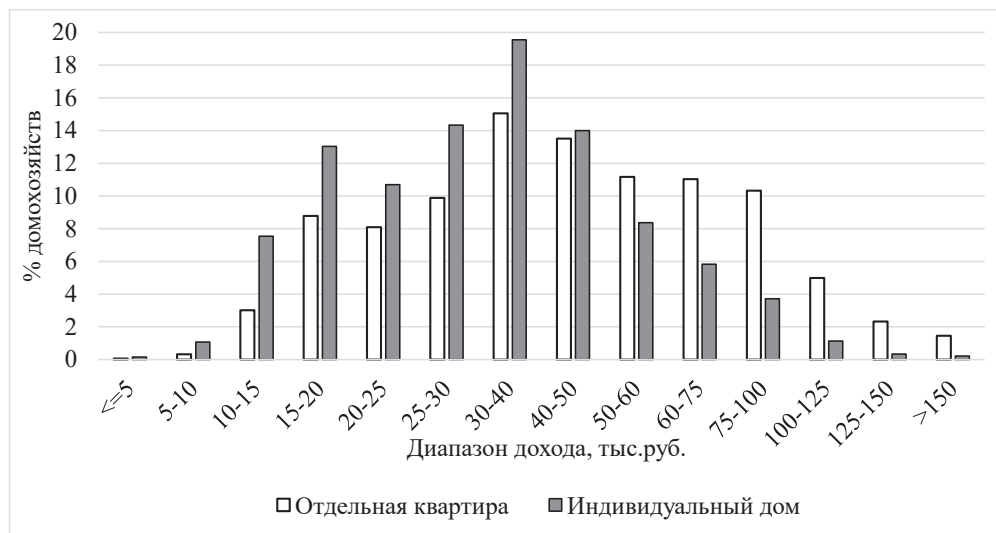

Рис. 1. Распределение домохозяйств по уровню денежного дохода в месяц в 2022 году

Fig. 1. Distribution of households by income in 2022

Источник: КОУЖ 2022.

При принятии жилищно-политических и градостроительных решений доступность жилья следует рассматривать не только с точки зрения домохозяйств, но и общества в целом. Не все расходы несут домохозяйства, а именно государство может брать на себя часть затрат на инфраструктуру (которая позднее мо-

жет компенсироваться населением за счёт платежей за коммунальный ресурс, идущей на покрытие прошлых расходов на создание сетей). В отличие от многоквартирных домов, для ИЖС нет механизма включения в затраты на строительство дома социальной инфраструктуры — следовательно эти затраты ложатся на бюджет. Также

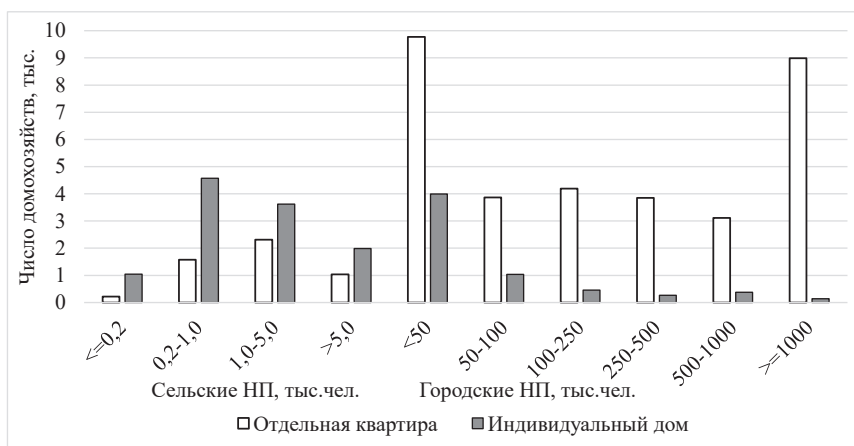

Рис. 2. Число домохозяйств в выборке, проживающих в квартирах и домах, по типу населённого пункта (НП)

Fig. 2. Number of households in the sample living in apartments and houses, by type of settlement

Источник: КОУЖ 2022.

государство частично берет на себя капитальные и текущие расходы, субсидируя малообеспеченных.

Для ИЖС транспортные и инженерные сети должны охватывать большую площадь, а значит иметь большую протяжённость [10; 11]. Это напрямую относится к централизованным сетям, если же в посёлках автономные системы обеспечения, встаёт вопрос о локальном обеспечении ресурсом. Сюда, помимо местных распределительных сетей с насосами, входит оборудование для локальной добычи — например, артезианская скважина для обеспечения водой, — и оборудование для хранения — водонапорные башни или современные автоматизированные системы подачи воды, газгольдеры. Если ресурс доставляется извне — как в случае с газом для газгольдеров — возникают соответствующей затраты на транспортировку с использованием специализированной техники.

По нашему мнению, в отношении ИЖС именно вопрос обеспечения инфраструктурой — транспортной, инженерной и социальной — важнее других: вопросов землепользования, затрат на строительство и содержание домов. В текущей ситуации неурегулированности источников финансирования инфраструктуры частной застройки,

если включить все стихийно возникшие коттеджные посёлки в поселения, невозможно будет выполнить соответствующие нормативы расходов на инфраструктуру без существенного увеличения бюджетов. Если проблема финансирования строительства коммунальных сетей частично решается за счёт платы за подключение, то дороги и улучшение их пропускной способности ложатся на бюджет, за исключением стихийно построенных дорог внутри поселков. За последними приходится следить собственникам, которые тоже стараются передать их на баланс муниципалитетам или государству. По словам заместителя председателя Экспертного совета при Комитете по строительству и жилищно-коммунальному хозяйству Государственной Думы РФ В.С.Казейкина: «Опытные застройщики стараются все построенные дороги и инженерные сети тут же передать муниципалитетам. У тех больше ресурсов — и финансовых, и материальных, и трудовых. И они куда лучше обеспечат содержание и ремонт транспортных и инженерных сетей»².

² ЖКХ в малоэтажных домах: до прозрачности далеко, а высокие цены — вот они // Всероссийский отраслевой интернет-журнал «Строительство.RU». — URL: <https://rcmm.ru/zhkh/24813-zhkh-v-maloetazhnyh-domah-doprozrachnosti-daleko-a-vysokie-ceny-vot-oni.html> (дата обращения: 06.05.2025).

Таблица 2

Структура земельного фонда РФ по категориям

Table 2

Land area of the Russian Federation by categories

№	Категории земель	Площадь, тыс. га	% от РФ (строка 8)
1	Земли сельскохозяйственного назначения, в том числе:	382 509,8	22,3
1.1	фонд перераспределения земель	43136,2	2,5
2.	Земли населённых пунктов, в том числе:	20501,6	1,20
2.1	городских населённых пунктов	8403,4	0,49
2.2	сельских населённых пунктов	12098,2	0,71
3	Земли промышленности, энергетики, транспорта, связи и земли иного специального назначения, в том числе	17511,6	1,02
3.1	Земли промышленности	2210,8	0,1
3.2	Земли энергетики	152,6	0,01
3.3	Земли транспорта, в том числе:	2368,1	0,1
3.3.1	железнодорожного	919,9	0,1
3.3.2	автомобильного	1320,3	0,1
3.3.3	морского, внутреннего водного	22,3	0,001
3.3.4	воздушного	50,4	0,003
3.3.5	трубопроводного	55,2	0,003
3.4	Земли связи, радиовещания, телевидения, информатики	28,3	0,002
3.5	Земли для обеспечения космической деятельности	15,6	0,001
3.6	Земли обороны и безопасности	11976,8	0,7
3.7	Земли иного специального назначения	759,4	0,04
4	Земли особо охраняемых территорий, в том числе	49641,7	2,9
4.1	Земли особо охраняемых природных территорий	49399,8	2,9
4.2	Земли лечебно-оздоровительных местностей и курортов	32,3	0,002
4.3	Земли рекреационного назначения	220,8	0,01
4.4	Земли историко-культурного назначения	21,1	0,001
5	Земли лесного фонда	1125786,2	65,7
6	Земли водного фонда	28070,0	1,6
7	Земли запаса	88498,2	5,2
8	Итого земель в административных границах	1712519,1	100,0
9	Из всех земель: земли природоохранного назначения	145087,4	8,5
10	Из всех земель: особо ценные земли	6295,1	0,4

Примечания: 1) жирным выделены итог (строка 8) и строки, формирующие итог; 2) данные о структуре земельного фонда в таблицах 2–4 приведены по состоянию на 01.01.2019 из Формы № 22–2 Росреестра.

Источник: Росреестр (Форма № 22–2). — URL: <https://rosreestr.gov.ru/activity/gosudarstvennoe-upravlenie-v-sfere-ispolzovaniya-i-okhrany-zemel/statisticheskaya-informatsiya-o-nalichii-i-raspredelenii-zemelno-go-fonda/?ysclid=mb4xee8th244503308> (дата обращения: 06.05.2025).

Существует проблема неохвата стихийно возникших посёлков зонами обслуживания скорой помощи, потребность в среднем образовании решается за счёт существующих школ, при этом системно не решается вопрос ежедневной пере-

возки детей до школы и обратно. Но если создавать социальную инфраструктуру по нормативам, а новое жилье главным образом используется как второе жилье, возникает проблема перепроизводства инфраструктуры.

Вопрос доступности ИЖС из-за больших потребностей в земельных площадях также связан с вопросом землепользования. С точки зрения домохозяйств, речь идёт о цене земли, а с точки зрения общества — об изыскивании площадей, которые используются или могли бы использоваться для других целей. В табл. 2 представлена существующая структура земельного фонда РФ по назначению — по категориям земель, установленным ст. 7 Земельного кодекса РФ. В составе других категорий следует обратить внимание на земли населённых пунктов, в том числе городских и сельских.

В табл. 3 приводится структура земельного фонда по «угодьям», которые в том числе включают земли застройки (строка 14): «Земли застройки включают земельные участки жилой и общественной застройки, занятые жилыми, культурно-бытовыми, административными, культовыми и иными зданиями и сооружениями, предназначенными для этих целей, а также промышленной, коммерческой и коммунально-складской застройкой. Сюда же включаются земельные участки, необходимые для эксплуатации зданий, сооружений и их обслуживания»³. Таким образом 0,36% территории РФ включают все виды застройки, а не только жилую. Площадь земель застройки интересно сравнить с площадью под дорогами (строка 15), также интенсивно используемыми в хозяйстве и предназначенными для связи поселений.

Площадь земель застройки в населённых пунктах — 3729,3 тыс. га (0,22% площади РФ). Примечательно, что в городских населённых пунктах площадь застройки (2,16 млн га) сопоставима с площадью сельхозугодий (2,20 млн га), а в сельских населённых пунктах площадь застройки (1,6 млн га) в 4,8 раза меньше площади сельхозугодий (7,6 млн га). В табл. 4 приведены

данные о площади жилой застройки в поселениях. Площадь жилой застройки во всех населённых пунктах составляет 0,06% территории России.

Даже при том, что значительная доля площади страны слабо подходит для постоянного проживания, это значение примечательно мало. Можно сравнить площадь жилой застройки с площадью других освоенных или потенциально осваиваемых земель: она составляет 0,5% от площади сельхозугодий или 0,15% площади, покрытой лесом (без учёта лесных насаждений, не входящих в лесной фонд, которые в основном находятся на землях сельхозназначения). Такой, хотя и грубый, анализ говорит в пользу вывода о том, что жилая застройка искусственно сжата по площади, а также о потенциале существенного увеличения площади земель для ИЖС. С другой стороны, в агломерациях, где и есть основной спрос на ИЖС, дефицит земель для природных, парковых территорий и даже для промышленности под давлением жилой застройки, может быть существенным.

На основе вышеизложенного можно сделать следующие выводы. Оценка доступности ИЖС имеет методологические особенности, это более сложный объект из-за нестандартизованности, неурегулированности отношений. Это сказывается и на доступности и качестве необходимой для анализа информации. В целом современные комфортные дома предсказуемо дороже. Однако ИЖС — подчас единственная возможность обеспечить пространное жилье — в расчёте на квадратные метр и капитальные, и текущие затраты существенно ниже. В то же время анализ данных соцопросов по структуре существующего жилищного фонда говорит о том, что домохозяйства, живущие в индивидуальных домах, имеют в среднем более низкий доход, чем живущие в квартирах, а индивидуальные дома решают жилищный вопрос для существенной доли населения в малых и отчасти в средних поселениях. В больших городах существующий потенциал индивидуального жилья незначителен (если не рассматривать их в составе агломераций). Наибольший вызов для существен-

³ Указания по заполнению формы № 22-2 «Сведения о наличии и распределении земель по категориям и угодьям», утверждённые Приказом Росстата от 07.12.2018 № 726 «Об утверждении форм федерального статистического наблюдения с указаниями по их заполнению для организации Федеральной службой государственной регистрации, кадастра и картографии федерального статистического наблюдения за земельными ресурсами».

Таблица 3

Структура земельного фонда РФ по угодьям

Table 3

Land area by land use

№	Угодья	Площадь, тыс.га	% от РФ
1	Общая площадь, тыс. га	1712519,1	100,0
2	Сельскохозяйственные угодья, в том числе	221977,1	13,0
3	пашня	122753,5	7,2
4	залежь	4877,5	0,3
5	многолетние насаждения	1914,0	0,1
6	сенокосы	24017,5	1,4
7	пастбища	68414,6	4,0
8	В стадии мелиоративного строительства (сельхозугодья) и восстановления плодородия	488,2	0,03
9	Лесные площади, в том числе	870744,8	50,8
10	покрытые лесами	794725,8	46,4
11	не покрытые лесами	76019,0	4,4
12	Лесные насаждения, не входящие в лесной фонд	26271,1	1,5
13	Под водой	72286,5	4,2
14	Земли застройки	6112,7	0,36
15	Под дорогами	8116,7	0,47
16	Болота	154534,0	9,0
17	Нарушенные земли	1072,4	0,1
18	Прочие земли, в том числе	350915,6	20,5
19	полигоны отходов, свалки	129,0	0,01
20	пески	4398,9	0,3
21	овраги	1441,8	0,1
22	тундровые участки, не вошедшие в другие угодья	117169,6	6,8
23	другие земли	227776,3	13,3
24	Из всех земель оленьи пастбища	335226,1	19,6

Примечание: жирным выделены итог (строка 1) и строки, формирующие итог.

Источник: Росреестр.

Таблица 4

Площадь земель жилой и общественно-деловой застройки в населённых пунктах

Table 4

Area of residential and public-business development in settlements

Виды использования земель	Населённые пункты			% от всех земель застройки в населённых пунктах
	Городские	Сельские	Все	
Земли жилой застройки, из них:	1152,5	680,4	1832,9	49,1
– многоэтажной	401,8	65	466,8	12,5
– индивидуальной	706,1	514,7	1220,8	32,7
Земли общественно-деловой застройки	461,3	417,1	878,4	23,6
Земли сельскохозяйственного использования в поселениях, занятые садоводческими, огородническими и дачными объединениями и индивидуальными садоводами и огородниками	404,4	161,1	565,5	

Источник: Росреестр.

ного увеличения ИЖС — обеспечение больших территорий инфраструктурой, которое в значительной степени ложится на государство. Однако анализ структуры земельного фонда не подтверждает тезис о дефиците земель для значимого роста площади поселений. В полной мере потенциал ИЖС

будет реализован за счёт индустриального строительства и, главное, за счёт комплексного развития территорий с акцентом на малоэтажную застройку, которое позволит снять инфраструктурные ограничения и улучшить застройку индивидуальными домами эстетически.

Литература и Интернет-источники

1. **Шнейдерман, И.М.** Развитие малоэтажного жилья и его роль в повышении качества жизни населения / И.М. Шнейдерман // Народонаселение — 2013. — № 3(61) — С. 59–67. EDN: RCOFVF
2. **Чуклова, Е.** Некоторые факты из истории развития малоэтажного индивидуального жилья в России / Е. Чуклова // Архитектура. Строительство. Дизайн — 2009. — № 2(55) — С. 30–31. EDN: KZJXGB
3. **Русанов, А.В.** Жилищные аспекты политики рождаемости: опыт Китая / А.В. Русанов, Е. Ван // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 1. — С. 76–88. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-1-76-88; EDN: UHGVCМ
4. **Гузанова, А.К.** Жилищная обеспеченность домохозяйств с детьми в современной России / А.К. Гузанова // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 1. С. 43–58. DOI: 10.52180 / 1999-9836_2025_21_1_3_43_58; EDN: NOGXV
5. **Шершова, Л.В.** Строительство индивидуального жилья как точка роста развития региона / Л.В. Шершова, С.О. Шершов, С.В. Лебедихин, Н.Ю. Чепкасова // Современные строительные материалы и технологии. Сборник научных статей II международной конференции. Выпуск 2. (Калининград, 28–29 мая 2019 года) — 2020. — С. 227–241; EDN: OANRZC
6. **Шаров, С.Ю.** Опыт индивидуального жилищного строительства в Белгородской области / С.Ю. Шаров // Народонаселение — 2017. — № 4(78). — С. 135–148. DOI: 10.26653 / 1561-7785-2017-4-10; EDN: YSLFNG
7. **Синякова, Е.В.** Социально-адресные механизмы обеспечения домашних хозяйств индивидуальным жильем на основе структурирования их потребностей / Е.В. Синякова, А.М. Платонов // Вестник УРФУ. Серия: экономика и управление — 2018. — Т. 17. — № 3. — С. 423–444. DOI: 10.15826 / vestnik.2018.17.3.019; EDN: XUTNCX
8. **Минченко, М.М.** О методах оценки доступности жилья для населения: сравнительный анализ / М.М. Минченко, Н.Н. Ноздрина // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. — 2013 — Т. 11 — С. 48–70. EDN: RIVTPT.
9. **Локосов, В.В.** Малоэтажное жильё как приоритет в повышении жилищной обеспеченности российских семей / В.В. Локосов, И.В. Пилипенко, И.М. Шнейдерман // Народонаселение. — 2024. — Т. 27. — № S1. — С. 161–176. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2024-S1-161-176; EDN: EYULIA
10. **Пилипенко, И.В.** Региональные приоритеты в модернизации инженерной инфраструктуры в сельской местности для повышения качества жизни населения (часть первая) / И.В. Пилипенко, И.М. Шнейдерман // Народонаселение. — 2024. — Т. 27. — № 1. — С. 20–32. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2024-1-20-32; EDN: MMZEPF
11. **Пилипенко И.В.** Региональные приоритеты в модернизации инженерной инфраструктуры в сельской местности для повышения качества жизни населения (часть вторая) / И.В. Пилипенко, И.М. Шнейдерман // Народонаселение. — 2024. — Т. 27. — № 2. — С. 26–40. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2024-2-26-40; EDN: EOQSCH

Сведения об авторах:

Шаров Сергей Юрьевич, к.э.н., ведущий научный сотрудник, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: sharov.su@gmail.com; ORCID: 0000-0001-6911-5576; РИНЦ SPIN-код: 4429-7484

Шнейдерман Инна Моисеевна, к.э.н., ведущий научный сотрудник, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: schneiderman@isesp-ras.ru; ORCID: 0000-0002-4507-8464; РИНЦ SPIN-код: 6132-3097

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-105-116

AFFORDABILITY OF INDIVIDUAL HOUSING CONSTRUCTION AS A WAY TO SOLVE THE HOUSING PROBLEM

Sergey Yu. Sharov*, Inna M. Shneiderman

ISESP FCTAS RAS

(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)

**E-mail: sharov.su@gmail.com*

For citation:

Sharov S. Yu., Shneiderman I. M. Affordability of individual housing construction as a way to solve the housing problem. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 4. P. 105-116. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-105-116 (in Russ.)

Abstract. *Individual housing construction offers several advantages: it can be more affordable to build, demographically preferable, provide a better living environment, and contribute to a greater spatial uniformity of settlement system. This article examines the affordability of individual housing from both the household and societal perspectives. For middle-income households, individual houses are essentially the only option for constructing spacious housing. However, they are likely to face higher time expenditures in constructing or acquiring property and maintaining it, due to the sector's lower institutional organization as compared to apartments. Higher utility bills or the cost of autonomous provision are also likely. When considering the affordability of individual housing construction from a societal perspective — that is, from an urban planning perspective and as an alternative to providing housing for large segments of the population — it is necessary to address the issues of transport accessibility, allocation of large tracts of land while preserving natural areas and meeting other land needs, and provision of amenities at the urban level. The authors analyzed information requirements for such study and compared with available information, concluding that this information is insufficient on a number of fronts. In this regard, alternative indirect methods for assessing affordability using the results of population surveys are proposed, a conclusion is made about low affordability of individual houses in highly urbanized areas; based on the analysis of the structure of land use, some indirect arguments are obtained in favor of the hypothesis about the artificial nature of the land shortage for individual housing construction.*

Keywords: *individual housing construction, low-rise housing, housing affordability, land shortage for development, suburbanization.*

References and Internet sources

1. Shneiderman I. M. Razvitije maloetazhnogo zhil'ya i yego rol' v povyshenii kachestva zhizni naseleniya [Development of low-rise housing and its role in improving the quality of life of population]. *Narodonaselenie [Population]*. 2013. No. 3 (61). P. 59–67. (in Russ.)
2. Chuklova E. Nekotorye fakty iz istorii razvitiya maloetazhnogo individual'nogo zhil'ya v Rossii [Some facts from the history of the development of low-rise individual housing in Russia].

- Arkhitektura. Stroitel'stvo. Dizajn [Architecture. Construction. Design]. 2009. No. 2 (55). P. 30–31. (in Russ.)
3. Rusanov A. V., Wang E. Zhilishchnyye aspekty politiki rozhdaiemosti: opyt Kitaya [Housing aspects of fertility policy: China's experience]. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 1. P. 76–88. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-1-76-88 (in Russ.)
 4. Guzanova A. K. Zhilishchnaya obespechennost' domokhozyajstv s det'mi v sovremennoj Rossii [Housing provision for households with children in modern Russia]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]*. 2025. Vol. 21. No. 1. P. 43–58. DOI: 10.52180/1999-9836_2025_21_1_3_43_58 (in Russ.)
 5. Shershova L. V., Shershov S. O., Lebedikhin S. V., Chepkasova N. Yu. Stroitel'stvo individual'nogo zhil'ya kak tochka rosta razvitiya regiona [Construction of individual housing as a growth point for regional development]. *Sovremennyye stroitel'nyye materialy i tekhnologii. Sbornik nauchnykh statej 2 mezhdunarodnoj konferentsii. [Modern Construction Materials and Technologies. Proceedings of the II international conference]* (Kaliningrad, 28–29 May 2019). Iss. 2. Kaliningrad. 2020. P. 227–241 (in Russ.)
 6. Sharov S. Yu. Opyt individual'nogo zhilishchnogo stroitel'stva v Belgorodskoj oblasti [Experience of individual housing construction in the Belgorod region] *Narodonaselenie [Population]*. 2017. No. 4(78). P. 135–148. DOI: 10.26653/1561-7785-2017-4-10 (in Russ.)
 7. Sinyakova E. V., Platonov A. M. Sotsial'no-adresnyye mekhanizmy obespecheniya domashnikh khozyajstv individual'nykh zhil'jem na osnove strukturirovaniya ikh potrebnostej [Social and address mechanisms of providing households with individual housing on the basis of structuring their requirements]. *Vestnik URFU. Seriya: ekonomika i upravleniye [Bulletin of Ural Federal University. Series: Economics and Management]*. 2018. Vol. 17. No. 3. P. 423–444. DOI: 10.15826/vestnik.2018.17.3.019 (in Russ.)
 8. Minchenko M. M., Nozdrina N. N. O metodakh otsenki dostupnosti zhil'ya dlya naseleniya: sravnitel'nyj analiz [Methods for estimation of housing affordability for the population: a comparative analysis]. *Nauchnyye trudy: Institut narodnokhozyajstvennogo prognozirovaniya RAN [Scientific Proceedings: Institute of Economic Forecasting RAS]*. Vol. 11. 2013. P. 48–70. (in Russ.)
 9. Lokosov V. V., Pilipenko I. V., Shneiderman I. M. Maloetazhnoye zhil'yo kak prioritet v povyshenii zhilishchnoy obespechennosti rossijskikh semej [Low-rise housing as a priority in raising housing space availability to families in the Russian Federation]. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. S1. P. 161–176. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-161-176 (in Russ.)
 10. Pilipenko I. V., Shneiderman I. M. Regional'nyye priority v modernizatsii inzhenernoj infrastruktury v sel'skoj mestnosti dlya povysheniya kachestva zhizni naseleniya (chast' pervaya) [Regional priorities in the utilities' infrastructure upgrading in rural areas for improving quality of life of the population (Part One)]. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 1. P. 20–32. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-20-32 (in Russ.)
 11. Pilipenko I. V., Shneiderman I. M. Regional'nyye priority v modernizatsii inzhenernoj infrastruktury v sel'skoj mestnosti dlya povysheniya kachestva zhizni naseleniya (chast' vtoraya) [Regional priorities in the utilities' infrastructure upgrading in rural areas for improving quality of life of the population (Part Two)]. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 2. P. 26–40. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-26-40 (in Russ.)

Information about the authors:

Sharov Sergey Yuryevich, Candidate of Economics, Leading Researcher, ISESP FCTAS RAS, Moscow, Russia.
Contact information: e-mail: sharov.su@gmail.com; ORCID: 0000-0001-6911-5576; Elibrary SPIN-code: 4429-7484.

Shneiderman Inna Moiseevna, Candidate of Economics, Leading Researcher, ISESP FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: schneiderman@isesp-ras.ru; ORCID: 0000-0002-4507-8464; Elibrary SPIN-code: 6132-3097.

Статья поступила в редакцию 05.09.2025, утверждена 10.11.2025, опубликована 30.12.2025.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-117-128
EDN: USAVBF

ВЛИЯНИЕ «ПРОСТРАНСТВЕННОГО СЖАТИЯ» НА УРОВЕНЬ ЖИЗНИ: АНАЛИЗ РЕГИОНАЛЬНЫХ ДИСПРОПОРЦИЙ

Дохолян С. В.*, Вершинина М. А.

ИСЭПН ФНИСЦ РАН

(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

*E-mail: sergsvd@mail.ru

Для цитирования:

Дохолян С. В., Вершинина М. А. Влияние «пространственного сжатия» на уровень жизни: анализ региональных диспропорций. — 2025. — Т. 28. — № 4. — С. 117-128. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-117-128; EDN: USAVBF

Аннотация. В статье исследуется феномен «пространственного сжатия» и его воздействие на региональные диспропорции в уровне жизни населения России. Проблема нарастающей региональной дифференциации уровня жизни является одним из вызовов для современной России. Феномен «пространственного сжатия», вместо того чтобы выравнивать возможности, парадоксальным образом усиливает поляризацию, концентрируя капитал и ресурсы в нескольких агломерациях. Это приводит к стагнации общероссийского уровня жизни и создаёт угрозы для социальной стабильности и единства страны. Цель исследования — провести комплексный анализ глубины и выявить ключевые факторы региональных диспропорций в уровне жизни населения РФ за период 2014–2024 гг., а также проверить гипотезу о том, что основной вклад в это неравенство вносит упадок экономик периферийных территорий. В исследовании используется комплексный подход, сочетающий общенаучные принципы с конкретными статистическими методами (сравнительного и статистического анализа, метод кейс-стади), проводился кластерный анализ (метод *k*-средних) и осуществлялось эконометрическое моделирование (множественная регрессия на панельных данных). Проведённое исследование подтверждает, что «пространственное сжатие» в российских условиях ведёт к углублению социально-экономического неравенства и существующая модель пространственного развития исчерпала себя. Преодоление негативных тенденций требует перехода к новой, более сбалансированной модели пространственного развития, ориентированной на раскрытие внутреннего потенциала каждого региона и создание равных возможностей для их жителей. Необходим переход от политики «выравнивания» к стратегии стимулирования внутреннего потенциала регионов, основанной на «умной специализации» и развитии инфраструктуры.

Ключевые слова: региональная дифференциация, уровень жизни, пространственное сжатие, поляризация пространства, региональные диспропорции, периферийные территории.

Постановка проблемы

Проблема неравномерного пространственного развития и нарастающих региональных диспропорций является одной из наиболее острых для современной России. Концентрация экономической активности, человеческого капитала и финансовых потоков в ограниченном числе крупных агломераций приводит к эффекту «пространственного сжатия», когда периферийные территории оказываются в состоянии экономической депрессии и социальной деградации. Этот процесс напрямую влияет на уровень и качество жизни миллионов граждан, создавая угрозы для национальной безопасности и социальной стабильности. Данная статья направлена на анализ глубины этих диспропорций и выявление факторов, их определяющих, для разработки предложений по корректировке региональной политики.

Термин «пространственное сжатие» (space-time compression), введённый Д. Харви, описывает ускорение темпов жизни и сокращение пространственных барьеров за счёт прогресса в транспорте и коммуникациях. Но этот процесс имеет обратную сторону — усиливает поляризацию пространства. Центры, интегрированные в глобальные потоки, получают импульс к развитию, в то время как периферия, не обладающая необходимыми ресурсами и инфраструктурой, оказывается в изоляции. Н.В. Зубаревич в своей модели «четырёх России» показывает, как страна разделена на постиндустриальные центры, промышленные регионы, аграрный юг и депрессивные территории, между которыми нарастает разрыв¹. П.А. Минакир в [1] отмечает, что экономическое пространство России крайне неоднородно, и попытки его «сжать» без учёта этой специфики приводят лишь к усилению центр-периферийных контрастов. По его мнению, государственная политика часто игнорирует внутренние импульсы развития регионов, делая ставку на внеш-

ние инвестиции, которые концентрируются в уже развитых точках.

Различия в уровне жизни между регионами обусловлены комплексом взаимосвязанных факторов. В работе [2] подчёркивается, что ключевую роль играет структура экономики региона. Регионы с диверсифицированной экономикой, высоким уровнем инновационной активности и развитым сектором услуг демонстрируют более высокие показатели доходов и занятости. В то же время монопрофильные территории, зависящие от одного-двух крупных предприятий, оказываются крайне уязвимыми перед лицом экономических шоков. В.Н. Бобков, Е.В. Одинцова и В.В. Коваленко [3] в своих работах акцентируют внимание на качестве и доступности рабочих мест. Они утверждают, что в регионах-аутсайдерах преобладает «неустойчивая занятость» с низкими заработками и отсутствием социальных гарантий, что напрямую ведёт к росту бедности и социального неблагополучия. А.В. Минаков и Т.Н. Агапова указывают в [4] на значимость бюджетной обеспеченности. Регионы с низкой собственной доходной базой не способны в полной мере финансировать социальную сферу — здравоохранение, образование, культуру, что снижает качество человеческого капитала и консервирует отсталость.

К другим важным факторам исследователи относят: 1) инвестиционную привлекательность — регионы, способные привлечь частные и государственные инвестиции, получают ресурсы для модернизации инфраструктуры и создания новых производств [5]; 2) демографические процессы — отток молодого и квалифицированного населения с периферии в центры («утечка мозгов») обескровливает экономику отстающих регионов [6]; 3) инфраструктурную обеспеченность — доступность качественных дорог, современного транспорта, цифровых сетей является необходимым условием для экономического роста [7]. В работе [8] особое внимание уделяется вопросам продовольственной безопасности и развитию агропромышленного комплекса как основы устойчивости сельских террито-

¹ Зубаревич Н.В. Четыре России и новая политическая реальность // Полит.ру. — https://web.archive.org/web/20201108090938/https://polit.ru/article/2016/01/17/four_russians/ (дата обращения: 10.05.2025).

рий, доказывається, что деградация села — это не только экономическая, но и стратегическая проблема, подрывающая основы национальной безопасности. В работе [9] анализируются социально-экономические проблемы развития региональных систем, указывается на необходимость системного подхода к управлению, который бы учитывал уникальные особенности каждого субъекта.

Многие авторы сходятся во мнении, что текущая региональная политика носит преимущественно компенсаторный характер (трансферты, субсидии) и не решает структурных проблем [10; 11]. В.П. Орешин призывает в [12] к переходу от политики «выравнивания» к «поляризованному» развитию, стимулирующему точки роста, которые могли бы стать локомотивами для окружающих территорий. В то же время Е.Л. Плисецкий в [13] предостерегает от чрезмерной концентрации ресурсов, которая может окончательно «обезлюдить» огромные пространства страны. В.В. Акбердина и О.А. Романова в [14] и А.Г. Аганбегян в [15] подчёркивают необходимость новой индустриализации и развития высокотехнологичных отраслей в регионах как единственного способа преодолеть сырьевую зависимость и обеспечить качественный экономический рост.

Эмпирический анализ региональных диспропорций.

Для проверки выдвинутой гипотезы был проведён анализ данных Росстата и других открытых источников за 2014–2024 гг. по субъектам РФ. Ключевыми индикаторами уровня жизни были выбраны: среднедушевые денежные доходы населения, (рублей в месяц); уровень бедности (доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, %); коэффициент Джини (индекс концентрации доходов); уровень безработицы (по методологии МОТ, %); обеспеченность населения врачами, на 10 тыс. человек населения; доля ВРП, приходящаяся на сектор услуг и высокотехнологичные отрасли, (%); объем инвестиций в ос-

новной капитал на душу населения, (рублей). На основе этих показателей был проведён кластерный анализ методом k-средних для группировки регионов со схожими социально-экономическими характеристиками. В табл. 1 — обобщённые данные, иллюстрирующие глубину региональных различий.

Группа регионы-лидеры (топ-10) почти всегда состоит из двух столиц и ведущих ресурсодобывающих автономий, где доходы населения значительно выше среднероссийских: Чукотский АО, Ямало-Ненецкий АО (ЯНАО), Москва, Ненецкий АО (НАО), Ханты-Мансийский АО — Югра (ХМАО), Сахалинская область, Магаданская область, Санкт-Петербург, Московская область, Мурманская область. Регионы-середняки — самая разнообразная группа, в которую входят большинство промышленно развитых регионов, а также области с развитым агропромышленным комплексом. Их показатели находятся вблизи среднероссийских значений. В качестве примера приведём следующие регионы: Республика Татарстан, Свердловская область, Самарская область, Нижегородская область, Краснодарский край, Новосибирская область, Ленинградская область, Белгородская область, Пермский край, Красноярский край. В группу регионов-аутсайдеров (нижние 10) стабильно входят республики Северного Кавказа и Южной Сибири, характеризующиеся самой низкой бюджетной обеспеченностью, высоким уровнем безработицы и, как следствие, самыми низкими доходами населения: республики Ингушетия, Тыва, Карачаево-Черкесская, Алтай, Калмыкия, Кабардино-Балкарская, Марий Эл, Северная Осетия — Алания, Чеченская, а также Алтайский край.

Данные табл. 1 количественно измеряют разницу, разделяющую благополучные и депрессивные регионы страны по ключевым индикаторам качества жизни. Во-первых, значительный разрыв в доходах. Самый очевидный показатель — разница в среднедушевых доходах. Житель региона-лидера в среднем получает в 3,7 раза больше, чем житель региона-аутайдера. Это

Таблица 1

Дифференциация субъектов РФ по основным показателям уровня жизни (средние значения по группам регионов, 2023 г.)

Table 1

Differentiation of the subjects of the Russian Federation by main indicators of the living standards (average values by region groups, 2023)

Группа регионов	Среднедушевые доходы, рублей	Уровень бедности, %	Коэффициент Джини	Уровень безработицы, %	Обеспеченность врачами, на 10 тыс. человек
Регионы-лидеры (Топ-10)	95400	5,8	0,415	2,5	65,2
Регионы-середняки	42100	11,2	0.380	4,1	43,8
Регионы-аутсайдеры (Нижние-10)	25600	21,5	0,355	9,8	31,4
Отношение лидеров / аутсайдеров	3,7 раза	3,7 раза	-	3,9 раза	2,1 раза

Источник: расчёты авторов на основе данных Росстата.

не просто разница, это жизнь в совершенно разных экономических реальностях. Во-вторых, уровень бедности демонстрирует ту же пропорцию — 3,7 раза. В регионах-аутсайдерах за чертой бедности живёт почти каждый четвёртый житель (21,5%), в то время как в регионах-лидерах — лишь каждый двадцатый (5,8%). Это прямое следствие отсутствия высокооплачиваемых рабочих мест на периферии. В-третьи, важно отметить, что коэффициент Джини, показывающий внутреннее неравенство, выше всего в богатых регионах (0,415). Это ключевой момент, который означает, что в регионах-лидерах наряду с очень богатыми людьми есть и слои населения со средними и даже низкими доходами. В бедных же регионах коэффициент Джини ниже (0,355), что свидетельствует о так называемом «равенстве в бедности» — там нет большого разрыва между людьми, потому что большинство населения имеет стабильно низкие доходы. В-четвертых, разрыв в занятости — уровень безработицы в аутсайдерах почти в 4 раза выше, чем в лидерах. Это говорит о том, что в отстающих регионах проблема не только в низкой оплате труда, но и в физическом отсутствии рабочих мест. И наконец, в-пятых, неравенство в доступе к базовым благам. Разрыв в обеспеченности врачами (в 2,1 раза) показывает, что дис-

пропорции выходят далеко за рамки «кошелька». Это неравенство в качестве жизни, в доступе к качественной медицине: жители депрессивных регионов не только беднее, они имеют худший доступ к базовой социальной инфраструктуре.

Данные табл. 1 наглядно демонстрируют, что проблема региональных диспропорций — это измеримая реальность, которая проявляется в различных аспектах жизни граждан: от доходов и работы до здоровья. Этот статический срез создаёт основу для дальнейшего анализа причин (табл. 2) и динамики (табл. 3) этих диспропорций. Табл. 2 раскрывает структурные причины разрыва в уровне жизни между регионами России. Анализ показывает, что дело не просто в количестве денег, а в том, как и на чём регионы их зарабатывают.

Богатство в России имеет два источника: либо добыча сырья, либо развитый сектор услуг и технологий. Группа с высокими доходами имеет максимальные показатели именно в этих двух сферах. Классическая промышленность не гарантирует лидерства: регионы-середняки, являясь промышленным ядром страны (максимальная доля обрабатывающих производств — 18,7%), не могут догнать лидеров по уровню доходов. Существует разрыв в инвестиционной привлекательности регионов. Лидеры полу-

Таблица 2

**Структура ВРП и инвестиционная активность в регионах
с разным уровнем доходов (2023 г.)**

Table 2

GRP structure and investment activity in regions with different income levels (2023)

Группа регионов (по уровню доходов)	Доля добычи полезных ископаемых в ВРП, %	Доля обрабатывающих производств в ВРП, %	Доля высокотехнологичных отраслей и услуг в ВРП, %	Инвестиции на душу населения, тыс. рублей
Высокие доходы	25,1	12,5	45,3	480,5
Средние доходы	8,9	18,7	38,1	195,2
Низкие доходы	3,2	14,3	31,5	110,8

Источник: расчёты авторов на основе данных Росстата.

чают в 4,3 раза больше инвестиций на душу населения, чем аутсайдеры. Это создаёт «эффект колеи», где «богатые» регионы получают ресурсы для дальнейшего роста, а «бедные» остаются в «инвестиционной пустыне». У «бедных» регионов нет экономического «двигателя». Их экономическая структура размыта: низкая доля и добычи, и обработки, и современных услуг. Это говорит об отсутствии явной специализации и точек роста.

Проводя анализ по группам регионов, можно сделать следующие выводы: 1) группа «высокие доходы» (регионы-лидеры): Эта группа демонстрирует «двухкомпонентную модель» успеха. С одной стороны, это сырьевые гиганты (как ЯНАО и ХМАО), где большая доля ВРП (около 25%) формируется за счёт добычи полезных ископаемых. С другой стороны, это постиндустриальные центры (как Москва), где доминирует сектор услуг, финансов и технологий (доля 45,3%). Заоблачный уровень инвестиций (480,5 тыс. рублей) является и причиной, и следствием их богатства, позволяя реализовывать мегапроекты и притягивать лучший человеческий капитал; 2) группа «средние доходы» (регионы-середняки): это «промышленный костяк» России. Их сила — в обрабатывающих производствах (заводы, фабрики), которые дают стабильную занятость и доходы. Однако этот сектор часто сталкивается с необходимостью модерни-

зации и высокой конкуренцией, что не позволяет выйти на уровень доходов сырьевых или столичных регионов. Уровень инвестиций здесь в 2,5 раза ниже, чем у лидеров, что ограничивает возможности для качественного скачка; 3) группа «низкие доходы» (регионы-аутсайдеры) — это регионы со слабовыраженной экономической структурой. У них нет ни значимых запасов сырья (3,2% ВРП), ни мощной промышленности, ни развитого сектора услуг. Их экономика часто держится на сельском хозяйстве (которое не отражено в таблице, но подразумевается) и дотациях из федерального бюджета. Критически низкий уровень инвестиций консервирует их отсталость, не давая шансов на модернизацию и создание новых, хорошо оплачиваемых рабочих мест.

Данные табл. 2 являются доказательством гипотезы о влиянии «пространственного сжатия». Она наглядно показывает, как экономическая деятельность и, что важнее, инвестиционный капитал «сжимаются» в нескольких центрах, оставляя периферию без ресурсов. Деградация экономик малых городов и сельской местности (которые составляют основу большинства регионов-аутсайдеров) напрямую видна в их слабой и однобокой структуре ВРП. Они не могут предложить инвесторам ни сырьё, ни крупные рынки сбыта, ни квалифицированную рабочую силу, попадая в замкнутый круг отсталости. Таким образом, эта табли-

ца объясняет, почему разрыв в доходах, показанный в табл. 1, не только существует, но и имеет предпосылки для дальнейшего роста (табл. 3).

Данные табл. 3 являются доказательствами основной гипотезы исследования, которая не просто показывает статический срез неравенства, а демонстрирует его рост во времени. Если табл. 1 показала, насколько велик разрыв, а табл. 2 — почему он существует, то табл. 3 доказывает, что ситуация системно ухудшается. Данная таблица показывает, что, во-первых, неравенство растёт без остановок. Главный показатель — коэффициент фондов (отношение доходов) — постоянно увеличивался с 3,05 в 2014 г. до 3,77 в 2024 году. Это означает, что десять лет назад самые богатые регионы

были богаче самых бедных в 3 раза, а сегодня — уже почти в 4 раза. Во-вторых, богатые богатеют быстрее бедных. На первый взгляд, доходы растут у всех. Однако, за 10 лет среднедушевой доход в богатых регионах вырос на 47100 рублей, в то время как в бедных — всего на 9000 рублей. Абсолютный разрыв в доходах за это время увеличился с 37100 рублей до 75200 рублей, то есть более чем в два раза. В-третьих, политика «сглаживания» не работает. Данные наглядно показывают, что существующие механизмы перераспределения средств (дотации, субвенции) не способны переломить тенденцию. Они могут поддерживать минимальный уровень жизни в отстающих регионах, но не создают условий для их опережающего развития и сокращения разрыва.

Таблица 3

Динамика разрыва в среднедушевых доходах населения между 10% самых богатых и 10% самых бедных регионов РФ (2014–2024 гг.)

Table 3

Dynamics of the gap in average per capita income between the richest 10% and the poorest 10% of the Russian Federation regions (2014–2024)

Год	Средний доход в 10% «богатых» регионов, рублей	Средний доход в 10% «бедных» регионов, рублей	Коэффициент фондов (отношение)
2014	55200	18100	3,05
2016	61500	19800	3,11
2018	68900	21400	3,22
2020	75100	22500	3,34
2022	88400	24900	3,55
2024 (оценка)	102300	27100	3,77

Источник: расчёты авторов на основе данных Росстата.

Табл. 3 — это иллюстрация того, как работает «пространственное сжатие» на практике. Экономическая энергия и финансовые потоки концентрируются в регионах-лидерах, создавая эффект «воронки», которая ускоряет их рост. В это же время периферия, лишённая инвестиций и человеческого капитала, в лучшем случае стагнирует, а в относительном выражении — деградирует. Таким образом, динамика, представленная в табл. 3, — это оценка существующей модели пространственного развития, которая доказывает, что без кардинально-

го изменения региональной политики, направленного на создание реальных источников роста на периферии, социальная и экономическая пропасть между регионами России будет углубляться, что несёт прямые риски для целостности и стабильности страны.

**Основные выводы
и обсуждение результатов**

Настоящее исследование показывает, что существующие подходы обладают сле-

дующими ограничениями. Многие авторы сходятся во мнении, что текущая региональная политика носит преимущественно компенсаторный характер (через трансферты и субсидии) и не решает структурных проблем. Это ограничивает эффективность предложенных решений, поскольку они направлены на сглаживание, а не на устранение первопричин отставания. В работах отмечается, что государственная политика часто игнорирует внутренние импульсы развития регионов, делая ставку на внешние инвестиции, которые, в свою очередь, концентрируются в уже развитых точках (агломерациях). Такое ограничение не позволяет регионам-аутсайдерам использовать свой потенциал. В противовес политике «выравнивания», некоторые авторы призывают к «поляризованному» развитию, стимулирующему точки роста. Однако чрезмерная концентрация ресурсов может окончательно «обезлюдить» огромные пространства страны и усугубить эффект «пространственного сжатия», который уже наблюдается.

Различные исследования акцентируют внимание на отдельных, хотя и важных, факторах, определяющих уровень жизни, что может ограничивать комплексность картины: подчёркивают ключевую роль структуры экономики; фокусируются на неустойчивой занятости с низкими заработками; указывают на значимость бюджетной обеспеченности регионов. Авторы данной статьи, используя кластерный анализ и эконометрическое моделирование, пытаются преодолеть эти ограничения, комплексно связывая структурные факторы (добыча сырья, услуги) с инвестициями и динамикой доходов.

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы: 1) стагнация среднего уровня жизни в РФ действительно во многом является следствием углубляющегося разрыва между несколькими центрами роста и обширной периферией; 2) различия в уровне жизни обусловлены не временной конъюнктурой, а фундаментальными различиями в структуре экономики, инвестиционной привлекательности и качестве че-

ловеческого капитала; 3) политика «выравнивания» через бюджетные трансферты помогает решать текущие проблемы сбалансированности бюджетов, но не устраняет первопричины отставания.

Результаты проведённого анализа иллюстрируют парадокс «пространственного сжатия» в российских условиях. С одной стороны, развитие технологий и транспортных сетей должно «сжимать» пространство, делая его более однородным и доступным. На практике же мы наблюдаем обратный эффект: усиление поляризации. Экономическое пространство не сжимается равномерно, а скорее «схлопывается» вокруг нескольких точек-агломераций, высасывая ресурсы и человеческий капитал с обширной периферии. Наши кластеры и эконометрическая модель подтверждают выводы ведущих отечественных экономико-географов о резком контрасте между кластерами «федеральных центров» и «депрессивных регионов». Выявленная сильная положительная связь между доходами и инвестициями, а также структурой ВРП (в пользу сырьевого или постиндустриального сектора) доказывает, что в России работает механизм «богатые становятся богаче».

Ключевым элементом обсуждения является деградация периферийных территорий. Именно они оказываются в основном проигрыше. Не обладая столичным административным ресурсом или сырьевыми сверхдоходами, они теряют свою промышленную базу, а вместе с ней — рабочие места и основу для существования. Это запускает цепную реакцию: отток молодёжи, старение населения, упадок социальной сферы, что делает эти территории ещё менее привлекательными для жизни и инвестиций. Таким образом, стагнация общероссийского уровня жизни — это не статистический феномен, а следствие угасания сотен локальных экономик.

Рост центральных регионов, таких как Москва, не является линейным. Он подчиняется законам агломерационного эффекта, где концентрация фирм и квалифицированных кадров создаёт положительные экстерналии (внешние эффекты): возника-

ет более плотный рынок труда, ускоряется обмен знаниями, снижаются транзакционные издержки. Это делает агломерацию ещё более привлекательной, запуская новый виток притяжения ресурсов. Фактически, мы наблюдаем создание «гравитационной воронки», которая активно «высасывает» самый ценный ресурс — человеческий капитал — из остальной страны, обрекая периферию на долгосрочное отставание.

Данные таблиц 1, 2, 3 подтверждают гипотезу: разрыв между полюсами социально-экономического развития не только велик, но и имеет тенденцию к нарастанию. Глубокое экономическое расслоение пространства имеет далеко идущие неэкономические последствия. Оно подрывает социальное доверие и чувство национальной общности, формируя у жителей разных регионов ощущение жизни в «разных странах». Это создаёт риски для политической стабильности, питая региональный эгоизм у «доноров» и иждивенческие настроения у реципиентов.

На основе проведённого исследования выработаны следующие рекомендации по совершенствованию государственной политики: 1) переход к «умной специализации». Вместо универсальных мер поддержки необходимо стимулировать регионы к поиску и развитию локальных конкурентных преимуществ. Для одного региона это может быть туризм, для другого — глубокая переработка сельхозпродукции, для третьего — IT-кластер; 2) программа развития малых и средних городов (которые составляют основу большинства регионов-аутсайдеров). Необходима отдельная федеральная программа, направленная на диверсификацию экономики моногородов, поддержку местного предпринимательства, создание комфортной городской среды и модернизацию социальной инфраструктуры. Это позволит замедлить отток населения в агломерации; 3) инфраструктурная связность. Приоритетное развитие транспортных коридоров «Запад-Восток» и «Север-Юг», а также цифровой инфраструктуры (высокоскоростной интернет) на периферии. Это базовое условие для

преодоления пространственной изоляции и включения отстающих регионов в экономическую жизнь страны; 4) корректировка межбюджетных отношений. Необходимо создать стимулы для регионов к наращиванию собственной налоговой базы²; 5) адресная поддержка человеческого капитала: запуск программ по привлечению и удержанию квалифицированных специалистов (врачей, учителей, инженеров) в отстающих регионах через предоставление жилья, повышенных зарплат и грантов на развитие («Земский доктор 2.0»). Реализация этих мер позволит перейти от простого сглаживания неравенства к созданию реальных источников внутреннего роста на всей территории страны, тем самым противодействуя негативным последствиям «пространственного сжатия».

Результаты проведённого анализа глубины и ключевых факторов региональных диспропорций в уровне жизни (2014–2024 гг.) могут быть использованы органами государственной власти (федеральными и региональными) для кардинальной корректировки региональной и пространственной политики при разработке новой модели пространственного развития, реализация целевых программ, корректировка межбюджетных отношений. Результаты могут также служить основой для углублённого анализа механизмов концентрации капитала и человеческих ресурсов, а также для исследования долгосрочных неэкономических последствий расслоения пространства, таких как снижение социального доверия и угроза национальной целостности.

Проблема нарастающих региональных диспропорций и негативных последствий «пространственного сжатия» является одним из центральных вызовов для долгосрочного устойчивого развития России. Проведённое исследование, основанное на сочетании теоретического анализа,

² Например, можно оставлять в региональных бюджетах большую долю собираемых федеральных налогов, увязав это с достижением конкретных KPI по росту инвестиций и созданию качественных рабочих мест

кластеризации и эконометрического моделирования за период 2014–2024 гг., подтверждает гипотезу: стагнация среднего уровня жизни в стране и усугубление неравенства напрямую связаны с системной деградацией экономик малых и средних городов и сельских территорий. Экономическое пространство России представляет собой «архипелаг» из нескольких процветающих «островов» (столичные агломерации и сырьевые экспортёры) в «океане» стагнирующей или деградирующей периферии. Этот разрыв носит не случайный, а структурный характер, поддерживаемый самовоспроизводящимися механизмами концентрации капитала и квалифицированных кадров.

Простые финансовые вливания в рамках политики «выравнивания» способны лишь

временно сгладить наиболее острые социальные проблемы, но не решают их в корне. Необходим фундаментальный сдвиг парадигмы региональной политики — от пассивной поддержки к активному стимулированию внутреннего развития. Это подразумевает создание реальных экономических стимулов для диверсификации, развитие инфраструктуры, связывающей пространство, и, что самое главное, инвестиции в человеческий капитал на всей территории страны. Без создания достойных условий жизни и самореализации за пределами крупных агломераций Россия рискует столкнуться с дальнейшим демографическим опустошением огромных территорий, что является прямой угрозой её национальной безопасности.

Литература и Интернет-источники

1. **Минакир, П.А.** Российское экономическое пространство: стратегические тупики / П.А. Минакир // Экономика региона. — 2019. — Т. 15. — № 4. — С. 967–980. DOI: 10.17059 / 2019-4-1; EDN: YPKOUK
2. **Дохолян, С.В.** Механизм устойчивого социально-экономического развития проблемных регионов / С.В. Дохолян // Региональные проблемы преобразования экономики. — 2022. — № 9(143). — С. 27–35. DOI: 10.26726 / 1812-7096-2022-9-27-35; EDN: UIUXWO
3. **Бобков, В.Н.** Неустойчивая занятость — глобальная проблема современности: как снизить ее масштабы в России? / В.Н. Бобков, Е.В. Одинцова, В.В. Коваленко // Проблемы прогнозирования. — 2020. — № 3(180). — С. 93–100. EDN: MAHOFW
4. **Минаков, А.В.** Модель оценки долгосрочной финансовой устойчивости регионов России / А.В. Минаков, Т.Н. Агапова // Вестник Московского университета МБД России. — 2022. — № 3. — С. 344–351. DOI: 10.24412 / 2073-0454-2022-3-344-351; EDN: TLGSKI
5. **Гранберг, А.Г.** Стратегия территориального социально-экономического развития России: от идеи к реализации / А.Г. Гранберг // Вопросы экономики. — 2001. — № 9. — С. 9–15. EDN: MZYTKH
6. **Рязанцев, С.В.** Трудовая миграция в Россию: мифы и контраргументы / С.В. Рязанцев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. — 2018. — Т. 26. — № 4. — С. 718–729. DOI: 10.22363 / 2313-2329-2018-26-4-718-729; EDN: ZAQDFR
7. **Лавровский, Б.Л.** Особенности государственного управления пространственным развитием России / Б.Л. Лавровский, Е.А. Горюшкина // Вестник Российской академии наук. — 2017. — Т. 87. — № 8. — С. 725–733. DOI: 10.7868 / S0869587317080060; EDN: ZBBDL
8. **Дохолян, С.В.** Обеспечение эффективности функционирования продовольственного рынка региона в условиях конкурентной среды / С.В. Дохолян, М.Л. Вартанова // Российское предпринимательство. — 2016. — Т. 17. — № 17. — С. 2153–2178. DOI: 10.18334 / rp.17.17.36538; EDN: WLYYKN
9. **Дохолян, С.В.** Региональный подход к реализации концепции устойчивого социально-экономического развития / С.В. Дохолян // Региональные проблемы преобразования экономики. — 2022. — № 8 (142). — С. 50–56. DOI: 10.26726 / 1812-7096-2022-8-50-56; EDN: LJTGSK

10. **Лексин, В.Н.** Дороги, которые не мы выбираем (о правительственной «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года») / В.Н. Лексин // Российский экономический журнал. — 2019. — № 3. — С. 3–24. DOI: 10.33983 / 0130-9757-2019-3-3-2; EDN: ZCPKNS
11. **Андреева Е.И.** Эффективность региональных политик социальной поддержки населения / Е.И. Андреева, Д.Г. Бычков, О.А. Феоктистова // Проблемы прогнозирования. — 2021. — № 5 (188). — С. 101–110. DOI: 10.47711 / 0868-6351-188-101-110; EDN: BDGVWQ
12. **Орешин, В.П.** Методология стратегического планирования экономики / В.П. Орешин // Труд и социальные отношения. — 2020. — Т. 31. — № 2. — С. 5–14. DOI: 10.20410 / 2073-7815-2020-31-2-5-14; EDN: ZFSUVI
13. **Плисецкий, Е.Л.** Трансформация экономического пространства России в контексте новой региональной политики / Е.Л. Плисецкий // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. — 2023. — № 4(76). — Статья № 33. EDN: KDMNSV
14. **Акбердина, В.В.** Региональные аспекты индустриального развития: обзор подходов к формированию приоритетов и механизмов регулирования / В.В. Акбердина, О.А. Романова // Экономика региона. — 2021. — Т. 17. — № 3. — С. 714–736. DOI: 10.17059 / ekon.reg.2021-3-1; EDN: MPMMTQ
15. **Аганбегян, А.Г.** Россия: от стагнации к устойчивому социально-экономическому росту / А.Г. Аганбегян // Научные труды Вольного экономического общества России. — 2022. — Т. 237. — № 5. — С. 310–362. DOI: 10.38197 / 2072-2060-2022-237-5-310-362; EDN: SLPFNB

Сведения об авторах:

Дохолян Сергей Владимирович, д.э.н, проф., главный научный сотрудник, зав. лабораторией, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: sergsvd@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4609-448X; РИНЦ SPIN-код: 6492-9940.

Вершинина Мария Александровна, научный сотрудник, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: marieversh@gmail.com; ORCID: 0000-0002-5703-0775; РИНЦ SPIN-код: 3616-6221.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-117-128

THE IMPACT OF «SPATIAL COMPRESSION» ON LIVING STANDARDS: ANALYSIS OF REGIONAL DISPARITIES

Sergey V. Dokholyan*, Maria A. Vershinina

ISESP FCTAS RAS

(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)

**E-mail: sergsvd@mail.ru*

For citation:

Dokholyan S. V., Vershinina M. A. The impact of «spatial compression» on living standards: analysis of regional disparities. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 4. P. 117-128. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-117-128 (in Russ.)

Abstract. *The article examines the phenomenon of «spatial compression» and its impact on regional disparities in the living standards of the population of Russia. The problem of increasing regional differentiation of the living standards is one of the most acute challenges for modern Russia. The phenomenon of «spatial compression», instead of equalizing opportunities, paradoxically increases polarization, concentrating capital and resources in several agglomerations. This leads to stagnation*

of the national standards of living and poses threats to the social stability and unity of the country. The purpose of the study is to conduct a comprehensive analysis of the depth and identify the key factors of regional disparities in the living standards of the Russian population for the period 2014–2024, as well as to test the hypothesis that the main contribution to this inequality is made by decline of the economies of the peripheral territories. The study uses an integrated approach combining general scientific principles with specific statistical methods. In particular, a systematic approach, methods of comparative and statistical analysis, and the Case Study method. Cluster analysis (k-means method) was applied, and econometric modeling (multiple regression on panel data) was performed. Results: The conducted research confirms that the «spatial compression» in Russian conditions leads to a deepening of the socio-economic inequality. Overcoming the negative trends requires transition to a new, more balanced model of spatial development, focused on unlocking the internal potential of each region and creating equal opportunities for all citizens of the country. The existing model of spatial development has exhausted itself. It is necessary to move from the policy of «equalization» to a strategy of stimulating the internal potential of regions based on «smart specialization» and infrastructure development to ensure a balanced and sustainable growth throughout the country.

Keywords: regional differentiation, standards of living, spatial compression, polarization of space, regional disparities, peripheral territories.

References and Internet sources

1. Minakir P. A. Rossiyskoye ekonomicheskoye prostranstvo: strategicheskiye tupiki [Russian economic space: strategic impasses]. *Ekonomika regiona [Economy of Regions]*. 2019. Vol. 15. No. 4. P. 967–980. DOI: 10.17059/2019-4-1 (in Russ.)
2. Dokholyan S. V. Mekhanizm ustoychivogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya problemnykh regionov [Mechanism of sustainable socio-economic development of problem regions]. *Regional'nyye problemy preobrazovaniya ekonomiki [Regional Problems of Economic Transformation]*. 2022. No. 9(143). P. 27–35. DOI: 10.26726/1812-7096-2022-9-27-35 (in Russ.)
3. Bobkov V. N., Odintsova E. V., Kovalenko V. V. Neustoychivaya zanyatost' – global'naya problema sovremennosti: kak snizit' yeye masshtaby v Rossii? [Precarious employment is a global problem of modernity: how can its scale be reduced in Russia?]. *Problemy prognozirovaniya [Studies on Russian Economic Development]*. 2020. No. 3(180). P. 93–100. (in Russ.)
4. Minakov A. V., Agapova T. N. Model' otsenki dolgosrochnoy finansovoy ustoychivosti regionov Rossii [Model of assessment of the long-term financial stability of Russian regions]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*. 2022. No. 3. P. 344–351. DOI: 10.24412/2073-0454-2022-3-344-351 (in Russ.)
5. Granberg A. G. Strategiya territorial'nogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossii: ot idei k realizatsii [Strategy of territorial socio-economic development of Russia: from idea to implementation]. *Voprosy ekonomiki [Issues of Economics]*. 2001. No. 9. P. 9–15. (in Russ.)
6. Ryazantsev S. V. Trudovaya migratsiya v Rossiyu: mify i kontrargumenty [Labor migration to Russia: myths and counterarguments]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Ekonomika [RUDN Journal of Economics]*. 2018. Vol. 26. No. 4. P. 718–729. DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-4-718-729 (in Russ.)
7. Lavrovsky B. L., Goryushkina E. A. Osobennosti gosudarstvennogo upravleniya prostranstvennym razvitiyem Rossii [Characteristic features of government control over Russia's spatial development]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk [Herald of the Russian Academy of Sciences]*. 2017. Vol. 87. No. 8. P. 725–733. DOI: 10.7868/S0869587317080060 (in Russ.)
8. Dokholyan S. V., Vartanova M. L. Obespecheniye effektivnosti funktsionirovaniya prodovol'stvennogo rynka regiona v usloviyakh konkurentnoy sredy [Ensuring of an efficient functioning of the food market in the conditions of a competitive environment].

- Rossiyskoye predprinimatel'stvo [Russian Entrepreneurship]. 2016. Vol. 17. No. 17. P. 2153–2178. DOI: 10.18334/rp.17.17.36538 (in Russ.)
9. Dokholyan S. V. Regional'nyy podkhod k realizatsii kontseptsii ustoychivogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya [Regional approach to implementation of the concept of sustainable socio-economic development]. Regional'nyye problemy preobrazovaniya ekonomiki [Regional Problems of Economic Transformation]. 2022. No. 8(142). P. 50–56. DOI: 10.26726/1812-7096-2022-8-50-56 (in Russ.)
 10. Leksin V. N. Dorogi, kotoryye ne my vybirayem (o pravitel'svennoy «Strategii prostranstvennogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda») [The roads that we do not choose (on the government «Strategy of Spatial Development of the Russian Federation for the period up to 2025»)]. Rossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal [Russian Economic Journal]. 2019. No. 3. P. 3–24. DOI: 10.33983/0130-9757-2019-3-3-3-2 (in Russ.)
 11. Andreeva E. I., Bychkov D. G., Feoktistova O. A. Effektivnost' regional'nykh politik sotsial'noy podderzhki naseleniya [Efficiency of regional social assistance policies]. Problemy prognozirovaniya [Studies on Russian Economic Development]. 2021. No. 5 (188). P. 101–110. DOI: 10.47711/0868-6351-188-101-110 (in Russ.)
 12. Oreshin V. P. Metodologiya strategicheskogo planirovaniya ekonomiki [The methodology of strategic economic planning]. Trud i sotsial'nyye otnosheniya [Labor and Social Relations]. 2020. Vol. 31. No. 2. P. 5–14. DOI: 10.20410/2073-7815-2020-31-2-5-14 (in Russ.)
 13. Plisetsky E. L. Transformatsiya ekonomicheskogo prostranstva Rossii v kontekste novoy regional'noy politiki [Transformation of Russian economic space in the context of a new regional policy]. Regional'naya ekonomika i upravleniye: elektronnyy nauchnyy zhurnal [Regional Economics and Management]. Electronic scientific journal. 2023. No. 4 (76). Art. 33. (in Russ.)
 14. Akberdina V. V., Romanova O. A. Regional'nyye aspekty industrial'nogo razvitiya: obzor podkhodov k formirovaniyu prioritetov i mekhanizmov regulirovaniya [Regional industrial development: review of approaches to regulation and determining of priorities]. Ekonomika regiona [Economy of Regions]. 2021. Vol. 17. No. 3. P. 714–736. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-3-1 (in Russ.)
 15. Aganbegyan A. G. Rossiya: ot stagnatsii k ustoychivomu sotsial'no-ekonomicheskomu rostu [Russia: from stagnation to sustainable socio-economic growth]. Nauchnyye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii [Scientific Papers of the Free Economic Society of Russia]. 2022. Vol. 237. No. 5. P. 310–362. DOI: 10.38197/2072-2060-2022-237-5-310-362 (in Russ.)

Information about authors:

Dokholyan Sergey Vladimirovich, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Head of Laboratory, ISESP FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: sergsvd@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4609-448X; Elibrary SPIN-code: 6492–9940.

Vershinina Maria Alexandrovna, Researcher, ISESP FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: marieversh@gmail.com; ORCID: 0000-0002-5703-0775; Elibrary SPIN-code: 3616–6221.

Статья поступила в редакцию 15.08.2025, утверждена 10.11.2025, опубликована 30.12.2025.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-129-143
EDN: TMEVMF

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ СЕЛЬСКОГО И ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: СРАВНЕНИЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНТЕГРАЛЬНОГО ИНДИКАТОРА

Шабанов В.Л.

Саратовский научный центр РАН, Институт аграрных проблем
(410012, Россия, Саратов, ул. Московская, 94),

Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н.Г. Чернышевского
(410012, Россия, Саратов, ул. Астраханская, 83)

E-mail: vic35@inbox.ru

Для цитирования:

Шабанов В.Л. Качество жизни сельского и городского населения России: сравнение с использованием интегрального индикатора // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 4. — С. 129-143. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-4-129-143; EDN: TMEVMF

Аннотация. Современная трактовка качества жизни как многоаспектной характеристики, связанной с благополучием, актуализирует разработку статистически обоснованных методик построения интегральных и частных индикаторов, применимых к решению задач сравнительного анализа. Цель исследования — получить формализованные оценки различий качества жизни сельского и городского населения России и её регионов на примере Приволжского федерального округа и выявить показатели, вносящие в различия наибольший вклад. Выбранные аспекты (благополучие, жильё, инфраструктура, социальные характеристики, досуг) конкретизированы блоками показателей Росстата из Комплексного наблюдения условий жизни населения (КОУЖ) за 2022 год. Основной метод исследования — компонентный анализ, применяемый к каждому блоку, с выделением главных компонент в качестве частных индикаторов и их линейной комбинацией в интегральный индикатор. Получены оценки отставания качества жизни сельского населения от городского в целом и по отдельным аспектам. Наибольший вклад в отставание вносят факторы доступности и качества услуг, наличия и удовлетворённости работой, использования Интернета, дорогостоящего потребления. Одновременно с этим сельское население выше оценивает состояние экологии и безопасности и активнее использует альтернативные источники коммунальных благ, самостоятельно решая проблему повышения благоустройства жилья. Установлено, что качество жизни городского населения сильнее, чем сельского, связано с объективными показателями социально-экономического развития региона. Состояние АПК остаётся важным фактором качества жизни в селе. Драйверами роста качества жизни могут стать поддержка человеческого потенциала, занятости и предпринимательства, развитие инфраструктуры в сельской местности. Результаты исследования будут полезны при решении задач формализованной оценки и сравнительного анализа социальных явлений и процессов.

Ключевые слова: качество жизни, интегральный индикатор, метод главных компонент, домохозяйство, город, село, регионы, межрегиональные сравнения.

Введение

Актуальность сравнительного анализа качества жизни отдельных групп населения определяется необходимостью получать научно-обоснованные оценки и выявлять причины различий для принятия адекватных управленческих решений в сфере социальной политики. Современные концепции качества жизни являются результатом развития подходов, сложившихся в 1960-е гг. и отражавших новое его понимание как многоаспектной, а не только экономической, характеристики благополучия. Стала осознаться необходимость расширения системы показателей качества жизни за счет субъективно-оценочных, определяющих степень доступности и удовлетворённости потребляемых благ [1; 2]. К настоящему времени в научной литературе сложилось представление о том, какие общие аспекты следует ассоциировать с качеством жизни. Чаще всего ими становятся: условия жизни, из которых выводится благополучие семьи и отдельного индивида, характеристики, способствующие благополучию (материальное положение, состояние здоровья, уровень образования, наличие работы), возможности (финансовые и физические; самореализации; личностного, социального, профессионального роста; проведения качественного досуга), эмоциональное состояние (удовлетворённость различными сторонами жизни, широта социальных связей) [3–5].

Сельское и городское сообщества часто становятся объектами сопоставлений в исследованиях качества жизни: отдельным его аспектам посвящена обширная научная литература — доходам и бедности [6], здоровью [7], занятости и безработице [8]. Отметим работу [9], посвящённую сравнению городского и сельского качества жизни, определяемого интегрально на основе субъективных оценок респондентов. В ней приводятся результаты исследований, показывающих превышение качества жизни сельского населения над городским в экономически развитых странах по таким показателям, как состояние среды обитания, здо-

ровье, безопасность. Можно ожидать, что и в России значения отдельных компонент качества жизни будут выше в селе, хотя общая картина, скорее всего, останется в пользу города; на формализованное сравнение и выявление факторов отставания сельского качества жизни от городского нацелено настоящее исследование.

Интегральные индикаторы предоставляют новые возможности в сферах сравнительного анализа, эконометрических исследований, построения классификаций. Отметим две работы [10; 11]: в первой посредством эконометрического анализа получена оценка связи между интегральным индикатором качества жизни и валовым региональным продуктом в субъектах РФ, во второй анализируется зависимость качества жизни от показателей человеческого потенциала, инноваций, транспортной инфраструктуры региона и др. и делается прогноз. Также в ней проводится классификация регионов Центрального федерального округа путём ранжирования по интегральному индикатору качества жизни и отдельным его составляющим.

Разнообразие и большой объём статистической базы, используемой в современных исследованиях качества жизни, инициировали появление «композиционного» концептуального подхода, основанного на использовании интегральных индикаторов. Одним из распространённых инструментов их построения является компонентный анализ, применение которого основано на положении, что более информативными для интегральной характеристики, а, следовательно, более весомыми при её построении, являются показатели, демонстрирующие большую вариабельность [12]. Получаемые веса определяют информативность показателя, но не оценку его содержательной роли в понимании интегральной характеристики — компонентный анализ строится на различении объектов в процессе выделения направлений максимальной дисперсии. Применительно к интегральному индикатору качества жизни это означает, что, например, всеобщая доступность важнейших в содержательном смысле благ (вода

и подобное) делает его обладателей статистически неразличимыми, а соответствующий показатель — неинформативным для оценок. В настоящем исследовании посредством компонентного анализа были получены статистически обоснованные весовые коэффициенты, оценивающие информативность соответствующих показателей в формировании интегрального индикатора качества жизни; оценка содержательной роли показателей является задачей экспертного анализа, выходящей за рамки исследования.

Методология, данные и методика исследования

Методологией исследования является формализованный сравнительный анализ на базе интегрального индикатора, полученного агрегированием большого числа показателей, ассоциированных с пятью аспектами качества жизни — благоустройством жилья, благосостоянием домохозяйства, состоянием внешней среды проживания, социальными характеристиками индивида и используемыми формами досуга. Выбор перечисленных аспектов обусловлен теоретическими разработками учёных и их представленностью в источнике данных исследования — Комплексном наблюдении условий жизни населения по итогам 2022 г. (КОУЖ), проводимом Росстатом¹. Конкретные показатели, отобранные для анализа, присутствуют в разных разделах КОУЖ; это распределение по разделам было сохранено при формировании смысловых блоков переменных, и последующий анализ парных корреляций проводился между переменными, входящими в один блок. Этим была усилена содержательная сторона при формальном анализе корреляционных связей.

Выборка из базы КОУЖ, сформированная для анализа (N=59994), включала данные по домохозяйствам, находящимся в 82 субъектах РФ, охваченных обследованием. Показатели, характеризующие благоустройство жилья и благосостояние семьи, фор-

мировались из ответов глав домохозяйств на «вопросник для домохозяйства»; индивиды 15 лет и старше ответами на «индивидуальный вопросник» формировали показатели, отражающие остальные три аспекта качества жизни. Для образования единой выборки данные по индивидам приводились к уровню домохозяйств усреднением их ответов на число членов домохозяйства, в составе которого они учитывались.

Все показатели относились к порядковой или категориальной шкале и были дихотомизированы — каждый из них был представлен в форме одной или нескольких бинарных переменных. Преобразование показателей, заданных порядковой шкалой, осуществлялось путём объединения всех положительных и отрицательных мнений в две группы, интерпретируемые как удовлетворённость или неудовлетворённость благом. Дихотомизированные категориальные переменные характеризовали наличие или отсутствия блага. Для смысловой сопоставленности каждой бинарной переменной с качеством жизни единицей обозначалось наличие / удовлетворённость благом, нулем — отсутствие / неудовлетворённость. Все образованные бинарные переменные были распределены по пяти блокам, соответствующим пяти выделенным аспектам качества жизни и составляющим пять различных разделов КОУЖ (столбец 1 табл. 1). Дихотомизация неметрических переменных — приведение к предельно простой бинарной форме — позволила избежать проблемы шкалирования ответов в вопросах на мнение [13], сделав корректным их дальнейшее преобразование в метрические путём сложения и усреднения. Применимость компонентного анализа к преобразованным таким способом переменным была подтверждена критериями выборочной адекватности Кайзера-Мейера-Олкина и сферичности Бартлетта.

Интегральный индикатор IQL строился в аддитивной форме — как линейная комбинация l переменных, отражающих выделенные аспекты качества жизни ($l=5$):

$$IQL = \sum_{i=1}^l a_i \cdot U_i, \quad (1)$$

¹ Комплексное наблюдение условий жизни населения 2022. — URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2022/index.html (дата обращения: 15.10.2024).

где a_i — весовые коэффициенты, U_i — переменные, формализующие аспекты. Таким образом, построение IQL сводится

к формализации аспектов и нахождению весовых коэффициентов статистически обоснованными способами.

Таблица 1

Бинарные переменные пяти смысловых блоков, сформировавшие наборы, и обобщённые переменные, рассчитанные на их основе

Table 1

The binary variables of 5 semantic blocks formed sets, and the generalized variables calculated based on them

Бинарные переменные	Обобщённые переменные
БЛОК 1. Благоустройство жилья	
Наличие централизованной подачи отопления / канализации / горячего водоснабжения. Отсутствие засоров / перебоев / слабого напора	$X_1^{(1)}$
Наличие централизованного водоснабжения, отсутствие перебоев/слабого напора/протечек	$X_2^{(1)}$
Отсутствие проблем с подачей электроэнергии	$X_3^{(1)}$
Наличие внутри квартиры: ванны (душа) / туалета / газа (или отсутствие потребности в нём)	$X_4^{(1)}$
Удовлетворительное состояние крыши дома / стен / фундамента / подвала	$X_5^{(1)}$
Наличие индивидуального доступа к водоснабжению / горячей воде / канализации / отоплению	$X_6^{(1)}$
БЛОК 2. Благополучие домохозяйства	
Удовлетворённость доходом. Наличие финансовой возможности оплачивать неожиданные траты / покупать мебель / проводить отпуск вне дома / легко сводить концы с концами	$X_1^{(2)}$
Наличие финансовой возможности приобрести стационарный компьютер / планшет / доступ в Интернет / спутниковую антенну	$X_2^{(2)}$
Наличие финансовой возможности оплачивать покупку лекарств / новой одежды / обуви / продуктов питания животного происхождения / фруктов / приём гостей	$X_3^{(2)}$
Наличие финансовой возможности купить автомобиль	$X_4^{(2)}$
БЛОК 3. Внешняя среда проживания	
Удовлетворённость торговым / бытовым обслуживанием, ассортиментом товаров и услуг / их качеством / ценами	$X_1^{(3)}$
Доступность в населённом пункте услуг медицинского обслуживания / дошкольного и школьного образования / оформления документов. Большая отдалённость в населённом пункте торговых точек / аптек	$X_2^{(3)}$
Отсутствие в населённом пункте проблем с преступностью / вандализмом / распространением наркотиков / алкоголизмом / загрязненностью окружающей среды	$X_3^{(3)}$
Отсутствие в населённом пункте проблем с отдалённостью учреждений культуры / мест проведения досуга / объектов для занятий спортом	$X_4^{(3)}$
Отсутствие в населённом пункте проблем с организацией работы жилищно-коммунальных служб / общественного транспорта. Отсутствие общей неблагоустроенности / плохого состояния дорог	$X_5^{(3)}$
БЛОК 4. Работа и социально значимые характеристики индивида	
Наличие работы. Удовлетворённость заработком / надёжностью работы / рабочими обязанностями / режимом работы / условиями труда / расстоянием до работы / в профессиональном отношении / в моральном отношении	$X_1^{(4)}$

Продолжение таблицы 1

Бинарные переменные	Обобщённые переменные
Частота выхода в Интернет — ежедневная. Цель выхода в Интернет — получение информации / поиск товаров / финансовые операции / чтение новостей	$X_2^{(4)}$
Работа лёгкая / совершенно безопасная / не связанная с нервным напряжением / с вредными факторами / с неудобствами	$X_3^{(4)}$
Наличие высшего образования. Цель выхода в Интернет — работа / поиск вакансий / клиентов / дистанционное обучение / использование библиотек	$X_4^{(4)}$
Здоровье хорошее или очень хорошее. Отсутствие хронических болезней	$X_5^{(4)}$
БЛОК 5. Общественная и досуговая активность	
Цель выхода в Интернет — общение в социальных сетях / обсуждение социально-политических вопросов. Посещение кинотеатра / спортивного мероприятия / ресторана. Занятия организованным спортом. Туристическая поездка (в течение последнего года)	$X_1^{(5)}$
Посещение музея / театра / концерта / церкви. Занятия живописью / литературой / музыкой	$X_2^{(5)}$
Членство в добровольных / общественных / благотворительных организациях	$X_3^{(5)}$

Источник: расчёты автора.

Формирование U_i было проведено в два этапа. На первом этапе в каждом блоке выделялись наборы тех бинарных переменных, которые связаны значимой положительной зависимостью. Учитывая их содержательный смысл, зависимость между ними означает, что наличие / удовлетворённость одним благом с высокой вероятностью влечёт за собой также и наличие / удовлетворённость другим. Число наборов в каждом блоке определялось, исходя из необходимости обеспечить высокую скоррелированность переменных внутри наборов и чётко обозначить смысловую интерпретацию каждого набора. Чем выше была положительная тетракорическая корреляция между каждой парой бинарных переменных, включённых в набор, тем ниже оказывалась потеря информации о них после их дальнейшего суммирования и усреднения в наборе. По результатам данного преобразования были получены обобщённые переменные, которые по построению имели единый масштаб и смысл: каждая из них менялась в пределах от 0 до 1 и отражала долю благ в соответствующем наборе, которые имелись в домохозяйстве / домохозяйства были удовлетворены.

На втором этапе агрегирования все обобщённые переменные составили базу для

проведения компонентного анализа «по-блочным» методом. Подробно метод изложен в публикациях [14–16], конкретика реализации — в работе [17]. В настоящем исследовании реализация метода, повышающая его строгость, отличается: а) предварительной дихотомизацией переменных с последующим отбором для сложения и усреднения тех из них, которые оказывались более скоррелированными — близость проверялась анализом парных корреляций; б) использованием домохозяйств, а не регионов, в качестве единиц анализа. Суть метода состоит в следующем. Для каждого блока обобщённых переменных рассчитывается матрица ковариаций, и компонентный анализ проводится на её основе. Прежде всего решается задача на собственные значения $\lambda_1^{(i)} > \lambda_2^{(i)} > \dots > \lambda_{m_i}^{(i)} > 0$, где i — номер блока, m_i — число обобщённых переменных в i -м блоке. Если не выполняется условие

$$\frac{\lambda_1^{(i)}}{\sum_{j=1}^{m_i} \lambda_j^{(i)}} > 0,5, \quad (2)$$

то число обобщённых переменных в i -м блоке снижается путём нового перераспределения бинарных переменных для

укрупнения наборов и уменьшения их количества. Процедура на основе пересчитанных обобщённых переменных повторяется до выполнения условия (2). После этого из каждого i -го блока переменных извлекается «нормированная главная компонента» [14] — блочный (или частный) индикатор U_i :

$$U_i = \sum_{j=1}^{m_i} b_j^{(i)} \cdot X_j^{(i)}, \quad (3)$$

где $X_j^{(i)}$ — итоговая j -я обобщённая переменная i -го блока, $b_j^{(i)}$ — весовые коэффициенты, определяемые по элементам собственного вектора, соответствующего первому собственному значению матрицы ковариаций обобщённых переменных i -го блока, m_i — число обобщённых переменных в i -м блоке. Интегральный индикатор качества жизни рассчитывается по формуле (1) — сложением всех частных индикаторов U_i с весами a_i , пропорциональными их дисперсиям.

Использование обобщённых переменных, сформированных на основе бинарных, позволяет сжать информацию до понятных 5–8 факторов — сильнее, чем позволяет сжать «обычное» применение компонентного анализа к достаточно большому массиву. Естественно, что чем меньше количество обобщённых переменных, тем больше теряется информации при их формировании. Если выполнение условия (2) требует суммирования большого количества бинарных переменных, в том числе слабо коррелирующих с остальными, то необходим пересмотр базы данных и уточнение входящих в неё показателей.

Результаты

В 1-м столбце табл. 1 представлены выбранные априори и распределённые по 5 смысловым блокам бинарные переменные. Их группировка в наборы проведена по результатам анализа парных корреляций внутри каждого блока и с учетом критерия (2). Очевидно, статистически близкими оказывались бинарные переменные, связанные по смыслу. Это даёт возможность

содержательно интерпретировать обобщённые переменные, рассчитанные на их основе путём суммирования и усреднения. Обобщённые переменные каждого блока составили базу для проведения компонентного анализа. Последовательное применение компонентного анализа к обобщённым переменным каждого блока привело к формированию частных индикаторов U_1 – U_5 :

$$U_1 = 0,307X_1^{(1)} + 0,198X_2^{(1)} + 0,112X_3^{(1)} + 0,134X_4^{(1)} + 0,064X_5^{(1)} + 0,185X_6^{(1)} \quad (4)$$

$$U_2 = 0,244X_1^{(2)} + 0,132X_2^{(2)} + 0,127X_3^{(2)} + 0,497X_4^{(2)} \quad (5)$$

$$U_3 = 0,086X_1^{(3)} + 0,212X_2^{(3)} + 0,095X_3^{(3)} + 0,356X_4^{(3)} + 0,251X_5^{(3)} \quad (6)$$

$$U_4 = 0,290X_1^{(4)} + 0,218X_2^{(4)} + 0,161X_3^{(4)} + 0,088X_4^{(4)} + 0,243X_5^{(4)} \quad (7)$$

$$U_5 = 0,522X_1^{(5)} + 0,341X_2^{(5)} + 0,137X_3^{(5)} \quad (8)$$

Поскольку сумма всех весовых коэффициентов в формулах расчёта частных индикаторов по построению равна 1, то последние могут меняться от 0 до 1, и их можно интерпретировать как взвешенную долю обеспеченности или удовлетворённости благами, участвующими в формировании блока. Сами же весовые коэффициенты отражают влияние на частные индикаторы соответствующих обобщённых переменных. Так, можно видеть, что благоустройство жилья (частный индикатор U_1) в наибольшей степени определяется наличием и качеством централизованной подачи услуг горячего водоснабжения, канализации и отопления: большой весовой коэффициент перед $X_1^{(1)}$ означает существование значительных различий в доступе к этим коммунальным ресурсам и высокий разброс оценок их качества среди респондентов. Важно отметить достаточно большое влияние на благоустройство жилья индивидуальной доступности (финансовой и технической) комму-

нальных ресурсов, которая сглаживает существенные различия в централизованном доступе. Показатель благосостояния домохозяйства (U_2) определяется самооценками его главой широкой совокупности финансовых возможностей; влияние на благосостояние тех из них, которые обеспечивают дорогостоящее потребление, ожидается выше. Наибольшее влияние на качество внешней среды проживания (U_3) оказывают проблемы шаговой доступности объектов досуга, государственных услуг и инфраструктуры, а также качество работы служб, отвечающих за благоустроенность территории. Наиболее значимые компоненты U_4 — это наличие у индивида работы и удовлетворённость различными её характеристиками, состояние здоровья и активное использование Интернета для решения повседневных задач. Наконец, общественная и досуговая деятельность (U_5) определяется активностью в социальных сетях, а также в большей степени финансовыми возможностями, чем «простой» реализацией интересов.

Интегральный индикатор образован суммированием частных индикаторов с весами, пропорциональными их дисперсиям:

$$IQL = 0,198U_1 + 0,284U_2 + 0,181U_3 + 0,235U_4 + 0,102U_5 \quad (9)$$

По построению сумма всех весовых коэффициентов в (9), как и в (4)–(8), равна единице; это означает, что интегральный индикатор IQL меняется от 0 до 1 и интерпретируется как взвешенная доля обеспеченности или удовлетворённости всей совокупностью благ, включенных в анализ. В рамках сформированной базы данных наибольшее влияние на качество жизни в 2022 г. оказывало благосостояние домохозяйства, определяемое на основе субъективного восприятия финансовых возможностей, и значимые социальные характеристики индивида (наличие удовлетворяющей его работы, высшего образования, цифровая компетентность, состояние здоровья), затем — благоустройство жилья, внешняя среда и общественно-досуговая активность. Построенный формально-статистическими методами интегральный индикатор в целом отражает представления об иерархии перечисленных аспектов, о степени их важности в определении качества жизни.

Таблица 2
Значения интегрального и частных индикаторов в целом по городу и по селу

Table 2

Values of the integral and the special indicators in urban and rural areas

Тип территории	IQL	U_1	U_2	U_3	U_4	U_5
Город	0,640	0,846	0,702	0,821	0,425	0,238
Село	0,523	0,582	0,658	0,709	0,326	0,159
Разность между городом и селом (Δ)	0,117	0,264	0,044	0,112	0,099	0,079

Источник: расчёты автора.

Используя интегральный и частные индикаторы, проведем формализованное сравнение качества жизни в городе и селе. Значения индикаторов отражают отставание сельского качества жизни от городского в целом и по всем выделенным аспектам (табл. 2). При этом наибольший вклад в отставание вносит индикатор благоустройства жилья U_4 и, в меньшей степени, индикаторы внешней среды проживания (U_3),

работы и социально значимых характеристик индивида (U_1).

Переход к обобщённым переменным блока 1, формирующим U_1 , показывает, что в части благоустройства жилья село сильнее всего уступает городу по наличию централизованных коммунальных ресурсов и удовлетворённости ими и по наличию удобств внутри квартиры (табл. 3, переменные X_1 – X_4 по блоку 1). Вместе с тем сельское население

отчасти компенсирует свой слабый централизованный доступ к коммунальным ресурсам

сам организацией индивидуального доступа к ним (табл. 3, X_6 по блоку 1).

Таблица 3

Значения обобщённых переменных частных индикаторов $U_i - U_5$ по городу и по селу

Table 3

Values of the generalized variables of the special indicators $U_i - U_5$ in urban and rural areas

ОП	Блок 1			Блок 2			Блок 3			Блок 4			Блок 5		
	город	село	Δ	город	село	Δ	город	село	Δ	город	село	Δ	город	село	Δ
X_1	690	161	529	461	352	109	956	860	096	446	333	114	329	212	117
X_2	877	585	292	907	852	055	906	707	199	477	327	150	176	127	049
X_3	865	731	134	853	814	039	826	912	-086	228	153	076	046	039	007
X_4	917	670	247	728	717	011	813	647	166	165	077	089	–	–	–
X_5	879	796	083	–	–	–	712	669	043	576	524	053	–	–	–
X_6	163	476	-314	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–

Примечания: в заголовках таблицы аббревиатурой ОП обозначены обобщённые переменные, Δ — разность значений X_i между городом и селом. Для удобства опущены: верхний индекс у обобщённых переменных X_i (означающий номер блока) и разряд целых значений с запятой («0,») в ячейках таблицы. Полужирным выделены значения с наибольшей разностью Δ .

Источник: расчёты автора.

Очевидно, росту доступности коммунальных благ способствовало развитие и удешевление соответствующих хозяйственных технологий и рост благосостояния населения, обусловивший индивидуальную возможность приобретения этих благ. Большинство показателей благосостояния, основанных на самооценках различных финансовых возможностей, за ожидаемым исключением показателя дорогостоящего потребления $X_1^{(2)}$, слабо различаются по городу и селу (табл. 3, блок 2). Активное приобретение дорогостоящих инновационных благ сельским населением ($X_2^{(2)}$) обусловлено не только возросшими финансовыми возможностями, но и стремлением обеспечить современные «городские» стандарты жизни.

Рост доходов сельского населения способствовал разнообразию его расходов, однако, разница в доходах всё ещё остается довольно высокой, что во многом объясняется более ограниченными возможностями сельского населения в сфере занятости и различиями социальных характеристик (табл. 3, блок 4). Отсутствие в шаговой доступности торговых точек, медицинских, образовательных, культурных, спортивных учрежде-

ний воспринимается сельским населением наиболее остро. К проблемам преступности, распространения наркотиков, ухудшения окружающей среды более чувствительны горожане (табл. 3, блок 3). Ограничивающим фактором досуговой активности являются частные интересы индивида, не учитываемые в используемом статистическом наблюдении. Это объясняет сравнительно низкие значения анализируемых показателей досуга (табл. 3, блок 5). Наибольшие различия между городом и селом наблюдаются по активности в социальных сетях и в тех направлениях досуга, которые менее доступны в финансовом и техническом смысле. Также следует отметить общую и для города, и для села слабую вовлечённость населения в волонтерское движение ($X_3^{(5)}$).

Представление качества жизни в виде интегрального индикатора позволяет провести межрегиональные сравнения в агрегированной форме. Для этого расчётом среднего арифметического значений IQI отдельно по городским и сельским домохозяйствам каждого субъекта РФ был сформирован массив данных из 161 наблюдений

ния, в том числе 79 по селу и 82 по городу². Кластеризация по пяти частным индикаторам U_i независимо от использованного метода приводит к чёткому разделению всего массива на «преимущественно сельские» и «преимущественно городские» кластеры, что позволяет говорить о типологических различиях сельского и городского качества жизни и анализировать сельскую и городскую выборки по отдельности.

Выберем 14 регионов Приволжского федерального округа (ПФО) для проведения кластерного анализа по 5-ти частным индикаторам U_i методом К-средних с обучением выборки. Удобство ПФО для исследования определяется значительным социально-экономическим разнообразием его субъектов и, одновременно с этим, отсутствием среди них пиковых «выбросов», образованных из-за влияния существенных природно-климатических, демографических или культурных особенностей. По данным критериям ближе всего к ПФО нахо-

дятся Центральный и Южный федеральные округа, которые также могли быть использованы для сравнительного анализа [18; 19].

В качестве правила обучения выборки установим максимальное расхождение начальных центроидов по величине IQL для трёх кластеров: центром первого будет регион с максимальным значением IQL , второго — с медианным, третьего — с минимальным, соответственно по городу — Удмуртская Республика, Нижегородская область и Кировская область; по селу — Республика Татарстан, Пермский край и Кировская область. Предполагаем, что данное правило может привести к формированию кластеров, заметно различающихся по значениям частных индикаторов. Результаты проведения кластерного анализа представлены в табл. 4. Описанное правило обучения привело к группировке регионов городской выборки по принципу близости их IQL . Одновременно с этим, полученные кластеры заметно различаются по величине частных индикаторов, причём, наиболее сильно — по индикаторам социальных характеристик и занятости (U_4), благосостояния (U_2), что подтверждает их более высокую значимость в формировании IQL .

Таблица 4

Состав кластеров и средние значения индикаторов в кластерах

Table 4

Cluster composition and average values of the indicators in the clusters

Кластер	Состав	IQL	U_1	U_2	U_3	U_4	U_5
В среднем по городской выборке ПФО–		0,615	0,839	0,682	0,797	0,381	0,213
кластер № 1	Республика Татарстан, Удмуртская Республика	0,685	0,873	0,798	0,860	0,438	0,257
кластер № 2	Самарская область, Республика Башкортостан, Пермский край, Чувашская Республика, Нижегородская, Ульяновская, Пензенская, Оренбургская области, Республика Мордовия	0,620	0,850	0,682	0,807	0,388	0,209
кластер № 3	Республика Марий Эл, Саратовская, Кировская области	0,554	0,786	0,603	0,726	0,321	0,197
В среднем по сельской выборке ПФО–		0,513	0,587	0,647	0,710	0,298	0,147
кластер № 1	Республика Татарстан, Оренбургская, Самарская, Саратовская области	0,539	0,628	0,693	0,727	0,302	0,151
кластер № 2	Удмуртская Республика, Пермский край, Нижегородская область, Республика Башкортостан, Республика Марий Эл	0,502	0,535	0,656	0,676	0,306	0,153
кластер № 3	Пензенская область, Чувашская Республика, Республика Мордовия; Ульяновская, Кировская области	0,504	0,607	0,601	0,731	0,287	0,137

Примечание: регионы в составе кластеров упорядочены по уменьшению IQL .

Источник: расчёты автора.

В составе первого кластера — два региона-лидера по IQL, по отмеченным выше индикаторам U_2 , U_4 , а также по индикатору общественной активности и досуга (U_5). Регионы второго кластера занимают средние позиции по всем индикаторам, однако есть отдельные исключения, когда регионы выпадают в группу лидеров (Самарская область (по U_1), Чувашская Республика (по U_3)) или аутсайдеров (Республика Мордовия (по U_2), Оренбургская область (по U_3)). В составе третьего кластера — регионы с наиболее низкими значениями IQL и индикаторов U_1 – U_4 .

Сложившееся распределение регионов по IQL и большинству частных индикаторов в целом соответствует их распределению по величине среднедушевого валового регионального продукта (ВРП) — наиболее общей характеристике социально-экономического положения региона. ВРП ожидаемо показал себя одним из важнейших латентных факторов качества жизни. Две республики, составившие первый кластер, характеризуются высокими и средними значениями ВРП и среднедушевых доходов, диверсифицированной экономикой и наибольшими в ПФО темпами её роста с 2010 г. [20]. Проблемная ситуация с качеством жизни городского населения регионов третьего кластера связана с их экономическим отставанием, выраженным в средне-низких показателях ВРП и доходов. Высокую долю в ВРП регионов третьего и отчасти второго кластера (Чувашская Республика, Республика Мордовия, Ульяновская и Пензенская области) занимает государственное управление, социальное обеспечение, деятельность в области здравоохранения и социальных услуг³.

По результатам анализа на базе сельской выборки выделены три кластера. Первый включает 4 региона-лидера ПФО по значениям IQL и по большинству его аспектов — благоустройству жилья (U_1), благосостоянию (U_2), внешней среде проживания (U_3). Высокие позиции регионов кластера обусловлены не только их общим экономиче-

ским благополучием, отраженным в высоком ВРП (Республика Татарстан, Оренбургская и Самарская области), но также и развитым агропромышленным комплексом (АПК) (Саратовская область), остающимся, несмотря на многолетнее последовательное снижение роли аграрной отрасли в хозяйственно-экономической жизни села, значимым фактором сельского качества жизни. Заметное присутствие добычи полезных ископаемых в отраслевой структуре валовой добавленной стоимости Республики Татарстан, Самарской и, особенно, Оренбургской области оказывает позитивное влияние на их финансово-экономическое положение и действует на повышение качества жизни как в городе, так и в селе.

Регионы второго кластера, за исключением Нижегородской области и Республики Башкортостан, отличаются слабыми позициями по характеристикам благоустройства жилья (U_1) и внешней среды (U_3), что отражает наличие в их сельской местности проблем в сфере услуг, в состоянии социальной и коммунальной инфраструктуры.

Регионы третьего кластера имеют самые низкие в ПФО значения индикаторов благосостояния (U_2) и, кроме Пензенской области и Чувашской Республики, — социальных характеристик и занятости (U_4). С учётом высокой значимости этих индикаторов в формировании IQL, регионы 3-го кластера можно считать наиболее проблемными по качеству жизни в селе. Они выделяются также самыми низкими в ПФО значениями ВРП. Отставание в экономическом развитии региона, отраженное в показателе ВРП, является сдерживающим фактором повышения качества жизни в селе также и потому, что ограничивает возможности трудовой занятости сельского населения в близлежащих городах в маятниковом и вахтовом режимах, ставших к настоящему времени одними из наиболее распространённых её форм. В то же время АПК как замещающий источник занятости сельского населения может сыграть позитивную роль в повышении его качества жизни, но лишь при условии интенсификации отрасли и её высокой товарности.

³ По данным 2022 г.: Регионы России. Основные характеристики субъектов. 2023. — Москва : Росстат, 2023. С. 440–571.

Выводы и ограничения исследования

Композитный подход к пониманию качества жизни как совокупности аспектов, связанных с благополучием, позволяет проводить его измерение посредством интегрального индикатора, построенного на основе строгой, статистически обоснованной методики. Особенности её реализации в настоящем исследовании, придающими ей гибкость, являются: 1) дихотомизация показателей, выраженных неметрическими шкалами, с их последующей агрегацией в хорошо интерпретируемые обобщённые переменные, пригодные для корректного применения в компонентном анализе; 2) использование домохозяйств в качестве единиц анализа, позволяющее группировать результирующие оценки требуемым способом, в частности, по городскому и сельскому населению и по регионам страны. Методика имеет следующие основные ограничения: 1) формирование интегрального индикатора качества жизни конкретными показателями всегда носит субъективный характер, обусловлено задачами исследования и методологическими подходами используемого источника данных; 2) возможно несовпадение предполагаемой содержательной значимости отдельных аспектов в понимании качества жизни и их статистическим вкладом в его формирование. Таким образом, перспективы развития и применения методики связаны с уточнением системы показателей с учетом априорных содержательных представлений о важности соответствующих аспектов в понимании качества жизни.

По результатам применения методики были получены формализованные оценки различий качества жизни городского и сельского населения России и проведены межрегиональные сравнения. Установлено, что наибольший вклад в отстаивание качества жизни сельского населения от городского вносят факторы, связанные с доступностью и качеством услуг (коммунальных, медицинских, бытовых, досуговых), занятостью и социально-значимыми

характеристиками индивидов и дорогостоящим потреблением. В то же время сельское население выше оценивает экологическое состояние и безопасность и активнее использует альтернативные источники коммунальных благ, самостоятельно решая проблему повышения благоустройства жилья. Это показывает, что развитие инфраструктуры, малого предпринимательства, местного самоуправления, хозяйственно-экономической активности населения могут стать действенными инструментами повышения сельского качества жизни и сближения его характеристик в городе и селе.

Качество жизни городского населения (в предложенной трактовке и формализации) сильнее, чем сельского, связано с объективными показателями социально-экономического развития региона — прежде всего с ВРП, его структурой и динамикой, с уровнем доходов. Кластеризация регионов ПФО, проведенная по пяти аспектам качества жизни, выделила регионы-лидеры (Республика Татарстан, Удмуртская Республика) и регионы-аутсайдеры (Республика Марий Эл, Саратовская и Кировская области) по городской выборке.

На качество жизни в сельской местности оказывают существенное влияние факторы, которых нет или которые слабее проявляются в городе — занятость в АПК, лучшие возможности организации малого и семейного предпринимательства, в том числе в сфере сельскохозяйственного производства и сбыта, развитая традиция создания в своем селе относительно автономной хозяйственно-экономической и социально-психологической среды и др. Это объясняет более высокую позицию отдельных регионов (Саратовская, Самарская, Оренбургская области, Республика Марий Эл) по результатам кластеризации сельских данных по сравнению с городскими.

Литература и Интернет-источники

1. **Беляева, Л.А.** Уровень и качество жизни: Проблемы измерения и интерпретации / Л.А. Беляева // Социологические исследования. — 2009. — № 1. — С. 33–42. EDN: JVGQVQ
2. **Okulicz-Kozaryn, A.** City Life: Rankings (Livability) Versus Perceptions (Satisfaction) / A. Okulicz-Kozaryn // Social Indicators Research. — 2013. — Vol. 110. — P. 433–451. DOI: 10.1007 / s11205-011-9939-x
3. **Головин, А.А.** Место и роль категории «качество жизни» в характеристике общества: исторический контекст и современное состояние / А.А. Головин // Уровень жизни населения регионов России. — 2022. — Т. 18. — № 2. — С. 259–271. DOI: 10.19181 / lsprr.2022.18.2.10; EDN: LXMEPR
4. **Кислицына, О.А.** Подходы к измерению прогресса и качества жизни (благополучия) / О.А. Кислицына // Экономический анализ: теория и практика. — 2016. — № 10 (457). — С. 28–38. EDN: WWYJUH
5. **Easterlin, R.A.** Building a Better Theory of Wellbeing / R.A. Easterlin // Economics and Happiness: Framing the Analysis / L. Bruni, P.L. Porta (eds.). — Oxford Academic. 2006. — P. 29–64. DOI: 10.1093/0199286280.003.0002
6. **Корчагина, И.И.** Уровень жизни населения малых городов России / И.И. Корчагина, Л.А. Мигранова // Народонаселение. — 2012. — № 2. — С. 66–74. EDN: PKXQCS
7. **Будилова, Е.В.** Влияние качества городской среды на демографические показатели здоровья населения / Е.В. Будилова, М.Б. Лагутин, Л.А. Мигранова // Народонаселение. — 2021. — Т. 24. — № 1. — С. 44–53. DOI: 10.19181 / population.2021.24.1.5; EDN: IHWWZU
8. **Блинова, Т.В.** Типология регионов России по уровню сельской безработицы / Т.В. Блинова, В.А. Марков // Региональные агросистемы: экономика и социология. — 2021. — № 2. — С. 81–87. EDN: EDGHNC
9. **Petrovic, F.** Urban-Rural Dichotomy of Quality of Life / F. Petrovic, P. Maturkanic // Sustainability. — 2022. — No. 14. — 8658. DOI: 10.3390 / su14148658
10. **Крамин, Т.В.** Влияние душевного ВПП на качество жизни населения в регионах России / Т.В. Крамин, Д.А. Устюжанина // Экономика региона. — 2024. — Т. 20. — № 1. — С. 176–188. DOI: 10.17059 / ekon.reg.2024-1-12; EDN: IIXAEN
11. **Степанов, В.С.** Построение модели, связывающей индикатор уровня жизни населения с комплексом показателей социально-экономической политики в регионах России / В.С. Степанов, В.Н. Бобков, Е.Ф. Шамаева, Е.В. Одицова // Уровень жизни населения регионов России. — 2022. — Т. 18. — № 4. — С. 450–465. DOI: 10.19181 / lsprr.2022.18.4.3; EDN: FUJMMOM
12. **Жгун, Т.В.** Построение интегральной характеристики качества жизни субъектов Российской Федерации с помощью метода главных компонент / Т.В. Жгун // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2017. — Т. 10. — № 2. — С. 214–235. DOI: 10.15838/esc/2017.2.50.12; EDN: YMIQJF
13. **Filmer, D.** Estimating Wealth Effect Without Expenditure Data — Or Tears: An Application to Educational Enrollments in States of India / D. Filmer, L. Pritchett // Demography. — 2001. — Vol. 38. — No. 1. — P. 115–132.
14. **Айвазян, С.А.** Анализ качества и образа жизни населения: монография / С.А. Айвазян. — Москва : Наука, 2012. — 432 с. EDN: WNTANH
15. **Айвазян, С.А.** Интегральный индикатор качества и условий жизни / С.А. Айвазян, М.Ю. Афанасьев, А.В. Кудров // Цифровая экономика. — 2019. — № 1(5). — С. 43–56. DOI: 10.34706 / DE-2019-01-05; EDN: ZSELNZ
16. **Волкова, М.И.** Сравнение объективистского и субъективистского подходов к измерению синтетических латентных категорий качества жизни населения: результаты эмпирического анализа российских данных / М.И. Волкова // Прикладная эконометрика. — 2010. — № 3(19). — С. 62–90. EDN: MTHOGB

17. **Шабанов, В.Л.** Качество жизни сельского населения России: интегральная оценка и региональная дифференциация / В.Л. Шабанов // Народонаселение. — 2024. — Т. 27. — № 1. — С. 4–19. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2024-1-4-19; EDN: ММРАТА
18. Региональные особенности уровня и качества жизни: монография / Н.М. Римашевская, В.К. Бочкарева, Г.Н. Волкова [и др.]. — Москва : ИСЭПН РАН; М–Студио, — 2012. — 392 с. EDN: DLTQVF
19. **Рюмина, Е.В.** Качественный потенциал населения Приволжского федерального округа / Е.В. Рюмина // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2020. — № 8(47). — С. 169–178. DOI: 10.24411 / 2500-1000-2020-10955; EDN: LESBWZ
20. **Зинчук, Г.М.** Структурные изменения экономики регионов Приволжского федерального округа как фактор устойчивого развития / Г.М. Зинчук, М.В. Ефимова // Инновации и инвестиции. — 2021. — № 11. — С. 186–190. EDN: GBHGJX

Сведения об авторе:

Шабанов Виктор Леннарович, д.соц.н., ведущий научный сотрудник, Институт аграрных проблем РАН, проф. Саратовского государственного университета, Саратов, Россия.

Контактная информация: e-mail: vic35@inbox.ru; ORCID: 0000-0002-0129-8238; РИНЦ СПИН-код: 6050–2468.

DOI:10.24412/1561-7785-2025-4-129-143

QUALITY OF LIFE OF RURAL AND URBAN POPULATION IN RUSSIA: COMPARISON USING INTEGRAL INDICATOR

Viktor L. Shabanov

Institute of Agrarian Problems RAS

(94 Moskovskaya str., Saratov, Russia, 410012)

Saratov State University

(83 Astrakhanskaya str., Saratov, Russia, 410012)

E-mail: vic35@inbox.ru

For citation:

Shabanov V. L. Quality of life of rural and urban population in Russia: comparison using integral indicator. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 4. P. 129-143. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-129-143 (in Russ.)

Abstract. *Modern interpretation of the quality of life as a multidimensional characteristic associated with well-being actualizes development of statistically sound methods for constructing integral and partial indicators applicable to solving problems of comparative analysis. The purpose of the study is to obtain formalized assessments of differences in the life quality of rural and urban population of Russia and its regions (using the example of the Volga Federal District — VFD) and to identify the indicators that contribute most to the differences. The indices of welfare, housing, infrastructure, social characteristics, leisure, are specified by blocks of Rosstat indicators from the Comprehensive Observation of the Living Conditions of the Population (2022). The main aggregation method is component analysis applied to each block of variables, with the first principal components being isolated as partial indicators and their linear combination into an integral indicator. Assessments of the lag in the life quality of rural population from that of urban in general and in separate aspects were obtained. The greatest contribution to the lag is made by the factors of availability and quality of services, availability and satisfaction with work, use of the Internet, and an expensive consumption.*

At the same time, rural population evaluates the state of environment and safety higher and more actively uses alternative sources of public utilities, independently solving the problem of improving housing. It has been established that the life quality of urban population is more strongly related to objective indicators of the social and economic development of the region than that of rural population. The state of the agro-industrial complex remains an important factor of the life quality in village. Using the K-means method, clusters of regions-leaders and outsiders in terms of the life quality in city and village were identified using the example of the VFD. The results of the study can be useful to specialists in solving problems of formalized assessment and comparative analysis of social phenomena and processes.

Keywords: quality of life, integral indicator, principal component analysis (PCA), household, city, village, regions, interregional comparisons.

References and Internet sources

1. Beliaeva L. A. Uroven' i kachestvo zhizni: Problemy izmereniya i interpretatsii [Level and quality of life: measurement and interpretation issues]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological Studies]*. 2009. No. 1. P. 34–42. (in Russ.)
2. Okulicz-Kozaryn A. City life: rankings (livability) versus perceptions (satisfaction). *Social Indicators Research*. 2013. Vol. 110. P. 433–451. DOI: 10.1007/s11205-011-9939-x
3. Golovin A. A. Mesto i rol' kategorii «kachestvo zhizni» v kharakteristike obshchestva: istoricheskij kontekst i sovremennoye sostoyaniye [Place and role of the «quality of life» category in the characteristic of society: historical context and current state]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]*. 2022. Vol. 18. No. 2. P. 259–271. DOI: 10.19181/isprr.2022.18.2.10 (in Russ.)
4. Kislitsina O. A. Podhody k izmereniyu progressa i kachestva zhizni (blagopoluchiya) [Approaches to measure the progress and quality of life (well-being)]. *Ekonomicheskij analiz: teoriya i praktika [Economic Analysis: Theory and Practice]*. 2016. Vol. 457. No. 10. P. 28–38. (in Russ.)
5. Easterlin R. A. Building a better theory of wellbeing. *Economics and Happiness: Framing the Analysis*. Eds. L. Bruni and P. L. Porta. Oxford Academic. 2006. P. 29–64. DOI: 10.1093/0199286280.003.0002
6. Korchagina I. I., Migranova L. A. Uroven' zhizni naseleniya malykh gorodov Rossii [Living standards in small Russian towns]. *Narodonaselenie [Population]*. 2012. No. 2. P. 66–74. (in Russ.)
7. Budilova E. V., Lagutin M. B., Migranova L. A. Vliyanie kachestva gorodskoj sredy na demograficheskije pokazateli zdorov'ya naseleniya [Impact of urban environment quality on the demographic indicators of population health]. *Narodonaselenie [Population]*. 2021. Vol. 24. No. 1. P. 44–53. DOI: 10.19181/population.2021.24.1.5 (in Russ.)
8. Blinova T. V., Markov V. A. Tipologiya regionov Rossii po urovnyu sel'skoj bezrabotitsy [Typology of Russian regions by the level of rural unemployment]. *Regional'nyje agrosistemy: ekonomika i sotsiologiya [Regional Agrosystems: Economics and Sociology]*. 2021. No. 2. P. 81–87. (in Russ.)
9. Petrovic F., Maturkanic P. Urban-rural dichotomy of quality of life. *Sustainability*. 2022. No. 14. 8658. DOI: 10.3390/su14148658
10. Kramin T. V., Ustyuzhanina D. A. Vliyanije podushevogo VRP na kachestvo zhizni naseleniya v regionakh Rossii [Impact of GRP per capita on the quality of life of the population in Russian regions]. *Ekonomika regiona [Economy of Regions]*. 2024. Vol. 20. No. 1. P. 176–188. DOI: 10.17059/ekon.reg.2024-1-12 (in Russ.)
11. Stepanov V. S., Bobkov V. N., Shamaeva E. F., Odintsova E. V. Postroyeniye modeli, svyazyvayushchej indikator urovnya zhizni naseleniya s kompleksom pokazatelej sotsial'no-ekonomicheskoy politiki v regionakh Rossii [Building a model linking the indicator of the standard of living of the population with a set of indicators of socio-economic policy in the regions of Russia]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]*. 2022. Vol. 18. No. 4. P. 450–465. DOI: 10.19181/isprr.2022.18.4.3 (in Russ.)

12. Zhgun T. V. Postroeniye integral'noj kharakteristiki kachestva zhizni sub"ektov Rossijskoj Federatsii s pomoshch'yu metoda glavnykh komponent [Building an integral measure of the quality of life of constituent entities of the Russian Federation using the principal component analysis]. Ekonomicheskije i sotsial'nyje peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [*Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*]. 2017. Vol. 10, No. 2. P. 214–235. DOI: 10.15838/esc/2017.2.50.12 (in Russ.)
13. Filmer D., Pritchett L. Estimating wealth effect without expenditure data — or tears: An application to educational enrollments in states of India. *Demography*. 2001. Vol. 38. No. 1. P. 115–132.
14. Ayvazyan S. A. Analiz kachestva i obraza zhizni naseleniya: monografiya [*Analysis of the Quality and Lifestyles of Population*]. Moscow. Nauka [Science]. 2012. 432 p. (in Russ.)
15. Ayvazyan S. A., Afanasiev M. Yu., Kudrov A. V. Integral'nyj indikator kachestva i uslovij zhizni [Integral indicator of quality and conditions of life]. Tsifrovaya ekonomika [*Digital Economy*]. 2019. No. 1(5). P. 43–56. DOI: 10.34706/DE-2019-01-05 (in Russ.)
16. Volkova M. I. Sravneniye ob»ektivistskogo i sub»ektivistskogo podhodov k izmereniyu sinteticheskikh latentnykh kategorij kachestva zhizni naseleniya: rezul'taty empiricheskogo analiza rossijskikh dannykh [Comparison of objectivist and subjectivist approaches to measuring synthetic latent categories of the quality of life of population: results of the empirical analysis of Russian data]. Prikladnaya Ekonometrika [*Applied Econometrics*]. 2010. No. 3(19). P. 62–90. (in Russ.)
17. Shabanov V. L. Kachestvo zhizni sel'skogo naseleniya Rossii: integral'naya otsenka i regional'naya differentsiatsiya [Quality of life of the rural population in Russia: integral assessment and regional differentiation]. *Narodonaselenie* [*Population*]. 2024. Vol. 27. No. 1. P. 4–19. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-4-19 (in Russ.)
18. Regional'nyje osobennosti urovnya i kachestva zhizni: monografiya [*Regional Features of the Standards and Quality of Life*]. Moscow. ISEPN RAN [ISESP RAS]. M-Studio [M-Studio]. 2012. 392 p. (in Russ.)
19. Ryumina E. V. Kachestvennyj potentsial naseleniya Privolzhskogo federal'nogo okruga [Qualitative potential of the population of the Volga Federal District]. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnykh i yestestvennykh nauk* [*International Journal of Humanities and Natural Sciences*]. Vol. 8(47). 2020. P. 169–178. DOI: 10.24411/2500-1000-2020-10955 (in Russ.)
20. Zinchuk G. M., Efimova M. V. Strukturnyje izmeneniya ekonomiki regionov Privolzhskogo federal'nogo okruga kak faktor ustojchivogo razvitiya [Structural changes in the economy of the regions of the Volga Federal District as a factor of sustainable development]. *Innovatsii i investitsii* [*Innovation and Investment*]. 2021. No. 11. P. 186–190. (in Russ.).

Information about the author:

Shabanov Viktor Lennarovich, Doctor of Sociology, Leading Researcher, Institute of Agrarian Problems RAS; Professor, Saratov State University, Saratov, Russia

Contact information: e-mail: vic35@inbox.ru; ORCID: 0000-0002-0129-8238; Elibrary SPIN-code: 6050-2468.

Статья поступила в редакцию 28.02.2025, утверждена 10.11.2025, опубликована 30.12.2025.

DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-4-144-154
EDN: TPZJYV

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН

Баширова А.А.*, Гимбатов Ш.М.

Институт социально-экономических исследований
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН
(367030, Россия, Махачкала, проспект М. Ярагского, 75)

*E-mail: 15july@inbox.ru

Для цитирования:

Баширова А.А., Гимбатов Ш.М. Формирование социального капитала в Республике Дагестан // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 4. — С. 144-154. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-4-144-154; EDN: TPZJYV

Аннотация. Целью исследования является изучение отдельных аспектов формирования социального капитала и разработка предложений по повышению уровня институционального доверия населения регионов, которые, с одной стороны, характеризуются низкими социально-экономическими показателями, с другой — обладают ярко выраженными культурными, этническими, религиозными особенностями. Было сделано предположение, что проблема доверия населения и укрепления социального капитала в настоящее время всё больше обуславливает экономическую ситуацию и является показателем эффективности государственной региональной политики. В рамках социологического опроса была проведена оценка уровня доверия для выявления основных компонент социального капитала в Республике Дагестан (РД). Особое внимание уделено выявлению дисбаланса между высоким уровнем доверия респондентов в рамках первичных социальных групп и низким уровнем институционального доверия к органам власти. Анализ показал, что социокультурные характеристики играют важную роль в структуре общей удовлетворённости респондентов условиями жизни, в то время как неудовлетворённость связана с уровнем развития экономики и отношениями между властью и населением. Предложен комплекс мер по совершенствованию механизма реализации региональной политики, ориентированный на реализацию принципов «открытости власти» и «социальной справедливости». Сделан вывод о том, что низкая эффективность социально-экономической политики в регионе во многом связана с факторами системного и институционального характера, среди которых одними из важнейших являются закрытый социальный капитал и низкий уровень институционального доверия населения.

Ключевые слова: социальный капитал, институциональное доверие, регион, региональная политика, социальная справедливость.

Введение

Регионы Северо-Кавказского федерального округа (СКФО) на протяжении долгого времени остаются среди субъектов РФ территориями с относительно низким уровнем экономического развития. Несмотря на то, что среднедушевые доходы населения в Республике Дагестан (РД) являются самыми высокими среди субъектов СКФО (в 2023 г. — 39686 рублей против общероссийского показателя 53579 рублей), республика сохраняет высокую зависимость регионального бюджета от поступлений из федерального центра. Серьёзными системными проблемами для региона остаются высокий уровень безработицы (11,9% в 2023 г. при среднем по России 3,2%) и высокий уровень бедности (12,8% при общероссийских 8,5%). На этом фоне происходит формирование особых механизмов адаптации населения к существующим социально-экономическим условиям. Население вынужденно переориентируется на собственные ресурсы, полагаясь в большей степени на себя, своих близких и неформальные связи для решения повседневных проблем, что способствует формированию специфического типа социального капитала. Важно учитывать, что параметры формирования сетей социального капитала, включая их масштаб, плотность и характер связей, в значительной степени определяются уникальным социокультурным контекстом конкретного региона.

РД отличается специфическим характером формирования социального капитала, обусловленным историческими и этническими особенностями развития. Многонациональный состав населения создаёт многоуровневую систему социальных взаимодействий, где этническая принадлежность становится фундаментальной основой выстраивания социальных связей. Характерные для жителей региона прочные родственные связи традиционно выполняют функции социальной защиты, распределения доступных ресурсов и управления потенциальными конфликтами, тем самым компенсируя недостаточную эффектив-

ность формальных государственных институтов. Изучение социально-экономических процессов через призму понимания уникальной структуры социального капитала региона позволяет более точно оценить его комплексное воздействие на экономическую динамику, общественное благосостояние и эффективность государственного управления.

Теоретическая обоснованность исследования социального капитала

Доверие выступает системообразующим элементом социального капитала, определяющим потенциал социальной кооперации и интенсивность межгрупповых взаимодействий. Именно доверие позволяет объединять ресурсы для достижения, в том числе, крупномасштабных задач и целей экономического развития, через сокращение транзакционных издержек, укрепление надёжных экономических отношений и предсказуемости реализации долгосрочных инвестиционных проектов. По мнению Ф.Фукуямы, в основе доверия лежат культурные и этические корни: «распространение доверия инициирует формирование социального капитала, который создаётся и передаётся за счёт культурных механизмов, а именно — традиций, норм и стандартов поведения, религии» [1]. Р.Патнэм [2] разграничивает «связующий» (bonding), или закрытый, и «преодолевающий» (bridging), или открытый, социальный капитал: первый описывает отношения внутри однородных социальных групп, второй — горизонтальные связи между разнородными сообществами. Позднее эта типология была дополнена концепцией «вертикального» (linking) социального капитала, отражающего взаимоотношения граждан с институтами власти.

Проблема повышения доверия населения и развития социального капитала не носит сугубо политический или социологический характер, решение её всё больше определяет экономическую ситуацию в регионах и является показателем эффективности социально-экономической политики,

проводимой в регионах. С. Нэк и Ф. Кифер утверждают о наличии корреляции между уровнем доверия и уровнем подушевого ВВП, уровнем инвестиционной активности и целым рядом других экономических показателей [3]. В целом, как отмечают исследователи, уровень сложившегося в обществе доверия прямо пропорционален уровню экономического развития. В то же время, «во взаимосвязи доверия и экономического развития сложно отличить причины от следствий, так как корреляционные связи здесь обоюдные» [4], поэтому изменить ситуацию возможно только с помощью подхода, который направлен как на укрепление формальных институтов, так и на формирование более открытых типов социального капитала.

Большое значение социальному аспекту доверия уделено в отечественной политологии [5]. В отличие от дискурсивно-символических объектов, таких как престиж и статус, понятие доверия или недоверия тесно связывается с факторами социальной стратификации: доходом, образованием и властью. Анализ российских исследований позволяет утверждать, что существует дифференциация и особенности формирования социального капитала в российском обществе [6–11]. Исследованию формирования и структуры социального капитала в субъектах СКФО и в РД, в частности, посвящены работы Д.А. Ситкевича [12], А.Н. Татарко [9], И.Г. Старикова [13]. Социальный капитал в РД имеет преимущественно закрытый характер, основанный на доверии к близкому окружению (родственникам, друзьям, землякам), а не на доверии к широкому кругу людей и общественным институтам. Данное предположение подтверждается количественными исследованиями, согласно которым, радиус доверия в РД «находится на пограничном уровне между закрытым и открытым социальным капиталом и распространяется в основном лишь на знакомых респондентам людей» [13]. Исследование И.Г. Старикова о социальном капитале в Махачкале подтверждает характер закрытого социального капитала в регионе и его влияние на социальную мобильность «социальные сети, основанные на родствен-

ных связях, обеспечивают привилегии и ресурсы...» [14]. Исследователи подчёркивают, что социальный капитал проявляется не только в межличностных отношениях между людьми, но и в институциональном измерении, что представляется более значимым для целей нашего исследования.

По нашему мнению, относительно слабое развитие «открытого» и «связывающего» типов социального капитала способно оказывать ограничивающее воздействие на развитие экономики РД. В данной работе мы попытались определить, какие уровни и типы социального капитала оказывают наиболее существенное влияние, в контексте сложных этнических, конфессиональных и социально-экономических факторов формирования социального капитала в регионе.

Методология и результаты исследования

Методологической основой эмпирического исследования социального капитала и доверия населения выступил метод социологического опроса, в рамках которого было опрошено 198 человек. Анкета интегрировала в себе блоки вопросов, направленных на измерение различных компонентов социального капитала (параметры гражданской активности, социальных связей, институционального доверия к органам власти, медиа, а также межличностного доверия)¹.

Анализ полученных данных демонстрирует первостепенную значимость социокультурных компонентов в структуре общей удовлетворённости. Почти половина опрошенных (45%) в целом устраивает жизнь в РД (рис. 1). При этом основой позитивной оценки выступают нематериальные фак-

¹ Исследование проводилось с января по март 2024 г. в городских поселениях республики. Эмпирическую базу исследования составила выборка со следующими параметрами: 16–24 лет – 40%, 25–44 лет – 35%, 45–69 лет – 23%, 70 лет и старше – 2%. Распределение по полу выглядит следующим образом: мужчины – 28%, женщины – 72%. Большая представленность респондентов женского пола обусловлена тем, что женщины демонстрируют большую социальную активность. Профессиональный состав включает наёмных работников, студентов, госслужащих, предпринимателей и самозанятых, с меньшими долями пенсионеров, домохозяек и безработных.

торы — наличие исторически сложившихся культурных и духовных ценностей (86%), а также сформировавшийся характер взаимоотношений между людьми (61%) (рис. 2).

Полученные данные указывают на существование значительной доли респондентов, выражающих неудовлетворённость текущей ситуацией. В первую очередь, неудовлетворённость выражается уровнем

развития экономики — 71%, развитием сферы услуг (сфера здравоохранения и образования) — 54,5% и отношениями между властью и населением 54% (рис. 3). Распределение ответов на вопрос о преимуществах и недостатках проживания в Дагестане свидетельствуют о значительном влиянии и приоритете культурных и духовных ценностей для населения региона.

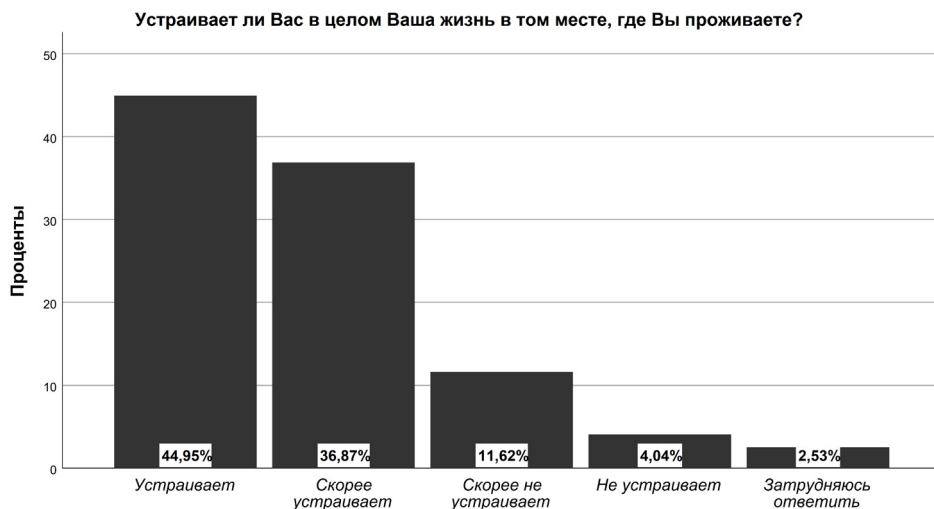

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Устраивает ли Вас в целом Ваша жизнь в том месте, где Вы проживаете?»

Fig. 1. Distribution of answers to the question «Are you generally satisfied with your life in the place where you live?»

Источник: составлено по данным опроса, проведённого авторами в 2024 году.

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Что Вам нравится в Дагестане?»

Fig. 2. Distribution of answers to the question «What do you like in Dagestan?»

Источник: составлено по данным опроса, проведённого авторами в 2024 году.

Большинство населения выражает неудовлетворённость уровнем экономического развития региона и характером взаимоотношений между властью и населением, что указывает на существование значительной дистанции между рядовыми гражданами и органами власти. Контраст между высокой оценкой социокультурных аспектов жизни и низкой удовлетворённостью материальным положением и взаимоотноше-

ниями с органами власти свидетельствует о дисбалансе в структуре социального капитала региона: при развитом «связующем» (закрытом) социальном капитале, основанном на общих культурных ценностях и внутригрупповых связях, наблюдается дефицит «вертикального» социального капитала, обеспечивающего эффективное взаимодействие между гражданами и институтами власти.

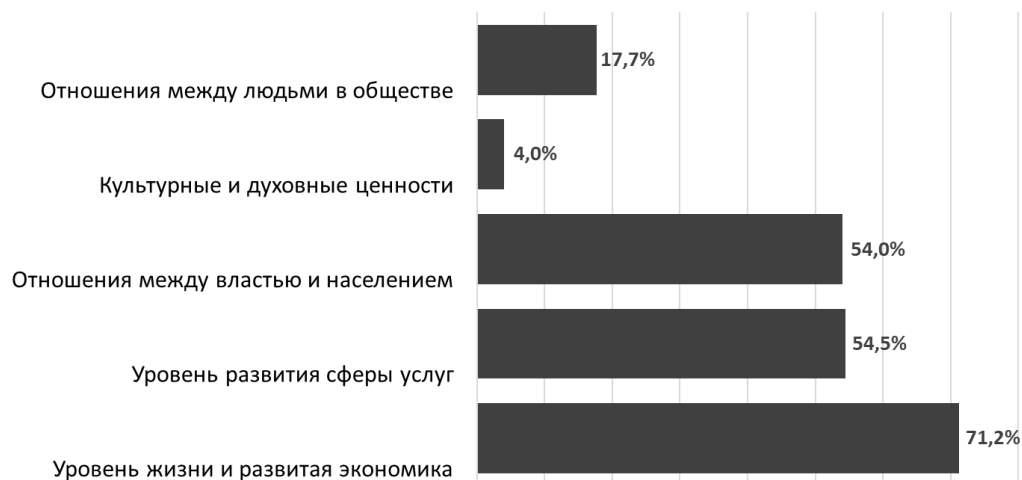

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Что Вам не нравится в Дагестане?»

Fig. 3. Distribution of answers to the question «What do you dislike in Dagestan?»

Источник: составлено по данным опроса, проведённого авторами в 2024 году.

Анкета содержала вопрос о доверии к институтам в РД (рис. 4). Среди предлагаемых вариантов ответов были обозначены органы власти, СМИ, духовное управление, близкое окружение (семья и друзья). Также, в качестве ответа был добавлен вариант «Полагаюсь только на своё мнение». Было предложено выбрать не более трёх предпочтительных вариантов.

Как видно из рис. 4 Духовное управление мусульман РД в настоящее время не является для большей части респондентов институтом, которому они выражают своё доверие: только 15% из опрошенных считают его заслуживающим доверия социальным институтом. В целом же подавляющее большинство опрошенных указали, что доверяют только себе и своим близким людям —

65% и 56%. При этом органам власти республики не доверяет ни один из опрошенных в ходе исследования респондентов. Данная ситуация может свидетельствовать о преобладании доверия к представителям других неформальных институтов, особенно в условиях усиления влияния неформальных религиозных объединений, значительно воздействующих на молодёжь региона в последние годы.

Согласно распределению по возрасту, лица, старше 25 лет доверяют только себе, близкому окружению и Духовному управлению (табл. 1). СМИ и журналистам доверяет всего 2,5% молодых людей до 25 лет. За последнее десятилетие негативные тенденции снижения уровня институционального доверия в республике усиливаются.

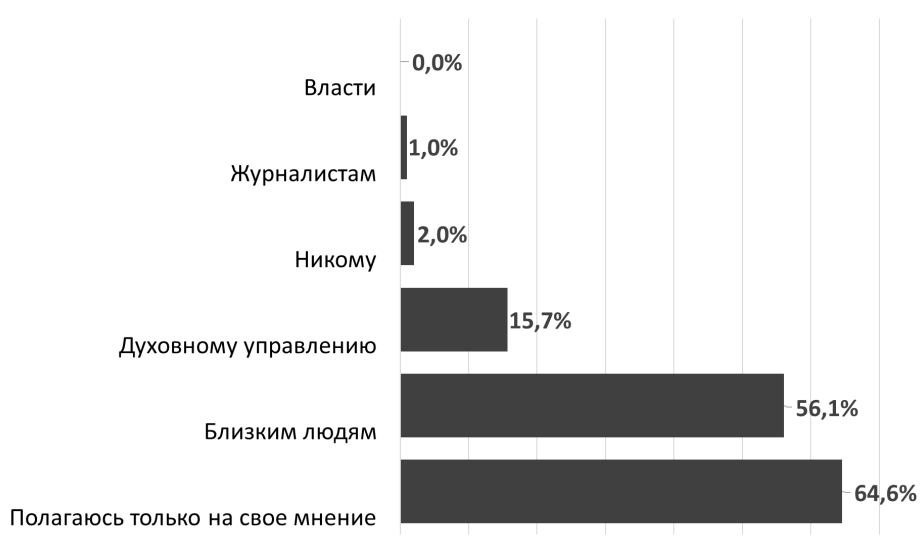

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «Кому Вы доверяете больше всего?»

Fig. 4. Distribution of answers to the question « Who do you trust the most?»

Источник: составлено по данным опроса, проведённого авторами в 2024 году.

Таблица 1

**Распределение по возрасту ответов респондентов
на вопрос «Кому Вы доверяете больше всего?»**

Table 1

Age distribution of respondents' responses to the question «Who do you trust the most?»

		Кому Вы доверяете больше?					
		Полагаюсь только на свое мнение	Близким людям	Духовному управлению	Власти	Журналистам	Никому
		%	%	%	%	%	%
Возраст (укажите верное):	16–24 года	51,2%	60,0%	18,8%	0,0%	2,5%	3,8%
	25–44 года	67,1%	60,0%	17,1%	0,0%	0,0%	0,0%
	45–69 лет	82,6%	43,5%	8,7%	0,0%	0,0%	2,2%

Источник: составлено по данным опроса, проведённого авторами в 2024 году.

Результаты данного опроса согласуются с социологическим исследованием 2012 г., который был также проведён с целью определения уровня социального капитала [14] и подтвердил предположение о «низком уровне развития открытого капитала и преобладании закрытого социального капитала». Одним из выводов исследования было то, что, «недоверие на бытовом уровне у дагестанцев проецируется на политические и общественные институты, при этом 58,9% опрошенных не доверяют никому из названных институтов (власть — 1,2%, духов-

ное управление — 36,8%, СМИ — 3,1%)». Можно утверждать о существовании «институционального барьера» между населением и формальными структурами управления. Особенно заметна возрастная дифференциация в структуре доверия: с увеличением возраста растёт тенденция полагаться исключительно на собственное мнение и снижается значимость Духовного управления как источника доверия.

Анализируя полученные ответы, можно предположить, что одной из определяющих причин наблюдаемых явлений выступает

социальное расслоение в обществе (рис. 5), наличие которого признали респонденты. Население воспринимает проводимую политику как неэффективную, ориентированную не на повышение уровня и качества жизни рядовых граждан, а на удовлетворение личных интересов представителей

властных структур (рис. 6). Большинство респондентов полагают, что представители органов власти имеют больше доступа к получению различных благ и услуг. Доля респондентов, признающих актуальность для РД данной проблемы, составила 95%.

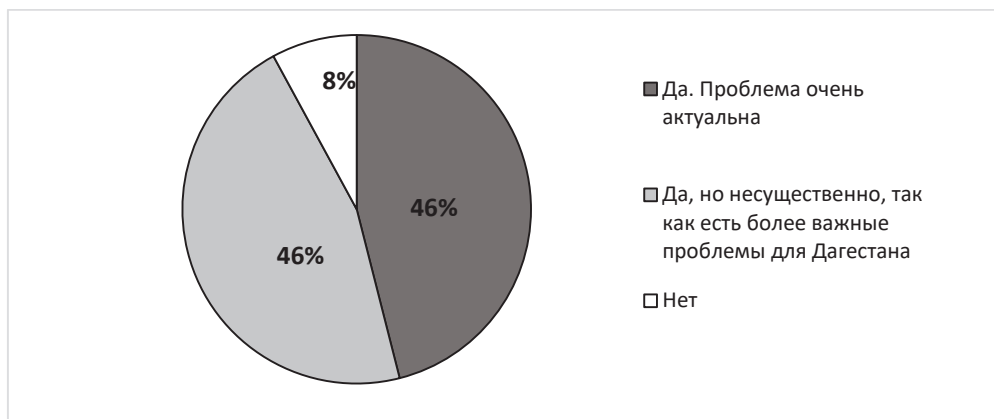

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «Существует ли в Дагестане социальное расслоение общества (проблема богатых и бедных)?»

Fig. 5. Distribution of answers to the question «Is there a social stratification of society in Dagestan (the problem of rich and poor)?»

Источник: составлено по данным опроса, проведённого авторами в 2024 году.

Неудовлетворённость населения социально-экономической ситуацией, сложившейся в регионе, обусловлена комплексом взаимосвязанных факторов, что позволяет предложить следующие направления совершенствования механизма реализации региональной политики в области укрепления доверия населения: 1) включение в систему целей регионального развития формирование доверия к деятельности государственных органов как одной из определяющих задач; 2) создание условий для обеспечения социальной мобильности и развития социальных лифтов, компенсирующих ограничения существующих социальных сетей; 3) стимулирование гражданского активизма для привлечения населения к решению проблем экономического характера и участия в решении задач муниципальных органов власти согласно № 131-ФЗ от 06.10.2003 «Об общих принципах органи-

зации местного самоуправления в Российской Федерации»; 4) вовлечение населения в социальные и экономические проекты софинансирования по развитию территорий, развитие механизмов государственно-частного партнёрства, инициативное бюджетирование (граждане сами предлагают проекты для финансирования), создание фондов развития территорий с участием бизнеса и государства.

Необходимы целенаправленные усилия местных органов власти по обновлению и развитию социальной инфраструктуры, поддержке малого бизнеса, снижению административных барьеров, развитию системы образования. Привлечение населения к развитию региона через участие их в осуществлении экономических преобразований способствует реализации принципа справедливости, который требует установления определённого баланса между

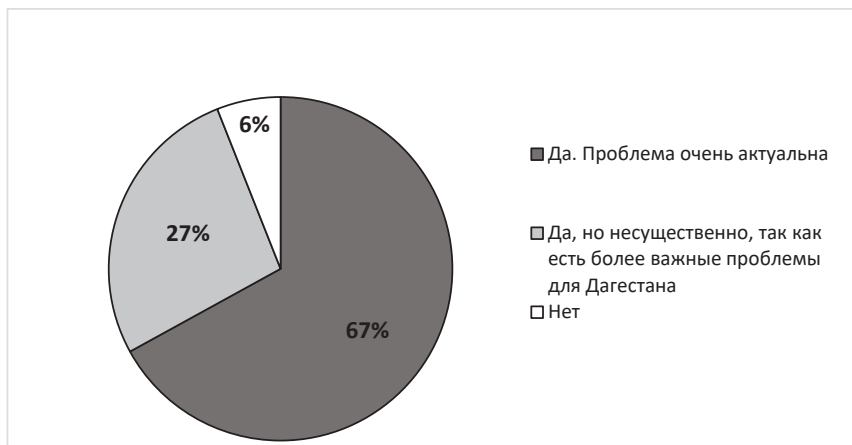

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос «Существует ли в Дагестане проблема разных возможностей получения благ жизни для представителей органов власти и членов их семей и остальных представителей общества?»

Fig. 6. Distribution of answers to the question «Is there a problem in Dagestan of different opportunities for getting the benefits of life for government officials and their family members and other representatives of society?»

Источник: составлено по данным опроса, проведенного авторами в 2024 году.

различными притязаниями членов общества, легитимность которых определяется их соответствием принятыми в рамках общественного договора правилам и нормам.

Полученные нами в ходе опроса данные демонстрируют ярко выраженный дисбаланс между высоким уровнем доверия в рамках первичных социальных групп (семья, близкие друзья) и крайне низким уровнем институционального доверия. Структурные особенности социального капитала, отличающиеся доминированием закрытых форм при явном дефиците институционального доверия, формируют барьеры для

обеспечения устойчивого экономического роста и результативного управления дагестанским регионом.

Учитывая полученные результаты, представляются необходимыми разработка и реализация комплексного механизма повышения институционального доверия и формирования открытого социального капитала как условия стимулирования экономического роста. Ключевыми направлениями в данном контексте должны стать: повышение прозрачности властных институтов, создание условий для социальной мобильности, поддержка предпринимательских инициатив и расширение практик гражданского участия в решении региональных проблем.

Литература и Интернет-источники

1. **Fukuyama, F.** Social Capital and Development: The Coming Agenda / F. Fukuyama // SAIS Review. — 2002. — Vol. 22. — No. 1. — P. 23–37. DOI: 10.1353/sais.2002.0009
2. **Putnam, R.D.** Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community / R.D. Putnam // Proceedings of the 2000 ACM Conference on Computer Supported Cooperative Work, 2000. — P. 357. DOI: 10.1145/358916.361990

3. **Knack, S.** Does Social Capital Have an Economic Payoff? A Cross-Country Investigation / S. Knack, P. Keefer // The Quarterly Journal of Economics. — 1997. — Vol. 112. — No. 4. — P. 1251–1288. DOI: 10.1162 / 003355300555475
4. **Ромашкина, Г.Ф.** Социокультурные основания институционального доверия / Г.Ф. Ромашкина, В.А. Давыденко // Власть. — 2014. — № 12. — С. 122–130. EDN: TGKTLJ
5. **Люблинский, В.В.** Социальный капитал и политические отношения в контексте развития сетевого общества / В.В. Люблинский // Социально-гуманитарные знания. — 2021. — № 5. — С. 107–119. DOI: 10.34823 / SGZ.2021.5.51672; EDN: TINACD
6. **Воробьева, И.Н.** Агенты социальных изменений: критерии идентификации и построение индикаторной модели / И.Н. Воробьева, А.А. Мехова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2022. — Т. 15. — № 4. — С. 189–208. DOI: 10.15838 / esc.2022.4.82.12; EDN: EINIYW
7. **Пушкарева, Г.В.** Доверие в публичном пространстве государственного управления / Г.В. Пушкарева // Государственное управление. Электронный вестник. — 2019. — № 76. — С. 151–175. DOI: 10.24411 / 2070-1381-2019-10008; EDN: KJDUSW
8. **Гужавина, Т.А.** Социальный капитал российского региона: состояние и динамика / Т.А. Гужавина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2023. — № 4(88). — С. 254–265. DOI: 10.15838 / esc.2023.4.88.14; EDN: YEBQUZ
9. **Татарко, А.Н.** Исследования социального капитала в поликультурном обществе: теоретико-методологические проблемы и важнейшие результаты / А.Н. Татарко // Социальная психология и общество. — 2021. — Т. 12. — № 4. — С. 34–52. DOI: 10.17759 / sps.2021120403; EDN: FQIGIG
10. **Фролова, Е.В.** Механизмы формирования доверия в экономике: специфика и оценка функционального состояния / Е.В. Фролова, А.Г. Тюриков // Народонаселение. — 2024. — Т. 27. — № 2. — С. 14–25. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2024-2-14-25; EDN: НОЕОYW
11. **Белоконев, С.Ю.** Доверие населения и элит к власти: теоретико-прикладной аспект / С.Ю. Белоконев, Е.В. Левина // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. — 2021. — Т. 11. — № 6. — С. 39–45. DOI: 10.26794 / 2226-7867-2021-11-6-39-45; EDN: AKFWMY
12. **Ситкевич, Д.А.** Социальный капитал в модернизирующемся обществе: пример Дагестана / Д.А. Ситкевич. // Экономическая социология. — 2021. — Т. 22. — № 3. — С. 11–38. DOI: 10.17323 / 1726-3247-2021-3-11-38; EDN: CECEQY
13. **Стариков, И.Г.** Социальный капитал и социальная мобильность в Махачкале, или что делать, если у тебя нет влиятельных родственников? / И.Г. Стариков // Общественные науки и современность. — 2015. — № 4. — С. 153–164. EDN: UDDWBP
14. **Гимбатов, Ш.М.** Роль социального капитала в экономическом развитии региона / Ш.М. Гимбатов // Вопросы структуризации экономики. — 2011. — № 2. — С. 91–93. EDN: OXLORF

Сведения об авторах:

Баширова Аминат Ахмедовна, к.э.н., доцент, старший научный сотрудник, Институт социально-экономических исследований Дагестанского ФИЦ РАН, Махачкала, Россия.

Контактная информация: e-mail: 15july@inbox.ru; ORCID: 0009-0002-9438-5601; РИНЦ SPIN-код: 6165-2882.

Гимбатов Шамиль Магомедович, к.э.н., ведущий научный сотрудник, Институт социально-экономических исследований Дагестанского ФИЦ РАН, Махачкала, Россия.

Контактная информация: e-mail: gimba@list.ru; ORCID: 0000-0002-8302-3544; РИНЦ SPIN-код: 8060-2928.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-144-154

SOCIAL CAPITAL FORMATION IN THE REPUBLIC OF DAGESTAN

Aminat A. Bashirova*, Shamil M. Gimbatov

*Institute for Socio-Economic Research of the Dagestan Federal Research Center RAS
(75 M. Yaragsky prospect, Makhachkala, Russia, 367030)*

** E-mail: 15july@inbox.ru*

For citation:

Bashirova A. A., Gimbatov Sh. M. Social capital formation in the Republic of Dagestan. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 4. P. 144-154. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-144-154 (in Russ.)

Abstract. *The purpose of the research is to study aspects of the development of social capital and work out proposals for raising the level of institutional trust of the population from the perspective of ensuring economic growth in regions. This is especially important for the regions that, on the one hand, are characterized by low socio-economic indicators, and on the other hand, have pronounced cultural, ethnic, and religious characteristics. It was suggested that the problem of public trust and the strengthening of social capital is now increasingly determining the economic situation and is an indicator of the effectiveness of the government policy pursued in the regions. As part of the sociological survey, an assessment of the level of trust was carried out in order to identify the main components of social capital in the Republic of Dagestan. Based on the results of the study, the structure, predominant type and features of the formation of social capital in the Republic of Dagestan were considered. Particular attention is paid to analyzing the imbalance between the respondents' high level of trust in the main social groups and the low level of institutional trust in the government bodies. The analysis showed that socio-cultural characteristics play an important role in the structure of respondents' overall satisfaction with living conditions, while dissatisfaction is related to the level of economic development and relations between the authorities and the population. A set of measures is proposed to improve the mechanism of regional policy implementation, focused on the implementation of the principles of «openness of public administration» and «social justice». It is concluded that the low effectiveness of socio-economic policy in the region is largely due to systemic and institutional factors, among which the most important are closed social capital and low level of institutional trust of the population.*

Keywords: *social capital, institutional trust, region, regional policy, social justice.*

References and Internet sources

1. Fukuyama F. Social capital and development: The coming agenda. *SAIS Review*. 2002. Vol. 22. No. 1. P. 23–37. DOI: 10.1353/sais.2002.0009
2. Putnam R. D. Bowling alone: the collapse and revival of American community. *Proceedings of the 2000 ACM Conference on Computer Supported Cooperative Work*. 2000. P. 357. DOI: 10.1145/358916.361990
3. Knack S., Keefer P. Does social capital have an economic payoff? A cross-country investigation. *The Quarterly Journal of Economics*. 1997. Vol. 112. No. 4. P. 1251–1288. DOI: 10.1162/003355300555475
4. Romashkina G. F., Davydenko V. A. Sotsiokul'turnyje osnovaniya institutsional'nogo doveriya [Socio-cultural basis of the institutional trust]. *Vlast' [Authority]*. 2014. No. 12. P. 122–130. (in Russ.)
5. Lyublinsky V. V. Sotsial'nyj kapital i politicheskije otnosheniya v kontekste razvitiya setevogo obshchestva [Social capital and political relations in the context of network society]. *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya [Social and Humanitarian Knowledge]*. 2021. No. 5. P. 107–119. DOI 10.34823/SGZ.2021.5.51672 (in Russ.)

6. Vorobeva I. N., Mekhova A. A. Agenty sotsial'nykh izmenenij: kriterii identifikatsii i postroyeniye indikatornoj modeli [Agents of social changes: determining identification criteria and designing an indicator model]. *Ekonomicheskije i sotsial'nyje peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]. 2022. Vol. 15. No. 4. P. 189–208. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.12 (in Russ.)
7. Pushkareva G. V. Doverije v publicnom prostranstve gosudarstvennogo upravleniya [Trust in the public space of government]. *Gosudarstvennoje upravlenije. Elektronnyj vestnik* [Public Administration. E-journal]. 2019. No. 76. P. 151–175. DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10008 (in Russ.)
8. Guzhavina T. A. Sotsial'nyj kapital rossijskogo regiona: sostoyaniye i dinamika [Social capital of the Russian region: state and dynamics]. *Ekonomicheskije i sotsial'nyje peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]. 2023. No. 4(88). P. 254–265. DOI: 10.15838/esc.2023.4.88.14 (in Russ.)
9. Tatarko A. N. Issledovaniya sotsial'nogo kapitala v polikul'turnom obshchestve: teoretiko-metodologicheskije problemy i vazhnejshije rezul'taty [Research on social capital in multicultural society: theoretical and methodological problems and key results]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society]. 2021. Vol. 12. No. 4. P. 34–52. DOI: 10.17759/sps.2021120403 (in Russ.)
10. Frolova E. V., Tyurikov A. G. Mekhanizmy formirovaniya doveriya v ekonomike: spetsifika i otsenka funktsional'nogo sostoyaniya [Mechanisms for forming trust in the economy: specifics and assessment of the functional state]. *Narodonaselenie* [Population]. 2024. Vol. 27. No. 2. P. 14–25. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-14-25 (in Russ.)
11. Belokonev S. Yu., Levina E. V. Doverije naseleniya i elit k vlasti: teoretiko-prikladnoj aspekt [Trust of the population and elites in power: theoretical and applied aspects]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta* [Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University]. 2021. Vol. 11. No. 6. P. 39–45. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-39-45 (in Russ.)
12. Sitkevich D. A. Sotsial'nyj kapital v moderniziruyushchemsya obshchestve: primer Dagestana [Effects of modernization on social capital: evidence from Dagestan]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Journal of Economic Sociology]. 2021. Vol. 22. No. 3. P. 11–38. DOI: 10.17323/1726-3247-2021-3-11-38 (in Russ.)
13. Starikov I. G. Sotsial'nyj kapital i sotsial'naya mobil'nost' v Makhachkale, ili Chto delat', esli u tebya net vlyatel'nykh rodstvennikov? [Social capital and social mobility in Makhachkala: what to do if you do not have influential relatives?]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World]. 2015. No. 4. P. 153–164. (in Russ.)
14. Gimbatov Sh. M. Rol' sotsial'nogo kapitala v ekonomicheskom razvitiy regiona [The role of social capital in the economic development of the region]. *Voprosy Strukturizatsii Ekonomiki* [Issues of Economic Structuring]. 2011. No. 2. P. 91–93. (in Russ.)

Information about the authors:

Bashirova Aminat Akhmedovna, Candidate of Economics, Associate Professor, Senior Researcher, Institute for Socio-Economic Research of the Dagestan Federal Research Center RAS, Makhachkala, Russia.

Contact information: e-mail: 15july@inbox.ru; ORCID: 0009-0002-9438-5601; Elibrary SPIN-code: 6165-2882.

Gimbatov Shamil Magomedovich, Candidate of Economics, Leading Researcher, Institute for Socio-Economic Research of the Dagestan Federal Research Center RAS, Makhachkala, Russia.

Contact information: e-mail: gimba@list.ru; ORCID: 0000-0003-2645-0897; Elibrary SPIN-code: 8060-2928.

Статья поступила в редакцию 11.03.2025, утверждена 10.11.2025, опубликована 30.12.2025.

КАЧЕСТВО И УСЛОВИЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-155-170
EDN: TVAZOI

ТРИ МЕТОДИЧЕСКИХ ПОДХОДА К СРАВНЕНИЮ ДИНАМИКИ ЗАРАБОТНЫХ ПЛАТ В 15 РЕСПУБЛИКАХ СССР И ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВАХ В 1960-Х — 2020-Х ГОДАХ (ЧАСТЬ I)

Пилипенко И.В.

¹Санкт-Петербургский государственный университет
(199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5)

²ИСЭПН ФНИСЦ РАН
(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

E-mail: i-pilipenko@yandex.ru

Финансирование:

Исследование выполнено за счёт гранта РНФ (проект № 23-18-00249) «Жизненный уровень населения России в XX — начале XXI в. по традиционным и альтернативным показателям». — URL: <https://rscf.ru/project/23-18-00249/>.

Для цитирования:

Пилипенко И.В. Три методических подхода к сравнению динамики заработных плат в 15 республиках СССР и постсоветских государствах в 1960-х — 2020-х годах (часть I) // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 4. — С. 155-170. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-155-170; EDN: TVAZOI

Аннотация. Основная цель статьи — сопоставление уровня жизни в союзных республиках и на постсоветском пространстве через определение динамики уровня и покупательной способности заработных плат населения в рамках как плановой, так и рыночной экономики. На основе статистических данных ЦСУ СССР и союзных республик, Межгосударственного статистического комитета Содружества Независимых Государств, Всемирного банка, Международного валютного фонда, Европейской экономической комиссии ООН и национальных правительств, нами составлены динамические ряды данных по всем 15 республикам СССР и постсоветским государствам в период с 1960 г. по 2023 г., конвертированные для возможности сопоставления в советские рубли. В первой и второй частях статьи представлены три методических подхода к расчётам динамики реальных заработных плат в течение рассматриваемых 64 лет: 1) с учётом индекса потребительских цен (инфляции) в рассматриваемых странах; 2) с использованием официальных курсов национальных валют к доллару США как основной резервной валюте в мировой экономике в течение рассматриваемого периода времени; 3) впервые в российской научной литературе — с рассчитанными переводными коэффициентами в доллары США по паритету покупательной способности (ППС) в текущих и постоянных ценах. Проанализированы особенности каждого из используемых подходов и причины получения различных результатов по значениям заработных плат для 15 республик. Предложено использовать инструментарий ППС валют в рамках третьего методического подхода, представленного в статье, в качестве основной методики при исследованиях динамики реального уровня жизни на постсоветском пространстве и межстрановых сопоставлениях во времени. Во второй части статьи рассмотрены дополнительные шесть факторов, оказывающих влияние на сопоставление динамики и уровень заработных плат в рамках плановой и рыночной экономики, которые в дальнейшем позволят улучшить проводимые по данной тематике расчёты.

Ключевые слова: заработная плата, паритет покупательной способности, временные ряды, доходы, расходы, плановая экономика, рыночная экономика, СССР, постсоветское государство.

© Пилипенко И.В., 2025

Введение

Проблема определения уровня жизни и динамики благосостояния населения Российской Федерации и других постсоветских республик за последние три десятилетия с момента распада СССР является одной из наиболее дискуссионных тем в работах российских и зарубежных исследователей. Это объясняется, во-первых, серьёзными различиями между рыночной и плановой экономикой в производстве, распределении, обмене и потреблении товаров и услуг. Во-вторых, до конца 1980-х гг. детальные оценки уровня жизни в США и СССР как странах-лидерах соответственно капиталистического и социалистического лагеря были в значительной части засекречены¹, хотя общие оценки публиковались в западных странах и в открытой печати². Публикации «под грифом» стали доступны специалистам в 1990 г.,³ а достоянием общественности — преимущественно в 1990–2000-е гг.⁴ [1] во время глубокой трансформации экономики постсоветских государств в процессе перехода от плана к рынку, что в некоторой степени затруднило проведение сбалансированного анализа.

В итоге спектр оценок эволюции уровня жизни в последние десятилетия по сравнению с началом 1990-х гг. в отечественных научных публикациях варьировал от весьма положительных при использовании в основном средних или валовых показателей⁵ [2–5] до пессимистичных [6; 7], особенно при исследованиях пробле-

мы неравенства в обществе [8–10]. Например, в работе [3, с. 88] было показано, что реальные денежные доходы населения к 2009 г. превысили уровень 1988 г. на 32%. В то же время в исследованиях [8; 10] указывалось на избыточное неравенство в доходах населения, которое тормозило экономический рост страны, а работа [9] акцентировала внимание на росте неустойчивости занятости в экономике и масштабов бедности по доходам, используемым на потребление.

В свою очередь, многоаспектный термин «уровень жизни» [11; 12] характеризовался обычно несколькими показателями [13–16], такими как: уровень занятости и безработицы [9; 17], доходы населения и заработная плата [5; 18–21], дифференциация доходов жителей страны [9; 17], конечное потребление домохозяйств [3], расходы и уровень потребления населения [13; 20], уровень бедности [5; 14; 17; 22–24], а также показатель уровня инфляции в экономике [17].

Проведённый нами анализ научной литературы позволяет отметить три особенности в российских исследованиях. Во-первых, проблематика заработных плат указывалась в качестве важнейшей среди статистических исследований уровня жизни и благосостояния населения [25, с. 70]. В качестве других основных направлений исследований выделялись: статистика «теневых» доходов, анализ благосостояния отдельных демографических групп населения и отдельных проблем благосостояния,

¹ Эйдельман М.Р. Тезисы доклада о методах сопоставления показателей уровня жизни СССР и США. — Москва, 1963. — 21 с.; USSR towards a reconciliation of Marxist and Western measures of national income: a research paper, ER-78–10505. — Washington, DC: CIA's National Foreign Assessment Center (CIA NFAC), October 1978. — 24 p.; Edwards I. et al. U.S. and U.S.S.R.: Comparisons of GNP // Soviet economy in a time of change. A compendium of papers submitted to the Joint Economic Committee, Congress of the United States. Volume 1. — Washington, DC: US Government printing office, 10 October 1979. — P. 369–401; A comparison of the US and Soviet economies: evaluating the performance of the Soviet System: a reference aid. — Washington, DC: CIA's Directorate of Intelligence (CIA DI), October 1985. — 78 p.; Soviet economy. An assessment of how well the CIA has estimated the size of the economy. — Washington, DC: US General Accounting Office (US GAO), September 1991. — 51 p.

² Bergson A. The real national income of Soviet Russia since 1928. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 1961. — 472 p.; Perlo V. The USA and USSR: the economic race. — New York: International Publishers, 1960. — 127 p.

³ Pine A. Soviets Say CIA Overestimates Size of Their Economy: Foreign affairs: The U. S. view of gross national product is rosy compared to reality, panel asserts / Los Angeles Times, 24.04.1990. — URL: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-1990-04-24-mn-339-story.html> (дата обращения: 26.02.2025).

⁴ Кудров, В.М. Советская экономика в ретроспективе: опыт переосмысления. — Москва : Наука. 1997. — 301 с.

⁵ Бирман И.Я., Пияшева Л.И. Статистика уровня жизни населения России: Материалы к парламентским слушаниям «Уровень жизни в Российской Федерации», 4 декабря 1997 г. — Москва, 2000. — 208 с.

динамические сопоставления, межрегиональные субнациональные сопоставления, международные сопоставления, исследования информационно-коммуникационных технологий как фактора уровня жизни [25, с. 70–71]. Кроме того, отмечалось, что совсем небольшое число публикаций посвящено развитию методов статистической оценки уровня жизни и благосостояния населения в Российской Федерации [25, с. 64].

Во-вторых, построение и анализ непрерывных временных рядов, характеризующих уровень жизни населения как в рамках плановой, так и рыночной экономики Российской Федерации ещё не проводились. В работе [26] была осуществлена реконструкция национальных счетов РСФСР в период с 1961 г. по 1990 г. Можно отметить отдельные исследования по странам и регионам Ближнего зарубежья, где для международных сопоставлений использовался показатель ВВП по паритету покупательной способности (ППС) [27–29], а также расчёты медианных доходов населения и цен на жилье с учётом ППС в некоторых крупнейших агломерациях в мире [30, с. 19, 22]. Динамика номинальных и реальных заработных плат в странах СНГ и Грузии в 1990–2000-х гг. рассматривалась в работах [31; 32], однако сравнение уровня заработных плат между республиками не проводилось. Такое сопоставление для 2005 г. и 2015 г., путём пересчёта заработных плат в евро, было осуществлено в работе [23]. Также делались точечные оценки доходов населения России для 1988 г. и 2009 г. [3], для 1985 г. и 1990–2000-х гг. [5; 33] и международные точечные сопоставления на основе конечного потребления по ППС [3, с. 93–94] и с расчётом через доллар США⁶.

В связи с этим необходимо отметить и имеющиеся ограничения в статистическом обеспечении исследований по заработным платам в России и других постсоветских республиках. Например, Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), членами которой являются три прибалтийские республики, проводит расчёты уровня заработных плат с учётом ППС национальных валют, данные по которым представлены с 1990 г. по настоящее время⁷. Аналогичная статистика в национальных валютах и в долларах США предоставляется Европейской экономической комиссией ООН (UNECE), а Евростат рассчитывает коэффициенты для конвертации стандартных данных в значения по ППС для государств — членов Европейского союза, других европейских стран, США и Японии⁸. Расчёты, подобные публикуемым ОЭСР, для постсоветских республик пока не проводятся: Межгосударственный статистический комитет Содружества Независимых Государств (Статкомитет СНГ) предоставляет данные только по номинальной заработной плате в валютах стран — членов организации, и такую же информацию по странам СНГ, БРИКС и ряду западных государств публикует Росстат⁹. Поэтому, в-третьих, отечественные исследователи обычно сравнивали страны СНГ между собой, тогда как прибалтийские республики чаще рассматривались отдельно в рамках исследований по ЕС [29; 34].

В данной работе с учётом исследований¹⁰ [35] мы постарались решить указанные проблемы. Во-первых, рассмотрены все 15 союзных республик в рамках СССР и постсоветского пространства — Российская Федерация; три прибалтийские республики —

⁶ Журавлев С.Н., Ивантер А.Е., Фадеев В.А. Жизнь стало лучше. Но не веселее // Эксперт. — 2011. — № 14(748). — С. 18–26.

⁷ Average Annual Wages / OECD Data Explorer, 2024. — URL: [https://data-explorer.oecd.org/vis?tm=average%20annual%20wages&pg=0&snb=26&df\[ds\]=dsDisseminateFinalDMZ&df\[id\]=DSD_EARNINGS%40AV_AN_WAGE&df\[ag\]=OECD.ELS.SAE&df\[vs\]=1.0&dq=.....&pd=2000%2C&to\[TIME_PERIOD\]=false](https://data-explorer.oecd.org/vis?tm=average%20annual%20wages&pg=0&snb=26&df[ds]=dsDisseminateFinalDMZ&df[id]=DSD_EARNINGS%40AV_AN_WAGE&df[ag]=OECD.ELS.SAE&df[vs]=1.0&dq=.....&pd=2000%2C&to[TIME_PERIOD]=false) (дата обращения: 11.12.2024).

⁸ Gross Average Monthly Wages by Country and Year / UNECE Statistical Database, 2024. — URL: https://w3.unece.org/PXWeb2015/pjweb/en/STAT/STAT_20-ME_3-MELF/60_en_MECCWagesY_r.px/?rxd=0806c85a-23f8-4249-a4d0-10980df459d1 (дата обращения: 11.12.2024).

⁹ Среднемесячная номинальная заработная плата одного работника, единиц национальной валюты / База данных Статкомитета СНГ, 2024. — URL: <https://new.cisstat.org/web/guest/cis-stat-home> (дата обращения: 27.12.2024).

¹⁰ Piliipenko I.V. Competitiveness of nations and regions in the world economy: is Russia on the way to economic diversification? // The invited lecture at the Oxford University Russian Society the University of Oxford, 06 March 2015. — 306 p.

Латвия, Литва и Эстония; Беларусь, Молдова и Украина; три республики Закавказья — Азербайджан, Армения, Грузия; пять республик Центральной Азии — Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. Во-вторых, мы использовали все имеющиеся открытые данные — ЦСУ СССР и союзных республик, Статкомитета СНГ, Всемирного банка, Международного валютного фонда (МВФ) и Европейской экономической комиссии ООН — для проведения расчётов и построения временных рядов по средним заработным платам в республиках с 1960 г. по 2023 г., т.е. охватив как период плановой экономики (1960–1991 гг.), так и период рыночной экономики (1992–2023 гг.). Рассмотрение советского периода было ограничено 1960 г., так как для 1920–1950-х гг. мы не нашли полной статистики по заработным платам в союзных республиках.

В-третьих, помимо использования индекса потребительских цен (ИПЦ) для учёта обесценения денег во времени (первый ме-

тодический подход) и метода конвертации показателей в единую валюту для проведения международных сопоставлений (второй методический подход) мы применили также методику ППС, которая, по нашей гипотезе, должна обеспечивать получение наиболее объективных результатов (третий методический подход) для проведения сравнений как динамики заработных плат по годам, так и сопоставлений в уровне оплаты труда по 15 странам. То есть наша работа включает в себя элементы трёх из восьми основных актуальных направлений исследований по уровню жизни и благосостоянию населения [25] — проблематику заработных плат, динамические и международные сопоставления, и нацелена на решение проблемы сопоставления уровня жизни в союзных и постсоветских республиках через призму уровня и покупательной способности заработных плат населения в рамках как плановой, так и рыночной экономики.

Методика расчётов и используемые данные

Методический подход № 1. В рамках первого подхода мы сравниваем уровень и динамику заработных плат в 15 союзных / постсоветских республиках за рассматриваемый период с использованием данных по годовой инфляции (ИПЦ). Вычисление эквивалента заработной платы в каждом последующем году по сравнению с базовым (обычно 1990 г., в течение которого еще действовал единый народнохозяйственный комплекс в рамках плановой экономики СССР, и который удобно использовать для проведения сравнений в период рыночной экономики в 1991–2023 гг.) производилось по формуле:

$$Wage_i^{BaseYear} = Wage^{BaseYear} \times \prod_{i=BaseYear+1}^n [CPI_i / 100] \quad (1)$$

где $Wage^{BaseYear}$ — значение заработной платы в базовом году; $Wage_i^{BaseYear}$ — эквивалент заработной платы базового года в последующий год i ; — ИПЦ в соответствующем году i ; n — последний год, по которому в ряду данных имеется показатель (обычно 2023 г.). Полученный эквивалент заработной платы базового года сравнивался с действительным размером заработных плат в номинальном выражении в рассматриваемых годах. В свою очередь, расчёты для сопоставления динамики от последнего во временном ряду года назад к 1960 г. производились по обратной формуле:

$$Wage_i^{RecentYear} = Wage^{RecentYear} / \prod_{i=RecentYear-n}^{RecentYear} [CPI_i / 100] \quad (2)$$

где $Wage^{RecentYear}$ — значение заработной платы в последнем во временном ряду году (обычно 2023 г.); $Wage_i^{RecentYear}$ — эквивалент заработной платы 2023 г. в году i , который равен $(2023 - n)$, где $n = 1, 2...63$; CPI_i — ИПЦ в соответствующем году i . Данная формула также применялась для расчёта эквивалента заработных плат 1990 г. по отношению к периоду 1960–1980-х гг.

Для целей нашего анализа мы использовали данные по среднемесячной номинальной заработной платы одного работника в 15 союзных и постсоветских республиках из следующих источников: (1) за период с 1960 г. по 1990 г. — из 86 сборников «Народное хозяйство СССР» и союзных республик за 1962–1990 гг.¹¹; (2) за период с 1991 г. по 2023 гг. для 11 республик кроме трёх прибалтийских республик и Грузии — из базы данных Статкомитета СНГ¹², а также из данных Агентства по статистике при Президенте Республики Таджикистан¹³; (3) за период с 1991 г. по 2023 г. для Латвии, Литвы, Эстонии и Грузии, а также для Украины за 2021–2023 гг. — из базы данных Европейской экономической комиссии ООН¹⁴, а также из национальных статистических сборников¹⁵ и данных о среднегодовых курсах латвийского лата к евро¹⁶.

В качестве основного показателя для периода плановой экономики использовалась «среднемесячная денежная заработная плата рабочих и служащих». Отсутствующие данные по уровню заработных плат в отдельные годы¹⁷ для ряда союзных республик рассчитывались нами, исходя из значений прироста заработных плат в целом по СССР в эти годы. Среднемесячная оплата труда колхозников в расчётах нами не учитывалась из-за отсутствия подробной статистики по большинству союзных республик в период 1960–1969 гг., 1971–1979 гг. и 1981–1984 гг. Соотношение заработных плат колхозников и рабочих и служащих в государственном секторе экономики, включая совхозы, приведено в табл. 1, из которой видно, что различия в уровне оплаты труда в течение 1970–1980-х гг. были в основном нивелированы.

¹¹ Народное хозяйство Азербайджанской ССР в 1970 г., с. 255; в 1975 г., с. 240; в 1980 г., с. 157; в 1985 г., с. 161; в 1988 г., с. 47; Народное хозяйство Армянской ССР в 1975 г., с. 177; в 1980 г., с. 152; в 1985 г., с. 212; в 1988 г., с. 35; Народное хозяйство Белорусской ССР в 1970 г., с. 229; 1975 г., с. 220; в 1980 г., с. 187; в 1985 г., с. 138; в 1990 г., с. 49–50; Народное хозяйство Грузинской ССР в 1967 г., с. 208; в 1973 году, с. 177; в 1980 г., с. 143, 157; в 1985 г., с. 174; в 1987 г., с. с. 187; Народное хозяйство Казахстана в 1972 г., с. 254; в 1975 г., с. 170; в 1980 г., с. 175; в 1985 г., с. 179; в 1990 г., с. 89; Народное хозяйство Киргизской ССР в 1975 г., с. 251; в 1980 г., с. 204; в 1985 г., с. 157; в 1989 г., с. 35; Народное хозяйство Латвийской ССР в 1975 г., с. 354; в 1979 г., с. 191; в 1985 г., с. 233; Народное хозяйство Латвии, 1989, с. 61; Экономика и культура Литовской ССР в 1970 г., с. 289, 291; в 1975 г., с. 204; Народное хозяйство Литовской ССР в 1980 г., с. 149; в 1985 г., с. 137; Статистический ежегодник Литовской ССР, 1988 г., с. 29; Народное хозяйство Молдавской ССР, 1970, с. 165–166; 1975, с. 134–135; в 1980 г., с. 173; в 1985 г., с. 228; 1988, с. 58; Народное хозяйство Республики Молдова, 1990, с. 54; Народное хозяйство РСФСР в 1970 г., с. 340; в 1975 г., с. 356; в 1980 г., с. 218; в 1985 г., с. 234; в 1988 г., с. 107; в 1989 г., с. 201; в 1990 г., с. 177; Народное хозяйство СССР в 1965 г., с. 539; в 1965 г., с. 652; в 1967 г., с. 739; в 1968 г., с. 639; в 1969 г., с. 625; в 1970 г., с. 519, 601; в 1975 г., с. 643; в 1980 г., с. 364, 437; в 1985 г., с. 397, 478; в 1987 г., с. 394; в 1990 г., с. 38–39, 46, 166; Народное хозяйство СССР за 60 лет, 1987, с. 472; Народное хозяйство СССР за 70 лет, 1987, с. 431; Народное хозяйство Таджикской ССР в 1968 г., с. 181; в 1972 году, с. 198; в 1985 г., с. 173–174; в 1988 г., с. 47; Туркменистан за 50 лет, 1974, с. 130; Народное хозяйство Туркменской ССР в 1980 г., с. 117; в 1985 г., с. 148; в 1989 году, с. 40–41; Народное хозяйство Узбекской ССР в 1970 г., с. 203; в 1975 г., с. 288; в 1980 г., с. 207–208; в 1985 г., с. 226; в 1990 г., с. 37, 42; Народное хозяйство Украинской ССР в 1975 г., с. 377; в 1980 г., с. 248; в 1985 г., с. 256; в 1989 г., с. 80, 118; Народное хозяйство Эстонской ССР в 1967 г., с. 199; в 1970 г., с. 240; в 1975 г., с. 245; в 1980 г., с. 227; в 1985 г., с. 164; в 1988 г., с. 228–231.

¹² 10 лет Содружества Независимых Государств (1991–2000): Стат. сборник / Межгосударственный статистический комитет СНГ. Москва, 2001. С. 125; 20 лет Содружеству Независимых Государств (1991–2010): Стат. сборник / Межгосударственный статистический комитет СНГ. Москва, 2011. С. 406–407; Среднемесячная номинальная заработная плата одного работника, единиц национальной валюты / База данных Статкомитета СНГ, 2024. — URL: <https://new.cisstat.org/web/guest/cis-stat-home> (дата обращения: 27.12.2024).

¹³ Среднемесячная заработная плата 2012–2024 / Арендство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2024. — URL: <https://www.stat.tj/wp-content/uploads/2024/11/wages-ru.xlsx> (дата обращения: 12.12.2024).

¹⁴ Gross Average Monthly Wages by Country and Year / UNECE Statistical Database, 2025. — URL: https://w3.unece.org/PXWeb2015/pdxweb/en/STAT/STAT_20-ME_3-MELF/60_en_MECCWagesY_r.px/ (дата обращения: 07.02.2025).

¹⁵ Latvijas Banka Annual Report 1992. Riga: Bank of Latvia, 1993. P. 17; Latvijas Banka Annual Report 1993. Riga: Bank of Latvia, 1994. P. 5; 1996 Statistical Yearbook of Lithuania, Department of Statistics to the Government of the Republic of Lithuania. Vilnius: Metodinis leidinybis centras, 1996. P. 222; Statistical Yearbook 1995. Tallinn: Statistical Office of Estonia, 1995. P. 167; Statistical Yearbook of Estonia 2000. Tallinn: Statistical Office of Estonia, 2000. P. 186.

¹⁶ EUR exchange rate against LVL / Bank of Latvia, 2024. — URL: <https://statdb.bank.lv/lb/Data/118> (дата обращения: 06.02.2025).

¹⁷ Азербайджанская, Киргизская, Латвийская, Литовская, Украинская ССР — 1961–1964 гг.; Белорусская ССР — 1961–1964 гг., 1971–1972 гг.; Узбекская ССР — 1961–1964 гг., 1966–1968 гг.; Казахская ССР — 1961–1964 гг., 1976–1978 гг.; Грузинская ССР — 1961–1964 гг., 1968–1969 гг.; Молдавская ССР — 1961–1964 гг., 1981–1984 гг.; Таджикская ССР — 1961–1964 гг., 1969 г.; Армянская ССР — 1961–1964 гг., 1966–1969 гг.; Туркменская ССР — 1961–1964 гг., 1966–1969 гг., 1974 г.; Эстонская ССР — 1961–1964 гг., 1971–1973 годы.

Таблица 1

Соотношение заработных плат рабочих и служащих, включая работников совхозов, и колхозников в отдельные годы в союзных республиках

Table 1

The ratio of wages of workers and employees (including sovkhos workers) and of kolkhoz workers in selected years in the Union Republics

Территория	1970	1980	1985	1990
СССР	1,63	1,43	1,24	0,98
Азербайджанская ССР	1,38	0,90	0,78	1,19
Армянская ССР	1,16	1,18	1,02	1,32
Белорусская ССР	1,88	1,47	1,12	1,03
Грузинская ССР	2,01	1,31	1,15	1,09
Казахская ССР	1,24	1,20	1,12	0,89
Киргизская ССР	1,35	1,26	1,02	1,10
Латвийская ССР	1,38	1,13	0,92	1,04
Литовская ССР	1,43	1,24	1,04	1,02
Молдавская ССР	1,56	1,36	1,11	0,95
РСФСР	1,61	1,43	1,21	0,95
Таджикская ССР	1,37	1,12	1,12	1,17
Туркменская ССР	1,03	1,16	1,18	0,84
Узбекская ССР	1,24	1,20	1,26	0,91
Украинская ССР	1,73	1,50	1,28	0,93
Эстонская ССР	1,07	0,91	0,79	1,03
Справочно: доля колхозников от общей численности занятых				
СССР	16,2	11,0	9,1	8,4
РСФСР	10,0	6,6	6,0	5,3

Источник: рассчитано автором по данным: см. список источников в сноске 11.

Для периода 1991–2023 гг. мы использовали показатель «среднемесячная номинальная заработная плата одного работника в единицах национальной валюты», а для Грузии и прибалтийских республик — данные по ежемесячной средней заработной плате на душу населения до вычета подоходного налога (gross average monthly wage). Для возможности проведения сопоставлений между странами и построения долговременных рядов для каждой республики с 1960 г. по 2023 г. мы конвертировали данные по заработным платам в 1990–2020-х гг. из национальных валют в советские рубли, как валюты, использовавшейся до начала 1990-х гг. всеми рассматриваемыми республиками, с учётом проводившихся в независимых государствах замен валют и деноминаций.

Данные по инфляции в 15 союзных/постсоветских республиках были нами взяты из нескольких источников. Для периода с 1960 г. по 1990 г. мы использовали средние индексы цен в государственной и кооперативной торговле по СССР из соответствующих сборников «Народное хозяйство СССР»¹⁸. Единый показатель ИПЦ для всех 15 республик был применён из-за того, что на подавляющее большинство непродовольственных товаров цены были одинаковыми на всей территории страны (за исключением товаров местного производства, на которые цены устанавливали местные органы). В свою очередь, для основных продовольственных товаров существовали пояса цен (в большинстве случаев — три пояса), причём разница составляла 8–9% между первым и вторым поя-

¹⁸ Список источников — см. сноску 11.

сами, 16–18% — между первым и третьим поясами¹⁹. Однако, несмотря на некоторые различия в ценах на продовольственные товары по поясам, расхождения в инфляции по союзным республикам стали происходить только в условиях ослабления командно-административной системы в период «поздней перестройки». Так, в РСФСР в период 1989–1990 гг. начали рассчитывать сводный индекс цен (включая колхозный рынок), а с 1990 г. — и включая «черный» рынок, однако для других республик данные показатели нам найти не удалось. В свою очередь, объем торговли на колхозных рынках, где цены по состоянию на 1975 г. были в 1,8 раза выше государственных²⁰, составлял лишь незначительную часть от общего торгового оборота²¹. Поэтому основное влияние на покупательную способность заработных плат и на бюджет семьи в рамках плановой экономики оказывала именно государственная и кооперативная торговля, которая к 1990 г. распределялась в пропорции 71% на 26%²².

Для периода 1991–2023 гг. мы использовали статистику по уровню инфляции в России из базы данных Росстата²³; для 13 остальных независимых государств за исключением Туркменистана для периода 1992–2023 гг. — из базы данных Всемирного банка «Показатели мирового развития» (World Development

Indicators DataBank)²⁴. Данные за 1991 г., имеющиеся пропуски по значениям инфляции для 1992–2023 гг.,²⁵ а также данные по инфляции в Туркменистане были заполнены за счет статистики по ИПЦ из базы данных МВФ «Перспективы развития мировой экономики» (World Economic Outlook) за апрель 1999 гт.²⁶ и за октябрь 2024 г.²⁷ В качестве альтернативы для 11 государств (кроме трёх прибалтийских республик и Грузии) мы также задействовали данные по уровню инфляции из базы данных Статкомитета СНГ²⁸ (ещё один вариант расчётов в рамках первого подхода).

Методический подход № 2. Второй подход к расчёту заработных плат позволяет сравнивать текущий уровень заработных плат с эквивалентами заработных плат других лет, выраженными через номинальный курс национальной валюты к доллару США, как ведущей мировой резервной валюте в течение рассматриваемого периода, через которую в рамках современной глобальной финансовой системы производятся расчёты большинства кросс-курсов валют развивающихся стран [36]. Для вычислений мы использовали данные Банка России по официальному курсу советского рубля, который устанавливал Госбанк СССР, по отношению к доллару США, на основе которых мы рассчитали среднегодовые курсы для периода 1960–1991 гг.,²⁹ и данные портала «Inflation Rates and CPI»

¹⁹ Майер В.Ф. Уровень жизни населения СССР. — Москва : Мысль, 1977. — С. 252.

²⁰ Там же. С. 249.

²¹ Объем торговли на колхозных рынках в фактических ценах составлял 4,5% в 1960 г., 2,6% в 1970 г., 2,7% в 1980 г. и 2,8% в 1990 г. Более значительную роль в торговом обороте колхозные рынки играли в 1930–1950-х гг. с долей в 14,3% в 1940 г. и 12,0% в 1950 г. (данные по сборникам: Народное хозяйство СССР в 1970 г., с. 576; в 1990 г., с. 119).

²² Народное хозяйство СССР в 1990 г., с. 119.

²³ Индексы потребительских цен на товары и услуги по Российской Федерации в 1991–2025 / Росстат, 2025. — URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ipc_mes_03-2025.xlsx (дата обращения: 20.03.2025).

²⁴ World Development Indicators DataBank / World Bank, 2025. — URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения: 06.02.2025).

²⁵ В базе данных Всемирного банка отсутствовали значения по инфляции для Армении, Казахстана за 1992–1993 гг., для Беларуси, Эстонии и Украины — за 1992 г., для Грузии — за 1992–1994 гг., для Киргизии — за 1992–1995 гг., для Таджикистана — за 1992–2000 гг. и 2017–2023 гг., для Узбекистана — за 1992–2010 гг. и 2023 г.

²⁶ World Economic Outlook Database April 1999 / International Monetary Fund, 2025. — URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/1999/April> (дата обращения: 27.01.2025).

²⁷ World Economic Outlook Database, October 2024 / International Monetary Fund, 2025. — URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2024/October> (дата обращения: 27.01.2025).

²⁸ Индекс потребительских цен / База данных Статкомитета СНГ, 2025. — URL: <https://new.cisstat.org/web/guest/cis-stat-home> (дата обращения: 06.02.2025).

²⁹ Доллар США / Курсы валют за период до 01.07.1992 // Банк России, 2025. — URL: <https://cbr.ru/currencybase/dynamics/> (дата обращения: 27.01.2025).

об уровне инфляции в США в каждом году в период 1960–2023 гг.³⁰ Также для возможности построения непрерывных временных рядов мы рассчитали среднегодовые курсы национальных валют 15 республик, выраженные в советских рублях, к долларам США³¹. Для этого мы взяли статистику по объёму ВВП в национальных валютах в период 1991–2023 гг. из базы данных Статкомитета СНГ (для 11 государств) и статистику, предоставляемую Всемирным банком (для трёх республик Прибалтики, Грузии, для Туркменистана в период 1990–1999 гг., а также для всех остальных республик для 1990 г.).

Значения ВВП в национальных валютах мы преобразовали в советские рубли с использованием коэффициентов, использовавшихся при проведении деноминаций, и обменных курсов при обмене валют. Также мы задействовали данные Всемирного банка по объёму ВВП всех рассматриваемых государств в долларах США по номинальным курсам, дополненные в случае имеющихся пропусков³² статистикой, взятой на портале «Trading Economics»³³. Расчёт среднегодовых обменных курсов проводился по формуле:

$$EXR_{country,i}^{SUR/USDCUR} = GDP_{country,i}^{SUR} / GDP_{country,i}^{USDCUR} \quad (3)$$

где $EXR_{country,i}^{SUR/USDCUR}$ — курс местной валюты страны, выраженной в советских рублях (SUR), к доллару США (по номиналу — $USDCUR$) в определённый год i , $GDP_{country,i}^{SUR}$ — ВВП страны в год i , выраженный в рублях СССР, $GDP_{country,i}^{USDCUR}$ — ВВП страны, выраженный в долларах США по текущему курсу в год i .

Для определения динамики заработных плат на первом этапе мы конвертировали значения номинальных заработных плат из рублей СССР ($Wage_{country,i}^{SUR}$) в доллары США ($Wage_{country,i}^{USDCUR}$) для каждого рассматриваемого года i по средневзвешенному обменному курсу ($EXR_{country,i}^{SUR/USDCUR}$) по формуле:

$$Wage_{country,i}^{USDCUR} = Wage_{country,i}^{SUR} / EXR_{country,i}^{SUR/USDCUR} \quad (4)$$

На втором этапе мы вычислили эквивалент заработной платы 1990 г. в долларах США для каждого года с учётом обесценения (инфляции) национальной валюты США по формуле (1) для периода 1991–2023 гг. и по формуле (2) для периода 1960–1989 гг. Также мы рассчитали эквивалент заработной платы 2023 г. в долларах США по номинальным обменным курсам для каждого года с учётом инфляции в американской экономике по формуле (2).

На третьем этапе мы провели обратную конвертацию эквивалентов заработных плат 1990 г. ($Wage_{country,i}^{1990USDCUR}$) и 2023 г. ($Wage_{country,i}^{2023USDCUR}$) в советские рубли ($Wage_{country,i}^{1990SUR}$; $Wage_{country,i}^{2023SUR}$) с использованием официальных курсов Госбанка СССР в период 1960–1990 гг. и полученных выше курсов национальных валют, выраженных через рубль СССР, к долларам США в 1991–2023 гг. по формулам:

$$Wage_{country,i}^{1990SUR} = Wage_{country,i}^{1990USDCUR} \times EXR_{country,i}^{SUR/USDCUR} \quad (5)$$

$$Wage_{country,i}^{2023SUR} = Wage_{country,i}^{2023USDCUR} \times EXR_{country,i}^{SUR/USDCUR} \quad (6)$$

³⁰ Historical inflation rates for United States of America. November 2024 // Inflation Rates and CPI, 2024. — URL: <https://www.rateinflation.com/inflation-rate/usa-historical-inflation-rate> (дата обращения: 11.12.2024).

³¹ Из-за расхождения после 1991 г. уровней инфляции в 15 новых независимых государствах курс национальных валют, выраженный в советских рублях, к долларам США отличался соответствующим образом.

³² В базе Всемирного банка «Показатели мирового развития» отсутствовали данные по объёму ВВП в долларах США по номиналу для Беларуси за период 1990–1991 гг., для Эстонии — за период 1990–1992 гг., для Латвии и Литвы — за период 1990–1994 гг.

³³ Trading Economics, 2025. — URL: <https://tradingeconomics.com/> (дата обращения: 06.02.2025).

Методический подход № 3. Третий подход позволяет учесть при расчётах динамику покупательной способности заработных плат, используя показатель уровня заработных плат по ППС. Для периода 1990–2023 гг. мы задействовали показатели ВВП рассматриваемых стран по ППС в текущих и постоянных ценах, предоставляемые Всемирным банком в уже упомянутой базе данных «Показатели мирового развития». На первом этапе были получены переводные коэффициенты для каждой республики из номинальных долларов США в доллары по ППС в текущих ценах по формуле:

$$EXR_{country, i}^{USDPPP/USDCUR} = GDP_{country, i}^{USDPPP} / GDP_{country, i}^{USDCUR} \quad (7)$$

где $EXR_{country, i}^{USDPPP/USDCUR}$ — это искомый переводной коэффициент для страны в год i , $GDP_{country, y}^{USDPPP}$ — ВВП страны в долларах США по ППС в текущих ценах в год i , $GDP_{country, i}^{USDCUR}$ — ВВП страны в долларах США по номиналу в год i .

На втором этапе мы рассчитали переводной коэффициент для каждой республики из долларов США по ППС в текущих ценах в доллары США по ППС в постоянных ценах по формуле:

$$EXR_{country, i}^{USDPPPCONST/USDPPP} = GDP_{country, i}^{USDPPPCONST} / GDP_{country, i}^{USDPPP} \quad (8)$$

где $EXR_{country, i}^{USDPPPCONST/USDPPP}$ обозначает указанный коэффициент для страны в год i , $GDP_{country, i}^{USDPPPCONST}$ — ВВП страны в долларах США по ППС в постоянных ценах в год i .

На третьем этапе вычислялись значения среднемесячной заработной платы в рассматриваемых странах для каждого года в долларах США по ППС в текущих ценах ($Wage_{country, y}^{USDPPP}$) и по ППС в долларах США в постоянных ценах ($Wage_{country, y}^{USDPPPCONST}$) по формулам:

$$Wage_{country, y}^{USDPPP} = Wage_{country, y}^{USDCUR} \times EXR_{country, i}^{USDPPP/USDCUR} \quad (9)$$

$$Wage_{country, y}^{USDPPPCONST} = Wage_{country, y}^{USDPPP} \times EXR_{country, i}^{USDPPPCONST/USDPPP} \quad (10)$$

Рассчитанные нами по данным Всемирного банка для 15 республик курсы советского рубля к доллару США в 1990 г. серьёзно отличались друг от друга — от 1,25 руб. за доллар для РСФСР до 4,46 руб. за доллар для Армянской ССР (табл. 2). Были обнаружены значительные диспаритеты в переводных коэффициентах, конвертирующих значения из долларов по номиналу в доллары по ППС в текущих ценах для того же года: уровень заработных плат по ППС по 15 республикам варьировал от 235 долларов в Армянской ССР до 773 долларов в Казахской ССР (разница в 3,29 раза), что маловероятно в условиях действовавшей плановой экономики и системы распределения товаров по еди-

ным ценам (хотя параллельно с 1988 г. развивалась кооперация). Поэтому мы рассчитали динамику заработных плат как с полуженными разными значениями (первый вариант), так и со средневзвешенными значениями этих показателей (второй вариант) для всех республик для 1990 года³⁴.

Для 1960–1990 гг. в связи с отсутствием надёжных данных по 15 республикам о переводных коэффициентах между значениями ВВП по ППС и ВВП в советских рублях в течение всего данного периода для решения данной проблемы мы использовали определение относительного ППС как разницы в уровнях инфляции между странами (в нашем случае — между СССР и США)³⁵.

³⁴ В качестве весов использовались, соответственно, доли союзных республик в ВВП СССР в долларах США по номиналу и в ВВП СССР в долларах США по ППС в текущих ценах.

³⁵ Krugman P.R., Obstfeld M. International economics: Theory and policy: 6th edition. — London, Pearson College, 2008. — P. 391–392.

Таблица 2

Рассчитанные курсы рубля СССР к доллару США и коэффициенты перевода в доллары по ППС по данным Всемирного банка для союзных республик, 1990 год

Table 2

Computed exchange rates of the Soviet ruble against the US dollar and coefficients for converting into the US dollar for the Union Republics, according to the World Bank data, 1990

Территория	Курс рубля СССР к доллару США	Коэффициент перевода в доллары по ППС	Уровень заработных плат в долларах по ППС
Азербайджанская ССР	1,65	4,24	500
Армянская ССР	4,46	4,34	235
Белорусская ССР	2,00	2,46	325
Грузинская ССР	2,00	3,74	400
Казахская ССР	1,72	5,02	773
Киргизская ССР	3,20	4,18	286
Латвийская ССР	2,62	2,77	307
Литовская ССР	1,37	3,13	645
Молдавская ССР	3,60	5,75	372
РСФСР	1,25	2,30	547
Таджикская ССР	2,80	5,36	396
Туркменская ССР	2,50	6,67	650
Узбекская ССР	2,43	4,08	362
Украинская ССР	2,10	4,97	588
Эстонская ССР	1,66	2,34	482

Источник: рассчитано автором по данным: см. список источников в сносках 11, 24.

Имея все необходимые данные по состоя- в долларах США по ППС для каждого года (нию на 1990 г. и взяв его в качестве базового, $Wage_{country, i}^{USDPPP}$) в течение 1960–1989 гг. по сле- мы рассчитали эквивалент заработных плат дующей формуле:

$$Wage_{country, i}^{USDPPP} = Wage_{country, i}^{SUR} / EXR_{country, i}^{SUR/USDPPP} \quad (11)$$

При этом переводной коэффициент из советских рублей в доллары США по ППС для базового года ($EXR_{country, 1990}^{SUR/USDPPP}$) рассчитывался как частное от номинального обменного курса «советский рубль — доллар США» ($EXR_{country, 1990}^{SUR/USDCUR}$) и переводного коэффициента между номинальными долларами и долларами США по ППС переводного коэффициента между номинальными долларами и долларами США по ППС ($EXR_{country, i}^{SUR/USDCUR}$) в текущих ценах ($EXR_{country, 1990}^{USDPPP/USDCUR}$):».

$$EXR_{country, 1990}^{SUR/USDPPP} = EXR_{country, 1990}^{SUR/USDCUR} / EXR_{country, 1990}^{USDPPP/USDCUR} \quad (12)$$

Далее для каждого предыдущего года был рассчитан свой переводной коэффициент из советских рублей в доллары США по ППС с учётом разницы в уровнях инфляции между СССР ($CPI_{USSR, 1990-n}$) и США ($CPI_{USA, 1990-n}$) годом ранее по формуле:

$$EXR_{country, 1990-n-1}^{SUR/USDPPP} = EXR_{country, 1990-n}^{SUR/USDPPP} \times (CPI_{USSR, 1990-n} - CPI_{USA, 1990-n}) \quad (13)$$

где $n = 0, 2, 3... 29$, т.е. с 1989 г. по 1960 г. (годы в обратном порядке).

Окончание статьи — см. № 1 журнала «Народонаселение» за 2026 год.

Литература и Интернет-источники

1. **Полетаев, А.В.** Валовой внутренний продукт Российской Федерации в сопоставлении с Соединенными Штатами Америки, 1960–2004 гг.: препринт WP6 / 2006 / 02 / А.В. Полетаев. — Москва : ГУ ВШЭ, 2006. — 48 с.
2. Экономика переходного периода: очерки экономической политики посткоммунистической России, 1998–2002 / ред. Е.Т. Гайдар. — Москва : Дело, 2003. — 832 с. EDN: TWXGZT
3. **Ясин, Е.Г.** Социальные итоги трансформации, или Двадцать лет спустя / Е.Г. Ясин, Г.В. Андрушак, А.Е. Ивантер, [и др.] // Вопросы экономики. — 2011. — № 8. — С. 77–96. DOI: 10.32609 / 0042-8736-2011-8-77-96; EDN: NYBAPB
4. **Дмитриев, М.Э.** Прощай, нищета! / М.Э. Дмитриев, С.Г. Мисихина // Вестник Европы — XXI век. Журнал европейской культуры. — 2012. — № 34–35. — URL : <https://www.vestnik-evropy.ru / issues / goodbye-poverty.html?ysclid=m1xqh2y9wk159320030> (дата обращения: 28.05.2025).
5. **Овчарова, Л.Н.** Доходы и расходы российских домашних хозяйств: что изменилось в массовом стандарте потребления / Л.Н. Овчарова, Д.О. Попова // Мир России. Социология. Этнология. — 2013. — Т. 22 — № 3. — С. 3–34. EDN: QCCUAJ
6. Сбережение народа / ред. Н.М. Римащевская; ИСЭПН РАН. — Москва : Наука, 2007. — 325 с.
7. **Губанов, С.С.** Системный выбор России и уровень жизни / С.С. Губанов // Экономист. — 2011. — № 11. — С. 3–55.
8. **Шевяков, А.Ю.** Неравенство, экономический рост и демография: неисследованные взаимосвязи / А.Ю. Шевяков, А.А. Кирута. — Москва : М–Студио, 2009. — 187 с. EDN: QUPDXR
9. **Бобков, В. Н.** 20 лет капиталистических трансформаций в России: влияние на уровень и качество жизни / В.Н. Бобков // Мир России. Социология. Этнология. — 2012. — № 2. — С. 3–26. EDN: PBNLOF
10. **Римащевская, Н.М.** Социально-экономическое неравенство в России / Н.М. Римащевская, Л.А. Мигранова // Народонаселение. — 2016. — № 3(73). — С. 17–33. EDN: WWRJYX
11. **Жеребин, В.М.** Уровень жизни населения: основные категории, характеристики и методы оценки / В.М. Жеребин, А.Н. Романов. — Москва : ЮНИТИ, 2002. — 592 с.
12. **Айвазян, С.А.** Анализ качества и образа жизни населения: эконометрический подход / С.А. Айвазян. — Москва : Наука, 2012. — 430 с.
13. **Бирман, И.Я.** Уровень жизни: проблемы измерения / И.Я. Бирман // Экономическая наука современной России. — 2000. — № 2. — С. 35–52. EDN: IBJQHX
14. **Зубаревич, Н.В.** Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода / Н.В. Зубаревич. — Москва : УРСС, 2003. — 261 с. EDN: QOCCPZ
15. **Жеребин, В.М.** Качество жизни населения в контексте международных сопоставлений / В.М. Жеребин, А.Н. Романов // Экономика. Налоги. Право. — 2013. — № 6. — С. 86–93. EDN: RUBDMB
16. Уровень и качество жизни населения России: от реальности к проектированию будущего / гл. ред. В.Н. Бобков. — Москва : ФНИСЦ РАН, 2022. — 274 с. DOI: 10.19181 / monogr.978-5-89697-388-1.2022; EDN: WOQAYF
17. Экономика переходного периода: очерки экономической политики посткоммунистической России, 1991–1997 / ред. Е.Т. Гайдар. — Москва : ИЭПП, 1998. — 1113 с. EDN: TWXICP
18. Зарботная плата в России: эволюция и дифференциация / ред. В.Е. Гимпельсон, Р.И. Капелюшников. — Москва : Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2007. — 575 с.
19. **Лукьянова, А.Л.** Дифференциация зарботных плат в России (1991–2008 гг.): факты и объяснения / А.Л. Лукьянова // Журнал Новой экономической ассоциации, 2011. — № 12(12). — С. 124–147. EDN: OKXRUP
20. Мониторинг доходов и уровня жизни населения России — 2020 год / ред. В.Н. Бобков, А.А. Гулюгина. — Москва : Фабрика Офсетной Печати, 2021. — 116 с. DOI: 10.19181 / monogr.978-5-89697-361-4.2021; EDN: POOVUI

21. **Локосов, В.В.** Социология радикальных изменений: трансформация российского общества в 1987–2020 годах / В.В. Локосов. — Москва : ФНИСЦ РАН, 2022. — 552 с. DOI: 10.19181 / monog r.978-5-89697-3935.2022; EDN: WMPHWZ
22. **Сычева, В.С.** Измерение уровня бедности: история вопроса / В.С. Сычева // Социологические исследования. — 1996. — № 3. — С. 141–193.
23. **Ткаченко, А.А.** Бедность населения и неравенство стран: проблемы развития государств СНГ и ЕАЭС / А.А. Ткаченко // Экономика. Налоги. Право. — 2017. — № 4. — С. 14–23. EDN: ZQOHVV
24. **Косарев, А.Е.** Измерение и анализ доходов и благосостояния в странах СНГ и Восточной Европы / А.Е. Косарев // Вопросы статистики. — 2020. — Т. 27. — № 2. — С. 96–107. DOI: 10.34023 / 2313-6383-2020-27-2-96-107; EDN: FNNJPC
25. **Пономаренко, А.Н.** Современные статистические исследования уровня и динамики благосостояния населения России / А.Н. Пономаренко // Вопросы статистики. — 2022. — Т. 29. — № 1. — С. 64–77. DOI: 10.34023 / 2313-6383-2022-29-1-64-77; EDN: NRJWVF
26. **Пономаренко, А.Н.** Ретроспективные национальные счета России: 1961–1990 / А.Н. Пономаренко. — Москва : Финансы и статистика, 2002. — 256 с.
27. **Винокуров, Е.Ю.** Евразийская континентальная интеграция / Е.Ю. Винокуров, А.М. Либман. — Санкт-Петербург: ЦИИ ЕАБР, 2012. — 224 с.
28. **Вардомский, Л.Б.** Страны Южного Кавказа: особенности развития и регионального взаимодействия / Л.Б. Вардомский, А.Г. Пылин, Т.В. Соколова. — Москва : Институт экономики РАН, 2014. — 72 с. EDN: RXNXAK
29. **Глинкина, С.П.** Страны Центрально-Восточной Европы: евроинтеграция и экономический рост: научный доклад / С.П. Глинкина, Н.В. Куликова, И.С. Сеницина. — Москва : Институт экономики РАН, 2014. — 84 с. EDN: TLDJHZ
30. **Косарева, Н.Б.** Анализ состояния жилищной сферы на территориях основных российских городских агломераций / Н.Б. Косарева, Т.Д. Полиди. — Москва : Фонд ИЭГ, 2019. — 97 с.
31. **Карамурзов, Р. Б.** О реальной заработной плате населения в странах СНГ и Грузии в 1990–2010 гг. / Р.Б. Карамурзов // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. — 2014. — № 9(69). — Ст. 1. EDN: SZTNKJ
32. **Карамурзов, Р.Б.** Социально-экономическое развитие стран Центральной Азии и Южного Кавказа (1990–2010 гг.) / Р.Б. Карамурзов. — Москва : ИСЭА МГУ имени М.В. Ломоносова, 2014. — 261 с.
33. **Ovcharova, L.** What Kind of Poverty Alleviation Policy Does Russia Need? / L. Ovcharova, D. Popova // Russian Economic Trends. — 2001. — Vol. 10. — Iss. 1. — P. 7–14. DOI: 10.1111 / 1467-9426.00160
34. **Пилипенко, И.В.** Переходный процесс и институты: к вопросу об уровне жизни в странах Центрально-Восточной Европы — членах Европейского союза / И.В. Пилипенко // Балтийский регион. — 2021. — Т. 13. — № 1. — С. 153–179. DOI: 10.5922 / 2079-8555-2021-1-9; EDN: OKZCJP
35. **Пилипенко, И.В.** Проблемы перехода к расчетам в национальных валютах в рамках БРИКС и новая расчётная единица uniclear-БРИКС-9 / И.В. Пилипенко // ЭКО. — 2024. — Т. 54. — № 3. — P. 52–79. DOI: 10.30680 / ECO0131-7652-2024-3-52-79; EDN: ARFD0U

Сведения об авторе:

Пилипенко Игорь Валерьевич, к.геогр.н., МРА, ведущий научный сотрудник, Институт истории, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия; зав. лабораторией, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: i-pilipenko@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-8108-7253; ПИНЦ SPIN-код: 1304–8386.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-155-170

THREE METHODOICAL APPROACHES TO COMPARING THE DYNAMICS OF WAGES IN 15 REPUBLICS OF THE USSR AND POST-SOVIET STATES IN THE 1960S – 2020S (PART I)

Igor V. Pilipenko

Saint Petersburg State University,
(5 Mendelevskaya Line, Saint Petersburg, Russia, 199034)

ISESP FCTAS RAS

(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)

E-mail: i-pilipenko@yandex.ru

Funding:

The research was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project No. 23-18-00249) «The standard of living of the population of Russia in the 20th – early 21st centuries according to traditional and alternative indicators». URL: <https://rscf.ru/project/23-18-00249/>.

For citation:

Pilipenko I. V. Three methodical approaches to comparing the dynamics of wages in 15 Republics of the USSR and post-Soviet states in the 1960s – 2020s (Part I). *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 4. P. 155-170. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-155-170 (in Russ.)

Abstract. *The main goal of the article is to compare the standard of living in the Union Republics and the post-Soviet states by estimating the dynamics of levels and purchasing power of wages of the population within the planned and the market economy. Making use of the statistical data of the Central Statistical Administrations of the USSR and the Union Republics, the Interstate Statistical Committee of the Commonwealth of Independent States, the World Bank, the International Monetary Fund, the United Nations Economic Commission for Europe as well as the national governments, we composed time series for all the 15 republics of the USSR and the post-Soviet states for the period from 1960 to 2023 that were converted into the Soviet ruble equivalent for cross-country comparisons. Three methodical approaches to calculations of the dynamics of real wages during the 64-year period are presented in Part I and Part II of the article. The first approach takes into account the consumer price index (inflation) in the 15 states. Under the second approach, we used official exchange rates of national currencies against the US dollar as the major reserve currency in the world economy during the period considered. Within the third approach, for the first time in the Russian-language literature, we calculated coefficients for converting wages into their purchasing power equivalents in the US dollars at current and constant prices. The main characteristics of each methodical approach are examined, and different results of calculations of wage levels for 15 republics are discussed. The article suggests using the tool of the purchasing power parity of wages within the third approach as the main method for studies of real standards of living dynamics in the post-Soviet republics and for cross-country comparisons over time. In Part II of the article, we also identify six additional factors that affect the dynamics and the level of wages in the planned and the market economy that allow improving further calculations in studies on this topic.*

Keywords: wage, purchasing power parity, time series, earnings, expenditures, planned economy, market economy, USSR, post-Soviet state.

References and Internet sources

1. Poletaev A. V. Valovoy vnutrenniy produkt Rossiyskoy Federatsii v sopostavlenii s Sojedinennymi Shtatami Ameriki, 1960–2004 gg. [Gross Domestic Product of the Russian Federation in Comparison with the United States, 1960–2004]. Preprint WP6/2006/02. Moscow. VShE [Higher School of Economics]. 2006. 48 p. (in Russ.)
2. Ekonomika perekhodnogo perioda: ocherki ekonomicheskoy politiki postkommunisticheskoy Rossii, 1998–2002 [The Economy in Transition: Essays on the Economic Policy of Post-Communist Russia, 1998–2002]. Ed. Ye. T. Gaidar. Moscow. Delo [Delo]. 2003. 832 p. (in Russ.)
3. Yasin Ye. G., Andrushchak G. V., Ivanter A. E., et.al. Sotsial'nye itogi transformatsii, ili dvadtsat' let spustya [Social results of the transformation, or twenty years after]. Voprosy Ekonomiki [Issues of Economics]. 2011. No. 8. P. 77–96. DOI: 10.32609/0042-8736-2011-8-77-96 (in Russ.)
4. Dmitriev M. E., Misikhina S. G. Proshchay, nishcheta! [Good bye, poverty!]. Vestnik Yevropy – 21 vek. Zhurnal yevropeyskoy kul'tury [Herald of Europe – 21st Century. Journal of European Culture]. 2012. No. 34–35. Available at: <https://www.vestnik-evropy.ru/issues/goodbye-poverty.html?ysclid=m1xqh2y9wk159320030> (Accessed: 28 May, 2025). (in Russ.)
5. Ovcharova L. N., Popova D. O. Dohody i raskhody rossiyskikh domashnikh khozyaystv: chto izmenilos' v massovom standarte potrebleniya [Cash income and expenditure of the Russian population: what are the changes in consumer's standard]. Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya [Universe of Russia. Sociology. Ethnology]. 2013. Vol. 22. No. 3. P. 3–34. (in Russ.)
6. Sberezhenie naroda [Saving the People]. Ed. N. M. Rimashevskaya. Moscow. Nauka [Science]. 2007. 325 p. (in Russ.)
7. Gubanov S. S. Sistemnyy vybor Rossii i uroven' zhizni [The systemic choice of Russia and the standard of living]. Ekonomist [Economist]. 2011. No. 11. P. 3–55. (in Russ.)
8. Shevyakov A. Yu., Kiruta A. Ya. Neravenstvo, ekonomicheskii rost i demografiya: neissledovannyye vzaimosvyazi [Inequality, Economic Growth and Demography: Unstudied Interrelations]. Moscow. M-Studio. 2009. 187 p. (in Russ.)
9. Bobkov V. N. 20 let kapitalisticheskikh transformatsiy v Rossii: vliyanije na uroven' i kachestvo zhizni [20 years of capitalist transformations in Russia: effects on living standards]. Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya [Universe of Russia. Sociology. Ethnology]. 2012. No. 2. P. 3–26. (in Russ.)
10. Rimashevskaya N. M., Migranova L. A. Sotsial'no-ekonomicheskoe neravenstvo v Rossii [Socio-economic inequality in Russia]. Narodonaselenije [Population]. 2016. No. 3(73). P. 17–33. (in Russ.)
11. Zherebin V. M., Romanov A. N. Uroven' zhizni naseleniya: osnovnyye kategorii, kharakteristiki i metody otsenki [Living Standards of Population: Main Categories, Characteristics and Estimation Methods]. Moscow. YuNITI. 2002. 592 p. (in Russ.)
12. Ayvazyan S. A. Analiz kachestva i obraza zhizni naseleniya: ekonometricheskii podkhod [Analysis of the Quality and Lifestyle of Population: an Econometric Approach]. Moscow. Nauka [Science]. 2012. 430 p. (in Russ.)
13. Birman I. Ya. Uroven' zhizni: problemy izmereniya [The level of life: the measuring problems]. Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii [Economics of Contemporary Russia]. 2000. No. 2. P. 35–52. (in Russ.)
14. Zubarevich N. V. Sotsial'noye razvitije regionov Rossii: problemy i tendentsii perekhodnogo perioda [Social Development of the Regions of Russia: Problems and Tendencies of the Transition Period]. Moscow. URSS. 2003. 261 p. (in Russ.)
15. Zherebin V. M., Romanov A. N. Kachestvo zhizni naseleniya v kontekste mezhdunarodnykh sopostavleniy [Quality of life of the population in the context of international comparisons]. Ekonomika. Nalogi. Pravo [Economics, Taxes and Law]. 2013. No. 6. P. 86–93. (in Russ.)
16. Uroven' i kachestvo zhizni naseleniya Rossii: ot real'nosti k proektirovaniyu budushchego [The Level and Quality of Life of the Russian Population: from the Reality to Designing the Future]. Ed. V. N. Bobkov. FNISTs RAN [FCTAS RAS]. 2022. 274 p. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-388-1.2022 (in Russ.)
17. Ekonomika perekhodnogo perioda: ocherki ekonomicheskoy politiki postkommunisticheskoy Rossii, 1991–1997 [The Economy in Transition: Essays on the Economic Policy of Post-Communist Russia, 1991–1997].

- Russia, 1991–1997]. Ed. Ye. T. Gaidar. Moscow. IEPP [Institute for the Economy in Transition]. 1998. 1113 p. (in Russ.)
18. Zarabotnaya plata v Rossii: evolyutsiya i differentsiatsiya [*Wages in Russia: Evolution and Differentiation*]. Eds. V.E. Gimpelson, R.I. Kapelyushnikov. Moscow. VShE [Higher School of Economics]. 2007. 575 p. (in Russ.)
 19. Lukiyanova A. L. Differentsiatsiya zarabotnykh plat v Rossii (1991–2008 gg.): fakty i ob'yasneniya [*Wage inequality in Russian economic transition (1991–2008): stylized facts and explanations*]. Zhurnal novoy ekonomicheskoy assotsiatsii [*Journal of the New Economic Association*]. 2011. No. 12(12). P. 124–147. (in Russ.)
 20. Monitoring dokhodov i urovnya zhizni naseleniya Rossii — 2020 god [*Monitoring of Incomes and Living Standards of the Population of Russia — 2020*]. Eds. V.N. Bobkov, A.A. Gulyugina. Moscow. Fabrika Ofsetnoy Pechati [Offset Printing Shop]. 2021. 116 p. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-361-4.2021 (in Russ.)
 21. Lokosov V. V. Sotsiologiya radikal'nykh izmeneniy: transformatsiya rossiyskogo obshchestva v 1987–2020 godah [*Sociology of Radical Changes: Transformation of the Russian Society in 1987–2020*]. Moscow. FNISts RAN [FCTAS RAS]. 2022. 552 p. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-3935.2022 (in Russ.)
 22. Sycheva V. S. Izmerenije urovnya bednosti: istoriya voprosa [Measuring the level of poverty: historical background]. Sotsiologicheskije issledovaniya [*Sociological Studies*]. 1996. No. 3. P. 141–149. (in Russ.)
 23. Tkachenko A. A. Bednost' naseleniya i neravenstvo stran: problemy razvitiya gosudarstv SNG i YeAES [Poverty of population and inequality of countries: development problems of CIS and EAEU states]. Ekonomika. Nalogi. Pravo [*Economics, Taxes & Law*]. 2017. No. 4. P. 14–23. (in Russ.)
 24. Kosarev A. E. Izmerenije i analiz dokhodov i blagosostoyaniya v stranakh SNG i Vostochnoy Yevropy [Measuring and analyzing income and wealth in CIS countries and Eastern Europe]. Voprosy statistiki [*Statistical Issues*]. 2020. Vol. 27. No. 2. P. 96–107. DOI: 10.34023/2313-6383-2020-27-2-96-107 (in Russ.)
 25. Ponomarenko A. N. Sovremennyye statisticheskiye issledovaniya urovnya i dinamiki blagosostoyaniya naseleniya Rossii [Contemporary statistical studies of the Russian population welfare level and dynamics]. Voprosy statistiki [*Statistical Issues*]. 2022. Vol. 29. No. 1. P. 64–77. DOI: 10.34023/2313-6383-2022-29-1-64-77 (in Russ.)
 26. Ponomarenko A. N. Retrospektivnyye natsional'nyye scheta Rossii: 1961–1990 [*Retrospective National Accounts of Russia: 1961–1990*]. Moscow. Finansy i statistika [Finance and Statistics]. 2002. 256 p. (in Russ.)
 27. Vinokurov E. Yu., Libman A. M. Yevraziyskaya kontinental'naya integratsiya [*The Eurasian Continental Integration*]. Saint Petersburg. TsII YeABR [EADB Center for Integration Studies]. 2012. 224 p. (in Russ.)
 28. Vardomsky L. B., Pylin A. G., Sokolova T. B. Strany Yuzhnogo Kavkaza: osobennosti razvitiya i regional'nogo vzaimodeystviya [*The South Caucasus Countries: Features of Development and Regional Cooperation*]. Moscow. Institut ekonomiki RAN [Institute of Economics RAS]. 2014. 72 p. (in Russ.)
 29. Glinkina S. P., Kulikova N. V., Sinitsina I. S. Strany Tsentral'no-Vostochnoy Yevropy: yevro-integratsiya i ekonomicheskij rost [*Central and Eastern European Countries: European Integration and Economic Growth*]. Scientific report. Moscow. Institut ekonomiki RAN [Institute of Economics RAS]. 2007. 84 p. (in Russ.)
 30. Kosareva N. B., Polidi T. D. Analiz sostoyaniya zhilishchnoy sfery na territoriyakh osnovnykh rossiyskikh gorodskikh aglomeratsiy [*Analysis of the Housing Sphere Condition in the Territories of the Main Russian Urban Agglomerations*]. Moscow. Fond IEG [IUE Foundation]. 2019. 97 p. (in Russ.)
 31. Karamurзов R. B. O real'noy zarabotnoy plate naseleniya v stranakh SNG i Gruzii v 1990–2010 gg. [On the real wages in CIS countries and Georgia (1990–2010)]. Upravlenije ekonomicheskimi sistemami: elektronnyy nauchnyy zhurnal [*Management of Economic Systems: Electronic Academic Journal*]. 2014. No. 9(69). P. 1. (in Russ.)

32. Karamurзов R. B. Sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye stran Tsentral'noy Azii i Yuzhnogo Kavkaza (1990–2010 gg.) [*Socio-Economic Development of the Countries of Central Asia and South Caucasus (1990–2010)*]. Moscow. ISAA MGU imeni M. V. Lomonosova [IAAC of Lomonosov Moscow State University]. 2014. 261 p. (in Russ.)
33. Ovcharova L., Popova D. What kind of poverty alleviation policy does Russia need? [*Russian Economic Trends*]. 2001. Vol. 10. Iss. 1. P. 7–14. DOI: 10.1111/1467-9426.00160
34. Pilipenko I. V. Perekhodnyy protsess i instituty: k voprosu ob urovne zhizni v stranakh Tsentral'no-Vostochnoy Yevropy — chlenakh Yevropeyskogo soyuza [The transition process and institutions: on the issue of the standard of living in the countries of Central and Eastern Europe — members of the European Union]. Baltiyskiy region [*Baltic Region*]. 2021. Vol. 13. No. 1. P. 153–179. DOI: 10.5922/2079-8555-2021-1-9 (in Russ.)
35. Pilipenko I. V. Problemy perekhoda k raschotam v natsional'nykh valyutakh v ramkakh BRIKS i novaya raschetnaya edinitsa unicular-BRIKS-9 [Problems of transition to settlements in national currencies within BRICS and the project of a new unit of account, the unicular-BRICS-9]. EKO [ECO]. 2024. Vol. 54. No. 3. P. 52–79. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2024-3-52-79 (in Russ.)

Information about the author:

Pilipenko Igor Valeryevich, Candidate of Geography, MPA, Leading Researcher, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; Head of Laboratory, ISESP FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: i-pilipenko@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-8108-7253; Elibrary SPIN-code: 1304–8386.

Статья поступила в редакцию 11.08.2025, утверждена 10.11.2025, опубликована 30.12.2025.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-171-183
EDN: QMJSMW

МАКРОЭКОНОМИКА И ДЕМОГРАФИЯ В ПРОГНОЗИРОВАНИИ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

Кашепов А. В.

ИДИ ФНИСЦ РАН

(119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, к. 1)

E-mail: avkash@list.ru

Для цитирования:

Кашепов А. В. Макроэкономика и демография в прогнозировании занятости населения // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 4. — С. 171-183. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-171-183; EDN: QMJSMW

Аннотация. В статье рассматривается методология и результаты разработки прогноза баланса трудовых ресурсов РФ на перспективу до 2027 года. Актуальность исследования предопределяется изменениями в политике, экономике и демографической ситуации, часть из которых поддаётся анализу и прогнозированию, другие не являются прогнозируемыми. Цель — тестирование традиционной методологии баланса трудовых ресурсов, как инструмента интеграции потоков экономической и демографической информации в процессе прогнозирования занятости населения. В результате исследования разработаны вариантные оценки и прогнозы на 2025–2027 гг. численности и структуры трудовых ресурсов России, в том числе трудоспособного населения в трудоспособном возрасте, лиц за пределами трудоспособного возраста и трудовых мигрантов, занятых и безработных. Предполагается, что в среднесрочной перспективе сохранится тренд экономического роста, который будет оказывать постепенно ослабевающее давление на макро-рынок труда, поддерживая сформировавшийся в течение 2010–2020-х гг. системный дефицит трудовых ресурсов, и создавать базу для конкуренции работодателей за рабочую силу и повышения заработной платы. Демографическая ситуация в среднесрочной перспективе будет складываться из периодических подъёмов номинальной численности населения трудоспособного возраста в ходе заключительного этапа пенсионной реформы, которые не окажут значимого влияния на количество рабочей силы. Общее количество трудоспособного населения и рабочей силы будет зависеть от трудовой миграции, которая в настоящее время создает многочисленные проблемы и порождает антимигрантские настроения в обществе и соответствующую реакцию властей. Поэтому в основном экономика будет вынуждена обеспечиваться стабильной численностью трудовых ресурсов без их существенного расширения. Безработица останется примерно на нынешнем уровне, который в макроэкономическом смысле является низким.

Ключевые слова: макроэкономика труда, прогноз занятости населения, экономические факторы занятости, демографические факторы занятости, баланс трудовых ресурсов.

Введение

Термин «макроэкономика труда» одними из первых в отечественной науке использовали Ю.Г. Одегов с соавторами в 2007 г. [1]. Однако фактически этот подход без употребления данного термина использовался В.Г. Костаковым [2] и другими прогнозистами занятости в рамках методологии баланса трудовых ресурсов ещё в советское время и в 1990-е–2000-е годы. В настоящее время в этой парадигме работают А.В. Топилин, О.Д. Воробьева [3], Н.В. Локтюхина [4] и другие учёные. Анализ и прогнозирование межотраслевых балансов трудовых ресурсов на методологической основе «баланса народного хозяйства», разработанного в советское время, и моделей «затраты–выпуск» производит А.Г. Коровкин [5]. Прогнозы занятости на основе микроэкономического анализа и математических моделей без использования балансовой методологии разрабатывают В.Е. Гимпельсон и Р.И. Капелюшников [6] Обзор методологии балансов трудовых ресурсов и их прогнозирования содержится в работе А.В. Кашепова [7].

В аналитической сфере макроэкономический подход к занятости и рынку труда подразумевает исследование формально-статистических и содержательных взаимосвязей между уровнями занятости, безработицы, спроса на труд в экономике с динамикой ВВП, инфляцией, инвестициями, уровнем и динамикой доходов, в том числе заработной платы, производительностью труда и другими феноменами. Большинство перечисленных явлений и процессов, отражаемых разнородными количественными показателями, перекрёстно связаны друг с другом. Например, инфляция связана с государственными расходами и динамикой ВВП, а все они — с уровнем и динамикой занятости населения.

Целью статьи является демонстрация возможностей использования методологии традиционного баланса трудовых ресурсов для интеграции потоков экономической, демографической и политической информации в процессе прогнозирования

занятости населения. Поставлена задача на этой основе выработать прогнозы на перспективу 2025–2027 гг. численности и структуры трудовых ресурсов, в том числе трудоспособного населения в трудоспособном возрасте, трудовых мигрантов, занятых и безработных.

Основным методом анализа и прогноза занятости в статье является метод баланса трудовых ресурсов. Для увязки большого числа макроэкономических, демографических и трудовых показателей можно применять модели и методы расчётов, которые позволяют связать макроэкономические и трудовые показатели по принципу «все со всеми». Но можно выделять ключевую взаимосвязь — например, между ВВП и уровнем занятости. Этот последний подход реализуется в данной статье. Помимо баланса трудовых ресурсов в работе используются методы ретроспективного анализа статистических данных, аналитических таблиц, корреляции и регрессии. В качестве источников данных выступают серии экономических и демографических сборников и бюллетеней Росстата¹, а также документы министерств РФ экономического развития (МЭР), финансов (Минфин) и труда (Минтруд).

Макроэкономика: факторы спроса на труд.

В 1990-е гг. популярным трендом в российской науке было заимствование из иностранных работ формул и коэффициентов, связывающих безработицу и ВВП («за-

¹ Российский статистический ежегодник. Статистические сборники. — Москва : Росстат, 2020–2024. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994>; Социально-экономическое положение России. Доклады, 2020–2025. — Москва : Росстат. — URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801>; Демографический ежегодник России. 2023. Статистический сборник. — Москва, 2023. — URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Demogr_ejegod_2023.pdf; Труд и занятость в России. Статистические сборники. — Москва : Росстат, 2020–2023 гг. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13210>; Итоги выборочного обследования рабочей силы. Статистические бюллетени, 2020–2024 гг. — Москва : Росстат. — URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265>; Предположительная численность населения Российской Федерации. — Москва : Росстат, 2023. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 04.04.2025).

кон Оукена»²), инфляцию и безработицу («кривая Филлипса»³), большинство которых были написаны в 1960–1970-е гг. и уже к тому времени не адекватно отражали ситуацию на рынках труда в странах происхождения — Великобритании и США. После того, как выяснилось, что простая подстановка российских данных в эти иностранные формулы не дает надёжных результатов, российские «трудовики» частично утратили интерес к макроэкономике и ушли в микроэкономiku, ограничив горизонт своего внимания отраслевыми, профессиональными и региональными проблемами, практическими вопросами рынка труда.

Автор придерживается точки зрения, что при разработке прогнозов занятости как по стране в целом, так и по регионам, нет серьёзной альтернативы макроэкономическому подходу, который позволяет оценить перспективные параметры спроса на труд со стороны экономики. Предложение труда при этом оценивается на основе демографического прогноза с учётом социальных и институциональных факторов и ограничений. Таким образом, на стыке макроэкономики и демографии разрабатывается прогноз занятости населения. Актуальность разработки такого прогноза определяется не только научным интересом, но также и тем, что в официальных прогнозах Министерства экономического развития (МЭР) РФ на среднесрочную перспективу присутствует минимальное количество трудовых показателей, а те, которые присутствуют, по своей надёжности существенно отстают от отраслевых экономических, финансовых и других показателей. Иначе говоря, официальные прогнозы более достоверно предсказывают ВВП и инфляцию, чем занятость и безработицу. Официальные прогнозы занятости не увязываются с демогра-

фической ситуацией, миграцией населения и вообще с социальной обстановкой в стране. Поэтому любая альтернатива таким прогнозам актуальна и полезна.

В РФ мало распространена практика критики официальных социальных, экономических и демографических прогнозов. Обычно, если ошибки прогнозирования не нанесли прямого ущерба государству или крупным хозяйственным субъектам, никто не анализирует неудачи ранее опубликованных прогнозов. Но можно анализировать свои собственные неофициальные прогнозы. Приведем пример критического разбора нашего прогноза занятости, разработанного в 2012 г. [8]. Предполагалось, что к 2020 г. численность экономически активного населения, в 2015 г. переименованного Росстатом в «рабочую силу», достигнет 69,4–71,2 млн человек, численность занятых снизится до 64,9–66,8 млн человек, а безработица составит 4,5–6,3 млн человек, то есть 6,5–8,8%. Снижение численности занятых и рост безработицы должны были быть предопределены опережающим ростом производительности труда, заложенным в прогнозы МЭР.

Однако Росстат на конец 2020 г. показал численность рабочей силы 74,9 млн человек, занятых — 70,6 млн, безработных — 4,3 млн человек, уровень безработицы — 5,8%⁴. К непрогнозируемым в 2012 г. факторам, обесценившим прогноз занятости на указанный период, относятся начало конфликта на Украине в 2014 г., последовавшие за этим санкции, вызвавшие экономическую рецессию в РФ. Также в 2012 г. было невозможно предвидеть изменение границ страны и соответственно — увеличение численности населения трудоспособного возраста и рабочей силы. И хотя повышение пенсионного возраста уже обсуждалось в экспертном сообществе в 2012 г., но никто не предвидел, что его целью станет возраст 65 лет (рассматривался вариант 63 года), и что оно состоит именно в 2018 г. и начнет воздействовать на численность насе-

² Okun A.M. Potential GNP: Its Measurement and Significance // Proceedings of the Business and Economic Statistics Section of the American Statistical Association. — Alexandria, VA: American Statistical Association, 1962. — P. 89–104.

³ Phillips A.W. The Relation Between Unemployment and the Rate of Change of Money Wage Rates in the United Kingdom, 1861–1957. — *Economica*. — 1958. — No. 25(100). — P. 283–299.

⁴ Социально-экономическое положение России. Доклады, 2020–2025 // Росстат. — URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (дата обращения: 04.04.2025).

ния трудоспособного возраста с 2019 года. Тем более было невозможно предвидеть пандемию COVID-19, которая в 2020 г. резко увеличила смертность населения трудоспособного и пенсионного возрастов и вынудила власти к «локдауну», вследствие которого летом 2020 г. безработица резко увеличивалась.

В практике прогнозирования занятости свои результаты производятся не только непрогнозируемыми событиями, но и влиянием политической конъюнктуры. В начале 2010-х гг. в документах МЭР утверждалось, что производительность должна расти быстрее, чем ВВП. Разработчики официального прогноза игнорировали то обстоятельство, что ускоренный рост производительности труда может вызвать высвобождение части рабочей силы и рост безработицы. Одновременно они завысили прогнозы по производительности труда. Поскольку в нашем прогнозе [8] использовались проективки МЭР по росту ВВП и производительности труда, то и его расчёты оказались в итоге недостоверными. В статье 2018 г. нами были подвергнуты верификации официальные прогнозы МЭР, сделанные в обоснование реформы пенсионного возраста, было показано, что предложение труда и безработица могут существенно возрасти [9]. Последующие события, включая резкое повышение смертности населения трудоспособного возраста в период пандемии коронавируса, снизили демографическое давление на рынок труда и частично обесценили как прогнозы МЭР, так и наш альтернативный прогноз на период начала 2020-х годов.

Экономическое положение и конъюнктура макро-рынка труда в настоящее время определяются рядом геополитических, военно-политических и внешнеэкономических факторов (табл. 1). После рецессии 2022 г. начался экономический рост, который в 2023–2024 гг. ежегодно составлял 10,41%⁵. Основными факторами роста стали быстрая переориентация экономики РФ

и экспорта с «запада» на «восток» и увеличение оборонных расходов.

Согласно МЭР, основными драйверами роста экономики являются «расширение внешнеэкономического взаимодействия с перспективными партнерами из дружественных государств и развитие необходимых для такого сотрудничества инфраструктур, в том числе транспортной и платежной; укрепление технологического суверенитета; обеспечение финансового суверенитета; опережающее развитие транспортной, коммунальной и социальной инфраструктур; повышение благосостояния граждан»⁶. Согласно данным Института экономики (ИЭ) РАН, лидерами роста выступают «государственное управление и обеспечение военной безопасности, социальное обеспечение, финансовая и страховая деятельность, транспортировка и хранение, строительство» [10]. Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП) полагает, что «рост инвестиций связан, судя по косвенным данным, с военным производством»⁷. Российская академия народного хозяйства и государственной службы (РАНХИГС) выделяет в качестве основных факторов «состояние внешней торговли, отношения между российским и иностранным бизнесом, политику Правительства и Банка России» [11]. В экспертном сообществе обсуждается понятие «военное кейнсианство» как объяснение причины экономического роста 2023–2024 годов⁸. Считается, что данный тип экономического роста невозможен без инфляции, которая требует от Центрального бан-

⁶ Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов. – Москва : Министрство экономического развития. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/310e9066d0eb87e73dd0525ef6d4191e/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rf_2024-2026.pdf (дата обращения: 01.10.2024).

⁷ Анализ макроэкономических тенденций. 28.06.2024. – Москва : ЦМАКП. – URL: https://www.forecast.ru/ARCHIVE/Mon_MK/2024/macro49.pdf (дата обращения: 01.02.2025).

⁸ Эксперты увидели признаки «военного кейнсианства» в экономике России. // Ведомости. 15.11.2024. – URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2024/11/15/1075192-eksperti-uvideli-priznaki-voennogo-keinsianstva-v-ekonomike-rossii> (дата обращения: 25.02.2025).

⁵ Социально-экономическое положение России. Доклады, 2020–2025 // Росстат. – URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (дата обращения: 04.04.2025).

Таблица 1
Факторы спроса и предложения труда в экономике РФ в 2021–2027 годах

Table 1

Factors of labor supply and demand in the Russian economy in 2021–2027

Показатель	2021	2022	2023	2024	2025*	2026*	2027*
ВВП в текущих ценах, трлн рублей	135,8	155,2	176,4	200,0	204,1–206,9	216,5–221,6	229,8–237,4
Индексы физического объёма ВВП, в % к предыдущему году	105,9	98,6	104,1	104,1	101,6–102,3	101,6–102,3	101,7–102,4
Индекс производительности труда, в % к предыдущему году	103,9	97,2	101,9	-	101,6–102,2	101,6–102,1	101,7–102,4
Индекс потребительских цен, декабрь к декабрю предыдущего года, %	105,0	113,2	108,3	109,5	104,0–104,4	104,0	104,0
Численность постоянного населения на начало года, млн человек	147,4	147,0	146,4	146,15	146,0	144,8–145,9	144,1–145,8
Миграционный прирост, всего, тыс. человек	429,9	61,9	203,6	568,0	-		
Выбытие населения в зарубежные страны, тыс. человек	238,0	668,4	450,5	423,2	-		
Численность населения трудоспособного возраста на начало года (средний вариант прогноза Росстата), млн человек	84,4	83,4	84,7	84,7	84,4	85,8	85,6

* прогноз на основе данных МЭР.

Источник: составлено автором по отчётным данным Росстата и прогнозу МЭР: Прогноз социально-экономического развития РФ на 2025 г. и на плановый период 2026 и 2027 годов. — Москва : Министерство экономического развития, 2024. — URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroec/prognozy_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rf_na_2025_god_i_na_planovyy_period_2026_i_2027_godov.html (дата обращения: 01.02.2025).

ка (ЦБ) РФ поддержания высокой ставки рефинансирования.

Поскольку оборонные расходы производятся через федеральный бюджет и не учитываются в бюджетах субъектов РФ, то несоответствия между консолидированным и федеральным бюджетами не наблюдается. Поэтому по публикациям Росстата и Минфина можно представить ряд на период 2006–2027 годов. Доля оборонных расходов в процентах от ВВП прошла локальный максимум в 2015–2016 гг., когда она составляла 3,8–4,4%. Затем она сокращалась до 2,6–2,9% в 2018–2021 гг.⁹ чтобы снова начать увеличиваться в 2022 г., и по плану на 2025 г.

достигнуть уровня в 6,3% (13,5 трлн рублей)¹⁰. Согласно данным Минфина, оборонные расходы в 2026–2027 гг. должны сократиться до 5,6–5,3% ВВП¹¹. Президент России В.В. Путин допускает возможность сокращения военных расходов вдвое¹².

¹⁰ Проект закона «О федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов». — Москва : Министерство финансов РФ. — URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2024/11/main/0759_Budget_2025-2027.pdf (дата обращения: 01.02.2025).

¹¹ Проект закона «О федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов». — Москва : Министерство финансов РФ. — URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2024/11/main/0759_Budget_2025-2027.pdf (дата обращения: 01.02.2025).

¹² Путин поддержал идею сократить оборонные расходы России и США на 50% // РБК. 24.02.2025. — URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/02/2025/67bcd2f19a7947e50c69a047?ysclid=m7k53ciyk2804611135> (дата обращения: 25.02.2025).

⁹ Российский статистический ежегодник. Статистические сборники. — Москва : Росстат, 2020–2024. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994> (дата обращения: 01.02.2025).

Часть прогнозов динамики ВВП, выпущенных в 2022–2024 гг., могли быть составлены исходя из общего для многих прогнозистов предположения о том, что всякий экономический рост в перспективе должен затухать (табл. 2). Альтернативная гипотеза автора статьи, которая показана в последней строке табл. 2, предполагает, что в зависимости от конкретной конфигурации детерминирующих факторов рост может как затухать, так и оставаться высоким в течение перспективного периода. Темпы роста ВВП в среднесрочной перспективе могут быть предопределены как сохранением уровня военных расходов, так и перенаправлением бюджетных ассигнований в развитие высокотехнологичных «гражданских» отраслей науки и про-

мышленности после окончания военных действий. Хотя возможно и общее сокращение уровня всех видов государственных расходов. Многое будет также зависеть от перспектив восстановления международных связей, отмены экономических санкций и восстановления традиционных направлений российского экспорта. Разумеется, темпы могут измениться в ту или иную сторону под влиянием непрогнозируемых факторов. Например, ограничения международной торговли со стороны США или увеличение производства нефти странами ОПЕК могут вызвать экономический спад в ряде регионов мира, который, в случае его распространения на экономику РФ, обесценит разработанные экономические прогнозы.

Таблица 2

Валовой внутренний продукт РФ в 2024–2027 гг., год к году, в %

Table 2

Gross domestic product of the Russian Federation in 2025–2027, year-on-year percentages

Источник	Год разработки прогноза	Вариант	2024	2025	2026	2027
МЭР	2024	базовый	102,8	102,3	102,3	102,4
		консервативный	102,2	101,6	101,6	101,7
РАНХИГС*	2024	базовый	101,5	101,6	102,2	-
		консервативный	100,3	101,5	101,4	-
Автор статьи	2025	экстраполяция и оценка		101,5–103,5	101,5–103,5	102,5–103,5

Источники: МЭР**, РАНХИГС [11], оценки автора статьи.

* В источнике [11] представлены темпы роста в процентах к 2021 году. Пересчёт в годовые темпы произведён автором статьи.

** Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов. — Москва : Министерство экономического развития, 2024. — URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroec/prognozy_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rf_na_2025_god_i_na_planovyy_period_2026_i_2027_godov.html (дата обращения: 01.02.2025).

Представленные в табл. 2 прогнозы МЭР и группы А.Л.Ведева (РАНХИГС), разработанные в 2024 г., не смогли надёжно предвидеть темпы роста на 2024 год. Поэтому правомерно предложение альтернатив к данным прогнозам. Исходя из этого, в последней строке табл. 2 представлена альтернативная оценка на 2025 г., которая рассчитана с применением линейной экстраполяции показателей за несколько различных по продолжительности ретроспективных периодов, и составляет 1,5–3,5% годовых.

Далее эта оценка распространена на 2026–2027 годы.

В соответствии с методологией баланса трудовых ресурсов, имея вариантный прогноз динамики ВВП, можно рассчитать показатели перспективного спроса на труд. Коэффициент корреляции показателей роста численности занятых в разгах к предыдущему году и динамики ВВП в сопоставимых ценах, в разгах к предыдущему году, за период 2010–2024 гг. составляет 0,59. Уравнение линейной регрессии между эти-

Таблица 3.

**Прогнозы численности занятых (спроса на труд) в увязке с ростом
валового внутреннего продукта РФ на среднесрочную перспективу**

Table 3.

Forecasts of the number of the employed (demand for labor) in relation to the growth
of the gross domestic product of the Russian Federation in the medium term

Показатель	Вариант	2024	2025	2026	2027
Динамика ВВП, раз к предыдущему году	Низкий	1,041	101,5	101,4	101,7
	Высокий		103,5	103,5	103,5
Динамика численности занятых, раз к предыдущему году	Низкий	1,008	1,003	1,003	1,004
	Высокий		1,008	1,008	1,008
Численность занятых (спрос на труд), млн человек	Низкий	74,2	74,4	74,6	74,9
	Высокий		75,0	75,4	76,0

Источник: рассчитано автором на основе данных Росстата и МЭР: Социально-экономическое положение России. Доклады, 2020–2025. — Москва : Росстат. — URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801>; Прогноз социально-экономического развития РФ на 2025 г. и на плановый период 2026 и 2027 годов. Москва: Министерство экономического развития, 2024. — URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroec/prognozy_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rf_na_2025_god_i_na_planovyy_period_2026_i_2027_godov.html (дата обращения: 01.02.2025).

ми показателями имеет невысокий коэффициент детерминации $R^2=0,35$, тем не менее математико-статистическая программа оценивает его как «адекватное исходным данным», что делает возможным его применение для прогнозирования. Форма уравнения:

$$\Delta ЧЗ = 0,752 + 0,248 \cdot \Delta ВВП, \quad (1)$$

где $\Delta ВВП$ — годовой темп роста ВВП, раз; $\Delta ЧЗ$ — годовой темп роста численности занятых.

Другая версия прогноза численности занятых рассчитывается исходя из соотношения между показателями темпов роста ВВП и производительности труда по формуле:

$$\Delta ЧЗ = \Delta ВВП / \Delta ПТ, \quad (2)$$

где $\Delta ВВП$ — годовой темп роста ВВП, раз; $\Delta ЧЗ$ — годовой темп роста численности занятых; $\Delta ПТ$ — годовой темп роста производительности труда.

В прогностических расчётах к данной статье показатели ВВП и производительности труда на период до 2027 г. взяты из официального прогноза МЭР¹³. Согласно урав-

нению (1) $\Delta ЧЗ$ в 2025 г. сможет составить от 100,3% до 100,8%. Данная оценка и аналогичные расчёты на последующие годы показаны в табл. 3. Таким образом, численность занятых, которая в перспективном балансе рассматривается как «спрос на труд в национальном хозяйстве», может увеличиться с 74,2 млн человек в 2024 г. до 74,4–74,8 млн человек в 2025 г. (табл. 3–4). Линейная экстраполяция численности занятых исходя из ретроспективы 2020–2024 гг. даёт на 2025 г. вариант 75,0 млн человек. Итого, можно прогнозировать (оценивать) этот показатель на 2025 г. в диапазоне 74,4–75,0 млн человек (табл. 3). Расчёты по формуле (1) на 2026–2027 гг. показаны в табл. 3. МЭР прогнозировало на 2025 г. численность занятых 73,7–73,8 млн человек. Поскольку тренды данного прогноза численности занятых уже в год разработки (2024) оказались ниже данных Росстата (74,2 млн) их можно не принимать во внимание. Предполагается, что численность занятых в экономике будет расти и может в 2026 г. составить 74,6–75,4 млн человек и в 2027 г. — 74,9–76,0 млн против 74,2 млн в 2024 году.

вения, 2024. — URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroec/prognozy_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rf_na_2025_god_i_na_planovyy_period_2026_i_2027_godov.html (дата обращения: 01.02.2025).

¹³ Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов. — Москва : Министерство экономического раз-

Системный дефицит рабочей силы, предпосылки которого формировались давно, в результате резкого скачка спроса на труд в 2023–2024 гг. обострился. В отличие от безработицы, дефицит кадров как макроэкономическое явление, не оценивается Росстатом, но некоторые фрагментарные его характеристики известны из статистики службы занятости: летом 2024 г. количество вакансий, зарегистрированных службами занятости РФ, достигло рекордных 2124,0 тыс. единиц. Нагрузка зарегистрированного незанятого населения на 1 вакансию, сократилась до 0,2, то есть до 1 безработного на 5 вакансий¹⁴. Существенным результатом системного дефицита рабочей силы стал в 2023–2024 гг. ускоренный рост заработной платы в большинстве отраслей экономики и регионов.

Существует ряд оценок структуры дополнительной потребности в рабочей силе на перспективу. Согласно данным Минтруда¹⁵, на период до 2030 г., в топ-5 отраслей по приросту потребности в кадрах входят: обрабатывающие производства — плюс 800 тыс. рабочих мест; транспортировка и хранение — плюс 400 тыс.; здравоохранение и социальные услуги — ещё 285 тыс.; научная и исследовательская деятельность, а также ИТ, которые дадут дополнительно более 430 тыс. рабочих мест.

Предложение рабочей силы и баланс трудовых ресурсов

Основной задачей прогноза баланса трудовых ресурсов является сопоставление демографического предложения с экономическим спросом на рабочую силу и определение масштабов и уровня безработицы или дефицита кадров на перспективу. Последний по времени отчётный баланс трудовых ресурсов на момент написания данной статьи был опубликован Росстатом

по состоянию за 2022 г., следующая публикация ожидается в конце 2025 г. по состоянию за 2023 год. В 2006–2016 гг. численность трудовых ресурсов была стабильна — около 92 млн человек, потом перед пенсионной реформой 2018 г. опустилась ниже 90 млн человек, чтобы в 2022 г. вернуться к 91,6 млн человек¹⁶. Прогностический баланс трудовых ресурсов требует проведения перспективных расчётов исходя из демографического прогноза численности населения по социально-демографическим группам. В данной статье для этого используется последняя по времени «Предположительная численность населения РФ», выпущенная Росстатом в 2023 году¹⁷.

Главным компонентом баланса трудовых ресурсов, регулирующим предложение на макро-рынке труда, является «численность трудоспособного населения в трудоспособном возрасте», то есть население трудоспособного возраста за вычетом инвалидов и льготных (досрочных) пенсионеров. Численность этой демографической группы в 2000-е гг. была в основном стабильной, на уровне 86–87 млн человек. В 2010-е гг. эта категория стала сжиматься, так как из неё выходили люди, родившиеся во время «бэби-бума» после ВОВ, а входили малочисленные поколения 1990-х годов. В результате данный показатель к 2019 г. упал ниже 80 млн человек.

Для прогноза баланса трудовых ресурсов важно учитывать порожденный пенсионной реформой 2018 г. тренд к ступенчатому повышению численности населения трудоспособного возраста раз в два года. В частности, повышение этого возраста в 2024 г. должно было привести к пополнению трудовых ресурсов примерно на 1,5 млн человек (отчетный показатель пока не опубликован), в 2025 г. их число будет снижаться от естественно-демографических причин, а в 2026 г., после очередного подъёма воз-

¹⁴ Социально-экономическое положение России. Доклады, 2020–2025. — Москва : Росстат, — URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (дата обращения: 04.04.2025).

¹⁵ Минтруд назвал отрасли с наибольшим приростом потребности в кадрах к 2030 году. — Москва : Министерство труда, — URL: <https://mintrud.gov.ru/employment/180?ysclid=lywre6vsv0976719168> (дата обращения: 01.02.2025).

¹⁶ Российский статистический ежегодник. Статистические сборники. — Москва : Росстат, 2020–2024. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994> (дата обращения: 01.02.2025).

¹⁷ Предположительная численность населения Российской Федерации. — Москва : Росстат, 2023. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 01.02.2025).

Таблица 4

Население в трудоспособном возрасте и трудовые ресурсы до 2027 г., млн человек

Table 4

Working-age population and workforce for the period up to 2027, million people

Показатель	2021	2022	2023	2024	2025 оценка	2026 прогноз	2027 прогноз
Трудовые ресурсы, в том числе:	90,5	91,6			91,9	92,9	92,7
– трудоспособное население в трудоспособном возрасте	80,2	81,5			81,9	83,2	83,1
– иностранные трудовые мигранты	3,1	3,5			3,4	3,3	3,2
– лица старше трудоспособного возраста и подростки, занятые в экономике	7,2	6,6			6,6	6,4	6,4
Население в трудоспособном возрасте (средний вариант Росстата)	84,4	83,4	84,7		84,4	85,8	85,6
Рабочая сила	75,4	74,9	76,0	76,1	75,8	76,6	76,5
Занятые в экономике	71,7	72,1	73,6	74,2	74,4–75,0	74,6–75,4	74,9–76,0
Безработные	3,6	3,0	2,4	1,9	0,8–1,4	1,2–2,0	0,5–1,6
Уровень безработицы, %	4,8	3,9	3,2	2,5	1,0–1,8	1,6–2,7	0,6–2,0

Источник: рассчитано автором на основе прогнозов Росстата и МЭР.

растной границы, снова повысится примерно на 1,5 млн человек. После окончания этих подъёмов возрастной границы в 2028 г. восстановится долгосрочный тренд к естественному уменьшению численности данной категории населения.

Переход от прогнозируемой Росстатом численности населения трудоспособного возраста к численности группы «трудоспособного населения в трудоспособном возрасте» можно выполнить разными способами. Для данной статьи было рассчитано соотношение между первым и вторым показателями за 10 лет, с его последующей экстраполяцией на 2025–2027 годы. Таким образом было определено, что в среднесрочной перспективе численность данной группы может составить 81,9–83,2 млн человек (см. табл. 4).

Группа «лица старше трудоспособного возраста и подростки, занятые в экономике» почти исключительно состоит из работающих пенсионеров. Численность работающих лиц за пределами трудоспособного возраста, которая прошла свой исторический максимум в 2018 г. перед реформой пенсионного возраста — 7,6 млн человек, в последующий период понижалась ступенчато, в соответствии с графиком изменения пенсионного возраста. Так, в 2022 г., она

снизилась по отношению к 2021 г. на 0,6 млн человек и составила 6,6 млн человек. Пенсионная реформа 2018 г. не изменила мотивацию людей старшего возраста, большинство из них как работали, так и работают, только после каждого повышения возрастной границы часть из них теряет право совмещать получение заработной платы и пенсии. Формальное уменьшение численности «работающих пенсионеров» — это статистический эффект, который не оказывает влияния на реальную численность рабочей силы. Статистика просто перемещает людей между разными группами работающего населения. Тем не менее этот показатель учитывается в балансе трудовых ресурсов. Ретроспективный анализ соотношения между группой «население старше трудоспособного возраста» и балансовой «лица старше трудоспособного возраста и подростки, занятые в экономике» позволяет прогнозировать численность этих последних с приемлемой для прогноза занятости точностью. Результаты расчётов показаны в табл. 4. Предполагается, что численность данной категории в балансе трудовых ресурсов в 2025–2027 гг. будет снижаться с 6,6 до 6,4 млн человек.

Третья «приходная» статья баланса трудовых ресурсов: «иностраные трудовые

мигранты» — в нынешних условиях является наименее предсказуемой. Политико-правовое давление на мигрантов вытесняет часть из них из РФ, в то же время статистически их количество растет. В 2024 г. зарегистрированная численность мигрантов резко увеличилась, прирост составил почти 0,6 млн человек (табл. 1). Предположительно, в связи с ужесточением миграционных правил, в 2024 г. многие нелегалы предпочли легализовать свой статус во избежание депортации. При этом реальная физическая численность иностранных работников, вероятно, уменьшилась в результате их частичного вытеснения с российского рынка труда. Никакие модели и социологические опросы не смогут прогнозировать трудовую миграцию в ситуации политической неопределённости. Поэтому в табл. 4 миграционный компонент просто «назначен» автором статьи исходя из предположения о его возможном сокращении с максимальных 3,5 млн человек в 2022 г. до 3,2 млн человек в 2027 году. Общий объем несчисленных трёх компонентов баланса составляет трудовые ресурсы РФ, которые, вероятно, будут увеличиваться с 91,7 млн человек в 2022 г. до 92,6 млн — в 2027 г. (табл. 4).

Рабочая сила, которая до 2015 года называлась в РФ «экономически активным населением», состоит из двух компонентов — занятого населения и безработных, которые исчисляются Росстатом в «Итогах выборочного обследования рабочей силы»¹⁸. При прогнозировании занятости определяется «рабочая сила» на основе демографического прогноза, из неё вычитается численность занятых и получается количество безработных как остаток. То есть рабочая сила рассчитывается по аналогии с трудовыми ресурсами как часть демографически детерминированного предложения труда, занятые как спрос на труд со стороны экономики, безработные определяются как разница между ними.

Именно таким образом рассчитан прогноз безработицы для настоящей статьи.

Рабочая сила определялась исходя из её соотношения с численностью трудовых ресурсов за период 2006–2022 годов. Это соотношение было экстраполировано на среднесрочный период, оценка численности рабочей силы на 2025 г. составила 75,8 млн человек, на 2026 г. 76,6 млн и на 2027 г. 76,5 млн против отчетного показателя за 2024 г. 76,1 млн человек (табл. 4). Определённая остаточным методом численность безработных прогнозируется на 2026 г. в количестве 0,8–1,4 млн человек (1,0–1,8% от рабочей силы) с последующим изменением в 2027 г. до 0,5–1,6 млн (0,6–2,0%) против 1,9 млн человек (2,5%) в 2024 году. Таким образом, в отличие от наших ранее опубликованных «алармистских» прогнозов, когда ожидался рост безработицы в результате ускоренного роста производительности труда [8], или вследствие повышения пенсионного возраста [9], нынешний балансовый прогноз занятости и безработицы на среднесрочную перспективу выглядит достаточно консервативно.

Выводы

Баланс трудовых ресурсов, позволяющий совместить данные экономические и демографические для анализа ситуации в сфере занятости, позволяет также прогнозировать занятость и безработицу на перспективу. При этом используются отчётные данные и прогнозы МЭР, других органов власти — по экономике, и Росстата — по демографии. В прогнозе сочетаются математико-статистические однофакторные и многофакторные модели, статистические оценки, экстраполяции и экспертные оценки. Социологические опросы и методологически близкие к ним выборочные обследования населения Росстата также входят в состав методологии, используемой для разработки прогнозов.

Разработанные в данной статье прогнозы являются поисковыми и показаны для демонстрации возможностей и технологии расчетов баланса трудовых ресурсов. Тем не менее они конкурентоспособны с официальными прогнозами, которые в основ-

¹⁸ Итоги выборочного обследования рабочей силы. Статистические бюллетени, 2020–2024 гг. // Росстат. — URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 01.02.2025).

ном носят экстраполяционный характер или являются экспертными оценками. Поэтому наши прогнозы целесообразно учитывать в практике государственного управления, регулирования рынка труда и преподавания экономических и демографических дисциплин.

В 2025–2027 гг. со стороны демографических процессов будет продолжаться чередование годов с сокращением и с приростом численности населения трудоспособного возраста в соответствии с графиком повышения возраста выхода на пенсию. Численность трудовых мигрантов будет колебаться под влиянием институциональных факторов. Спрос на труд будет расти медлен-

нее, чем это было в 2023–2024 гг., в связи с возможным сокращением государственных оборонных заказов и инвестиций. Уже в 2025 году снизился темп роста экономики, уменьшился дефицит кадров, замедлился рост реальной заработной платы. Согласно прогнозу, пока нет оснований ожидать значительного роста безработицы. В то же время, начиная с 2026 г., могут последовать структурные изменения на рынке труда — высвобождение людей, вовлеченных в 2022–2024 гг. в Вооруженные силы, оборонную промышленность, транспорт, логистику, связь и их перераспределение в другие сферы деятельности и отрасли экономики.

Литература и Интернет-источники

1. **Одегов, Ю.Г.** Рынок труда: практическая макроэкономика труда: учебник / Ю.Г. Одегов, Г.Г. Руденко, Н.К. Лунева. — Москва : Альфа-Пресс, 2007. — 898 с. EDN: QRMPBS
2. **Костаков, В.Г.** Прогноз занятости населения: Методологические основы / В.Г. Костаков. — Москва : Экономика, 1979. — 184 с.
3. **Топилин, А.В.** Демографическая ситуация и особенности формирования трудовых ресурсов в России / А.В. Топилин, О.Д. Воробьева // Вестник Российской академии наук. — 2021. — Т. 91. — № 9. — С. 856–864. EDN: JXOCNN
4. **Локтюхина, Н.В.** Социально-экономические основы рынка труда. Теория и практика / Н.В. Локтюхина. — Москва, 2011. — 268 с. EDN: QVBOJD
5. **Коровкин, А.Г.** Межотраслевое движение рабочей силы как фактор перспективного развития российского рынка труда / А.Г. Коровкин, И.Б. Королев, А.Л. Синеца // Конкурентоспособность и развитие социально-экономических систем: Сборник аннотаций докладов IV Международной научной конференции памяти академика А.И. Татаркина (Челябинск, 25–26 ноября 2020 г.) / ред. В.И. Бархатов [и др.]. — Челябинск : Челябинский государственный университет, 2020. — С. 22. EDN: FRMRWB
6. **Гимпельсон, В.Е.** Эволюция структуры рабочих мест в России: поляризация, улучшение, застой? / В.Е. Гимпельсон, Р.И. Капелюшников // Вопросы экономики. — 2023. — № 1. — С. 59–85. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-1-59-85; EDN: GMPYWQ
7. **Кашипов, А.В.** Баланс трудовых ресурсов: традиционные и современные методы расчёта и формирования / А.В. Кашипов // Социально-трудовые исследования. — 2022. — № 4(49). — С. 8–15. DOI: 10.34022/2658-3712-2022-49-4-8-15; EDN: WKYLZ
8. **Кашипов, А.В.** Россия в 2020 году: прогнозы численности населения и рабочей силы / А.В. Кашипов // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. — 2012. — № 2. — С. 7–12. EDN: PUUKTZ
9. **Кашипов, А.В.** Прогнозирование занятости населения и безработицы в условиях повышения пенсионного возраста / А.В. Кашипов // Уровень жизни населения регионов России. — 2018. — № 4(210). — С. 9–17. EDN: VPJBHQ
10. **Ахапкин, Н.Ю.** Российская экономика в условиях санкционных ограничений: динамика и структурные изменения / Н.Ю. Ахапкин // Вестник Института экономики Российской академии наук. — 2023. — № 6. — С. 7–25; DOI: 10.52180/2073-6487_2023_6_7_25; EDN: CONHFG

11. **Ведев, А.Л.** Высокие риски и слабые темпы роста экономики: макропрогноз для России на среднесрочную перспективу / А.Л. Ведев, В.А. Ерёмкин, К.А. Тузов // Вопросы экономики. — 2024. — № 2. — С. 5–22. DOI: 10.32609/0042-8736-2024-2-5-22; EDN: CQGLKO

Сведения об авторе:

Кашепов Алексей Владимирович, д.э.н., главный научный сотрудник, ИДИ ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.
Контактная информация: e-mail: avkash@list.ru; ORCID: 0000-0003-1348-0093; РИНЦ SPIN-код: 9522-8321.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-171-183

MACROECONOMICS AND DEMOGRAPHY IN FORECASTING EMPLOYMENT

Alexey V. Kashepov

IDR FCTAS RAS

(6, bld 1, Fotievoy str., Moscow, Russia, 119333)

E-mail: avkash@list.ru

Для цитирования:

Kashepov A. V. Macroeconomics and demography in forecasting employment. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 4. P. 171-183. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-171-183 (in Russ.)

Abstract. *The article discusses methodology and results of the development of forecast of the balance of labor resources of the Russian Federation for the future until 2027. The relevance of the study is determined by changes in the policy, economy and demographic situation, some of which can be analyzed and predicted, others are unpredictable. The aim is to test the traditional methodology of labor resource balance as a tool for integrating the flows of economic and demographic information in the process of forecasting employment. As a result of the study, variant estimates and forecasts for 2025–2027 were developed for the number and structure of the Russian labor force, including the able-bodied population of working age, people beyond working age and migrant workers, employed and unemployed. It is assumed that in the medium term, the trend of economic growth will continue, which will gradually weaken pressure on the labor macro-market, supporting the systemic shortage of labor resources that formed during the 2010s and 2020s, and create a base for employers to compete for labor, and raise wages. The demographic situation in the medium term will consist of periodic increases in the nominal size of the working-age population during the final stage of the pension reform, which will not have a significant impact on the number of workers. The total number of the able-bodied population and the workforce will depend on labor migration, which currently creates numerous problems and generates anti-migrant sentiments in society and the corresponding reaction of the authorities. Therefore, basically the economy will have to be provided with a stable number of labor resources without their significant expansion. Unemployment will remain about the current level, which is insignificant in the macroeconomic terms.*

Keywords: labor macroeconomics, forecast of employment, economic factors of employment, demographic factors of employment, balance of labor resources.

References and Internet sources

1. Odegov Yu. G., Rudenko G. G., Luneva N. K. Rynok truda: prakticheskaya makroekonomika truda: uchebnik [Labor Market: Practical Macroeconomics of Labor. Textbook]. Moscow. Al'fa-Press [Alpha Press]. 2007. 898 p. (in Russ.)
2. Kostakov V. G. Prognoz zanyatosti naseleniya: Metodologicheskiye osnovy. [Forecast of Population Employment: Methodological Foundations]. Moscow. Ekonomika [Economics] 1979. 184 p. (in Russ.)
3. Topilin A. V., Vorobeva O. D. Demograficheskaya situatsiya i osobennosti formirovaniya trudovykh resursov v Rossii [Demographic situation and specifics of labor resources formation in Russia]. Vestnik Rossijskoj akademii nauk [Herald of the Russian Academy of Sciences]. 2021. Vol. 91. No. 9. P. 856–864. (in Russ.)
4. Loktyukhina N. V. Sotsial'no-ekonomicheskije osnovy rynka truda. Teoriya i praktika [Socio-Economic Foundations of Labor Market. Theory and Practice]. Moscow. 2011. (in Russ.)
5. Korovkin A. G., Korolev I. B., Sinita A. L. Mezhotraslevoje dvizhenije rabochej sily kak faktor perspektivnogo razvitiya rossijskogo rynka truda [Intersectoral labor movement as a factor in the prospective development of the Russian labor market]. Konkurentosposobnost' i razvitiye sotsial'no-ekonomicheskikh sistem: Sbornik annotatsij dokladov 4 Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii pamyati akademika A. I. Tatarkina (Chelyabinsk, 25–26 noyabrya 2020 goda). [Competitiveness and Development of Socio-Economic Systems. Proceedings of the IV International Scientific Conference in memory of Academician A. I. Tatarin (Chelyabinsk, 25–26 November 2020)]. Eds. V. I. Barkhatov, et al. Chelyabinsk. Chelyabinskij gosudarstvennyj universitet [Chelyabinsk State University]. 2020. P. 22. (in Russ.)
6. Gimpelson V. E., Kapelyushnikov R. I. Evolyutsiya struktury rabochikh mest v Rossii: polarizatsiya, uluchsheniye, zastoj? [Job structure evolution in Russia: polarization, upgrading, stalemate]. Voprosy ekonomiki. [Issues of Economics]. 2023. No. 1. P. 59–85. DOI 10.32609/0042-8736-2023-1-59-85 (in Russ.)
7. Kashepov A. V. Balans trudovykh resursov: traditsionnyye i sovremennyye metody raschyota i formirovaniya [Balance of labor resources: traditional and modern methods of calculation and formation]. Sotsial'no-trudovyye issledovaniya [Social and Labor Research]. 2022. No. 4(49). P. 8–15. DOI: 10.34022/2658-3712-2022-49-4-8-15 (in Russ.)
8. Kashepov A. V. Rossiya v 2020 godu: prognozy chislennosti naseleniya i rabochej sily [Russia in 2020: population and labor force forecasts] Vestnik Rossijskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek i obshchestvo [Bulletin of the Russian New University. Series: Man and Society]. 2012. No. 2. P. 7–12. (in Russ.)
9. Kashepov A. V. Prognozirovaniye zanyatosti naseleniya i bezработitsy v usloviyakh povysheniya pensionnogo vozrasta [Forecasting of employment and unemployment in the conditions of increasing retirement age]. Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii [Living Standards of the Population of Russian Regions]. 2018. No. 4(210). P. 9–17. (in Russ.)
10. Akhapkin N. Yu. Rossijskaya ekonomika v usloviyakh sanktsionnykh ogranichenij: dinamika i strukturnyye izmeneniya [Russian economy under sanctions: dynamics and structural changes]. Vestnik Instituta ekonomiki Rossijskoj akademii nauk [Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences]. 2023. No. 6. P. 7–25. DOI: 10.52180/2073-6487_2023_6_7_25 (in Russ.)
11. Vedev A. L., Eremkin V. A., Tuzov K. A. Vysokije riski i slabye tempy rosta ekonomiki: makroprognoz dlya Rossii na srednesrochnuyu perspektivu [High risks and weak economic growth: Russia macroeconomic forecast for the medium term]. Voprosy ekonomiki [Issues of Economics]. 2024. No. 2. P. 5–22. DOI: 10.32609/0042-8736-2024-2-5-22 (in Russ.)

Information about the author:

Kashepov Alexey Vladimirovich, Doctor of Economics, Chief Researcher, IDR FCTAS RAS, Moscow, Russia. Contact information: e-mail: avkash@list.ru; ORCID: 0000-0003-1348-0093; Elibrary SPIN-code: 9522-8321.

Статья поступила в редакцию 09.04.2025, утверждена 10.11.2025, опубликована 30.12.2025.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-184-196
EDN: WWAJTS

СОЦИОЛОГО-СТАТИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ БАРЬЕРОВ ТРУДОУСТРОЙСТВА ИНВАЛИДОВ В РОССИИ

Михалёв И. В.¹ Цыпин А. П.^{2*}

¹Российский государственный университет социальных технологий
(107150, Россия, Москва, ул. Лосиноостровская, д. 49.)

²Финансовый университет при Правительстве РФ
(125167, Россия, Москва, Ленинградский проспект, д. 49/2)

*Email: aptsypin@fa.ru

Для цитирования:

Михалёв И. В., Цыпин А. П. Социолого-статистическое исследование барьеров трудоустройства инвалидов в России // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 4. — С. 184-196. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-184-196; EDN: WWAJTS

Аннотация. Актуальность проводимого исследования заключается в потребностях российского рынка труда, на котором, под воздействием внешних шоков и внутренних факторов, сформировался дефицит трудовых ресурсов. Одним из источников их пополнения являются граждане, имеющие инвалидность. Но, как показывает практика, трудоустройство данной категории населения сталкивается с рядом барьеров и сдерживающих факторов. В связи с этим, представляет научный интерес рассмотрение отношения работодателей к работникам-инвалидам сквозь призму недостатка кадров. Цель исследования состоит в выявлении барьеров, препятствующих трудоустройству инвалидов, основанных на мнении российских работодателей. Методы научного познания, использованные в подготовке материалов исследования: анализ, синтез, сравнения, математико-статистические методы. Результаты исследования заключаются в следующем: численность населения, имеющего статус инвалида, с течением времени сокращается и в 2023 г. составляла 11 млн человек, при этом высокие значения наблюдаются в федеральных округах, имеющих в своём составе города-миллионники. Несмотря на снижение числа инвалидов, программу квотирования рабочих мест, всего лишь 15% инвалидов имеют работу. При этом, на рынке труда наблюдается дефицит кадров. Изучение мнения работодателей относительно трудностей и барьеров трудоустройства инвалидов показало, что основными причинами являются низкая мотивация к труду, низкие профессиональные качества, отсутствие релевантного опыта работы у соискателей. Также, косвенно было установлено, что работодатели дифференцируют работников-инвалидов и склонны нанимать работников с заболеваниями внешне не проявляющимися. Наличие барьеров трудоустройства выпускников с инвалидностью предполагает проведение опроса обучающихся (студентов) вузов и колледжей относительно перспектив их трудоустройства и разработку рекомендаций по траектории формирования профессиональных компетенций и содействию в поиске работы.

Ключевые слова: инвалиды, рынок труда, барьеры, проблемы трудоустройства, социологическое обследование, структура, динамика.

Введение в 2022 г. экономических санкций против РФ привело к ряду неочевидных, на первый взгляд, эффектов. Среди них на первое место выходит снижение безработицы в результате увеличения объёмов внутристранового производства в промышленном секторе. Так, на начало 2025 г., уровень безработицы в стране достиг исторического минимума и составил около 2%, что говорит о формировании дефицита рабочей силы, так как нормальный уровень безработицы в среднем по миру составляет 5–6%. Как отмечается в публикации портала Газета.ру: «Несмотря на начавшийся в 2023 г. рост реальных зарплат, эксперты считают, что «режим ограниченного предложения» на рынке труда сохранится на долгосрочную перспективу. При этом, практически все традиционные источники пополнения рабочей силы в России исчерпаны»¹. Выход из сложившейся ситуации видится в следующих направлениях: во-первых, это привлечение иностранной рабочей силы, но при этом необходимо коренным образом пересмотреть политику привлечения данной категории работников, в частности, формирование института «трудоовых виз» и усиление контроля за трудовой миграцией. Юридическая проработка указанных мероприятий может занять длительное время, и рассчитывать на быстрое снижение дефицита кадров не стоит. Второе направление — формирование государственной политики подготовки кадров в зависимости от потребности российской экономики (работодателей). Этот процесс также сопряжён со значительными преобразованиями системы образования и создания структуры (государственного органа) мониторинга потребностей рынка труда. Третье направление связано с кардинальной переподготовкой различных категорий граждан, в том числе лиц пенсионного возраста и женщин, находящихся в отпуске по беременности и родам. В данном направлении идёт активная работа, в частности, запущен федеральный проект «Активные меры со-

действия занятости» в рамках национального проекта «Кадров». Четвёртое направление — вовлечение в трудовую деятельность инвалидов, которых на конец 2023 г. насчитывалось 10,9 млн человек.

Безусловно, четвёртое направление связано с рядом барьеров социального и инфраструктурного характера. Так, со стороны работодателей наём работника с инвалидностью связан с рядом издержек, таких как: формирование необходимой инфраструктуры на рабочем месте, предоставление дополнительных отпусков, сокращение рабочих часов, психологические барьеры, низкая квалификация работников-инвалидов. Указанные причины стали обоснованием проведения настоящего исследования, основанного на официальных данных Росстата, и специально организованного обследования мнения работодателей о барьерах трудоустройства инвалидов.

Разработанность темы

Прежде чем приступить к рассмотрению результатов проведённого анализа сформированной в ходе исследования базы данных, обратимся к публикациям российских учёных относительно проблемы трудоустройства инвалидов. Так, за последние десять лет заслуживают внимания публикации таких авторов как: М.В. Дударова [1], Е.В. Егоров [2], Н.А. Жданкин [3], М.Н. Кичерова [4], Е.Р. Кондакова [5], М.Д. Крапивин [6], Л.Н. Нацун [7], В.С. Осипов [8], К.О. Слободян [9], Н.И. Фадин [10]. Рассмотрим их основные выводы.

К.О. Слободян, рассмотрев примеры, связанные с барьерами трудоустройства инвалидов, приводит ряд негативных проявлений — это «отказ работодателей от выполнения законодательства о трудоустройстве инвалидов; уклонение работодателей от представления органам занятости населения сведений о наличии свободных мест и вакантных должностей; несоблюдение работодателями обязанностей по созданию рабочих мест для инвалидов» [9]. В качестве выхода из сложившейся ситуации автор предлагает создание инспекции, зани-

¹ Российский рынок труда столкнулся с критическим дефицитом кадров // Газета.ру. — URL: <https://www.gazeta.ru/business/news/2024/04/08/22735279.shtml> (дата обращения: 15.12.2024).

мающейся мониторингом соблюдения трудовых прав инвалидов.

Н.И. Фадин, опираясь на статистические данные Росстата и Федеральной службы по труду и занятости РФ, оценивает вовлеченность инвалидов в экономику страны. Указывая на недочёты в законодательной базе, исследователь предлагает в качестве мер по снижению барьеров вхождения на рынок формирование «Агентства занятости инвалидов» и разработку «Персональной интерактивной дорожной карты занятости инвалидов» [10]. Эти меры, по мнению учёного, способны точно и поэтапно решить проблемы трудоустройства инвалидов в стране.

М.В. Дударова, анализируя период с 2008 г. по 2020 г., констатирует, что число трудоустроенных лиц с инвалидностью по квотам снижается. На основе построенной эконометрической модели, она приходит к выводу, что на уровень трудоустроенных инвалидов оказывает существенное влияние уровень образования (прямая взаимосвязь) [1], т.е. на первое место выходит проблема обучения и переподготовки инвалидов.

Согласно работам Л.Н. Нацун, наибольшая вовлеченность в экономику страны на длительном интервале времени прослеживается у инвалидов третьей группы (по очевидным причинам: «менее выраженными нарушениями здоровья и относительно невысокой потребностью в создании специализированных рабочих мест» [7]). При этом мотивом к трудоустройству данной категории граждан является низкий уровень жизни, но к значительной прибавке бюджета домохозяйства это не приводит.

В исследовании М.Н. Кичерова и В.С. Лозовой проводился опрос инвалидов относительно барьеров вхождения на рынок труда, который подтвердил, что большинство из них испытывали трудности при поиске работы. Авторы утверждают, что «помимо квотирования рабочих мест следует использовать потенциал новых форм организации занятости инвалидов, например, аутсорсинг, социальное предпринимательство» [4]. В исследовании, также основанном на социологическом опросе инвалидов и работодателей, Е.Р. Кондакова выде-

ляет следующие барьеры трудоустройства: «лишь 30% рабочих мест обеспечены необходимыми адаптивными технологиями; 60% опрошенных инвалидов выразили недовольство уровнем своей квалификации и профессиональных навыков; 70% работодателей сталкиваются с вызовами в социокультурных аспектах» [5].

М.Д. Крапивин приходит к выводу, что «для работодателя трудоустроить лицо с ограниченными возможностями означает большую ответственность и риски» [6], что является причиной отказа в трудоустройстве. Также, автор указывает на низкую конкурентоспособность инвалидов по отношению к остальным категориям потенциальных работников. Авторы Н.А. Жданкина и С.Д. Симакова показывают, что основными барьерами являются: инфраструктура, профессиональные качества работников-инвалидов, дискриминация работодателей. Среди мер, направленных на исправления сложившегося в России положения дел, исследователи называют такие как: «создание реестра безработных инвалидов, проведение аттестации рабочих мест инвалидов, расширение видов программ обучения и повышения квалификации и др.» [3]. К аналогичному заключению приходит Е.В. Егоров. Основываясь на выборочном социологическом обследовании, автор выделяет следующие барьеры: «отсутствие заинтересованности работодателей в их трудоустройстве, невысокая доступность городской инфраструктуры, несоответствие уровня квалификации инвалидов современным требованиям производства» [2].

Материалы и методы

Цель проводимого исследования заключается в выявлении барьеров, препятствующих трудоустройству инвалидов, основанном на мнении российских работодателей. Статистические данные о состоянии рынка труда, динамике и численности инвалидов были взяты с портала Федеральной службы государственной статистики (Росстат). Информация о проблеме трудоустройства инвалидов была сформирована на базе соци-

ологического обследования специалистами Российского государственного университета социальных технологий при поддержке Министерства труда и социальной защиты РФ.

Необходимо сделать несколько уточнений по этапам проведения исследования. Так сбор информации об инвалидах на макро- и мезоуровне осуществлялся документальным способом. При этом использовались данные Росстата, содержащиеся в разделе «Положение инвалидов»². В частности, в поле изучения вошли следующие показатели: «Общая численности инвалидов, тыс. человек»; «Уровень занятости», «Уровень безработицы», «Уровень участия в составе рабочей силы» населения в возрасте 15 и старше, имеющего инвалидность» (%); «Распределение инвалидов в возрасте 16 лет и более по причинам поиска работы, %»; «Средний размер назначенных пенсий инвалидов, состоящих на учёте в системе Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации».

Цель наблюдения — сбор мнений респондентов относительно проблем трудоустройства и(или) работы инвалидов в российских организациях. Объект статистического наблюдения — российские организации (предприятия, учреждения) имевшие контакты и(или) трудовые отношения с инвалидами. Объём выборочной совокупности составил 2314 организации различных форм собственности (2023 г.). Программа статистического наблюдения состояла из 19 вопросов (распределение ответов по наиболее значимым вопросам представлены ниже), которые отражают эмпирический опыт работодателей по вопросам трудоустройства инвалидов, а также проблемы, возникших при осуществлении трудовых обязанностей работниками с инвалидностью. Субъекты наблюдения — специалисты Управления по сопровождению научно-исследовательской деятельности и подготовки кадров высшей категории МПТЭУ (в настоящее время — Российский государственный университет социальных технологий) и служащие региональных ми-

нистерств труда, распределённых по территории России. Организационная форма наблюдения — выборочное обследование. Анкета была размещена в сети Интернет посредством инструментов Yandex Forms российской ИТ-корпорации Яндекс.

Динамика и структура числа инвалидов в России

Согласно данным, представленным в таблице 1, в динамике численность инвалидов снижается (на 14% за период 2016–2023 гг.). В 2023 г. наибольший удельный вес приходился на инвалидов II и III групп: 41,2% и 40,5% соответственно. Наиболее вовлечёнными в экономику страны являются граждане с третьей группой, что позволяет рассчитывать на 4 млн потенциальных работников, при формировании соответствующих условий для их трудоустройства. По данным Росстата, на 31 декабря 2023 г. работающих инвалидов насчитывалось 1,6 млн человек, из них имели II группу 514 тыс. человек, III группу 1,1 млн человек. Этот факт ещё раз указывает на низкий уровень трудоустройства рассматриваемой категории граждан.

Если рассмотреть данные по числу граждан с инвалидностью, которые обращались в службы занятости, то их число сокращается. Так, в 2016 г. было зафиксировано 142929 обращений, тогда как в 2023 г. эта цифра составляла 92849 человек (снижение на 35%). При этом в отчётном году было трудоустроено 58% обратившихся. Если обратиться к данным по числу инвалидов в региональном разрезе, то согласно сведениям, представленным на рис. 1, наибольшие средние значения в 2022 г. наблюдаются в ЦФО — 176149,5 чел. и УФО — 188031,5 чел. В первом случае играет роль высокая численность населения (в округе проживает около 25% всего населения страны), во втором случае высокие значения объясняются наличием в регионе большого количества промышленных предприятий, в том числе загрязняющих окружающую среду, что провоцирует заболевания у населения. Не ясными являются причины высоких значений числа ин-

² «Положение инвалидов» // Росстат. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964> (дата обращения: 12.12.2024).

Таблица 1

Динамика численности инвалидов в России, тыс. человек

Table 1

Dynamics of the number of disabled people in Russia, thousand people

Показатели	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	Коэффициент роста (снижения) в 2023 к 2016
Всего инвалидов, тыс. человек	12751	12261	12111	11947	11875	11631	11331	10933	0,86
в том числе:									
I группы	1283	1309	1466	1433	1422	1367	1304	1282	1,00
II группы	6250	5921	5552	5356	5209	4982	4745	4506	0,72
III группы	4601	4395	4442	4488	4556	4578	4553	4423	0,96
дети-инвалиды	617	636	651	670	688	704	729	722	1,17
Общая численность инвалидов на 1000 человек населения	86,6	83,1	81,9	80,8	80,3	78,9	77,1	74,6	0,86

Источник: составлено по «Положение инвалидов» // Росстат. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964> (дата обращения: 12.12.2024).

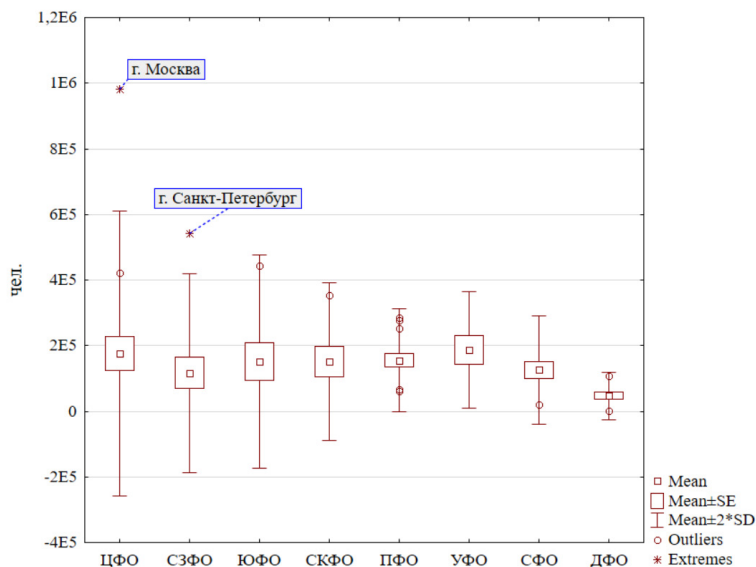

Рис. 1. Распределение инвалидов по федеральным округам РФ в 2022 году
Fig. 1. Distribution of disabled people by federal districts of the Russian Federation in 2022

Источник: составлено по «Положение инвалидов» // Росстат. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964> (дата обращения: 12.12.2024).

валидов в ЮФО и СКФО, так как численность населения в регионах незначительная и прочих факторов, вызывающих заболевания, не наблюдается.

Также стоит указать на значительную вариацию внутри федеральных округов, что подтверждается «усами» на рис. 1, а также значительными коэффициентами вариации.

ции (к примеру, в ЦФО коэффициент равен 123%). Это объясняется наличием городов-миллионников, в которых концентрируются инвалиды. Высокие значения коэффициентов вариации в каждом федеральном округе, обусловленные наличием крупных городов и рядом прочих факторов, указывает на то, что каждому региону необходим индивидуальный подход и ресурсы к решению проблем адаптации инвалидов.

Рассмотрим данные выборочного опроса инвалидов, проводимого Росстатом. Со-

гласно представленным в табл. 2 данным, уровень занятости инвалидов, в особенности I и II группы, незначителен.

Как показано на рис. 2, наибольшую долю среди инвалидов, занимавшихся поиском работы, составляет категория, не имевшая работы (62,7%), также высоки удельные веса остальных групп. Представленная информация указывает на заинтересованность рассматриваемой категории граждан в получении дохода в форме заработной платы.

Таблица 2

Динамика рабочей силы населения в возрасте 15 и старше, имеющего инвалидность, %

Table 2

Dynamics of indicators of the labor force of the population aged 15 and older with disabilities, %

Показатели, год		Всего	Инвалиды I группы	Инвалиды II группы	Инвалиды III группы
2021	Уровень участия в составе рабочей силы	10,9	3,0	7,6	18,1
	Уровень занятости	8,9	2,1	5,8	15,4
	Уровень безработицы	18,6	30,4	24,0	15,0
2022	Уровень участия в составе рабочей силы	11,8	7,1	8,0	18,5
	Уровень занятости	10,2	6,4	6,6	16,2
	Уровень безработицы	13,5	9,5	17,1	12,1
2023	Уровень участия в составе рабочей силы	11,2	3,4	8,1	18,0
	Уровень занятости	9,4	2,7	6,3	15,8
	Уровень безработицы	16,1	20,3	21,9	12,4

Источник: составлено по «Положение инвалидов» // Росстат. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964> (дата обращения: 12.12.2024).

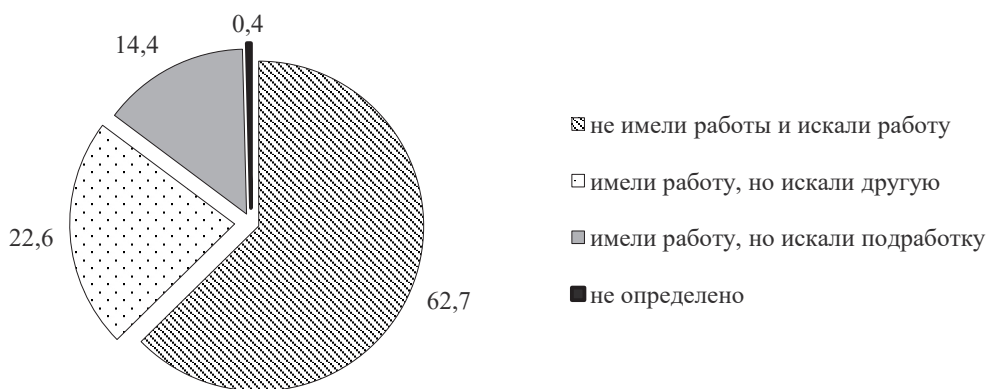

Рис. 2. Намерения поиска работы инвалидами в 2022–2023 годах, %

Fig. 2. Disabled people's job search intentions in 2022–2023, %

Источник: составлено по «Положение инвалидов» // Росстат. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964> (дата обращения: 12.12.2024).

По данным выборочного обследования в 2022–2023 гг. 65% респондентов в первую очередь обращались за помощью в трудоустройстве к своим знакомым и(или) родственникам, 39% непосредственно контактировали с работодателями и лишь 18% опрошенных обращались в службы занятости. Приведённое распределение указывает на недоверие к сформированной системе трудоустройства. При этом 58% опрошенных «считают, что услуги государственной службы занятости неэффективны», что в очередной раз доказывает необходимость реформирования системы.

Стремление инвалидов получить работу во многом связано с низким уровнем жизни. Так, доход в 2022 г. в домохозяйствах,

состоящих только из инвалидов, в среднем на одно домохозяйство составлял 41,4 тыс. рублей, при этом 84,1% занимали полученные трансферты, то есть социальная помощь. Пенсии по инвалидности в значительной степени отстают от средних заработных плат (табл. 3). При этом, согласно официальным данным, в 2023 г. средняя заработная плата работников в России составляла 73664 рублей, а среднедушевые доходы в 4 квартале данного года фиксировались на уровне 65470 рублей. При этом, прожиточный минимум, согласно Ф3 «О федеральном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов» (от 05.12.2022 № 466-ФЗ) на душу населения составлял 14375 рублей.

Таблица 3

Динамика среднего размера назначенных пенсий инвалидов, состоящих на учёте в системе Фонда пенсионного и социального страхования РФ, рублей

Table 3

Dynamics of the average size of assigned pensions for the disabled, registered in the Pension and Social Insurance Fund system of the Russian Federation, rub.

Показатели	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Всего инвалидов	11972,9	17388,7	13306,6	14093,1	14817,3	15590,2	16454,7	18839,4
в том числе:								
I группы	15315,4	20893,8	17310,6	17977,5	18909,0	19940,3	21054,0	24275,1
II группы	12479,3	17861,6	13717,0	14619,5	15411,3	16223,5	17132,4	19565,5
III группы	10308,1	15643,3	11519,7	12336,2	13056,1	13801,5	14722,6	16730,3
дети-инвалиды	12339,0	17837,4	13030,8	13402,1	13675,9	14500,3	14998,4	17960,5

Источник: составлено по «Положение инвалидов» // Росстат. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964> (дата обращения: 12.12.2024).

Недостаточность пенсий и пособий для комфортного проживания инвалидов усиливается тем, что им требуются дорогостоящие медикаменты и прочие необходимые условия. В результате дефицита бюджета (разрыв доходов и расходов), большинство граждан, получающих пенсию по инвалидности, пытаются найти дополнительный источник дохода и выходят на рынок труда. Но в силу особенностей и ограничений по здоровью, рассматриваемая категория потенциальных работников встречается с рядом сдерживающих факторов.

Анализ данных опроса работодателей относительно барьеров трудоустройства инвалидов

Для выявления барьеров трудоустройства инвалидов было проведено социологическое обследование в ноябре-декабре 2023 г. (рис. 3). В опросе приняли участия разноплановые организации как по территориальной принадлежности и формам хозяйствования, так и принадлежащие к различным видам деятельности. Преобладали малые предприятия (47%), занимающиеся

образовательной деятельностью (35%) или предоставляющие услуги (11%). Большая часть работодателей (72%) имели в своём штате работников с инвалидностью. Из них 31% указали 1 работника и 19% двух работников, имеющих инвалидность.

Согласно приведённым на рис. 3 данным, работники, имеющие инвалидность, осуществляют свою деятельность в разных категориях, при этом наибольший удельный вес занимает категория «специалиста», на неё приходится 37%, но при этом удельный вес рабочих также велик — 28%. Таким образом, ограничения по здоровью или инвалидность не являются преградой для занятия любой трудовой позиции, начиная от обслуживающего персонала (17% опрошенных работодателей), заканчивая руководителем предприятия (8%). Что касается нозологического разнообразия, то преобладает категория «иное (другие виды нозологий)», её указали в 61% случаев. Считаем зафиксированный факт ожидаемым, так как в эту категорию попадают инвалиды с внешне не проявляющимися проблемами со здоровьем, как правило затрагивающие сердечно сосудистую систему или заболевания дыхательных путей. Для организации рабочего места этих работников со стороны

работодателя не требуется значительных затрат для организации доступной среды.

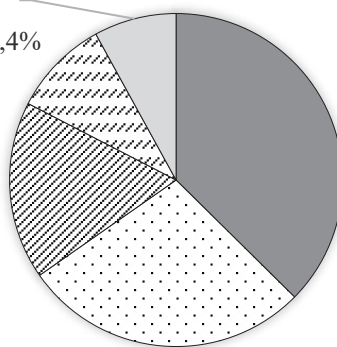
Что касается изменения условий труда и инфраструктуры, то 32% респондентов изменяли продолжительность отпусков и 26% корректировали режим рабочего времени и отдыха. При этом изменяли инфраструктуру доступа всего 2%, а организовывали рабочее место 6%. Указанные цифры ещё раз подчёркивают существование некоторой дифференциации принимаемых работников-инвалидов и дрейф в принятии на работу инвалидов с внешне не проявляющимися нарушениями здоровья. Более 80% опрошенных работодателей принимали на работу инвалидов по квотам, при этом 90% респондентов указали, что региональные (местные) власти не оказывали материальной (финансовой) помощи в формировании доступной среды.

Ключевым вопросом проводимого нами социологического обследования являлся вопрос о сдерживающих факторах и негативных примерах (рис. 4). Опуская категорию «другое», можно сделать вывод, что работодатель испытывает трудности в нехватке информации по условиям труда (14%), сталкивается с низкой мотивацией к труду работников-инвалидов (10%) и недоста-

Руководитель / Зам руководителя; 8,0%

Другое; 9,4%

Обслуживающий персонал; 17,3%

Специалист; 37,4%

Рабочий; 27,9%

Рис. 3. Структура ответов работодателей на вопрос «Укажите позицию(и) которые занимает(ют) работники-инвалиды в Вашей организации»

Fig. 3. Structure of employers' responses to the question «Specify the position(s) held by disabled employees in your organization»

Источник: построено на основе данных социологического обследования РГУ «СоцТех».

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «С какими трудностями Вам пришлось столкнуться при трудоустройстве инвалида» работодателями, имевших в штате работников-инвалидов

Fig. 4. Distribution of responses to the question «What difficulties did you have to face when employing a disabled person» from employers who employed disabled employees

Источник: построено на основе данных социологического обследования РГУ «СоцТех».

точным уровнем подготовки (10%). Подобные факторы часто встречаются в исследованиях отечественных исследователей и, по всей видимости, являются устойчивыми во времени.

В свою очередь, работодатели, не имевшие в штате работников с инвалидностью, в качестве барьеров указали на низкую мотивацию к труду — 14% и недостаточный уровень профессиональной подготовки — 13%.

В совокупности с предыдущим вопросом был задан вопрос относительно мер, направленных на снижение барьеров и увеличение количества принятых на работу инвалидов. Ответы распределились следующим образом: 28% работодателей хотят налоговых послаблений в случае принятия работника с инвалидностью; 23% ждут компенсации затрат на организацию доступной среды со стороны региональных или федераль-

ных властей; 15% видят выходом из сложившейся ситуации дополнительное обучение работников-инвалидов; 12% указывают на юридическую, методологическую, психологическую поддержку.

Заключение

Проведённое исследование динамики и структуры численности инвалидов, их присутствия на рынке труда, наличия барьеров в трудоустройстве, позволяет сделать ряд выводов.

1. В 2023 г. в России насчитывалось около 11 млн человек с инвалидностью и, несмотря на тот факт, что эта цифра снижается, уровень вовлеченности рассматриваемой категории граждан в экономическую систему страны остаётся низким. Так, лишь 1,6 млн инвалидов имели работу, при этом наибольший удельный вес занимали ин-

валиды III группы. При этом, уровень безработицы среди инвалидов I и II групп высок и достигал в отчётном периоде 20,3% и 21,9% соответственно. Проанализированные цифры доказывают слабую эффективность сложившейся системы трудоустройства и необходимость перехода к более прогрессивным методам, как указывали в своих публикациях В. С. Осипов [8] или Н. И. Фадина [10].

2. Несмотря на наличие барьеров в трудоустройстве, граждане с инвалидностью пытаются найти работу. При этом, 63% «не имели работу, но искали её», а 23% хотели сменить. В поиске рабочего места, в первую очередь, обращались к «ближнему кругу общения» или напрямую к работодателю. Более 50% опрошенных считают работу служб занятости в области трудоустройства неэффективной.

3. Сопоставление доходов домохозяйств с инвалидами, уровня пенсий, прожиточного минимума и средней заработной платы по экономике России, показал, что нехватка денежных средств граждан с инвалидностью является одной из основных причин, побуждающих их искать работу.

4. Анализ данных опроса работодателей относительно опыта взаимодействия с работниками, имеющими инвалидность, показал, что 72% (1659 респондентов) имеют в штате работников-инвалидов, из них более 80% опрошенных приняли в свой штат работников рассматриваемой категории согласно распределённым квотам. Таким образом, можно констатировать действенность государственной системы квотирования. Но также остаётся 28% работодате-

лей, которые не трудоустроили ни одного работника-инвалида.

5. Распределение работников по нозологиям показал, что большинство (61%) принадлежит к категории «иное (другие виды нозологий)», что связано с несколькими факторами: во-первых, в эту категорию входят инвалиды с отсутствием внешних проявлений болезни (в основном люди, страдающие заболеваниями сердечно-сосудистой системы); во-вторых, для данной категории работников не нужно организовывать доступную среду, а значит, нести дополнительные затраты. Таким образом, налицо некоторая дифференциация работников-инвалидов или, как указывается в исследовании Всемирного банка³ — «дискриминация людей с инвалидностью на рынке труда»

6. Рассмотрение распределения факторов, сдерживающих (мешающих) трудоустройству лиц с инвалидностью показало, что наряду с низкой мотивацией к труду, значимым является фактор «недостаточный уровень профессиональной подготовки инвалида». Выявленный фактор часто встречается в работах отечественных учёных [1; 3; 5] и указывает на необходимость проведения дополнительного исследования выпускников вузов и колледжей, имеющих инвалидность, на предмет трудоустройства и качества полученного образования.

³ Колыбашкина Н. Анализ барьеров и возможностей для участия людей с инвалидностью на рынке труда в России // Всемирный банк. — URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099335011302129130/pdf/P175164082c1900f10b0d300c9326d7e3c8.pdf> (дата обращения: 15.12.2024).

Литература и Интернет-источники

1. **Дударова, М.В.** Современные проблемы квотирования рабочих мест для инвалидов / М.В. Дударова // Аллея науки. — 2022. — Т. 2. — № 6(69). — С. 210–220. EDN: PQSAKS
2. **Егоров, Е.В.** Формирование безбарьерной городской среды и проблемы трудовой интеграции инвалидов в России / Е.В. Егоров // Уровень жизни населения регионов России. — 2022. — Т. 18, № 4. — С. 535–544. DOI: 10.19181/lspr.2022.18.4.9; EDN: LQJYMW
3. **Жданкин, Н.А.** Основные задачи при решении проблемы трудоустройства инвалидов (обзор) / Н.А. Жданкин, С.Д. Симаков // Креативная экономика. — 2021. — Т. 15. — № 1. — С. 245–264. DOI: 10.18334/ce.15.1.111563; EDN: VEPKHR

4. **Кичерова, М. Н.** Формирование трудовых практик людей с инвалидностью / М. Н. Кичерова, В. С. Лозовая // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. — 2022. — Т. 8. — № 3(31). — С. 21–42. DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-3-21-42; EDN: NDDGWQ
5. **Кондакова, Е. Р.** Актуальные проблемы трудоустройства инвалидов / Е. Р. Кондакова // Научный аспект. — 2024. — Т. 19. — № 1. — С. 2452–2458. EDN: KOLXVG
6. **Крапивин, М. Д.** Проблемы трудоустройства инвалидов: ожидание и реальность / М. Д. Крапивин // Наукосфера. — 2023. — № 2–2. — С. 237–242. EDN: DEGOQS
7. **Нацун, Л. Н.** Влияние барьеров трудоустройства на характеристики занятости инвалидов / Л. Н. Нацун // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2022. — Т. 15. — № 5. — С. 203–220. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.11; EDN: KICFOE
8. **Осипов, В. С.** Выявление изменений численности населения постсоветских стран и их влияние на рабочую силу / В. С. Осипов, А. П. Цыпин // Экономические науки. — 2022. — № 213. — С. 215–222. DOI: 10.14451/1.213.215; EDN: CSWPNB
9. **Слободян, К. О.** Проблема обеспечения трудоустройства инвалидов / К. О. Слободян // Modern Science. — 2022. — № 5–3. — С. 196–198; EDN: XULRZO
10. **Фадин, Н. И.** Содействие занятости инвалидов: актуальные проблемы и пути их решения / Н. И. Фадин // Социально-трудовые исследования. — 2022. — № 3(48). — С. 94–104. DOI: 10.34022/2658-3712-2022-48-3-94-104; EDN: QRXZIX

Сведения об авторах:

Михалёв Игорь Васильевич, к.соц.н., доцент, ректор, Российский государственный университет социальных технологий, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: mihalev@rgust.ru; ORCID: 0000-0002-1725-3114; SPIN-код: 4743–8143.

Цыпин Александр Павлович, к.э.н., доцент, доцент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: aptsy-pin@fa.ru; ORCID: 0000-0003-1914-0719; SPIN-код: 1214–7508.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-184-196

SOCIOLOGICAL AND STATISTICAL STUDY OF THE BARRIERS TO EMPLOYMENT OF PEOPLE WITH DISABILITIES IN RUSSIA

Igor V. Mikhalev¹, Alexander P. Tsypin^{2*}

¹*Russian State University of Social Technologies
(49 Losinoostrovskaya str., Moscow, Russia, 107150)*

²*Financial University under the Government of the Russian Federation
(49/2 Leningradsky prospekt, Moscow, Russia, 125167)*

For citation:

Mikhalev I. V., Tsypin A. P. Sociological and statistical study of the barriers to employment of people with disabilities in Russia. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 4. P. 184–196. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-184-196 (in Russ.)

Abstract. *The relevance of the research lies in the needs of the Russian labor market, where a shortage of labor resources has formed under the impact of external shocks and internal factors. People with disabilities are one of the sources of their replenishment. However, as practice shows, employment of this category of the population faces a number of barriers and constraints. In this regard, it is of scientific interest to consider the attitude of employers to disabled workers through the prism of personnel shortage. The purpose of the study is to identify barriers to employment of people with disabilities on the basis of the opinion of Russian employers. Research methods used in the study:*

analysis, synthesis, comparisons, mathematical and statistical methods. The obtained results are as follows: the population with the status of a disabled person is decreasing over time, and in 2023 it will amount to about 11 million people, while high values are observed in federal districts with cities having million-plus population. Despite the decrease in the number of people with disabilities, the job quota program, only 15% of people with disabilities have jobs. At the same time, there is a shortage of personnel in the labor market. Study of employers' opinions on the difficulties and barriers to employment of people with disabilities has shown that the main reasons are low motivation to work, low professional qualities, and lack of relevant work experience among applicants. It was also indirectly found that employers differentiate disabled employees and tend to hire employees with outwardly undetectable diseases.

Keywords: disabled people, labor market, barriers, employment problems, sociological survey, structure, dynamics.

References and Internet sources

1. Dudarova M. V. *Sovremennyye problemy kvotirovaniya rabochikh mest dlya invalidov* [Current problems of quoting jobs for the disabled]. *Alleya nauki* [Alley of Science]. 2022. Vol. 2. No. 6(69). P. 210–220. (in Russ.)
2. Egorov E. V. *Formirovaniye bezbar'jernoy gorodskoy sredy i problemy trudovoy integratsii invalidov v Rossii* [Formation of barrier-free urban environment and problems of labor integration of disabled people in Russia]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standard of the Population in the Regions of Russia]. 2022. Vol. 18. No. 4. P. 535–544. DOI: 10.19181/lsprr.2022.18.4.9 (in Russ.)
3. Zhdankin N. A. Simakov S. D. *Osnovnyye zadachi pri reshenii problemy trudoustroystva invalidov (obzor)* [The main tasks in solving the problem of disabled people employment (review)]. *Kreativnaya ekonomika* [Creative Economy]. 2021. Vol. 15. No. 1. P. 245–264. DOI: 10.18334/ce.15.1.111563 (in Russ.)
4. Kicherova M. N., Lozovaya V. S. *Formirovaniye trudovykh praktik lyudey s invalidnost'yu* [Establishing work practices of people with disabilities]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskije i pravovyye issledovaniya* [Tyumen State University Herald. Social, Economic and Law Research]. 2022. Vol. 8. No. 3(31). P. 21–42. DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-3-21-42 (in Russ.)
5. Kondakova E. R. *Aktual'nyye problemy trudoustroystva invalidov* [Actual problems of employment of disabled people]. *Nauchnyy aspekt* [Scientific Aspect]. 2024. Vol. 19. No. 1. P. 2452–2458. (in Russ.)
6. Krapivin M. D. *Problemy trudoustroystva invalidov: ozhidaniye i real'nost'* [Problems of employment of disabled people: expectation and reality]. *Naukosfera* [Science Sphere]. 2023. No. 2–2. P. 237–242. (in Russ.)
7. Natsun L. N. *Vliyanije bar'jerov trudoustroystva na kharakteristiki zanyatosti invalidov* [The impact of employment barriers on the employment characteristics of persons with disabilities]. *Ekonomicheskije i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]. 2022. Vol. 15. No. 5. P. 203–220. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.11 (in Russ.)
8. Osipov V. S., Tsylin A. P. *Vyyavlenije izmeneniy chislennosti naseleniya postsovetsskikh stran i ikh vliyanije na rabochuyu silu* [Identification of population changes in post-Soviet countries and their impact on the workforce]. *Ekonomicheskije nauki* [Economic Sciences]. 2022. No. 213. P. 215–222. DOI 10.14451/1.213.215 (in Russ.)
9. Slobodyan K. O. *Problema obespecheniya trudoustroystva invalidov* [The problem of ensuring employment of disabled people]. *Modern Science*. 2022. No. 5–3. P. 196–198. (in Russ.)
10. Fadin N. I. *Sodeystviye zanyatosti invalidov: aktual'nyye problemy i puti ikh resheniya* [Facilitating employment for people with disabilities: current challenges and solutions]. *Sotsial'no-trudovyye issledovaniya* [Social and Labor Research]. 2022. No. 3(48). P. 94–104. DOI: 10.34022/2658-3712-2022-48-3-94-104 (in Russ.)

Information about the authors:

Mikhalev Igor Vasilyevich, Candidate of Sociology, Associate Professor, Rector of the Russian State University of Social Technologies, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: mihalev@rgust.ru; ORCID: 0000-0002-1725-3114; SPIN-code: 4743-8143.

Tsypin Alexander Pavlovich, Candidate of Economics, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: aptsy-pin@fa.ru; ORCID: 0000-0003-1914-0719; SPIN-code: 1214-7508.

Статья поступила в редакцию 25.12.2024, утверждена 10.11.2025, опубликована 30.12.2025.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-197-211
EDN: WJXSTJ

ЭФФЕКТИВНОСТЬ МЕР ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ-ИНВАЛИДАМИ В РОССИИ

Сафонов А.Л.*, Коньичева Ю.Д.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация
(125993, Россия, Москва, Ленинградский проспект, 49)

*E-mail: alsafonov@fa.ru

Для цитирования:

Сафонов А.Л., Коньичева Ю.Д. Эффективность мер государственной поддержки семей с детьми-инвалидами в России // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 4. — С. 197-211. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-197-211; EDN: WJXSTJ

Аннотация. Тема исследования — детская инвалидность как социально-экономическая проблема. Объект исследования — дети-инвалиды и их положение в российском обществе. Цель исследования — определить эффективность мер социально-экономической и психологической поддержки семей с детьми-инвалидами и выявить ключевые проблемы в этой сфере. Методы исследования — демографический статистический анализ, систематизация и структурирование. Источник статистических данных — Росстат. Выявлена динамика роста числа детей-инвалидов, определены основные группы детей-инвалидов по нозологиям, выявлен рост детей-инвалидов с психическими расстройствами, болезнями нервной системы и врождёнными пороками развития. Проведён анализ технической оснащённости детских учреждений для обучения детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), уровень охвата детей с ОВЗ дошкольным и дополнительным образованием. Выявлены основные причины непосещения детьми-инвалидами дошкольных учреждений. Разработана авторская периодизация специфики различных видов поддержки, необходимой детям с инвалидностью и их семьям; проведённый анализ позволил сделать вывод о необходимости внедрения полного цикла поддержки детей-инвалидов и их семей с рождения ребёнка до совершеннолетия. Выявлена критическая недостаточность уровня развития психологической помощи в РФ, а также нехватка воспитателей и педагогов, владеющих навыками и инструментами инклюзивного образования. Проведён анализ лучших практик некоммерческих организаций, поддерживающих семьи с детьми-инвалидами. Исследование позволило сделать вывод о разбалансированности декларируемых позиций по поддержке семей с детьми с ОВЗ и реальной практики социальной помощи. В ходе исследования выявлена необходимость создания Единой информационной государственной системы поддержки семей с ребёнком-инвалидом. Выделены ключевые проблемы в сфере государственной поддержки детей-инвалидов и даны рекомендации по их преодолению.

Ключевые слова: детская инвалидность, инклюзия, психологическая помощь, ранняя помощь, социализация, стигматизация инвалидов, дополнительное образование, социальная помощь.

Постановка проблемы

В последние годы глобальные исследования, касающиеся темы инвалидизации населения, выявляют ежегодный рост их численности. Во «Всемирном докладе об инвалидности» за 2022 год, представленном Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ), приводятся данные, согласно которым в настоящее время число людей, живущих с той или иной формой инвалидности, в мире составляет более одного миллиарда человек, порядка 15% населения планеты. В предыдущем докладе (2011) цифра составляла лишь 10% населения. Особую озабоченность учёных вызывает такой же быстрый рост детской инвалидности. В мире на сегодняшний момент насчитывается около 95 млн детей-инвалидов (5,1% населения), из них 13 млн детей (0,7%) имеют тяжёлые формы инвалидности¹. В России прослеживаются те же тенденции — в настоящее время не более 10% детей дошкольного и 4% детей подросткового возраста можно считать полностью здоровыми. Также отмечается низкое качество репродуктивного здоровья будущих родителей [1, с. 23–25]. По данным Росстата, в 2023 г. в России процедуру освидетельствования для определения группы инвалидности прошли более 100 тыс. детей, из них признаны инвалидами 89004 ребёнка. За 10 лет в России рост числа детей-инвалидов составил 28%. Количество детей-инвалидов из числа впервые признанных инвалидами составило более 20 тысяч детей, что в 20 раз больше, чем в 2017 году.

Особое внимание стоит уделить причинам, приводящим детей к ранней инвалидности. В научном сообществе выделяют несколько групп факторов: 1) медико-биологическая группа (генетика, нарушения периода беременности, родовые травмы, недоношенность и другое); 2) социально-психологическая группа (девиантное поведение родителей, плохой уход за ребёнком, педагогическая запущенность, воспи-

тание в неблагополучных семьях, враждебность взрослых, безнадзорность и другое); 3) социально-экономическая группа (низкий уровень жизни семьи, плохое питание, низкий интеллектуальный уровень родителей и другое); 4) экологическая группа [2]. Как это ни парадоксально звучит, но именно развитие медицинской науки становится причиной увеличения детской инвалидности. Это связано с изменением законодательства в области медицинской помощи при преждевременных родах. В связи с переходом на международные стандарты, рекомендованные ВОЗ, с 2012 г. в России всем детям, родившимся после 24-й недели беременности и весом более 500 грамм, должна быть оказана медицинская помощь, направленная на сохранение жизни (ранее действовали другие стандарты веса и возраста новорождённых), однако высок процент таких детей, которые затем страдают тяжёлыми заболеваниями, в том числе когнитивными, психическими, неврологическими, двигательными расстройствами, серьёзными нарушениями зрения, эмоциональными и поведенческими расстройствами [3]. Как можно увидеть на рис. 1, именно врождённые аномалии (пороки развития), деформации и хромосомные нарушения находятся на 1 месте среди впервые признанных инвалидами детей.

Следует обратить особое внимание, что на 2 и 3 месте по численности находятся следующие причины: 1) психические расстройства и расстройства поведения — 12800 случаев; 2) болезни нервной системы — 11853 случая. В 2023 г. картина несколько меняется, но по-прежнему главной причиной инвалидности остаются расстройства нервной системы: 1) психические расстройства и расстройства поведения — 28982 случая; 2) болезни нервной системы — 15860 случаев; 3) врождённые аномалии — 10861; 4) болезни эндокринной системы — 9183 случаев (рис. 2).

Обращает внимание резкое увеличение числа диагнозов, связанных с психическими расстройствами (со 12800 до 28982 или в 2,66 раза). За тот же период число постановок инвалидности из-за болезни нерв-

¹ Всемирный доклад об инвалидности. — URL: https://web.archive.org/web/20120127045351/http://www.who.int/disabilities/world_report/2011/report/ru/index.html (дата обращения: 01.03.2025).

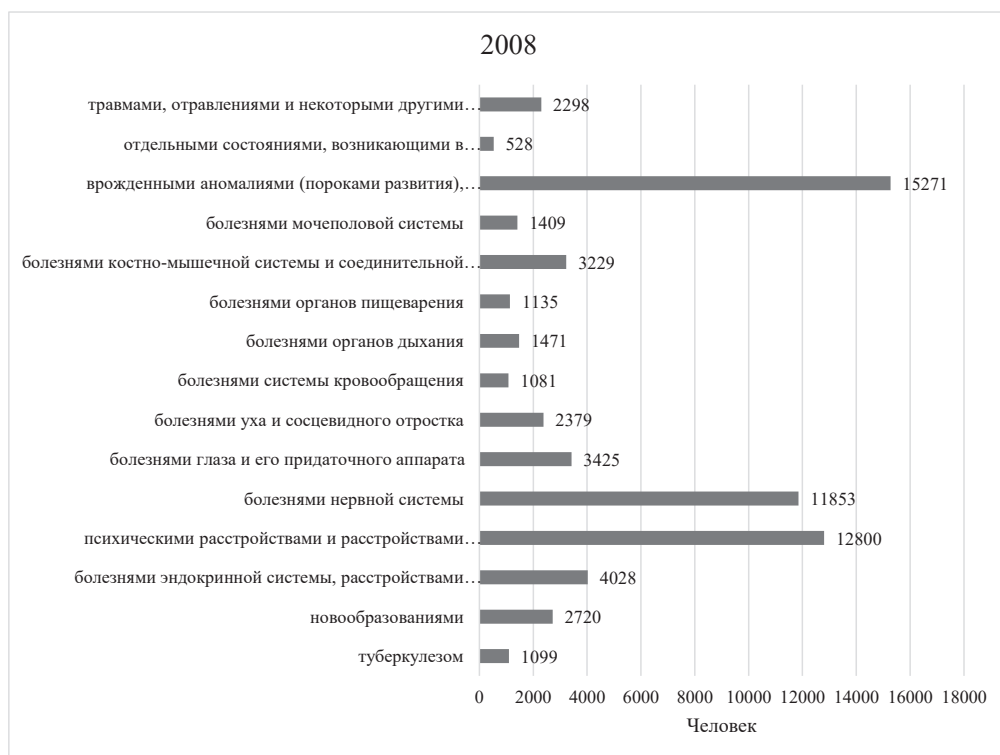

Рис. 1. Распределение впервые признанных инвалидами детей в возрасте до 18 лет по формам болезней за 2008 год

Fig. 1. Distribution of children under the age of 18 who were recognized as disabled for the first time by forms of illness in 2008

Источник: составлен авторами по данным Росстата.

ной системы увеличилось с 11853 до 15860 или в 1,33 раза, количество установленных врождённых аномалий (пороки развития), деформаций и хромосомных нарушений сократилось с 15271 случая до 10861 случаев или в 1,41 раза. Такое увеличение можно объяснить несколькими факторами: 1) изменение диагностических критериев, более качественные медицинские обследования детей и большая выявляемость психических, когнитивных и неврологических проблем на ранних стадиях (например, по сравнению с данными 2018 г. диагноз аутизм ставится сейчас в 3 раза чаще) [4]; 2) увеличение возраста рождения первого ребёнка у женщин (по данным Минтруда в 2023 г. — 28 лет, в 2018–2019 гг. — 25 лет, в 1960–1994 гг. — 22–24 года) и воз-

можность рождения детей у женщин всё более старшего возраста (в том числе с помощью ЭКО) с более высоким риском развития различных аномалий (синдром Дауна, Эдвардса и Патау, врождённые аномалии — анэнцефалия, гидроцефалия, атрезии стенозы, агенезия почки и др. — по данным Национальной ассоциации детских реабилитологов). Количество матерей в возрасте старше 35 лет выросло с 10% в 2011 г. до 18% в 2018 г., частота аномалий у новорождённых таких матерей составляет 4,6%, а в возрасте 45+ уже 8% [5; 6].

Психологическая помощь в РФ

В разрезе проблемы увеличения как детской заболеваемости психическими забо-

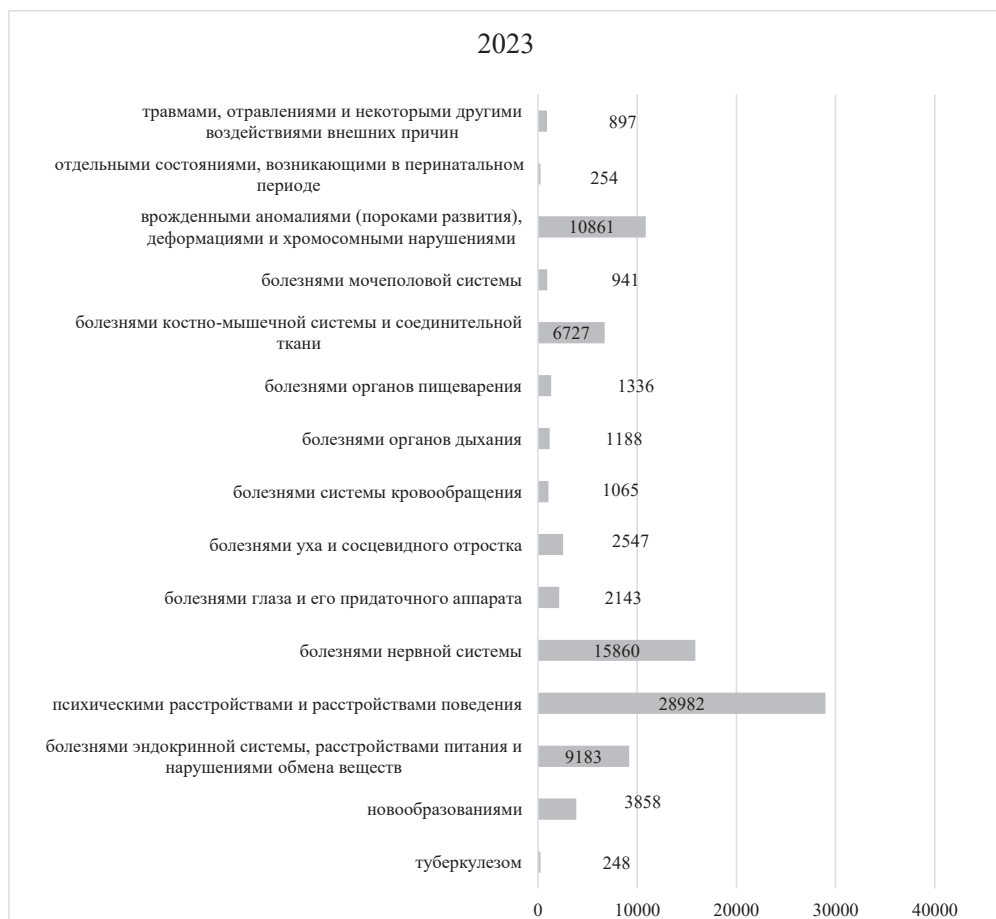

Рис. 2. Распределение впервые признанных инвалидами детей в возрасте до 18 лет по формам болезней за 2023 год

Fig. 2. Distribution of children under the age of 18 who were first recognized as disabled by disease category in 2023

Источник: составлен авторами по данным Росстата.

леваниями, так и потенциального увеличения взрослых людей с такими диагнозами, становится особенно актуальным состояние сферы психологической поддержки в РФ. ВОЗ провела в 2022 г. глобальное исследование на тему уровня обеспеченности стран психологической помощью и определила количество специалистов по психологическому здоровью в разных странах мира. Как мы видим на рис. 3, Россия отстаёт по этому показателю от многих стран. При этом нельзя не упомянуть тревожные

цифры статистики, касающиеся уровня самоубийств в разных странах мира, так как именно депрессия и другие психические заболевания являются одной из самых частых их причин. Россия входит в топ-10 стран (9 место) с самым высоким уровнем самоубийств и находится на одном уровне с беднейшими странами третьего мира, такими как Суринам, Южная Африка, Кирибати, Федеративные Штаты Микронезии. Самоубийства являются четвертой по распространенности причиной смерти мо-

лодых людей в возрасте от 15 до 29 лет. По числу подростковых самоубийств среди детей в возрасте от 15 до 18 лет Россия занимает 1 место в мире.

Проблема неразвитости и неурегулированности рынка психологических услуг звучит и в общественном дискурсе, и на государственном уровне. Выступая в начале марта 2025 г. в Госдуме, депутат Н. Останина заявила, что в России катастрофически не хватает психологов². В Госдуме подсчитали, что сейчас в РФ работает 4 тыс. школьных психологов, что составляет только 10% от потребности в них, и речь прежде всего о психологах, которые будут работать с нормотипичными (термин из законодательных документов) детьми. Если же мы

говорим о детях-инвалидах, для них требуются отдельные специалисты, обладающие специальными навыками и знаниями в области инклюзивного образования и особенностей психологической помощи детям с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ)³. Таким образом, повышение уровня психологической помощи, развитие психологических служб, значительное увеличение численности специалистов в сфере психологического здоровья, проведение просветительских семинаров для детей и взрослых, увеличение количества психологов в школах — всё это становится насущными задачами для государства в ближайшем будущем.

² В Госдуме заявили о катастрофической нехватке «настоящих» психологов. — URL: <https://govoritmoskva.ru/news/444407/> (дата обращения: 01.03.2025).

³ Метелев заявил о нехватке психологов в школах России. — URL: <https://www.pnp.ru/social/metlev-zayavil-o-nekhatke-psikologov-v-shkolakh-rossii.html> (дата обращения: 01.03.2025).

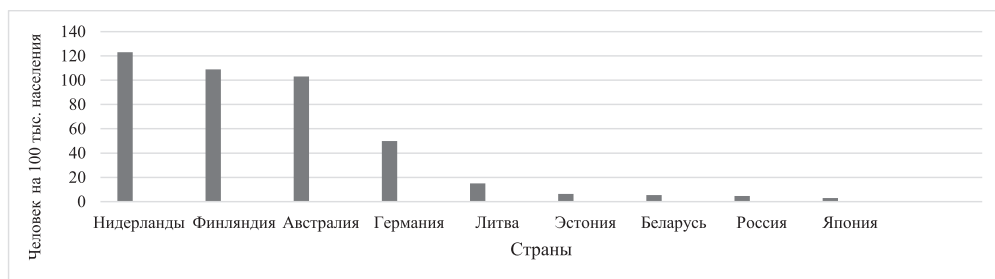

Рис. 3. Количество специалистов по психическому здоровью в разных странах мира

Fig. 3. The number of mental health professionals in different countries of the World

Источник: составлено авторами по данным ВОЗ.

Меры государственной поддержки для детей-инвалидов и их семей

Россия за последнее десятилетие сделала огромный шаг вперед в направлении помощи как детям-инвалидам, так и взрослым людям с инвалидностью. Россия ратифицировала Конвенцию ООН «О правах инвалидов» (Федеральный закон № 46 от 3 мая 2012 года), что оказало влияние на расширение прав инвалидов, улучшение их жизни и нашло отражение в более чем 30 федеральных законах. Данное направление постоянно находится в сфере внимания федеральных властей. Распоряжением Пра-

вительства РФ была утверждена Концепция и План мероприятий по поддержке занятости инвалидов. Она предусматривает значительное число мер, направленных на обеспечение прав граждан с ограниченными возможностями на труд⁴.

В настоящее время реабилитация и абилитация инвалидов по основным направлениям осуществляется в соответствии с по-

⁴ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 2 сентября 2024 г. № 2401-р «Об утверждении Концепции по повышению уровня занятости инвалидов в Российской Федерации на период до 2030 г. и плана мероприятий по реализации Концепции по повышению уровня занятости инвалидов в Российской Федерации на период до 2030 года». — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409520665/> (дата обращения: 24.02.2025).

ложениями статьи 9 Федерального закона № 181-ФЗ на основании индивидуальных программ реабилитации или абилитации инвалидов, детей-инвалидов, разрабатываемых федеральными учреждениями медико-социальной экспертизы. Распоряжением Правительства РФ была утверждена «Концепция развития ранней помощи в Российской Федерации на период до 2025 года», которая была продлена до 2030 года⁵. Однако явно видна и разбалансированность декларируемых позиций международного и отечественного законодательства с реальной практикой социального взаимодействия и оказания помощи в этой сфере [7]. Рассмотрим, насколько эффективно работает система существующих мер помощи детям-инвалидам и их семьям. В связи со спецификой разных периодов детского возраста, рассмотрим три периода с точки зрения текущего положения и основных проблемных зон, которые требуют особого внимания.

Первый период: ранний возраст — с 0 до 3 лет

Раннее начало комплексной помощи способствует максимально возможным достижениям в развитии ребёнка, поддержанию его здоровья, а также успешной социализации и включению ребёнка в образовательную среду с последующей интеграцией в общество. Что касается детей-инвалидов, получивших родовые травмы, имеющих врождённые аномалии или пороки развития, ранняя помощь имеет критически важное значение. Опыт и практика показывают, что максимально успешны в инклюзивном обучении именно те дети, кто получал медико-психолого-педагогическую помощь с первых месяцев жизни, а не только в дошкольном возрасте. Ранняя помощь детям с ОВЗ — это базовый структурный компонент образовательной системы, способный кардинально изменить результативность обучения и социальной интеграции [8].

⁵ Минтруд. Развитие ранней помощи в Российской Федерации. — URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/29> (дата обращения: 24.02.2025).

Как зарубежными, так и отечественными учёными (В. М. Бехтерев, И. М. Сеченов, И. П. Павлов и др.) было показано, что определяющими для развития ребёнка являются первые годы жизни. И дети с нарушениями в развитии, для которых обучение ранее считалось бессмысленным (умственная отсталость, синдром Дауна и другое), показали отличную динамику развития основных функциональных областей, смогли овладеть начальными навыками чтения и письма и другими жизненно необходимыми навыками при правильной организации помощи. Разработанные современными учёными технологии ранней помощи позволяют в значительной мере скорректировать течение болезни и предупредить развитие её более тяжёлых форм⁶.

Исследование Дж. Хекмана, проведённое в 2006 г., показало, что инвестиции в раннее детство намного эффективнее, чем все последующие программы развития в более позднем возрасте. Эффективность обучения достигает пика в возрасте 5 лет. «Превентивное вмешательство является более эффективным и даёт более благоприятные результаты, чем позднее восстановление», — говорил он в своём исследовании⁷. В настоящее время, по данным доклада Министерства труда и социального развития РФ, в 26 регионах РФ функционирует система ранней помощи. Суммарное количество детей, нуждающихся в ранней помощи, по всем субъектам РФ по состоянию на 1 января 2020 г. составило 728858 детей⁸. Служба ранней помощи — это поддержка семьи с особым ребёнком. Цель её деятельности — организованная психолого-педагогическая и социальная поддержка семьи, имеющей ребёнка с выявленными нарушениями развития (риском нарушения), подбор адек-

⁶ Развитие ранней помощи в образовании детей с ОВЗ и группы риска: основания, ориентиры и ожидаемые результаты. — URL: <https://psy.su/feed/10080/> (дата обращения: 09.03.2025).

⁷ Early Childhood Education: Quality and Access Pay Off. — URL: https://heckmanequation.org/wp-content/uploads/2017/01/F_Heckman_Moffitt_093016.pdf (дата обращения: 10.03.2025).

⁸ Минтруд. Развитие ранней помощи в Российской Федерации. — URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/29> (дата обращения: 10.03.2025).

ватных способов взаимодействия с ребёнком, его воспитания и обучения, коррекция отклонений в развитии.

Однако, в этой сфере наблюдаются следующие проблемы: 1) как у сотрудников роддомов и врачей детских поликлиник, так и у родителей отсутствует информация о возможности обратиться в Службу ранней помощи, нет единого центра, который бы сообщал контактные данные и направлял родителей для получения соответствующей помощи, таким образом родители остаются один на один с тяжёлым диагнозом ребёнка; 2) службы ранней помощи не всегда готовы оказывать действительно индивидуальную поддержку детям-инвалидам, зачастую предлагая лишь стандартные программы, которые не относятся к ранней помощи; 3) службы ранней помощи работают в крупных городах, однако если речь идёт о небольших населённых пунктах или сельской местности, то там таких услуг нет; 4) ряд служб, адреса которых указаны на сайте Минздрава, не работают. Например, Служба ранней помощи, открытая в Москве в 2021 г., на данный момент заявки на поддержку от семей с детьми-инвалидами не принимает; 5) за развитие и регуляцию деятельности служб ранней помощи отвечает каждый регион РФ самостоятельно, нет единых стандартов, правил, требований к таким службам, это вызывает непонимание специфики таких услуг и значительно снижает их качество⁹.

Второй период: дошкольники с 3 до 7 лет

Начиная с трёхлетнего возраста, ключевой целью воспитания и развития ребёнка становится социализация. Нормотипичные дети проходят этот процесс в детских дошкольных учреждениях, в секциях и кружках по интересам, постепенно осуществляя и подготовку к школе. Дети-инвалиды зачастую не имеют такой возможности. К причинам непосещения детьми с ОВЗ детских

дошкольных учреждений относятся: ребёнок не может посещать ДДУ по состоянию здоровья, дома ребёнку лучше, нет мест, нет поблизости, высокая оплата и другое. Учитывая факт транспортной доступности, можно сделать вывод о том, что наиболее уязвимы с точки зрения социализации и получения образовательных навыков на ранних стадиях именно дети с ОВЗ в сельской местности. В 2023 г. детским дошкольным образованием было охвачено 74,9%, но при этом всего 59,2% в сельской местности.

Замкнутость ребёнка в семье, отсутствие возможности общаться со сверстниками формирует нарушения процесса социализации и создает серьёзные препятствия для дальнейшего развития ребёнка. Как отмечают исследователи [9], родители детей с ОВЗ чрезмерно опекая детей и боясь нанесения им психологических травм, пытаются оградить их от общения со сверстниками и взрослыми. По наблюдениям специалистов в результате такие дети демонстрировали замкнутость, отсутствие навыков общения, что приводит к следующим результатам: 1) 27% процентов исследованного и протестированного контингента детей с ОВЗ имели высокий уровень социальной адаптации; 2) 40% — имели средний уровень; 3) 33% — низкий уровень [10].

Одной из причин нарушения процесса социализации детей-инвалидов является и то, что всё больше родителей считают нахождение ребёнка на домашнем воспитании лучшим вариантом: если в 2011 г. так считало 15% из числа опрошенных, то в 2022 г. — 52%. При этом уровень здоровья, определяемый как основной фактор непосещения детских дошкольных учреждений, изменился мало — 13% в 2011 г. и 11% в 2022 году. Факторы оплаты посещений и отсутствие мест в детских садах и яслях теряли с годами свою значимость. В 2023 г. доля не посещавших детские дошкольные учреждения по причине предпочтения домашнего воспитания увеличилась до 61%. Можно сделать вывод, что в дошкольных учреждениях не предоставляют услуги, которые рассматривались бы родителями как важные для жизни ребёнка.

⁹ Почему в России почти нет ранней помощи детям с инвалидностью. — URL: <https://www.miloserdie.ru/article/pochemu-v-rossii-pochti-net-rannej-pomoshhi-detyam-s-invalidnostyu/> (дата обращения: 15.03.2025).

В основном родители принимали решение о смене учреждения по причинам отсутствия либо оснащённости современными условиями, либо недостаточного количества образовательных программ. На данные обстоятельства прежде всего реагировали жители села, что подтверждает тезис о том, что с точки зрения раннего развития и социализации дети с ОВЗ из сельской местности находятся в менее благоприятных условиях, чем дети из городских домохозяйств.

Огромное значение для развития и социализации ребёнка с ОВЗ имеет дополнительное образование. К сожалению, удельный вес этой категории в системе ДПО, по данным Росстата, не имеет устойчивого роста и более того, в 2023 г. показал резкое снижение — с 4,2% в 2019 г. до 1,5% в 2023 году. Таким образом, проблема социализации детей с ОВЗ стоит очень остро, требует комплексных мер, грамотных решений и активизации действий, направленных на непрерывность образовательно-воспитательного цикла для детей-инвалидов.

Третий период: школьники с 7 до 18 лет

В 2012 г. в РФ был принят Закон «Об образовании в Российской Федерации», согласно которому происходит разработка и принятие новых федеральных образовательных стандартов, закрепляющих гарантии права на обучение в общеобразовательных школах детей с ОВЗ, и предоставление специальных условий обучения, принятие федерального образовательного стандарта для детей с ограниченными возможностями здоровья. Возможность обучаться в общеобразовательной школе для ребёнка-инвалида сильно зависит от его диагноза. Так, например, дети-инвалиды, получившие качественную раннюю помощь, могут восстановить здоровье и изменить группу либо снять инвалидность полностью. К таким категориям могут относиться дети-инвалиды по зрению, слуху, дети с лёгкой степенью двигательных или когнитивных нарушений. Однако дети-инвалиды, имеющие серьёзный неврологический или психиатрический диагноз, не могут обучаться

в общеобразовательных учреждениях наравне с нормотипичными детьми — они либо не обучаемы в принципе, либо проходят обучение в специализированных интернатах. Среди основных проблем с образованием детей с ОВЗ остаются транспортная доступность, нехватка специалистов и восприятие сверстниками и их родителями.

За период 2018–2025 гг. численность персонала из числа педагогических работников в школах, которые работают непосредственно с детьми, имеющими ОВЗ, росла¹⁰. Данная тенденция должна в будущем положительно сказаться на уровне среднего образования данной категории, что улучшит ситуацию с возможностью приобретения профессиональных навыков при освоении программ среднего и высшего профессионального образования. Следовательно, в среднесрочной перспективе (при сохранении данной тенденции) потенциал трудоустройства людей из категории инвалидов с детства может вырасти. При рассмотрении динамики количества образовательных учреждений, которые реализуют программы обучения детей с ОВЗ видно, что происходит сокращение общего числа специализированных отдельных общеобразовательных организаций для обучающихся с ОВЗ: в 2016/2017 учебном году их насчитывалось 1625, а в 2024/2025 году — 1552. Сократилось и количество интернатов с 1537 до 1265.

В то же время число организаций, которые работали с наиболее распространёнными типами, увеличилось (табл. 1). Наибольший прирост наблюдался в отношении организаций, имевших отдельные классы для детей с ОВЗ (с 3317 в 2016 г. до 4864 в 2024 г.). Эту тенденцию также можно рассматривать положительно. Увеличение числа классов в общеобразовательных школах с программами для детей с ОВЗ позволяет расширить транспортную доступность для семей с такими детьми, а также возможности выбо-

¹⁰ Сводные отчёты по форме № 00-1 «Сведения об организации, осуществляющей подготовку по образовательным программам начального общего, основного общего, среднего общего образования» на начало учебного года по Российской Федерации. — URL: https://edu.gov.ru/activity/statistics/general_edu (дата обращения: 10.03.2025).

ра наиболее подходящих для ребёнка условий обучения. Данные табл. 1 показывают, что в России в период с 2016–2024 гг. произошло резкое увеличение числа классов школьных организаций, в которых обучались дети с ОВЗ. При этом особенно заметен рост числа учащихся с тяжёлым нарушением речи — на 562%, с расстройствами аутистического спектра — на 826%, с задержкой психического развития — на 247%. Такие показатели свидетельствуют о том, что за рассматриваемый период удалось в зна-

чительной степени развить уровень школьного обучения детей с ОВЗ в обычных школах. Это, по нашему мнению, должно положительно сказаться на их социализации и подготовке к дальнейшей трудовой деятельности. Также положительным моментом в системе школьного образования является сокращение численности детей с ОВЗ в возрасте от 7 до 17 лет, которые не проходили обучение в образовательных учреждениях — с 2018 по 2024 гг. их число сократилось с 4068 до 1280 человек.

Таблица 1

Динамика числа классов, в которых обучались дети с ОВЗ

Table 1

Dynamics of the number of classes attended by children with disabilities

Наименование показателя	2016/2017 учебный год	2024/2025 учебный год
Число классов, имеющих в своём составе лиц с ограниченными возможностями здоровья, единиц	147841	267044
В них обучающихся (всего), человек, из них лица с ограниченными возможностями здоровья:	2784379	5705916
– глухие	1485	805
– слабослышащие	2826	4647
– позднооглохшие	215	547
– слепые	208	217
– слабовидящие	7429	7695
– с тяжёлыми нарушениями речи	10802	60675
– с нарушением опорно-двигательного аппарата	16624	23622
– с задержкой психического развития	123926	305564
– с умственной отсталостью (интеллектуальными нарушениями)	43149	69716
– с расстройствами аутистического спектра	1944	16049
– со сложными дефектами	1257	755
– с иными ограниченными возможностями здоровья	29702	14950

Источник: составлено авторами по данным Минпросвещения России.

Остро стоит вопрос с оказанием специализированной психологической помощи детям-инвалидам. Особо важное значение она приобретает именно в школьном возрасте, когда у детей идёт процесс самоидентификации, который может двигаться в сторону осознания «я не такой, как все», «я болен», «я инвалид», и тогда путь самореализации, образования и дальнейшего трудоустройства оказывается, по сути, закрытым или сильно усложнённым. Однако если

ребёнок при поддержке психологов и родителей не идентифицирует себя с болезнью и инвалидностью, а осознает себя как полноценную личность, то перспективы его социализации, профессионального и личностного становления можно оценивать как высокие [11].

Отдельной серьёзной проблемой является стигматизация детей с инвалидностью, плохое отношение сверстников к ним. Многочисленные исследования показыва-

ют, что дети с инвалидностью сталкиваются с жестоким отношением, буллингом, травлей и даже физическим насилием, отторжением ближайшего окружения как в школе, так и при личностном общении со сверстниками. «Жизненный опыт... позволяет говорить о разных формах стигматизации: девальвации, социальном контроле, избегании, бездействии, который переживался респондентами. Стигматизация проявляется как на межличностном, так и на институциональном уровне» [12].

Семья с ребёнком-инвалидом

В работах М.П. Краузе подчёркивается, что психоэмоциональное состояние матери, узнавшей о рождении у неё ребёнка с нарушениями здоровья, по накалу эмоций аналогично состоянию стресса при потере близкого человека. Известно, что большинство окружающих постепенно или сразу после рождения ребёнка-инвалида отказываются от общения с такими семьями [13]. Анализ детско-родительских взаимоотношений показывает, что в семье ребёнка с ОВЗ чаще доминируют две модели воспитания: модель «сотрудничество» и модель «отказ от взаимодействия». Модель «отказ от взаимодействия» свидетельствует об искажении воспитательской позиции родителей и, как правило, приводит к скрытому или откровенному отвержению ребёнка самыми близкими людьми, что негативным образом сказывается на его здоровье, развитии, социализации и адаптации [14]. По мнению А. И. Антонова, Ю. И. Семенова, А. С. Спиваковской, то, каким вырастет ребёнок, какие черты характера у него сформируются, на 70% зависит от родителей, что в большей степени касается семей с ребёнком-инвалидом [15]. В своих исследованиях М. А. Галагузова отмечает, что 50% семей, имеющих детей с нарушенным развитием — неполные, большая часть матерей, имеющих ребёнка с ОВЗ, являются безработными. Почти 35% родителей из-за рождения ребёнка-инвалида разводятся, и мать обычно вынуждена одна воспитывать такого ребёнка, часто с помощью близких родственников. Таким образом проблема ре-

бёнка с инвалидностью усиливается трудностями выживания неполной семьи [16].

Отметим и тот факт, что значительное число членов семьи с детьми с ОВЗ отвлечено от трудовой деятельности и заняты домашним уходом — на конец 2024 г. их численность составила 666549 человек¹¹. Отвлечение родителей от занятости, с одной стороны, позволяет осуществлять уход, но с другой, снижает доходы семьи, а значит сокращаются материальные возможности предоставлять ребёнку платное образование, медицинские услуги и услуги по реабилитации. Следовательно, данный социальный фактор оказывает негативное влияние на развитие потенциала ребёнка для трудоустройства при достижении совершеннолетия.

Особое значение при этом приобретает размер социальных пенсий, назначаемых инвалидам с детства. Согласно данным «Единой государственной информационно-аналитической системы социального обеспечения», которые были доступны по состоянию на середину 2024 г., бюджетные расходы на финансовое стимулирование рождаемости, улучшение условий жизни для семей с детьми в реальном выражении за последние несколько лет устойчиво сокращаются [17]. При общей тенденции повышения размеров социальных пенсий с 2015 г. наблюдается постепенное снижение такого показателя как соотношение их размеров с прожиточным минимумом: с 2015 по 2024 гг. произошло его снижение с 142% до 124% (с 6873 рублей до 18556 рублей). Это означает сокращение возможностей обеспечивать детей-инвалидов дополнительными услугами в области образования и медицинской, психологической, трудовой реабилитации: «...низкий уровень доходов лишает людей многих благ, необходимых для их физического и интеллектуального развития, влияя на состояние здоровья, увеличивая в конечном счёте напряжённость в обществе и семье» [18]. Таким образом, мы видим, что проблемы семьи с ребёнком-инвалидом являются многоаспектными, включающи-

¹¹ Численность неработающих трудоспособных лиц, осуществляющих уход за ребёнком-инвалидом или инвалидом с детства I группы. — URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/62370> (дата обращения: 02.03.2025).

ми в себя психологический, соматический, финансовый, социальный, педагогический компоненты. Семья, у которой появился ребёнок-инвалид, попадает в период длительной турбулентности, изоляции и дезадаптации, оказываясь в группе риска. Семья, оказавшаяся в столь тяжёлом положении, нуждается во всесторонней поддержке со стороны государства и общества.

При выстраивании комплексной системы работы с семьями, имеющими ребёнка-инвалида, будет полезен опыт некоммерческих организаций. По данным Минтруда в России зарегистрированы 362 социально-ориентированные некоммерческие организации, из которых чуть меньше половины работают с детьми-инвалидами и их семьями¹². По опыту сотрудников «Всероссийской организации родителей детей-инвалидов (ВОРДИ)», созданной в 2018 г. и работающей в 78 регионах РФ, семьи с детьми-инвалидами очень нуждаются в консультационной, правовой и психологической помощи. Многие семьи чувствуют растерянность и отчаяние. Информация об услугах из разных ведомств разрознена, родители не понимают, какие льготы им положены, в какое ведомство с каким вопросом нужно обращаться. Основные запросы, с которым к ВОРДИ обращаются семьи — это получение инвалидности, составление индивидуальной программы реабилитации, порядок приобретения технических средств реабилитации, вопросы образования детей с ОВЗ, вопросы паллиативной помощи, повышения доступности дополнительного образования и многие другие. Для решения всех этих вопросов были созданы «Семейные приёмные ВОРДИ», работающие в режиме «одного окна», которые за несколько лет работы показали свою высокую эффективность. В 2022 г. «Семейные приёмные ВОРДИ» действовали в двадцати регионах России на базе региональных отделений с методической поддержкой Ресурсного информационно-методического центра ВОРДИ¹³.

¹² Минтруд РФ. Реестр социально ориентированных некоммерческих организаций. — URL: <https://mintrud.gov.ru/nko/default/index> (дата обращения: 10.03.2025).

¹³ Всероссийская организация родителей детей-инвалидов. — URL: <https://vordi.org> (дата обращения: 10.03.2025).

Заключение

Подводя итоги анализа состояния сферы детской инвалидности, из положительных тенденций, можно отметить следующие: 1) появление первых концептуальных и законодательных документов, регулирующих данную сферу, постепенное усиление внимания к теме инвалидности детей со стороны государства; 2) прогресс в усилении мер социально-экономической, психологической, реабилитационной, профориентационной поддержки детей-инвалидов и их семей; 3) развитие системы Служб ранней помощи для детей-инвалидов от 0 до 3 лет в ряде регионов РФ; 4) появление негосударственных специализированных фондов, НКО и коммерческих организаций, помогающих детям-инвалидам и их семьям в решении самых насущных проблем; 5) рост численности персонала из числа педагогических работников в школах, которые работают непосредственно с детьми, имеющими ОВЗ; 6) увеличение числа детей-инвалидов, обучающихся в общеобразовательных школах вместе с нормотипичными детьми.

В то же время необходимо выделить проблемные зоны, требующие особого внимания и принятия соответствующих решений: 1) отсутствие Единой информационной государственной системы поддержки семей с ребёнком-инвалидом по типу «Служб одного окна», где бы они могли с рождения ребёнка комплексно получить всю необходимую информацию, чтобы построить верную траекторию дальнейшей медицинской, психологической, реабилитационной помощи с целью максимально, насколько это возможно, нивелировать влияние болезни; 2) нарушения на местном уровне, связанные с выплатами компенсаций, получением лекарств, предоставлением особой реабилитационной помощи для детей-инвалидов, особенно в небольших городах и сельской местности; 3) критично малое количество психологов и психологических служб, которые бы могли осуществлять психологическую поддержку как самого ребёнка с ОВЗ, так и его семьи; 4) недостаточная

техническая оснащённость основного числа учреждений дошкольного и школьного образования (детских садов, детских центров развития, общеобразовательных школ и т.д.) для организации обучения детей-инвалидов; 5) низкий размер социальных

пенсий детей-инвалидов и, как следствие, отсутствие у родителей детей-инвалидов возможности обеспечивать им дополнительное образование, связанное с тем, что один из родителей осуществляет уход за ребёнком и не работает.

Литература и Интернет-источники

1. **Баранов, А. А.** Состояние здоровья детей современной России / А. А. Баранов, Л. С. Намазова- Баранова, В. Ю. Альбицкий, Р. Н. Терлецкая. — Москва : ПедиатрЪ, 2020. — 116 с. EDN: MMGCJX
2. **Ткаченко, А. А.** Обеспечение достойного уровня жизни населения: возможности и реальность / А. А. Ткаченко // Экономика. Налоги. Право. — 2025. — Т. 18. — № 3. — С. 6-18. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-3-6-18; EDN: WBNEFJ
3. **Шедько, Ю. Н.** Использование китайского опыта в управлении здравоохранением России / Ю.Н. Шедько, И. Ю. Ильина, И. А. Квасов // Экономика. Налоги. Право. — 2025. — Т. 18. — № 5. — С. 112-121. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-112-121. EDN: ANJBRQ
4. **Макаров, И. В.** Диагностика детского аутизма: ошибки и трудности / И. В. Макаров, А. С. Автениук // Социальная и клиническая психиатрия. — 2018. — № 3. — С. 74–81. EDN: XYNKNN
5. **Архангельский, В. Н.** Возраст матери при рождении первого ребёнка: динамика, региональные различия, детерминация / В. Н. Архангельский, О. Н. Калачикова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2020. — № 5. — С. 200–217. EDN: GGMDHG
6. **Демикова, Н. С.** Возраст матери как фактор риска врождённых пороков развития / Н. С. Демикова, М. А. Подольная, А. С. Лапина // Российский вестник перинатологии и педиатрии. — 2020. — Т. 65. — № 2. — С. 34–39. EDN: YVPRPU
7. **Антропов, В. В.** Социально-экономическое неравенство в современном мире: инструментарий оценки, тенденции и стратегии преодоления / В. В. Антропов // Экономика. Налоги. Право. — 2022. — Т. 15. — № 3. — С. 21–37. — DOI 10.26794/1999-849X-2022-15-3-21-37. EDN: GYWMDS
8. **Приходько, О. Г.** Ранняя помощь детям с ОВЗ — начальный этап инклюзивного образования / О.Г. Приходько, О.В. Югова // Альманах института коррекционной педагогики. — 2023. — № 52(5). — С. 93–101. EDN: YAFFLW
9. **Смолярчук, И. В.** Психолого-педагогическое сопровождение семьи как условие социального развития детей с ограниченными возможностями здоровья в инклюзивном образовании. / И.В. Смолярчук // Журнал Гуманитарные науки (г. Ялта). — 2018. — № 2(42). — С. 152–156. EDN: XRFJNR
10. **Полевая, М. В.** Особенности профессионализации и социализации молодежи в условиях инновационных преобразований / М. В. Полевая // Экономика. Налоги. Право. — 2023. — Т. 16, № 2. — С. 19–27. — DOI 10.26794/1999-849X-2023-16-2-19-27. EDN: BZTNYL
11. **Молчанов, И. Н.** Образование как социальный институт: предпринимательский вектор / И. Н. Молчанов // Экономика. Налоги. Право. — 2022. — Т. 15, № 5. — С. 38–46. DOI: 10.26794/1999-849X-2022-15-5-38-46; EDN: FEJRXZ
12. **Деточенко, Л. С.** Специфика социализации инвалидов: опыт нарративной реконструкции / Л. С. Деточенко // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2020. — Т. 23. — № 2. — С. 87–103. EDN: KYKVDJ
13. **Краузе, М. П.** Дети с нарушениями развития: психологическая помощь родителям / М. П. Краузе. — Москва : Академия, 2006. — 208 с. EDN: QVGAMJ
14. **Пряжников, Н. С.** Семейная карьера: сущность, основания для типологии и методы помощи в профессиональном и семейном самоопределении / Н. С. Пряжников, [и др.] // . Организационная психология. — 2024. — Т. 14. — № 4. — С. 228–251. EDN: QQMRNI

15. **Шнейдер, Л.Б.** Психология семейных отношений: Курс лекций / Л.Б. Шнейдер. — Москва : Эксмо-Пресс, 2000. — 512 с. EDN: PCCZEL
16. **Савельева, А. С.** Психолого-педагогическое сопровождение семьи, воспитывающей ребёнка дошкольного возраста с ОВЗ / А. С. Савельева // Психологические проблемы современной семьи: сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 3–6 октября 2018 г.) / ред. О. А. Карабанова, Н. Н. Васягина. — Екатеринбург, 2018. — С. 632–635. EDN: ZCDFMT
17. **Дорофеев, М. Л.** Финансовые методы и инструменты обеспечения роста рождаемости и благополучия населения России: проблемы и решения / М. Л. Дорофеев // Экономика. Налоги. Право. — 2025. — Т. 18. — № 3. — С. 43–51. DOI: 10.26794 / 1999-849X-2025-18-3-43-51; EDN: RGUDWK
18. **Чернов, А.Ю.** Динамика расходов российской семьи в современных условиях / А. Ю. Чернов // Экономика. Налоги. Право. — 2022. — Т. 15. — № 1. — С. 134–141. DOI: 10.26794 / 1999-849X-2022-15-1-134-141; EDN: WKFYWR

Сведения об авторах:

Сафонов Александр Львович, д.э.н., проф. кафедры психологии и развития человеческого капитала, главный научный сотрудник Института региональной экономики и межбюджетных отношений, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация.
Контактная информация: e-mail: ALSafonov@fa.ru, ORCID: 0000-0003-3577-5490; РИНЦ SPIN-код: 7192-4121.

Конычева Юлия Дмитриевна, к.филол.н., доцент кафедры психологии и развития человеческого капитала, ведущий научный сотрудник Института региональной экономики и межбюджетных отношений, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация.

Контактная информация: e-mail: YUDKonycheva@fa.ru, ORCID: 0000-0003-0197-7182; РИНЦ SPIN-код: 5839-7388.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-197-211

EFFECTIVENESS OF THE STATE SUPPORT MEASURES FOR FAMILIES WITH DISABLED CHILDREN IN RUSSIA

Alexander L. Safonov*, Yulia D. Konycheva

*Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation
(49 Leningradsky prospect, Moscow, Russia, 125993)*

**E-mail: alsafonov@fa.ru*

For citation:

Safonov A. L., Konycheva Yu. D. Effectiveness of the state support measures for families with disabled children in Russia. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 4. P. 197-211. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-197-211 (in Russ.)

Abstract. *The research topic is children's disability as a socio-economic problem. The object of the study is disabled children and their position in Russian society. The purpose of the study is to assess the effectiveness of socio-economic and psychological support measures for families with disabled children and identify key problems in this area. The research methods are demographic statistical analysis, systematization and structuring. The source of statistical data is Rosstat. The results of the study revealed the dynamics of growth in the number of disabled children, identified the main groups of disabled children by nosology, revealed the growth of disabled children with mental disorders, diseases of the nervous system and congenital malformations. Analysis of the technical equipment*

of children's institutions for teaching children with disabilities, the level of coverage of children with disabilities in preschool and additional education is carried out. The main reasons for non-attendance of preschool institutions by disabled children have been identified. The author's periodization of the specifics of various types of support needed by children with disabilities and their families has been developed; the analysis has led to the conclusion that it is necessary to introduce a full cycle of support for children with disabilities and their families from birth to adulthood. The critical insufficiency of the level of development of psychological assistance in the Russian Federation has been revealed. Analysis of the best practices of NGOs supporting families with disabled children is carried out. The study has led to the conclusion that it is necessary to create a unified state information system for supporting families with disabled children. The key problems in the field of state support for children with disabilities are highlighted, and specific recommendations are given on how to overcome them.

Keywords: children with disabilities, inclusion, psychological assistance, early care, socialization, stigmatization of the disabled, additional education, social assistance.

References and Internet sources

1. Baranov A. A., Namazova-Baranova L. S., Albitsky V. Yu., Terletskeya R. N. Sostoyaniye zdorov'ya detey sovremennoy Rossii. [The State of Children's Health in Modern Russia]. Moscow. Pediatr [Pediatrician]. 2020. 116 p. (in Russ.)
2. Tkachenko, A. A. Obespecheniye dostoy'nogo urovnya zhizni naseleniya: vozmozhnosti i real'nost' [Ensuring a Decent Standard of Living for the Population: Opportunities and Reality]. Ekonomika. Nalogi. Pravo [Economics. Taxes. Law]. 2025. Vol. 18. No. 3. P. 6-18. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-3-6-18 (in Russ.)
3. Shedko Yu. N., Ilyina I. Yu., Kvasov I. A. Ispol'zovaniye kitayskogo opyta v upravlenii zdravookhraneniym Rossii [Using Chinese Experience in Russian Healthcare Management]. Ekonomika. Nalogi. Pravo [Economics. Taxes. Law]. 2025. Vol. 18. No. 5. P. 112-121. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-112-121 (in Russ.)
4. Makarov I. V., Avtenyuk A. S. Diagnostika detskogo autizma [Diagnosis of childhood autism: mistakes and difficulties]. Sotsial'naya i klinicheskaya psikhiiatriya [Social and Clinical Psychiatry] 2018. No. 3. P. 74-81 (in Russ.)
5. Arkhangelsky V. N., Kalachikova O. N. Vozrast matery pri rozhdenii pervogo rebenka: dinamika, regionalnyye razlichiya i determinatsiya [Maternal age at first birth dynamics, regional differences determination]. Ekonomicheskiye i sotsialnyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast] 2020. No. 5. P. 200-217. (in Russ.)
6. Demikova N. S., Podolnaya M. A., Lapina A. S. Vozrast materi kak faktor riska vrozhdennykh porokov razvitiya [Mother age as a risk factor of birth defects]. Rossiyskiy vestnik perinatologii i pediatrii [Russian Bulletin of Perinatology and Pediatrics], 2020. Vol. 65. No. 2. (in Russ.)
7. Antropov, V. V. Socio-economic Inequality in the Modern World: Assessment Tools, Trends, and Overcoming Strategies / V. V. Antropov // Economics. Taxes. Law. – 2022. – Vol. 15, No. 3. – Pp. 21-37. – DOI 10.26794/1999-849X-2022-15-3-21-37. – EDN GYWMDS. (in Russ.)
8. Prikhodko O. G., Yugova O. V. Rannyaya pomoshch detyam s OVZ — nachal'nyy etap inkluzivnogo obrasovaniya [Early intervention to a child with disabilities — an initial stage of inclusive education]. Almanakh instituta korrektsionnoy pedagogiki [Almanac of the Institute of Special Education]. 2023. No. 52(5). P. 93-101. (in Russ.)
9. Smolyarchuk I. V. Psikhologo-pedagogicheskoye soprovozhdeniye sem'i kak usloviye sotsialnogo razvitiya detey s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya v inkluzivnom obrasovanii [Psychological and pedagogical support of family as a condition for social development of children with disabilities in inclusive education]. Gumanitarnyye nauki [Humanities] (Yalta city). 2018. Vol. 2 (42). P. 152-156. (in Russ.)
10. Polevaya M. V. Osobennosti professionalizatsii i sotsializatsii molodezhi v usloviyakh innovatsionnykh preobrazovaniy [Features of Professionalization and Socialization of Young People

- in the Context of Innovative Transformations]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo* [Economics. Taxes. Law]. 2023. Vol. 16. No. 2. P. 19–27. DOI: 10.26794/1999-849X-2023-16-2-19-27 (in Russ.)
11. Molchanov I. N. Obrazovaniye kak sotsial'nyy institut: predprinimatel'skiy vektor [Education as a Social Institution: An Entrepreneurial Vector]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo* [Economics. Taxes. Law]. 2022. Vol. 15. No. 5. P. 38–46. DOI: 10.26794/1999-849X-2022-15-5-38-46 (in Russ.)
 12. Detochenko L. S. Spetsifika sotsializatsii invalidov: opyt narativnoy rekonstruktsii [Specifics of socialization of disabled people: experience of narrative reconstruction]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. 2020. Vol. 23. No. 2. P. 87–103. (in Russ.)
 13. Krause M. P. Deti s narusheniyami razvitiya [Children with Developmental Disabilities: Psychological Assistance to Parents]. Moscow. Akademiya [Academy]. 2006. 208 p. (in Russ.)
 14. Pryazhnikov N.S., Kamneva E.V., Kuznetsov K.G., Polevaya M.V., Polimatidi A.A. Semeynaya kar'yera: sushchnost', osnovaniya dlya tipologii i metody pomoshchi v professional'nom i semeynom samoopredelenii [Family Career: Essence, Foundations for Typology, and Methods of Assistance in Professional and Family Self-Determination]. *Organizatsionnaya psikhologiya* [Organizational Psychology]. 2024. Vol. 14. No. 4. P. 228–251. (in Russ.)
 15. Shneider L. B. Psikhologiya semeynykh otnosheniy [Psychology of Family Relationships]. A course of lectures. Moscow. [Eksmo-Press]. 2000. 512 p. (in Russ.)
 16. Savelieva A. S. Psichologo-pedagogicheskoye soprovozhdeniye semyi, vospityvayushey rebenka doskol'nogo vozrasta s OVZ [Psychological and pedagogical support of the family raising a child of a preschool age with disabilities]. *Psichologicheskiye problemy sovremennoy semyi: sbornik materialov 8 Mezhdunarodnoy nauchno-practicheskoy konferentsii* (Yekaterinburg, 3–6 oktyabrya 2018 g.) pod red. O. A. Karabanovoy, N. N. Vasyaginoy [Psychological Problems of Modern Family]. Proceedings of the VIII international scientific and practical conference (Ekaterinburg, October 3–6, 2018). Eds. O. A. Karabanova, N. N. Vasyagina]. Ekaterinburg. 2018. P. 632–635 (in Russ.)
 17. Dorofeev M. L. Finansovy'e metody' i instrumenty' obespecheniya rosta rozhdaemosti i blagopoluchiya naseleniya Rossii: problemy i resheniya [Financial methods and tools for ensuring the growth of the birth rate and the well-being of the Russian population: problems and solutions]. *E'konomika. Nalogi. Pravo* [Economics. Taxes. Law]. 2025. Vol. 18. No. 3. P. 43–51. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-3-43-51 (in Russ.)
 18. Chernov A. Yu. Dinamika raskhodov rossijskoj sem'i v sovremennykh usloviyakh [Dynamics of expenditures of the Russian family in modern conditions]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo* [Economics. Taxes. Law]. 2022. Vol. 15. No. 1. P. 134–141. DOI: 10.26794/1999-849X-2022-15-1-134-141 (in Russ.)

Information about the authors:

Safonov Alexander Lvovich, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

Contact information: e-mail: ALSafonov@fa.ru, ORCID: 0000-0003-3577-5490; Elibrary SPIN code: 7192-4121.

Konycheva Yulia Dmitrievna, Candidate of Philology, Associate Professor, Leading Researcher, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

Contact information: e-mail: YUDKonycheva@fa.ru, ORCID: 0000-0003-0197-7182; Elibrary SPIN code: 5839-7388.

Статья поступила в редакцию 17.03.2025, утверждена 10.11.2025, опубликована 30.12.2025.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-212-226
EDN: YINSOI

ОХРАНА ЗДОРОВЬЯ РАБОТАЮЩИХ ПЕНСИОНЕРОВ В ФОКУСЕ ЗДРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Григорьева Н. С.^{1*}, Чубарова Т. В.²

¹МГУ имени М. В. Ломоносова
(119992, Россия, Москва, Ломоносовский проспект, 27/4)

²Институт экономики РАН
(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

*E-mail: grigorieva@spa.msu.ru

Для цитирования:

Григорьева Н.С., Чубарова Т.В. Охрана здоровья работающих пенсионеров в фокусе здравоохранительной политики // Народонаселение. — 2025. — Т 28. — № 4. — С. 212-226. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-212-226; EDN: YINSOI

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с охраной здоровья работающих пенсионеров в России. Показано, что хотя работающие пенсионеры являются важным трудовым ресурсом, в настоящее время недостаточно внимания уделяется вопросам поддержания их здоровья, в том числе обеспечения доступности медицинской помощи с учётом фактора продолжения трудовой активности. Это подтверждает как обзор научных исследований по заявленной проблематике, так и анализ соответствующих политических документов. По данным Комплексного обследования уровня и качества жизни населения Росстата России (КОУЖ) проведен анализ состояния здоровья работающих пенсионеров, а также проблем, возникающих у них при взаимодействии с системой здравоохранения. Отмечается, что работающие пенсионеры по оценке состояния своего здоровья приближаются к пенсионерам, а вот по оценке факторов доступности системы здравоохранения они ближе к лицам трудоспособного возраста. Преобладание «удовлетворительной» оценки состояния здоровья, по мнению авторов, может скрывать реальные проблемы со здоровьем, а также трудности получения медицинской помощи, в значительной мере связанные как с возрастом, так и с трудовой деятельностью. Применение подхода сочетания государственного и частного (public private mix) показало, что забота о здоровье данной категории населения должна стать предметом общих усилий всех заинтересованных сторон, а именно государства, работодателей и, конечно, самих пенсионеров. При этом подчеркивается роль государства, которое должно создавать определенные общие правила, стимулируя всех заинтересованных акторов к участию и синхронизируя их возможности с социальной политикой на макро- и мезоуровнях. На базе комплексного подхода, основанного на широком понимании системы здравоохранения намечены контуры возможных мер, необходимых для обеспечения здоровья рассматриваемой категории населения, которая является важным ресурсным потенциалом современного российского рынка труда, а также для определения стратегических направлений социальной политики в достижении активного долголетия.

Ключевые слова: здравоохранение, здоровье работающих пенсионеров, государство, работодатели, пенсионная реформа, активное долголетие.

© Григорьева Н. С., Чубарова Т. В. 2025

В России, как и в большинстве развитых стран мира, ярко выражен демографический тренд в сторону увеличения доли пожилых граждан в структуре населения. По данным Росстата, в 2024 г. численность населения в возрасте 65 лет и старше увеличилась до 25 млн человек, составив 17,1% общей численности населения страны. При этом доля населения в трудоспособном возрасте снизилась до 55,4%. В результате, демографическая нагрузка на трудоспособное население возросла. Ситуация несколько изменилась, когда с увеличением миграционного потока, ростом рождаемости в период 2015–2020 гг., и повышением пенсионного возраста рынок труда в 2018–2022 гг. получил дополнительно 1,7 млн работников.

Значительное число пенсионеров продолжают работать. По состоянию на 01.04.2025 в России насчитывалось 7963,2 тыс. работающих пенсионеров или 19,44% от общего числа всех пенсионеров, состоящих на учёте в Фонде социального страхования РФ. Таким образом, доля работающих пенсионеров в 1-м квартале 2025 г. составила 10,8% от числа занятых в экономике. Однако необходимо отметить дуалистичность проблемы. С одной стороны, пенсионеры, как пожилые люди, являются социально-демографической категорией населения, обслуживание которой является одним из важнейших направлений социальной политики государства. С другой, речь идет о необходимости использования трудовых навыков пенсионеров, продлении их трудовой жизни. И в том, и в другом случае проблемой является состояние здоровья пожилых людей, от которого во многом зависит и набор востребованных социальных и медицинских услуг, и возможность оставаться участниками рынка труда. Задача статьи — на основе анализа показателей состояния здоровья работающих пенсионеров, рассмотреть существующие условия оказания им медицинской помощи, проанализировать возможности системы здравоохранения в поддержании здоровья работающих пенсионеров, а также необходимость внедрения доступных мер для сохранения здоровья этой группы граждан.

Охрана здоровья работающих пенсионеров: постановка проблемы и методология

В России значительная часть исследований посвящена трудовой занятости населения старших возрастов, включая изучение влияния пенсионной реформы [1]; общие проблемы присутствия пенсионеров на рынке труда [2–4]; территориально/региональные особенности их занятости [5–8]; вопросы самозанятости пенсионеров, в том числе, электронной, платформенной (само-)занятости, гиг-экономике [9], а также отраслевой занятости¹. В качестве основных причин продолжения трудовой деятельности выступают не только экономические мотивы — стремление обеспечить дополнительный доход (потребность в деньгах, желание чувствовать себя финансово независимым, необходимость помогать детям), но и комплекс социальных факторов (боязнь потерять свой социальный статус, утратить социальные контакты, важность сохранить активную жизненную позицию и другое).

Отношение работодателей к перспективам занятости пожилых противоречивое. Трудоустройство пожилых людей часто осложняется возрастной дискриминацией со стороны администрации организаций, прежде всего HR-менеджеров, предвзятостью к работникам старших возрастов, в том числе с точки зрения их социально-психологических характеристик и возможностей профессионального развития [10]. Управленческие стереотипы становятся реальным препятствием для эффективной реализации программ для пожилых на рабочих местах [6; 11].

Среди детерминант экономической активности граждан пенсионного возраста состояние здоровья является основным фактором включенности в трудовую деятельность [12–14]. Однако изучению собственно состояния здоровья работающих пенсионеров посвящено меньше исследо-

¹ Лукьянова А.Л., Капелюшников Р.И. Отраслевая и профессиональная структура занятости российских работников предпенсионного и пенсионного возраста: препринт WP3/2019/04. — Москва : ВШЭ, 2019. — 39 с.

ме здравоохранения в связи с особым положением в трудовой сфере. В силу физиологических особенностей уровень заболеваемости и инвалидизации граждан пожилого возраста выше, чем у представителей других демографических групп населения, что требует больше усилий для сохранения трудового потенциала. Это может потребовать и специального отношения к ним в системе здравоохранения, создания определённых условий для получения ими необходимой медицинской помощи с учётом не только возраста, но и занятости.

Необходимо определить, каким образом в обществе должна распределяться ответственность за сохранение потенциала здоровья работающих пенсионеров. Безусловно, здравоохранительная политика основана на признании здоровья и как универсальной ценности, и как права. Поэтому возникает существенный коллективный компонент, признаётся социальная ответственность общества за сохранение здоровья граждан. В условиях современных кадровых проблем, важная роль отводится работодателям, которые испытывают проблемы с притоком рабочей силы в условиях ограниченного предложения. Это позволяет выделить триаду акторов «государство-работодатели-работающие пенсионеры», напрямую заинтересованных в охране здоровья работающих пенсионеров. Представляется важным определить, как ответственность за здоровье можно распределить между ними с тем, чтобы обеспечить наилучший результат [23]. Для решения этой задачи предлагается использовать подход сочетания государственного и частного (public-private mix), который активно используется в современных исследованиях проблем охраны здоровья [24]. Он основан на том, что в условиях разделения социальной ответственности важно обеспечить взаимодействие между всеми акторами в интересах благосостояния граждан.

В исследовании были поставлены следующие задачи: дать характеристику состояния здоровья работающих пенсионеров; изучить проблемы, возникающие у работающих пенсионеров в сфере здравоохра-

нения; рассмотреть роль основных акторов — прежде всего государства и работодателей — в сохранении их здоровья работающих пенсионеров и возможные направления обеспечения их взаимодействия. Эмпирической основой исследования стали данные Росстата, в частности материалы «Комплексного наблюдения условий жизни населения» (КОУЖ), которое проводится раз в два года во всех субъектах РФ с охватом в 2024 г. 60 тыс. домохозяйств.

Здоровье работающих пенсионеров и доступность медицинской помощи

Данные КОУЖ показывают, что подавляющее число работающих пенсионеров (96,3%) оценивают своё здоровье как удовлетворительное (77,1%), хорошее (18,6%) и очень хорошее (0,6%). В тоже время у неработающих пенсионеров этот показатель ниже и составляет 79,4% (70,4%, 8,7% и 0,3%), а у тех, кто является инвалидом — 51,9%. Обратим внимание, что группа «получающие пособие по инвалидности» среди работающих пенсионеров не выделена, в связи с тем, что число ответов респондентов (число наблюдений) по данному показателю составляет менее 50. При этом неработающие пенсионеры в 5,7 раз чаще, чем работающие, оценивают своё здоровье как «плохое» и «очень плохое» (20,8% и 3,7%, соответственно) (рис. 1).

В целом, у работающих пенсионеров доминирует усреднённая «удовлетворительная» оценка состояния здоровья, что наводит на размышления. Объективно, пожилые люди имеют больше проблем со здоровьем, чем молодые. Однако возможно, что такая ситуация становится следствием определённого субъективного состояния, истоки которого лежат в организации системы здравоохранения и её отношении к пожилым людям. При обращении в медицинское учреждение им напоминают о том, что проблемы со здоровьем, с которыми они сталкиваются, нормальны для такого возраста, тем самым стигматизируя их положение. Возможно, что работающие пенсионеры считают своё здоровье удовлетво-

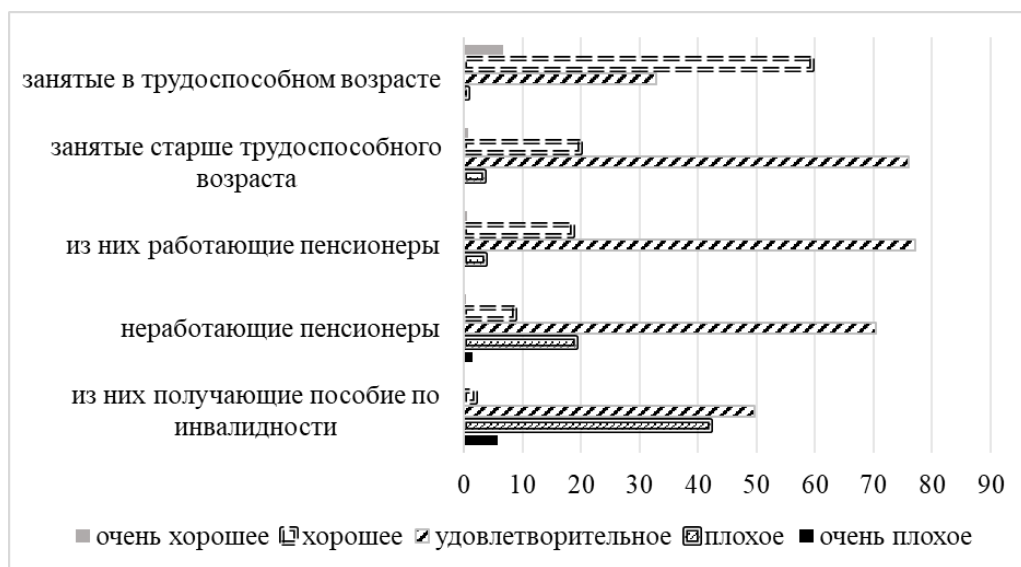

Рис. 1. Самооценка населением состояния здоровья, % опрошенных, 2024 год

Fig. 1. Self-assessment of health status, % of respondents, 2024

Источник: КОУЖ 2024.

рительным потому, что оно позволяет им продолжать трудовую деятельность. В тоже время, у работающих пенсионеров высока доля хронических заболеваний (28,5%), при этом работающие пенсионеры с инвалидностью не выделяются (рис. 2). Но эти дан-

ные сопоставимы с данными по занятым старше трудоспособного возраста вообще (27,3%). Конечно, у неработающих пенсионеров в целом она выше и составляет 41,5%, при этом 71,9% от их числа получают пособие по инвалидности.

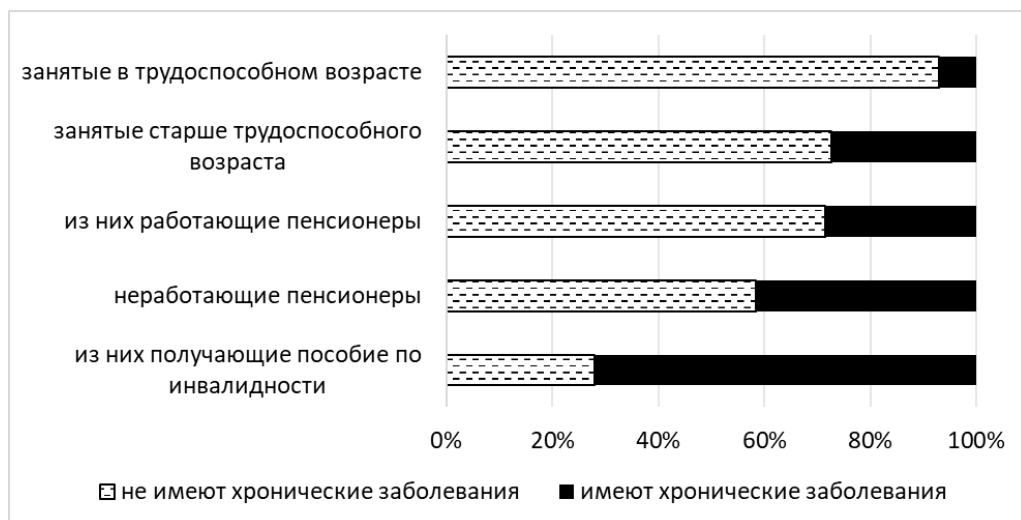

Рис. 2. Наличие хронических заболеваний, % опрошенных, 2024 год

Fig. 2. Having chronic diseases, % of respondents, 2024

Источник: КОУЖ 2024.

Данные КОУЖ дают возможность прояснить, возникают ли у работающих пенсионеров проблемы, связанные с получением медицинской помощи. В целом, проблемы, с которыми сталкиваются работающие пенсионеры, практически совпадают с теми, которые отмечают и неработающие пенсионеры. Например, сложность с записью на удобное время к узким специалистам, трудности получения прописанных процедур и т.д. Уровень необращаемости за медицинской помощью в ситуации, когда в ней была потребность примерно одинаков у занятых, старше трудоспособного возраста, у работающих и неработающих пенсионеров (20,6%, 21,3% и 24,2%, соответственно), и эти показатели выше, чем у неработающих пенсионеров, получающих пенсию по инвалидности (18,9%).

Если рассматривать причины необращения, то лидирует неудовлетворённость работой служб здравоохранения в целом — среди работающих пенсионеров этот показатель составляет 44,6%, а неработающих — 43,2%. Кроме того, обе группы пенсионеров сомневаются, что получают эффективное лечение (показатели близки: 39,1% и 39,3%). И на третьем месте у всех групп причина, связанная с нехваткой времени, но здесь у работающих пенсионеров показатель в 4 раза выше, чем у неработающих (23,9% и 5,7% соответственно), что косвенно свидетельствует о том, что именно работа не позволяет вовремя обратиться за медицинской помощью. Ряд проблем практически в равной степени волнует всех респондентов, например необходимость оплаты лечения. Таким образом, анализ данных КОУЖ показал, что работающие пенсионеры по оценке своего здоровья скорее приближаются к пенсионерам, а вот по факторам доступности системы здравоохранения они ближе к работающим.

Обеспечение здоровья работающих пенсионеров: заинтересованные стороны и их взаимодействие.

Основная канва участия государства в охране здоровья работающих пенсионе-

ров определяется концепцией активного долголетия. Россия вошла в число стран её последователей, хотя и с определенными изменениями в акцентах. В 2016 г. была принята «Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года», в которой стимулирование занятости граждан пенсионного возраста было названо приоритетным направлением. В последующем на основе этой Стратегии был разработан федеральный проект «Старшее поколение» в рамках национального проекта «Демография» и многое было сделано в этом направлении, в том числе и в российских регионах [25]. Следует отметить, что в основном инициативы имеют опосредованное отношение к пенсионерам, продолжающим работать, т.к. их целевая аудитория, главным образом, неработающие пенсионеры.

Государство в России стимулирует занятость пожилых людей по двум направлениям. Первое, повышение пенсионного возраста. До 2019 г. он составлял 55 лет для женщин и 60 лет мужчин. Целью реформы стало постепенное повышение пенсионного возраста на 5 лет к 2028 г., то есть мужчины смогут получать страховую пенсию по старости в 65 лет, а женщины — в 60 лет. Предусмотрен переходный период, который займет 10 лет, а также возможность раннего выхода на пенсию для определённых категорий граждан. Таким образом, для значительной части населения срок выхода на пенсию увеличился, а доля работающих пенсионеров сократилась в 2024 г. в сравнении с 2014 г. почти в 2 раза с 14235 до 7876 тыс. человек, что составило 19,15% от общего числа получателей пенсии.

Второе, возвращение с 2025 г. индексации пенсий работающим пенсионерам. В России работающие пенсионеры имеют право на получение и пенсии, и заработной платы. Однако с 2016 г. их пенсия не подлежала ежегодной индексации с учетом инфляции и фиксировалась на уровне размера в тот год, когда работник вышел на пенсию. Возвращение индексации пенсий может иметь двоякие результаты, с одной стороны, часть работающих пенсионе-

ров может уйти с рынка труда, с другой — увеличится совокупный доход работающих пенсионеров.

В России действует система обязательного медицинского страхования (ОМС), которая обеспечивает гражданам страны, включая работающих пенсионеров, право на бесплатную медицинскую помощь. Однако несмотря на формальное право существуют проблемы с доступностью медицинской помощи [26, 27]. Поэтому улучшения обслуживания работающих пенсионеров связано с развитием общей системы охраны здоровья населения. В соответствии с возрастом, работающие пенсионеры попадают в группу населения, которая подлежит ежегодной диспансеризации. Однако, при её организации по возрастному принципу не учитывается фактор трудовой занятости этой группы граждан. Существующая сеть лечебных, лечебно-профилактических, восстановительных организаций отстаёт от изменений возрастной структуры населения (если говорить о гериатрической и геронтологической помощи), а подход к группе работающих пожилых граждан никак не учтён в стандартах и маршрутах оказания помощи.

Формы участия работодателей в охране здоровья работников могут быть различными: 1) оказание медицинской помощи в натуральной форме медико-санитарными частями (здравпунктами) предприятий; 2) организация программ добровольного медицинского страхования (ДМС); 3) единовременная оплата медицинской помощи в случае необходимости; 4) организация обязательных периодических осмотров работников [28]. В советское время медсанчасти были широко распространены, особенно на крупных предприятиях, однако в начале 1990-х гг. на многих предприятиях они были закрыты. В настоящее время организации скорее обеспечивают сотрудников добровольным медицинским страхованием в рамках общих социальных пакетов. Правда данных по этому вопросу мало, а макро-статистика показывает, что доля ДМС в финансировании российского здравоохранения в настоящее время крайне мала.

Практически отсутствует информация о том, насколько в здравоохранительных программах по месту работы выделяют именно работающие пенсионеры. Например, если рассматривать ДМС, то в целом возможен единый пакет с одинаковым набором услуг для всех сотрудников. Тем более, что оформление ДМС с пожилыми людьми является более дорогостоящим мероприятием, поскольку страховой пакет граждан старше 60 лет стоит дороже, особенно если они имеют хронические заболевания. Фактически, крупные компании стоят перед выбором: заключать договор ДМС на обслуживание своих сотрудников с медицинскими организациями или развивать свою собственную медицинскую базу для поддержания здоровья работников. В настоящее время организации обязаны по закону предоставить работающему пенсионеру два рабочих дня для прохождения диспансеризации (если работник имеет инвалидность — отпуск до 60 календарных дней в году), а также двухнедельный неоплачиваемый дополнительный отпуск по его заявлению в удобные для него сроки.

Таким образом, возможны различные варианты организации медицинского обслуживания работающих пенсионеров, а именно: 1) учёт особенностей работающих пенсионеров в рамках общей системы здравоохранения, прежде всего ограниченность свободного времени и влияние производственных факторов на состояние их здоровья; 2) развитие специального подхода в программах охраны здоровья, предлагаемых работодателями, как страховых планов, так и производственной медицины. В этом контексте хотелось бы обратить внимание на уникальный исторический опыт обеспечения медицинского обслуживания работающего населения в России. Фабрично-заводская медицина развивалась в царской России как особая форма организации медицинской помощи фабрично-заводским и горнопромышленным рабочим (и в разной мере членам их семей)³. В советский период развития здра-

³ В августе 1866 г. Правительство Российской Империи (по ходатайству московского губернатора) издало распоряжение об организации больничного лечения для фа-

воохранения эта практика была продолжена. Многие предприятия СССР имели собственные медико-санитарные части, причём они включали не только амбулатории, но и больничные комплексы, а также профилактические организации (стационары одного дня, санаторно-курортные учреждения). Некоторые отрасли экономики имели свои медицинские системы, как например, железнодорожная медицина. Сейчас только отдельные организации имеют свои медицинские службы: РЖД (более чем столетний опыт), КАМАЗ (более 50 лет) фактически возродили производственную медицину на своих предприятиях.

Представляется, что на данном этапе возможно создание системы, когда предприятия или сами организуют медицинские пункты, или заключают договор с медицинскими организациями на своей территории на обслуживание работников. В настоящее время такие идеи обсуждаются на уровне государства и профсоюзов. В сентябре 2022 г. Правительство РФ предложило возродить практику цеховых врачей на промышленных предприятиях, причем рассматривают даже возможность компенсировать работодателям затраты на открытие медицинских кабинетов. Фактически предлагается путь к возрождению промышленного здравоохранения и повышения ответственности работодателей за здоровье работников, включая и работающих пенсионеров [29].

Безусловно, ответственность за своё здоровье должны нести и сами работающие пенсионеры. Их отношение к охране здоровья может существенно различаться. Например, работающие пенсионеры могут внимательнее относиться к своему здоровью, поскольку это их основное достояние или наоборот, обращать на него меньше внимания, откладывая обращение за ме-

дицинской помощью (данные самооценки состояния здоровья, приведённые на рис. 1 говорят, скорее, о втором). Возможен вариант заключения работающими пенсионерами договоров ДМС на индивидуальных условиях, однако эта форма не распространена в России. Скорее граждане предпочитают оплачивать медицинские услуги по потребности в каждом конкретном случае, и работающие пенсионеры в этом не отличаются от других россиян. Данные Росстата показывают, что почти 19% тех, кто не обратился за медпомощью, не сделал это из-за необходимости оплачивать лечение.

В этом контексте важно продвижение здорового образа жизни (ЗОЖ) целевым назначением для работающих пенсионеров, так как в существующем формате эти программы рассчитаны главным образом для неработающих пенсионеров, имеющих время и возможности для посещения кружков по интересам, образовательных программ, спортивных площадок. К наиболее распространённым индивидуальным практикам сбережения здоровья можно отнести не требующую финансовых затрат регулярную физическую активность: пешие прогулки, утреннюю гимнастику, работу по дому и на даче.

Заключение

Здоровье является важным фактором при выборе стратегий трудового поведения граждан пенсионного возраста, определяя действие других детерминант, как внутренних (мотивации, образование и так далее), так и внешних (экономических, социальных, правовых). В современных социально-демографических условиях работающие пенсионеры, несомненно, являются ресурсом государства, а следовательно, сохранение их здоровья должно стать одним из «национальных приоритетов» России [30]. Поэтому государство может и должно создавать определенные общие правила решения проблемы по поддержанию здоровья работающих пенсионеров, стимулируя всех заинтересованных акторов к участию и син-

бричных рабочих, согласно которому заводы имеющие до 1000 рабочих, должны были устроить больничное помещение на 10 кроватей; свыше 1000 – на 15 кроватей и более (из расчета 1 кровать на 100 рабочих). Организация медицинской помощи работникам была обязательна для владельцев частных предприятий, которые были обязаны обустроить стационарные и амбулаторные медицинские пункты и содержать их на собственные средства, предоставляя своим работникам бесплатную медицинскую помощь.

хронизируя их возможности с социальной политикой на макро- и мезоуровнях.

Состояние здоровья работающих пенсионеров во многом зависит как от позиции работодателей, так и от их личного поведения, мотивации к ведению здорового образа жизни. Анализ существующих в данной области проблем показал, что необходимо объединение усилий всех заинтересованных сторон, что, как представляется, возможно на базе комплексного подхода, основанного на широком понимании системы здравоохранения. Необходимо, во-первых, выделить работающих пенсионеров как отдельную категорию граждан, нуждающихся в специальном подходе к охране здоровья. Главное — поставить этот вопрос на повестку дня здравоохранительной политики на государственном уровне, а вот конкретные механизмы могут различаться. В государственных поликлиниках и Центрах здоровья целесообразно выделять специализированные кабинеты для обслуживания работающих пенсионеров. Конкретные формы участия работодателей могут различаться в зависимости от численности работающих пенсионеров, сферы деятельности и характера их трудовой активности. В районах развития промышленного производства можно использовать механизм цехового врача в поликлинике. Медицинские организации имеют все возможности, особенно в условиях цифровизации, для введения специальной маршрутизации работа-

ющих пенсионеров. Это потребует распределение потоков пациентов в зависимости не только от цели обращения за медицинской помощью (как это делается сейчас), но и по принадлежности к определённой группе, а именно «работающие пенсионеры» с целью обеспечения для этой категории граждан доступности медицинской помощи с учетом фактора занятости. В первую очередь это относится к поликлиническим учреждениям.

Во-вторых, необходимо вести специальную статистику состояния здоровья работающих пенсионеров; постоянный мониторинг представляется крайне важным для понимания перспектив занятости людей пожилого возраста, прогнозирования их присутствия на рынке труда. В-третьих, создать условия для продолжения трудовой деятельности в старшем возрасте с учетом фактора здоровья через обеспечение гибкого режима работы, развития новых трудовых функций (например, наставника, тренера), возможностей для освоения новой профессии. Предусмотреть варианты сокращённого рабочего дня или свободного дня (по запросу). Вместе с тем, только при взаимодействии всех заинтересованных сторон возможно преодолеть внешние (зависят от государства и работодателей) и внутренние (зависят от самих граждан) барьеры, которые мешают представителям старшего поколения сохранять своё здоровье и тем самым способность оставаться на рынке труда.

Литература и Интернет-источники

1. **Кашепов, А.В.** Пенсионная реформа: предварительные результаты и оценка их влияния на экономическое положение старших возрастных групп населения / А.В. Кашепов // Социально-трудовые исследования. — 2023. — № 3(52). — С. 56–78. DOI: 10.34022/2658-3712-2023-52-3-56-67; EDN: IOMTKE
2. **Капелюшников, Р.И.** Феномен старения населения: экономические эффекты / Р.И. Капелюшников // Экономическая политика. — 2019. — Т. 14. — № 3. — С. 8–53. DOI: 10.18288 / 1994-5124-2019-2-8-63; EDN: WRNIMB
3. **Смирнова, Т.В.** Социально-экономические подходы к феномену старения в свете трансформации рынка труда / Т.В. Смирнова // Актуальные проблемы и перспективы развития экономики: российский и зарубежный опыт. — 2021. — № 5(37). — С. 7–12. EDN: EARIZM
4. **Маслова, Е.В.** Занятость пожилых людей: минимизация угроз прекариатизации / Е.В. Маслова // Социально-трудовые исследования. — 2019. — № 2 (35). — С. 29–39. DOI: 10.34022/2658-3712-2019-35-2-29-39; EDN: QUACNE

5. **Каргинова-Губинова, В.В.** Типология трудового поведения лиц третьего возраста (на примере Республики Карелия) / В.В. Каргинова-Губинова, Ю.В. Ромашкина, Е.А. Прокопьев // Российское предпринимательство. — 2018. — Т. 19. — № 10. — С. 3231–3244. DOI: 10.18334 / rp.19.10.39407; EDN: PPVQCF
6. **Барков, С.А.** Трудоустройство людей в пожилом возрасте: социальные императивы и ограничения в современной России / С.А. Барков, А.В. Маркеева, И.В. Колодезникова // Вестник РУДН. Серия: Социология. — 2022. — Т. 22 — № 1 — С. 97–112. DOI: 10.22363 / 2313-2272-2022-22-1-97-112; EDN: GFOXAN
7. **Рязанцев, С.В.** Трудовой потенциал старшего поколения: межрегиональный анализ / С.В. Рязанцев, Г.В. Ниорадзе // Уровень жизни населения регионов России. — 2022. — Т. 18. — № 1. — С. 107–119. DOI: DOI: 10.19181 / lspr.2022.18.1.9; EDN: ETUXLB
8. **Воробьева, О.Д.** Тенденции трудовой занятости пенсионеров в разрезе занятий и видов экономической деятельности в 2017–2022 гг. / О.Д. Воробьева, А.В. Топилин, Г.В. Ниорадзе, Т.С. Хроленко // Социально-трудовые исследования. — 2024. — № 1(54). — С. 60–72. DOI: 10.34022 / 2658-3712-2024-54-1-60-72; EDN: PCCBDU
9. **Ниорадзе, Г.В.** Труд пожилых работников и гиг-экономика: прекаризация или новые возможности? / Г.В. Ниорадзе // Социологический Журнал. — 2022. — Т. 28. — № 4. — С. 102–117. DOI: 10.19181 / socjour.2022.28.4.9317; EDN: IGRMY
10. **Кутовая, С.В.** Об активности пожилых людей в социально-экономической сфере / С.В. Кутовая // Социологические исследования. — 2020. — № 1. — С. 143–146. DOI: 10.31857 / S013216250008333-9; EDN: XFJABU
11. **Доброхлеб, В.Г.** Демографическое старение в России и новая социальная реальность / В.Г. Доброхлеб // Народонаселение. — 2022. — Т. 25. — № 2. — С. 66–76. DOI: 10.19181 / population.2022.25.2.6; EDN: SCLQUP
12. **Анищенко, Е.Б.** Состояние здоровья, как фактор, влияющий на трудовую деятельность работающих лиц пожилого возраста // Е.Б. Анищенко, Л.В. Транковская, А.А. Важенина, Г.А. Тарасенко // Медицина труда и промышленная экология. — 2022. — Т. 62. — № 5. — С. 311–321. DOI: 10.31089 / 1026-9428-2022-62-5-311-321; EDN: BRJTNG
13. **Короленко, А.В.** Состояние здоровья как фактор трудовой активности населения пенсионного возраста / А.В. Короленко, В.Н. Барсуков // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. — 2017. — № 4(32). — С. 643–657. DOI: 10.17072 / 2078-7898 / 2017-4-643-657; EDN: ZXNXXH
14. **Короленко, А.В.** Детерминанты здоровья работающего населения: условия и характер труда / А.В. Короленко, О.Н. Калачикова // Здоровье населения и среда обитания. — 2020. — № 11. — С. 22–30. DOI: 10.35627 / 2219-5238 / 2020-332-11-22-30; EDN: CBIZHM
15. **Арстангалиева, З.Ж.** Практики здоровьесбережения современных работающих пенсионеров / З.Ж. Арстангалиева, Е.В. Чернышкова, Е.А. Андриянова // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). — 2015. — № 7. — С. 41–51. DOI: 10.12731 / 2218-7405-2015-7-2; EDN: UHWDOX
16. **Козырева, П.М.** Век живи — век трудись: социальное самочувствие работающих пенсионеров / П.М. Козырева, А.И. Смирнов // Вестник Института социологии. — 2023. — Т. 14. — № 3. — С. 149–174. DOI: 10.19181 / vis.2023.14.3.11; EDN: YTPVOU
17. **Антонов, А.И.** Порог наступления старости: объективные признаки и субъективное восприятие / А.И. Антонов, И.Б. Назарова, В.М. Карпова, С.В. Ляликова // Народонаселение. — 2023. — Т. 26. — № 3. С. 131–143. DOI: 10.19181 / population.2023.26.3.11; EDN: TVZORY
18. **Шестакова, Е.Е.** Продление трудовой жизни: новые подходы и механизмы стимулирования (из опыта стран ОЭСР) / Е.Е. Шестакова // Вестник Института экономики РАН. — 2020. — № 1. — С. 144–158. DOI: 10.24411 / 2073-6487-2020-10008; EDN: HJPQKZ
19. **Baxter, S.** Is working in later life good for your health? A systematic review of health outcomes resulting from extended working lives / S. Baxter, L. Blank, A. Cantrell, et al. // BMC Public Health. — 2021. — P. 1356. DOI: 10.1186 / s12889-021-11423-2

20. **Jones, C.** Healthcare on the brink: navigating the challenges of an aging society in the United States? / C. Jones, M. Dolsten // NPJ Aging. – 2024. — Vol. 10. — No. 1. — P. 22. DOI: 10.1038/s41514-024-00148-2
21. **Gut, V.** A resource-oriented perspective on the aging workforce — exploring job resource profiles and their associations with various health indicators / V. Gut, S. Feer, I. Baumann // BMC Public Health. — 2024. — P. 2559. DOI: 10.1186/s12889-024-20098-4
22. **Rahayuwati, L.** Factors That Influence the High Number of Elderly People Working in the Sector / L. Rahayuwati [и др.] // Journal of multidisciplinary healthcare. — 2024. — No. 17 — P. 1827–1837. DOI: 10.2147/JMDH.S450047
23. **Ржаницина, Л.С.** Работающие пенсионеры: проблема человека и государства / Л.С. Ржаницина // Вестник института экономики РАН. — 2020. — № 3. — С. 175–186. DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10037; EDN: JUBYVQ
24. **Chubarova, T.** The Public / Private Sector Mix in Healthcare in Russia: Some Impacts on Health Equity and Quality of Healthcare Service / T. Chubarova, N. Grigorieva // The Public / Private Sector Mix in Healthcare Delivery: A Comparative Study. — Oxford University Press, 2022. — 352 p. DOI: 10.1093/oso/9780197571101.001.0001
25. **Kuchmaeva, O.V.** Social activity of elderly russians and prospects of implementation of the «active ageing» policy / O.V. Kuchmaeva // Population and economics. — 2018. — Vol. 2. — No. 4. — P. 47–84. DOI: 10.3897/popecon.2.e36060; EDN: XVCNFS
26. **Чубарова, Т.В.** Социальная ответственность в рыночной экономике: работник, бизнес, государство / Т.В. Чубарова. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2011. — 320 с. EDN: TNFUTX
27. **Чубарова, Т.В.** Обеспечение доступности здравоохранения в России: инструменты государственной политики / Т.В. Чубарова // Государственное управление. Электронный вестник. — 2022. — № 95. — С. 93–107. DOI: 10.24412/2070-1381-2022-95-93-107; EDN: CGYRDU
28. **Фролова, Е.В.** Комплексная оценка состояния здоровья пожилого человека и возможности её осуществления в общей врачебной практике / Е.В. Фролова, Е.М. Корыстина // Российский семейный врач. — 2010. — Т. 14 — № 1. — С. 12–23. EDN: MLUPID
29. **Уйба, В.В.** Промышленная медицина ее роль и перспективы развития в системе ФМБА России / В.В. Уйба, Б.И. Лавер, В.Н. Кулыга // Медицина экстремальных ситуаций. — 2019. — Т. 21. — № 2. — С. 243–249. EDN: ZSKOJF
30. **Римашевская, Н.М.** Старшее поколение как ресурс модернизации России / Н.М. Римашевская, В.Г. Доброхлеб // Народонаселение. — 2013. — № 3. — С. 20–26. EDN: RCOFTR

Сведения об авторах:

Григорьева Наталья Сергеевна, д.полит.н., проф., зав. кафедрой социологии управления, Факультет государственного управления, МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Контактная информация: e-mail: grigorieva@spa.msu.ru; ORCID: 0000-0002-7707-6754; РИНЦ SPIN-код: 9017-7352.

Чубарова Татьяна Владимировна, д.э.н., главный научный сотрудник, Институт экономики РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail t_chubarova@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3985-0198; РИНЦ SPIN-код: 3367-5073.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-212-226

PROTECTING HEALTH OF WORKING PENSIONERS IN THE FOCUS OF HEALTH POLICY

Natalia S. Grirorieva^{1*}, Tatiana V. Chubarova²

¹Lomonosov Moscow State University
(27/4 Lomonosovsky prospect, Moscow, Russia, 119992)

²Institute of Economics RAS
(32, Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)

*E-mail: grigorieva@spa.msu.ru

For citation:

Grigorieva N. S., Chubarova T. V. Protecting health of working pensioners in the focus of health policy. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 4. P. 212-226. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-212-226 (in Russ.)

Abstract. *This article examines issues related to health protection of working pensioners in Russia. It shows that, although working pensioners are an important workforce, insufficient attention is currently paid to maintaining their health, including providing access to healthcare taking into account the fact that they stay in employment. This is confirmed by both review of scientific research on the topic and analysis of relevant policy documents. Using data from the Comprehensive Survey of the Standards and Quality of Life of the Population (CSQL) of the Russian Federal State Statistics Service (Rosstat), the health status of working pensioners and the problems they encounter when interacting with the healthcare system are analyzed. It is noted that working pensioners, in terms of evaluating their health status, are closer to pensioners, but in terms of evaluating access to the healthcare system, they are similar to people of working age. The authors believe that prevalence of «satisfactory» health self-assessments may conceal real health problems as well as difficulties in obtaining healthcare, related both to age and work activity. The application of a public-private mix approach has demonstrated that health care for this population group must be subject to a joint effort by all stakeholders, namely the state, employers, and, of course, pensioners themselves. The role of the state is emphasized, as it should establish certain general rules, stimulating all stakeholders to participate and aligning their capabilities with social policy at the macro- and meso-levels. Using integrated approach based on a broad understanding of healthcare system, the article outlines the possible measures necessary to ensure the health of the population group in question, that is considered as an important resource potential of the modern Russian labor market, as well as to determine strategic social policy measures to achieve active aging.*

Keywords: *health care, health of working pensioners, state, employers, pension reform, active aging.*

References and Internet sources

1. Kashepov A. V. Pensionnaya reforma: predvaritel'nyye rezul'taty i otsenka ikh vliyaniya na ekonomicheskoye polozheniye starshikh vozrastnykh grupp naseleniya [Pension reform: preliminary results and assessment of their impact on the economic situation of older age groups of the population]. *Sotsial'no-trudovyye issledovaniya [Social and Labor Research]*. 2023. No. 3(52). P. 56-67. DOI: 10.34022/2658-3712-2023-52-3-56-67 (in Russ.)
2. Kapeliushnikov R. I. Fenomen stareniya naseleniya: ekonomicheskoye efekty [The phenomenon of population Aging: major economic effects]. *Ekonomicheskaya politika [Economic Policy]*. 2019. Vol.

14. No. 3. P. 8–53. DOI: 10.18288/1994-5124-2019-2-8-63 (in Russ.)
3. Smirnova T. V. Sotsial'no-ekonomicheskije podkhody k fenomenu stareniya v svete transformatsii rynka truda [Socio-economic approaches to the phenomenon of aging in the context of labor market transformations]. Aktual'nyye problemy i perspektivy razvitiya ekonomiki: rossijskij i zarubezhnyj opyt [Actual Problems and Prospects of Economic Development: Russian and Foreign Experience]. 2021. No. 5(37). P. 7–12. (in Russ.)
4. Maslova E. V. Zanyatost' pozhilykh lyudej: minimizatsiya ugroz prekartizatsii [Employment of senior citizens: minimization of precarization threats]. Sotsial'no-trudovyye issledovaniya [Social and Labor Research]. 2019. No. 2(35). P. 29–39. DOI 10.34022/2658–3712–2019–35–2–29–39 (in Russ.)
5. Karginova-Gubina V. V., Romashkina Yu. V., Prokopiev E. A. Tipologiya trudovogo povedeniya lits tretjego vozrasta (na primere Respubliki Kareliya) [Typology of labor behavior of persons of the third age (on the example of the Republic of Karelia)]. Rossiyskoje Predprinimatelstvo [Russian Entrepreneurship]. 2018. Vol. 19. No. 10. P. 3231–3244. DOI: 10.18334/rp.19.10.39407 (in Russ.)
6. Barkov S. A., Markeeva A. V., Kolodeznikova I. V. Trudoustrojstvo lyudej v pozhilom vozraste: sotsial'nyje imperativy i ogranicheniya v sovremennoj Rossii [Employment of the elderly: social imperatives and barriers in contemporary Russia]. Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya [RUDN Journal of Sociology]. 2022. Vol. 22. No. 1. P. 97–112. DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-1-97-112 (in Russ.)
7. Ryazantsev S. V., Nioradze G. V. Trudoustrojstvo lyudej v pozhilom vozraste: sotsial'nyje imperativy i ogranicheniya v sovremennoj Rossii [The labour potential of older generation: interregional analysis]. Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2022. Vol. 18. No. 1. P. 107–119. DOI: 10.19181/lspr.2022.18.1.9 (in Russ.)
8. Vorob'eva O. D., Topilin A. V., Nioradze G. V., Khrolenko T. S. Tendentsii trudovoj zanyatosti pensionerov v razreze zanyatii i vidov ekonomicheskoy deyatel'nosti v 2017–2022 gg. [Trends in the employment of pensioners in the context of occupations and types of economic activity in 2017–2022]. Sotsial'no-trudovyye issledovaniya [Social and Labor Research]. 2024. No. 1(54). P. 60–72. DOI: 10.34022/2658-3712-2024-54-1-60-72 (in Russ.)
9. Nioradze G. V. Trud pozhilykh rabotnikov i gig-ekonomika: prekarizatsiya ili novyye vozmozhnosti? [Older workers' labor and the gig-economy: precarization or new opportunities?]. Sotsiologicheskij zhurnal [Sociological Journal]. 2022. Vol. 28. No. 4. P. 102–117. DOI: 10.19181/socjour.2022.28.4.9317 (in Russ.)
10. Kutovaya S. V. Ob aktivnosti pozhilykh lyudej v sotsial'no-ekonomicheskoy sfere [About socio-economic activity of elderly people]. Sotsiologicheskije issledovaniya [Sociological Studies]. 2020. No. 1. P. 146–146. DOI: 10.31857/S013216250008333-9 (in Russ.)
11. Dobrokhleb V. G. Demograficheskoye starenije v Rossii i novaya sotsial'naya real'nost' [Demographic aging in Russia and new social reality]. Narodonaselenie [Population]. 2022. Vol. 25. No. 2. P. 66–76. DOI: 10.19181/population.2022.25.2.6 (in Russ.)
12. Anishchenko E. B., Trankovskaya L. V., Vazhenina A. A., Tarasenko G. A. Sostoyaniye zdorov'ya, kak faktor, vliyayushchiy na trudovuyu deyatel'nost' rabotayushchikh lits pozhilogo vozrasta [The state of health as a factor affecting the work activity of working elderly people]. Meditsina truda i promyshlennaya ekologiya [Russian Journal of Occupational Health and Industrial Ecology]. 2022. Vol. 62. No. 5. P. 311–321. DOI: 10.31089/1026-9428-2022-62-5-311-321 (in Russ.)
13. Korolenko A. V., Barsukov V. N. Sostoyaniye zdorov'ya kak faktor trudovoj aktivnosti naseleniya pensionnogo vozrasta [Health status as a factor of labor activity of the retirement-age population]. Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sotsiologiya. [Perm University Herald. Series Philosophy. Psychology. Sociology]. 2017. No. 4. P. 643–657. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-643-657 (in Russ.)
14. Korolenko A. V., Kalachikova O. N. Determinanty zdorov'ya rabotayushchego naseleniya: usloviya i kharakter truda. [Determinants of health of the working population: conditions and nature of work]. Zdorov'ye naseleniya i sreda obitaniya [Public Health and Life Environment — PH&LE]. 2020. No. 11. P. 22–30. DOI: 10.35627/2219-5238/2020-332-11-22-30 (in Russ.)
15. Arstangalieva Z. Zh., Chernyshkova E. V., Andriyanova E. A. Praktiki zdorov'jesberezheniya sovremennykh rabotayushchikh pensionerov. [Practice of health-saving of modern working

- pensioners]. *Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem (elektronnyy nauchnyy zhurnal) [Modern Research of Social Problems. (Electronic scientific journal)]*. 2015. No. 7(51). P. 41–51. DOI: 10.12731/2218-7405-2015-7-2 (in Russ.)
16. Kozyreva P. M., Smirnov A. I. Vek zhivi — vek trudi: sotsial'noye samochuvstviye rabotayushchikh pensionerov [Live long — work long: social well-being of working pensioners]. *Vestnik Instituta sotsiologii [Bulletin of the Institute of Sociology]*. 2023. Vol. 14. No. 3. P. 149–174. DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.11 (in Russ.)
17. Antonov A. I., Nazarova I. B., Karpova V. M., Lyalikova S. V. Porog nastupleniya starosti: ob"ektivnyye priznaki i sub"ektivnoye vospriyatiye [Threshold of age: objective signs and subjective perception]. *Natodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 3. P. 131–143. DOI: 10.19181/population.2023.26.3.11 (in Russ.)
18. Shestakova E. E. Prodleniye trudovoy zhizni: novyye podhody i mekhanizmy stimulirovaniya (iz opyta stran OESR). [Extension of working life: new approaches and incentive mechanisms (from the experience of OECD countries)]. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossijskoj akademii nauk [Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences]* 2020. No. 1. P. 144–158 DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10008 (in Russ.)
19. Baxter, S., Blank, L., Cantrell, A., et al. Is working in later life good for your health? A systematic review of health outcomes resulting from extended working lives. *BMC Public Health*. 2021. 1356. DOI: 10.1186/s12889-021-11423-2
20. Jones C. H., Dolsten M. Healthcare on the brink: navigating the challenges of an aging society in the United States? *NPJ Aging*. 2024. Vol. 10. No. 1. P. 22. DOI: 10.1038/s41514-024-00148-2
21. Gut V., Feer S., Baumann I. A resource-oriented perspective on the aging workforce — exploring job resource profiles and their associations with various health indicators. *BMC Public Health*. 2024. P. 2559. DOI: 10.1186/s12889-024-20098-4
22. Rahayuwati L, Arsyad S. S, Ekawati R, et.al. Factors that influence the high number of elderly people working in the informal sector. *Journal of Multidisciplinary Healthcare*. 2024. No. 17. P. 1827–1837. DOI: 10.2147/JMDH.S450047
23. Rzhantsyna L. S. Rabotayushchiye pensionery: problemy cheloveka i gosudarstva [Working pensioners: human problems and problems of the state]. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossijskoj akademii nauk [Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences]*. 2020. No. 3. P. 175–186. DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10037 (in Russ.)
24. Chubarova T., Grigorieva N. The public/private sector mix in healthcare in Russia: Some impacts on health equity and quality of healthcare service. *The Public/Private Sector Mix in Healthcare Delivery: A Comparative Study*. Oxford University Press. 2022. 352 p. DOI: 10.1093/oso/9780197571101.001.0001
25. Kuchmaeva O. Sotsial'naya aktivnost' pozhilykh rossiyan i perspektivy realizatsii politiki «aktivnogo dolgoletiya» [Social activity of elderly Russians and prospects of implementation of the «active ageing» policy]. *Narodonaseleniye i ekonomika [Population and Economics]*. 2018. Vol. 2. No. 4. P. 47–66. DOI: 10.3897/popecon.2. e36060
26. Chubarova. T. V. Sotsial'naya otvetstvennost' v rynochnoy ekonomike: rabotnik, biznes, gosudarstvo [Social Responsibility in a Market Economy: Employee, Business, State]. St.-Petersburg. Nestor istoriya [Nestor — History]. 2011. 320 p. (in Russ.)
27. Chubarova T. V. Obespecheniye dostupnosti zdravoohraneniya v Rossii: instrumenty gosudarstvennoy politiki [Ensuring access to healthcare in Russia: role of public policy instruments]. *Gosudarstvennoye upravleniye (Elektronnyy zhurnal) [Public Administration (E-journal)]*. 2022. No. 95. P. 93–107 DOI: 10.24412/2070-1381-2022-95-93-107 (in Russ.)
28. Frolova E. V., Korystina E. M. Kompleksnaya otsenka sostoyaniya zdorov'ya pozhilogo cheloveka i vozmozhnosti yeyo osushchestvleniya v obshchey vrachebnoy praktike [Comprehensive assessment of the state of health of elderly people and possibility of it in general practice]. *Rossiyskiy semeynyy vrach [Russian Family Doctor]*. 2010. Vol. 14. No. 1. P. 12–23. (in Russ.)
29. Uyba V. V., Laver B. I., Kulyga V. N. Promyshlennaya meditsina: yeyo rol' i perspektivy razvitiya v sisteme FMBA Rossii [Industrial medicine: its role and development prospects in the FMBA system of Russia]. *Meditsina ekstremal'nykh situatsiy [Extreme Medicine]*. 2019. Vol. 21. No. 2. P. 243–249.

(in Russ.)

30. Rimashevskaya N. M., Dobrokhleb V. G. Starsheje pokolenije kak resurs modernizatsii Rossii [Older generation as a resource for modernization of Russia]. *Narodonaselenie [Population]*. 2013. No. 3. P. 20–26. (in Russ.)

Information about the authors:

Grigorieva Natalia Sergeevna, Doctor of Political Science, Professor, Head of Department, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: grigorieva@spa.msu.ru; ORCID: 0000-0002-7707-6754; Elibrary SPIN-code: 9017–7352.

Chubarova Tatiana Vladimirovna, Doctor of Economics, Chief Researcher, Institute of Economics RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: t_chubarova@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3985-0198; Elibrary SPIN-code: 3367–5073.

Статья поступила в редакцию 03.06.2024, утверждена 10.11.2025, опубликована 30.12.2025.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-227-235
EDN: YMHKRR

ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ: ПРИВЕРЖЕННОСТЬ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Назарова И. Б.

*НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента
Департамента здравоохранения города Москвы (НИИОЗММ ДЗМ)
(115088, Россия, Москва, ул. Большая Татарская, 30)*

**E-mail: inna-nazarova@mail.ru*

Финансирование:

Статья подготовлена в рамках НИР НИИОЗММ ДЗМ «Научно-методическое обеспечение организационных аспектов повышения доступности и качества медицинской помощи в государственной системе здравоохранения города Москвы» (№ по ЕГИСУ 123032100063–3).

Для цитирования:

Назарова И. Б. Здоровый образ жизни медицинских работников: приверженность и ограничения // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 4. — С. 227-235. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-227-235; EDN: YMHKRR

Аннотация. *Здоровый образ жизни становится популярным среди жителей столицы. Важным фактором формирования приверженности здоровому образу жизни у населения является личный пример медицинского специалиста. Цель исследования — определение основных факторов, которые могут препятствовать поведению по сохранению здоровья у медицинских работников и распространению примеров здорового образа жизни среди пациентов. Эмпирической основой настоящей работы являются данные исследования, проведённого в 2023 г. ГБУ «Научно-исследовательским институтом организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения Москвы» — НИИОЗММ. Всего опрошено 1449 специалистов — врачей и медицинских сестёр муниципальных медицинских организаций г. Москвы. Преимущественно ведут здоровый образ жизни — 67% врачей и медицинских сестёр. Определено, что 28% мужчин и 14% женщин — медицинских работников курят; 41% курящих медицинских работников считают, что они скорее ведут здоровый образ жизни. Результаты исследования на основе факторного анализа позволили выделить основные типы факторов, лимитирующих ведение здорового образа жизни медицинским работникам: первый тип связан с финансовыми ограничениями; второй — с нагрузками, связанными с ограничением сил и времени; третий — субъективный, основывается на скептическом отношении к целесообразности ЗОЖ; четвёртый — с отсутствием поддержки окружающих. Основные причины, затрудняющие здоровый образ жизни: недостаток времени (50%) и самодисциплины (46%). От медицинских работников требуются специальные знания о здоровом образе жизни и личный позитивный пример.*

Ключевые слова: *здоровый образ жизни, ЗОЖ, курение, врачи, медсестры.*

Введение

Здоровый образ жизни (ЗОЖ) является важной составляющей жизни человека, его распространение и популяризация поддерживаются в России в целом и её регионах¹. Специалисты предлагают населению различные проекты, способствующие включению в мероприятия, связанные с ЗОЖ. С июня 2025 г. в Москве запущен бесплатный городской ЗОЖ-проект «Игры вкуса». Диспансеризацию и консультацию по ЗОЖ можно пройти в любой поликлинике столицы, к которой прикреплён житель Москвы². Обозначенные мероприятия реализуются в развитии приоритетного проекта «Формирование здорового образа жизни»³. Очевидно, что основными контрагентами в реализации мероприятий ЗОЖ могут быть медицинские работники, обладающие специальными знаниями. Личный пример здорового поведения медицинского работника и индивидуальную беседу с пациентом эксперты считают главными составляющими в работе с населением по распространению ЗОЖ [1].

На сегодняшний день в качестве важнейшей задачи государства, ЗОЖ помогает не только укрепить здоровье, но и улучшить работоспособность организма. Составляющие ЗОЖ зачастую прививаются с детского возраста, и правильно заложенные базовые элементы способны поддерживать физиологичность и целостность функционирования организма человека до глубокой старости [2].

Существуют групповые идентичности, которые объясняют поведение в отношении здоровья у членов одной социальной группы, например, демографической или профессиональной [3]. В нашем случае речь идёт о профессиональной группе врачей, чьё поведение может быть схоже в части единых условий труда, например, разное рабочее время, напряжённая и в некоторых случаях малоподвижная работа. И в конечном итоге — профессиональное выгорание у значительного числа медицинских работников [4].

Цель исследования — определение основных факторов, которые могут препятствовать поведению по сохранению здоровья у медицинских работников и распространению примеров здорового образа жизни среди пациентов. Статья основана на вторичном анализе данных исследования «Исследование кадрового потенциала здравоохранения города Москвы», проведённого в 2023 г. НИИОЗММ ДЗМ (далее — Исследование)⁴. В анализе данных применён факторный анализ. Также использованы данные исследования Росстата «Выборочное наблюдение состояния здоровья населения» (СЗН) 2024 г.⁵ (жители Москвы составили 6,8% (6743 человека)).

¹ В расчёте коэффициента, характеризующего здоровый образ жизни Росстатом включены следующие индикаторы/компоненты: отсутствие курения, потребление овощей и фруктов ежедневно не менее 400 г, адекватная физическая активность (не менее 150 мин умеренной или 75 мин интенсивной физической нагрузки в неделю), нормальное (не выше 5,0 г NaCl в сутки) потребление соли, употребление алкоголя не более 168 г чистого этанола в неделю для мужчин и не более 84 г — для женщин. Росстат. — URL: <https://rosstat.gov.ru/opendata/7708234640-zoh-2021> (дата обращения: 04.04.2025).

² О проекте подробно: URL: <https://moshealth.niioz.ru/info/o-proekte/> (дата обращения: 20.05.2025).

³ Приоритетный проект «Формирование здорового образа жизни» («Укрепление общественного здоровья») Паспорт проекта утверждён президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам. — URL: <http://government.ru/projects/selection/641/> (дата обращения: 20.05.2025).

⁴ Опрошено 1449 специалистов — врачей и медсестёр медицинских организаций столицы. В выборочную совокупность обследования вошли 16% мужчины и 84% женщины. Молодые сотрудники в возрасте до 30 лет составили 17%, 31–40 лет — 28%, 41–50 лет — 36%, старше 51 года — 21%. В поликлиниках Москвы работают 69% специалистов, больницах и/или клинических больницах — 17%, госпиталях — 3%, диагностических (клинико-диагностических, консультативно-диагностических) центрах, научно-исследовательских (научно-практических) организациях и/или специализированных медицинских центрах — 2%. Единицы работают в иных медицинских организациях. Аспирантуру закончили 5% опрошенных медицинских работников, ординатуру — 27%, интернатуру — 21%, специалитет и бакалавриат — 17%, среднее профессиональное образование получили — 39%.

⁵ Выборочное наблюдение состояния здоровья населения проведено во исполнение постановления Правительства РФ от 27 ноября 2010 г. № 946 «Об организации в Российской Федерации системы федеральных статистических наблюдений по социально-демографическим проблемам и мониторинга экономических потерь от смертности, заболеваемости и инвалидизации населения». Уровень представительности результатов — в целом по РФ. — URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/zdor24/PublishSite_2024/index.html (дата обращения: 26.01.2025).

Результаты исследования

Распространённость ЗОЖ. Участники исследования — врачи и медицинские сёстры московских муниципальных поликлиник — ответили, что преимущественно ведут здоровый образ жизни — 67% мужчин и 68% женщин (26% — скорее не ведут, затруднились дать ответ 6%). Таким образом, в соответствии с самооценкой образа жизни среди медицинских сотрудников муниципального здравоохранения больше приверженных ЗОЖ, чем среди населения столицы и в результате специальных исследований: образ жизни медицинских работников более сохраненный, чем населения в целом, возможно не последнюю роль в этом играют специальные знания медицинских работников [5]. Именно знания в отношении сохранения

здоровья — медицинская грамотность (знания о профилактике и здоровом поведении) позволяют вести здоровый образ жизни [6].

В соответствии с данными Росстата высоко приверженных ЗОЖ в Москве 7,4% (рис. 1), (мужчины — 4%, женщины — 10%⁶). Людей с удовлетворительной приверженностью здоровому образу жизни в Москве — 40,6% (в целом с той или иной степенью приверженности — 48,9%).

Исследователи отмечают медленное распространение ЗОЖ среди населения и прежде всего среди мужского населения [7], аналогичный процесс идёт и в Московском регионе [8]. Однако ежегодно увеличивается запрос со стороны населения на консультационную поддержку медицинских

⁶ Расчёт Росстата. — URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/zdor24/PublishSite_2024/index.html (дата обращения: 26.01.2025).

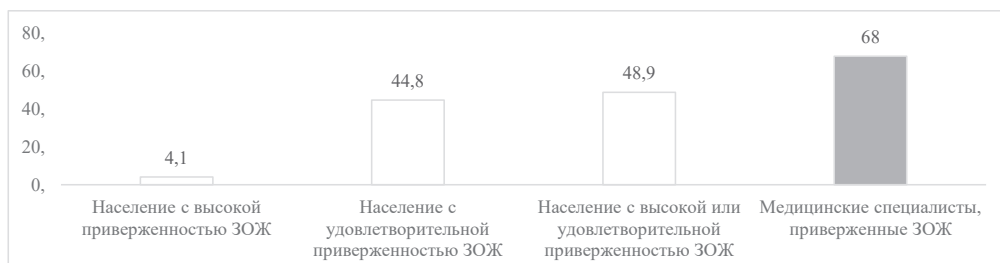

Рис. 1. Доля жителей Москвы, приверженных здоровому образу жизни, %

Fig. 1. The share of Moscow residents with high and satisfactory commitment to a healthy lifestyle, %
Источник: составлено автором по данным Росстата и данным настоящего исследования.

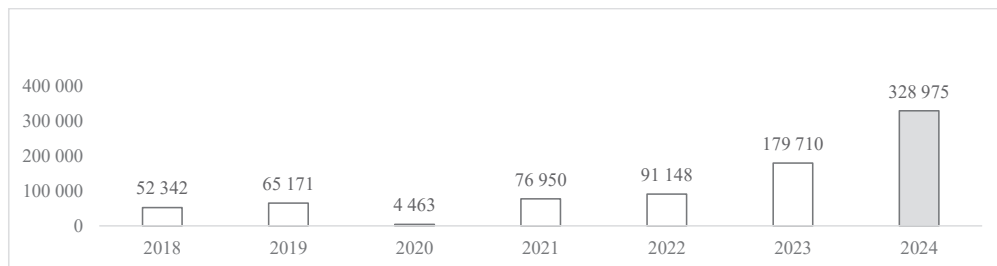

Рис. 2. Обращаемость жителей Москвы в медицинские организации по вопросам здорового образа жизни, человек

Fig. 2. Number of Moscow residents seeking medical help on healthy lifestyle issues, people

Примечание: показатель рассчитывается как сумма числа обращений в медицинские организации по проблемам, связанным с образом жизни, детьми в возрасте 0–17 лет и лицами старше 18 лет (человек).

Источник: составлено автором по данным Росстата.

работников по основам ЗОЖ: люди обращаются к специалистам по вопросам сохранения личного здоровья и здоровья детей. В 2024 г. было более трехсот тысяч обращений в Московские поликлиники по вопросам ЗОЖ (рис. 2). Соответствующий учет ведётся в исполнение Федерального проекта «Укрепление общественного здоровья».

Дополнительно в 2024 г. индивидуальные планы по ЗОЖ (паспорта здоровья) в Москве рекомендованы для 29992 человек⁷. Следовательно, медицинские работники должны обладать специальными знаниями в отношении ЗОЖ, быть готовыми дать консультации пациентам по его ведению и пропагандировать ЗОЖ в том числе личным примером. По мнению экспертов, медицинские работники должны стать основными проводниками ЗОЖ, но для этого необходимо развитие у них специальных профессиональных компетенций в области профилактической медицины и изменение собственного поведения на более сохранное [9].

Одним из важных компонентов ЗОЖ является отсутствие курения. В соответствии с нашим Исследованием курят 28% мужчин и 14% женщин — медицинских работников муниципальных поликлиник Москвы. Это соответствует средним показателям столицы: по данным исследования СЗН в Москве постоянно курят 29% мужчин и 10% женщин. Таким образом медицинские работники курят практически столько же, сколько и население в целом. При этом 41% курящих медицинских работников считают, что они скорее ведут здоровый образ жизни. Вместе с тем удовлетворительная приверженность ЗОЖ подразумевает отсутствие курения и наличие одного любого компонента ЗОЖ, а высокая — отсутствие курения при наличии всех компонентов, включая правильное питание, физическую активность [7]. Результаты исследований по-

казывают, что приверженность курению у медицинских работников формируется рано и затем, не меняется. Студенты медицинских вузов отметили раннее начало курения: до 12 лет — 8%, 12–16 лет — 36%, 17–20 лет — 43%, 20–25 лет — 13%. В целом в студенческой среде будущих врачей курят 37%, многие хотели бы бросить курить [10].

Препятствия ЗОЖ. Участники Исследования называют причины, которые препятствуют ведению ЗОЖ, половине не хватает времени (50%) и самодисциплины (46%) (табл. 1). Однако им кажется, что для жителей Москвы эти ограничения проявляются ещё более ярко: 63% специалистов в качестве основной причины отказа от ЗОЖ среди населения называют проблемы с самодисциплиной, половина (55%) считают, что у москвичей существуют ограничения по времени. Треть медицинских работников не могут вести здоровый образ жизни, поскольку устают на работе. Также 47% участников Исследования считают, что жители Москвы устают на работе и сил на ЗОЖ у них не хватает. Пятая часть медицинских работников ответили, что не могут заниматься физкультурой, поскольку не хватает на это денег. Также врачи и медицинские сёстры ответили, что препятствие к ведению ЗОЖ для них заключается в недостатке денег на качественную, здоровую еду (14%). Здоровый образ жизни в глазах москвичей не стал престижным образцом поведения (по мнению 12% медицинских работников, что может являться дополнительным препятствием для здорового поведения).

В целях установления (понимания) основных типов отказов от ведения здорового образа жизни предпринят факторный анализ (табл. 2). В результате анализа было выделено 4 фактора.

Первый фактор — «ограничение финансов». Речь идёт о наборе причин, связанных с недостатком средств на качественные продукты питания, занятия фитнесом, посещения бассейна и т.п., на оплату медицинских услуг, которые было бы целесообразно получить. Ожидаемо у данного фактора обнаружена корреляция с переменной «средств хватает только на питание» (11% участников Исследования).

⁷ Министерство здравоохранения Российской Федерации. Источником информации для расчета Показателя в ежегодном режиме являются данные формы отраслевого статистического наблюдения Минздрава России № 68 «Сведения о деятельности центра здоровья», утвержденной приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 19 августа 2009 г. № 597н. — URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/61920> (дата обращения: 01.07.2025).

Таблица 1

**Причины, мешающие ведению здорового образа жизни — мнение медработников
(отранжировано по распределению ответов в отношении медицинских специалистов)**

Table 1

Reasons that hinder a healthy lifestyle — opinion of medical professionals
(ranked by distribution of responses in relation to medical professionals)

Причины, мешающие ведению ЗОЖ	Причины мешают:					
	лично специалистам			москвичам в целом		
	ранг	п	%	ранг	п	%
— нет времени	1	728	50	2	789	55
— отсутствие воли, самодисциплины (не могут заставить себя действовать согласно правилам ЗОЖ)	2	663	46	1	911	63
— нет сил на ЗОЖ, слишком устаю на работе	3	430	30	3	683	47
— не хватает денег для занятий фитнесом, посещения бассейна и подобное	4	278	19	4	547	38
— нервная жизнь и ЗОЖ не поможет / жизнь полна стрессов и людям не до ЗОЖ	5	257	18	6	426	29
— не хватает денег на качественные продукты питания	6	197	14	5	513	35
— не хватает денег на адекватную медицинскую помощь (в т.ч. профилактику заболеваний)	7	198	14	7	256	18
— нет веры в серьезность влияния ЗОЖ на здоровье и продолжительность жизни	8	57	4	8	246	17
— нет чувства поддержки окружающих, в одиночку вести ЗОЖ не получается	9	52	4			
— в глазах москвичей ЗОЖ пока не является престижным				9	174	12

Источник: рассчитано автором по результатам Исследования.

Таблица 2

**Факторы — причины, которые препятствуют ведению
здорового образа жизни медицинским работникам**

Table 2

Factors — reasons that prevent health workers from leading a healthy lifestyle

Причины, мешающие ведению ЗОЖ	Факторы			
	1	2	3	4
— отсутствие воли, самодисциплины (не могут заставить себя действовать согласно правилам ЗОЖ)		−0,359	−0,658	
— нет времени		0,781		
— нет сил на ЗОЖ, слишком устаю на работе		0,569		
— не хватает денег на качественные продукты питания	0,784			
— не хватает денег для занятий фитнесом, посещения бассейна и подобного	0,769			
— не хватает денег на адекватную медицинскую помощь (в том числе профилактику заболеваний)	0,736			
— нет чувства поддержки окружающих, в одиночку вести ЗОЖ не получается				0,898
— нервная жизнь и ЗОЖ не поможет			0,514	0,412
— нет веры в серьезность влияния ЗОЖ на здоровье и продолжительность жизни		−0,459	0,684	

Примечание: метод выделения факторов: метод главных компонент. Метод вращения: варимакс с нормализацией Кайзера, вращение сошлось за 5 итераций. Полученные факторы объясняют 60% информации. В таблице представлены коэффициенты — значения более 0,3.

Источник: рассчитано автором по результатам Исследования.

Второй фактор — «нагрузки». Не удаётся вести здоровый образ жизни, мешает этому, прежде всего работа и домашние дела. Именно нагрузки на работе и дома не оставляют времени и сил на ведение ЗОЖ. Эта группа переменных не связана с мнением специалистов о том, что им не хватает самодисциплины. Также здесь присутствует несогласие с утверждением по поводу того, что ЗОЖ не влияет на здоровье и продолжительность жизни. У данного фактора существует тенденция к связи с количеством нагрузок на работе (коэффициент корреляции 0,2 на уровне значимости 0,01).

Третий фактор — «скептицизм», за которым «стоят» переменные, представляющие скептическое мнение в отношении целесообразности ведения ЗОЖ, поскольку нет веры в серьёзность его на здоровье и продолжительность жизни, тем более, при столь большой её нервноности.

Четвёртый фактор — «отсутствие поддержки». Данный фактор также представляет мнение медицинских работников о том, что жизнь полна стрессов и ЗОЖ здесь не помощник, однако специалисты могли бы вести здоровую жизнь, если бы окружающие их поддерживали.

Ни у одного из факторов нет корреляционной связи с основными социально-демографическими характеристиками — пол, возраст, образование. Скорее всего это можно объяснить однородностью представителей профессиональной группы. Рассматривая факторы, можно предположить, что специалисты, выделившие второй фактор «нагрузки» наиболее близки к объективным причинам, не позволяющим вести ЗОЖ. Результаты различных исследований подтверждают наличие высокой степени выгорания в среде меди-

цинских работников и необходимости в связи с этим поддержки врачей и медицинских сестёр [11–14]. Профессиональное выгорание определено у каждого пятого опрошенного врача (21%) и у 14% медицинских сестёр [4].

В последний год наблюдается запрос со стороны населения в отношении знаний о здоровом образе жизни. Люди стали больше обращаться к специалистам за консультациями о ЗОЖ. Медицинскому работнику в этой связи отводится одно из ключевых мест в системе профилактики и популяризации ЗОЖ. По мнению экспертов, для эффективной реализации московскими врачами и медицинскими сёстрами функции проводников здорового образа жизни требуется не только развитие профессиональных компетенций в области профилактической медицины, но и организация работы по стимулированию самих медицинских специалистов к ведению ЗОЖ [9].

Стоит обратить внимание на основные типы отношения к ЗОЖ медицинских работников в части обоснования их отказа от ведения здорового образа жизни: субъективные и объективные. В качестве объективных отказов от ведения ЗОЖ медицинскими работниками назван недостаток времени и сил. В связи с чем необходимо рассмотреть возможность привнесения работы по борьбе с нагрузками и профессиональным выгоранием ближе к рабочему месту: развивать позитивную практику открытия залов для занятий физкультурой и рекреации, принимать решения в отношении возможности ведения ЗОЖ медицинскими работниками на уровне непосредственного руководства и на уровне руководящих организаций.

Литература и Интернет-источники

1. **Богдан, И. В.**, Методы распространения здорового образа жизни медицинскими работниками: опыт медико-социологического анализа / И.В. Богдан, М.В. Гурылина, Д.П. Чистякова // Вестник НГУЭУ. — 2018. — № 4. — С. 188–198. EDN: YURZFZ
2. **Королева, К.К.** Здоровый образ жизни: ключевые принципы и способы его достижения / К.К. Королева, О.В. Костромина // Наука через призму времени. — 2024. — № 1(82). — С. 17–20. EDN: OZEERE

3. **Mollborn, S.**, Contributions and Challenges in Health Lifestyles Research / S.Mollborn, E.M. Lawrence, J.M. Saint Onge // Journal of Health and Social Behavior. — 2021 Sep. — Vol. 62. — Iss. 3. — P. 388–403. DOI: 10.1177 / 0022146521997813
4. **Безымянный, А.С.** Профессиональное выгорание медицинских работников и факторы, его определяющие / А.С. Безымянный, Э.Н. Мингазова // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 2024. — Т. 32. — № 2. — С. 180–186. DOI: 10.32687 / 0869-866X-2024-32-2-180-186; EDN: YQIHMP
5. **Воробьева, А.В.** Сравнительная характеристика ценностного отношения к ЗОЖ медицинских и немедицинских работников / А.В. Воробьева, М.А. Якушин, В.М. Ротов // Здоровье мегаполиса. — 2024. — Т. 5., — № 4. — С. 25–36. DOI: 10.47619 / 2713-2617.zm.2024.v.5i4p1;25–36; EDN: MVLXXX
6. **Hersh, L.**, Health literacy in primary care practice / L. Hersh, B. Salzman, D. Snyderman // American Family Physician. — 2015. — Vol. 92(2). — P. 118–124.
7. **Шальнова, С. А.**, Интегральная оценка приверженности здоровому образу жизни как способ мониторинга эффективности профилактических мер / С.А. Шальнова, Ю.А. Баланова, А.Д. Деев, [и др.] // Профилактическая медицина. — 2018. — Т. 21. — № 4. — С. 6572. DOI: 10.17116 / profmed201821465
8. **Локосов, В.В.** Специфика самосохранительного поведения населения столичного региона / В.В. Локосов, И.Б. Назарова, В.М. Карпова, С.В. Ляликова // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 2024. — № 32(S2). — С. 1130–1136. DOI: 10.32687 / 0869-866X-2024-32-s2-1130-1136; EDN: DQISLN
9. **Александрова, О.А.** Московские медицинские специалисты как проводники здорового образа жизни / О.А. Александрова // Московская медицина. — 2025. — Т. 1. — № 65. — С. 48–56. EDN: NNMGFJ
10. **Зацепина, И.В.** Распространенность курения среди студентов медицинского вуза / И.В. Зацепина, И.В. Кочеткова, Е.А. Фурсова, Т.Н. Петрова // Профилактическая медицина. — 2024. — Т. 27. — № 6. — С. 29–35. DOI: 10.17116 / profmed20242706129; EDN: WYMQSQ
11. **Александрова, О.А.** Профессиональное выгорание медицинских работников: подходы к выявлению и профилактике / О.А. Александрова, А.В. Ярашева, К.Н. Царанов [и др.] // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 2024. — Т. 32. — № S2. — С. 1047–1052. DOI: 10.32687 / 0869-866X-2024-32-s2-1047-1052. EDN MHERTO
12. **Рудковская, А.В.** Профессиональное выгорание как предпосылка снижения самосохранительного поведения медиков / А.В. Рудковская, М.С. Черняева // Социальная политика и социология. — 2024. — Т. 23. — № 3. — С. 118–125. DOI: 10.17922 / 2071-3665-2024-23-3-118-125; EDN AFVUTI
13. **Ярашева, А.В.** Трудовой потенциал медицинских работников: вопросы профессионального выгорания / А.В. Ярашева, О.А. Александрова, Д.И. Марков // Региональные проблемы преобразования экономики. — 2024. — № 4(162). — С. 164–172. DOI: 10.26726 / 1812-7096-2024-4-164-172; EDN: FNHCVM
14. **Ярашева, А.В.** Эксперты о проблеме профессионального выгорания медицинских работников / А.В. Ярашева, Д.И. Марков, С.В. Макара, О.А. Комолова // Дискуссия. — 2024. — № 130. — С. 220–230. DOI: 10.46320 / 2077-7639-2024-9-130-220-230; EDN: HDDVOO

Сведения об авторе:

Назарова Инна Борисовна, д.э.н., главный научный сотрудник, НИИОЗММ ДЗМ, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: inna-nazarova@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8086-1617; РИНЦ SPIN-код: 5172-5164.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-227-235

MEDICAL WORKERS' HEALTHY LIFESTYLE: COMMITMENT AND LIMITATIONS

Inna B. Nazarova

*Research Institute of Healthcare Organization and Medical Management
of the Department of Healthcare of the City of Moscow
(30 Bolshaya Tatarskaya str., Moscow, Russia, 115088)*

**E-mail: inna-nazarova@mail.ru*

Funding:

This article was prepared as a part of the research project «Scientific and methodological support for organizational aspects of improving the availability and quality of medical care in the state healthcare system of the city of Moscow» (EGISU No. 123032100063–3).

For citation:

Nazarova I.B. Medical workers' healthy lifestyle: commitment and limitations. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 4. P. 227-235. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-227-235 (in Russ.)

Abstract. *Healthy lifestyle is becoming popular among Moscow residents, which creates a special demand for consultations with professionals — medical workers on its management. An important factor in the formation of commitment to a healthy lifestyle among the population is the personal example of a medical specialist. The purpose of the study is to determine the main typology of commitment to a healthy lifestyle among medical workers in accordance with the factors that can limit the preservation of health and the dissemination of examples of a healthy lifestyle among patients. The empirical basis of the study is the data of the original study conducted in 2023 by the Research Institute of Healthcare Organization and Medical Management of the Department of Healthcare of the City of Moscow. A total of 1,449 specialists — doctors and nurses of municipal medical organizations of Moscow city were surveyed. 67% of doctors and nurses lead mostly a healthy lifestyle. It was found that 28% of men and 14% of women among medical workers smoke; 41% of smoking medical workers believe that they are more likely to lead a healthy lifestyle. The results of the study based on factor analysis made it possible to identify the main types of factors that prevent medical workers from leading a healthy lifestyle: the first type is associated with financial constraints; the second type — with loads due to limited strength and time; the third one — subjective, is based on a skeptical attitude towards the appropriateness of a healthy lifestyle; the fourth is associated with lack of support from others. The main reasons limiting a healthy lifestyle are lack of time (50%) and self-discipline (46%). The population is forming a demand for consultations regarding a healthy lifestyle, therefore, medical workers should have special knowledge about a healthy lifestyle and set a personal positive example.*

Keywords: *healthy lifestyle, HLS, smoking, doctors, nurses.*

References and Internet sources

1. Bogdan I. V., Gurylina M. V., Chistyakova D. P. Metody rasprostraneniya zdorovogo obraza zhizni meditsinskimi rabotnikami: opyt mediko-sotsiologicheskogo analiza [Methods of healthy lifestyle promotion by medical staff based on medical sociological analysis]. *Vestnik NGUEU [Vestnik NSUEM]*. 2018. No. 4. P. 188–198. (in Russ.)
2. Koroleva K. K., Kostromina O. V. Zdorovyj obraz zhizni: klyuchevyye printsipy i sposoby yego dostizheniya [Healthy lifestyle: key principles and ways to achieve it]. *Nauka cherez prizmu vremeni [Science through the Prism of Time]*. 2024. No. 1 (82). P. 17–20. (in Russ.)
3. Mollborn S., Lawrence E. M., Saint Onge J. M. Contributions and challenges in health lifestyles research. *Journal of Health and Social Behavior*. 2021. Sept. Vol. 62. No. 3. P. 388–403. DOI: 10.1177/0022146521997813

4. Bezmyannyy A. S., Mingazova E. N. Professional'noye vygoraniye medicinskih rabotnikov i faktory, yego opredelyayushchiye [The professional burnout of medical workers and its determining factors]. *Problemy sotsial'noy gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny [Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine]*. 2024. Vol. 32. No. 2. P. 180–186. DOI: 10.32687/0869-866X-2024-32-2-180-186 (in Russ.).
5. Vorobeva A. V., Yakushin M. A., Rotov V. M. Sravnitel'naya kharakteristika tsennostnogo otnosheniya k ZOZh meditsinskih i nemeditsinskih rabotnikov [Comparison of value-based attitudes towards healthy lifestyle among healthcare and non-healthcare workers]. *Zdorov'ye megapolisa [City Healthcare]*. 2024. Vol. 5. No. 4. P. 25–36. (in Russ.)
6. Hersh L., Salzman B., Snyderman D. Health literacy in primary care practice. *American Family Physician*. 2015. Vol. 92. No. 2. P. 118–124.
7. Shalnova S. A., Balanova Yu. A., Deev A. D., et al. Integral'naya otsenka priverzhennosti zdorovomu obrazu zhizni kak sposob monitoringa effektivnosti profilakticheskikh mer [Integrated assessment of adherence to a healthy lifestyle as a way of monitoring the effectiveness of preventive measures]. *Profilakticheskaya meditsina [The Russian Journal of Preventive Medicine]*. 2018. Vol. 21. No. 4. P. 6572. DOI: 10.17116/PROFMED201821465 (in Russ.).
8. Lokosov V. V., Nazarova I. B., Karpova V. M., Lyalikova S. V. Specifika samosokhranitel'nogo povedeniya naseleniya stolichnogo regiona [The specifics of self-preservation behavior of the population of the capital region]. *Problemy sotsial'noy gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny [Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine]*. 2024. No. 32 (Special issue 2). P. 1130–1136. DOI: 10.32687/0869-866X-2024-32-s2-1130-1136 (in Russ.).
9. Aleksandrova O. A. Moskovskije meditsinskie spetsialisty kak provodniki zdorovogo obraza zhizni [Moscow medical specialists as conductors of a healthy lifestyle]. *Moskovskaya meditsina [Moscow Medicine]*. 2025. No. 1 (65). P. 48–56. (in Russ.).
10. Zatsepina I. V., Kochetkova I. V., Fursova E. A., Petrova T. N. Rasprostranennost' kureniya sredi studentov meditsinskogo vuza [Smoking prevalence among students of medical university]. *Profilakticheskaya meditsina [The Russian Journal of Preventive Medicine]*. 2024. Vol. 27. No. 6. P. 2935. DOI: 10.17116/profmед20242706129 (in Russ.).
11. Aleksandrova O. A., Yarasheva A. V., Tsaranov K. N., et al. Professional'noye vygoraniye meditsinskih rabotnikov: podhody k vyyavleniyu i profilaktike [Professional burnout of medical workers: approaches to detection and prevention]. *Problemy sotsial'noy gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny [Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine]*. 2024. No. 32 (Special issue 2). P. 1047–1052. DOI: 10.32687/0869-866X-2024-32-s2-1047-1052 (in Russ.).
12. Rudkovskaya A. V., Cherniaeva M. S. Professional'noye vygoraniye kak predispolozheniye k snizheniyu zdorovogo povedeniya medikov [Professional burnout as a pre-condition of lowering healthcare behavior among healthcare workers]. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya [Social Policy and Sociology]*. 2024. Vol. 23. No. 3. P. 118–125. DOI: 10.17922/2071-3665-2024-23-3-118-125 (in Russ.).
13. Yarasheva A. V., Aleksandrova O. A., Markov D. I. Trudovoy potentsial medicinskih rabotnikov: voprosy professional'nogo vygoraniya [Labor potential of medical workers: issues of professional burnout]. *Regional'nyye problemy preobrazovaniya ekonomiki [Regional Problems of Economic Transformation]*. 2024. No. 4(162). P. 164–172. DOI: 10.26726/1812-7096-2024-4-164-172 (in Russ.).
14. Yarasheva A. V., Markov D. I., Makar S. V., Komolova O. A. Eksperty o probleme professional'nogo vygoraniya meditsinskih rabotnikov [Experts on the problem of professional burnout of medical workers]. *Diskussiya [Discussion]*. 2024. No. 130. P. 220–230. (in Russ.).

Information about the author:

Nazarova Inna Borisovna, Doctor of Economics, Main Researcher, Research Institute of Healthcare Organization and Medical Management of the Department of Healthcare of the City of Moscow, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: inna-nazarova@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8086-1617; Elibrary SPIN-code: 5172-5164.

Статья поступила в редакцию 02.05.2025, утверждена 10.11.2025, опубликована 30.12.2025.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ИСЭПН ФНИСЦ РАН

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ» ЗА 2025 ГОД

Народонаселение. 2025. Том 28. № 1 (январь-март)

ДЕМОГРАФИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Рыбаковский О. Л. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ В ДЕМОГРАФИИ РЕГИОНОВ РОССИИ (2017-2023 ГГ.)	4
Руднева О. С., Соколов А. А. ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ В РЕГИОНАХ СТЕПНОЙ ЗОНЫ РОССИИ	17
Багирова А. П. КОРПОРАТИВНАЯ ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ В ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СФЕРЕ КАК НОВАЯ ТЕМА ИССЛЕДОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	27
Русанова Н. Е., Назарова И. Б. ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НА ЭТАПАХ РЕПРОДУКТИВНОГО ВЫБОРА: ОТ ПЛАНИРОВАНИЯ ДО ПОСЛЕРОДОВОЙ ДЕПРЕССИИ.....	40

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Лещенко Я. А. СЕМЬЯ И ЕСТЕСТВЕННОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО НАСЕЛЕНИЯ В ПАРАДИГМАХ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ.....	51
Моргунов Е. В., Ростовцев А. И. УРБАНИЗАЦИЯ В СТРАНАХ МИРА: ПОТЕНЦИАЛ И ДИНАМИКА ЗА 1960-2022 ГОДЫ	64
Русанов А. В., Ван Е ЖИЛИЩНЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИКИ РОЖДАЕМОСТИ: ОПЫТ КИТАЯ.....	76
Макеева С. Б. ОСОБЕННОСТИ КИТАЙСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ПРОВИНЦИИ ШЭНЬСИ.....	89
Манаков А. Г., Теренина Н. К., Кроток Р. Н. ОЦЕНКА СОВРЕМЕННОЙ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ ЛАТВИИ.....	101

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНОВ РОССИИ

Рюмина Е. В., Федотов А. А. ТИПОЛОГИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ ПО ПОКАЗАТЕЛЯМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА	114
Котомина М. А. СОЦИАЛЬНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА СЕЛА В РОССИИ: ДИНАМИКА, ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ	127
Дорошенко С. В., Кислая Т. Н. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ И РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ В ЛУТАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ	138
Кривенко Н. В., Васильева А. В. ЭФФЕКТЫ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ: ВКЛАД В ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ	153

КАЧЕСТВО И УСЛОВИЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Волкова И. А., Галынчик Т. А. ПРЕКАРИЗАЦИЯ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ КАК ФАКТОР ОБЕСЦЕНИВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА	168
Демченко Т. С., Демченко М. В. РОЛЬ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ КООПЕРАТИВОВ В ПОВЫШЕНИИ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ	179
Дмитриева О. А., Морковкин Д. Е., Симагин Ю. А., Поляков А. Е. РАЗВИТИЕ АГРОТУРИЗМА КАК ФАКТОР ДИВЕРСИФИКАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ: ВЛИЯНИЕ НА КАЧЕСТВО ЖИЗНИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ	190
Фролова Е. В., Тюриков А. Г. ИНСТИТУТ СЕМЬИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ДОВЕРИЯ В СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ.....	204
Эндрюшко А. А. ЖИЛИЩНЫЕ УСЛОВИЯ ИММИГРАНТОВ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЦИИ: СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИЙ, ПРАВОВОЙ И КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ	215

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ИСЭПН ФНИСЦ РАН

Х МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ДОХОДЫ, РАСХОДЫ И СБЕРЕЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ»	228
ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ ПРИ ИСЭПН ФНИСЦ РАН	235

Рыбаковский О. Л. КЛИМАТИЧЕСКИЙ ФАКТОР В ДЕМОГРАФИИ РЕГИОНОВ РОССИИ (2017–2023 гг.)	4
Крошилин С. В., Медведева Е. И. СЕМЕЙНЫЕ ПАТТЕРНЫ В ДОСТИЖЕНИИ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ СУБЪЕКТОВ РФ	16
Рябчикова Д. А. СМЕРТНОСТЬ В ДВУХ КРУПНЕЙШИХ МЕГАПОЛИСАХ РОССИИ	29
Гончарова К. С., Шеломенцев А. Г. ТРАНСФОРМАЦИЯ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: ФАКТОРЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ	42
Петровская Ю. А., Карстен А. А. СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННОГО МИГРАНТА В РЕСПУБЛИКЕ КАРЕЛИЯ.....	57
<hr/> КАЧЕСТВО И УСЛОВИЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ	
Аржаев Ф. И., Морковкин Д. Е., Мамедов Т. Н., Симагин Ю. А. МНОГОМЕРНЫЙ АНАЛИЗ УРОВНЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....	70
Бредихин А. В., Аржаев Ф. И., Селезнев И. А., Мехдиев Э. Т. ГЕНЕЗИС БЕДНОСТИ В МОНГОЛИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ЭКОНОМИКО- ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ.	83
Назарова И. Б. УДОВЛЕТВОРЁННОСТЬ ПАЦИЕНТОВ КАЧЕСТВОМ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ НА ПРИМЕРЕ СТОЛИЧНОГО РЕГИОНА РОССИИ	96
Кабанова Е. Е. ПРОБЛЕМЫ ДОСТУПНОСТИ ТУРИСТИЧЕСКОЙ СРЕДЫ РОССИИ ДЛЯ ЛЮДЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ	105
Ошкордина А. А., Гончарова Н. А., Хаитова А. И. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ МЕДИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В РЕАБИЛИТАЦИИ ДЕТСКОГО АУТИЗМА	117
<hr/> СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ	
Губарев Р. В., Ярашева А. В., Дзюба Е. И. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ — ЭФФЕКТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ ИЗМЕРЕНИЯ И ПЛАНИРОВАНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ.....	129
Камарова Т. А., Тонких Н. В., Бегичева С. В. БЛОГЕРСТВО — ХОББИ ИЛИ ПРОФЕССИЯ? ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТУДЕНЧЕСТВА	145
Mikhaylov A. Yu., Morkovkin D. E., Mohamed T. I., Voytenkova G. F. THE ROLE OF NEW MEDIA IN ENHANCING ADOLESCENTS' DIGITAL LIFE QUALITY	160
<hr/> ФИНАНСОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ	
Захарова К. А., Бабурина Н. А., Муравьев Д. А. РОЛЬ НАЛОГА НА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДОХОД В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЗАНЯТОСТИ И ЛЕГАЛИЗАЦИИ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ	171
Будякова Т. П. ПОЖИЛОЕ НАСЕЛЕНИЕ В РАКУРСЕ ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ.....	183
Ануреев С. В. НАЛОГ НА БЕЗДЕТНОСТЬ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ГРУППЫ ПЛАТЕЛЬЩИКОВ	195
Ярашева А. В., Макара С. В. СТРУКТУРА ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ РАСХОДОВ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ БЛАГОПОЛУЧИЯ НАСЕЛЕНИЯ.....	210
Александрова О. А., Борковская Е. И. ГОТОВНОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ СТОЛИЧНОГО МЕГАПОЛИСА К ФИНАНСОВЫМ ОТНОШЕНИЯМ В ФОРМАТЕ ЭКОНОМИКИ СОВМЕСТНОГО УЧАСТИЯ	221
<hr/> НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ИСЭПН ФНИСЦ РАН	
VIII МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «РИМАШЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ. СБЕРЕЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: ЗДОРОВЬЕ, ЗАНЯТОСТЬ, УРОВЕНЬ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ»	233
СЕКЦИЯ «МОНЕТАРНЫЕ И НЕМОНЕТАРНЫЕ АСПЕКТЫ БЛАГОПОЛУЧИЯ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА В РОССИИ» НА X САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ КОНГРЕССЕ.....	239

ДЕМОГРАФИЯ И СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Максимова И. В., Симагин Ю. А. ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В МАЛЫХ ГОРОДСКИХ ОКРУГАХ РОССИИ	4
Доброхлеб В. Г. К ОЦЕНКЕ РАЗЛИЧИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В РЕГИОНАХ РОССИИ	17
Абрамова О. С. КОМПЛЕКСНАЯ ОЦЕНКА РАЗВИТИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ: МУНИЦИПАЛЬНЫЙ АСПЕКТ НА ПРИМЕРЕ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ	25
Русанова Н. Е. «СОЛО-МАМА»: СОВРЕМЕННЫЙ ТИП ОДИНОКОГО МАТЕРИНСТВА ИЛИ НОВАЯ ФОРМА СЕМЕЙНО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ?	36
Ростовская Т. К., Натсак О. Д. АЛИМЕНТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И НЕПОЛНЫЕ СЕМЬИ В РОССИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ.	48
Красинец Е. С. ВНЕШНЯЯ ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ДИНАМИКА И ПОСЛЕДСТВИЯ	61
Соколова А. А. РЕГИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПОЛОВОЗРАСТНОГО СОСТАВА ВОЗВРАТНЫХ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В РОССИИ	74

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Чернышева Н. В. МЕРЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	86
Репинецкий А. И., Циденков Г. Г. ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРИОД ГОЛОДА 1921–1923 ГОДОВ.....	100
Молчанов И. Н., Отарова К. В. ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД... ..	113

КАЧЕСТВО И УСЛОВИЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Корчагина И. И., Прокофьева Л. М. НАСЕЛЕНИЕ О ВОЗМОЖНОСТЯХ И РИСКАХ В СФЕРЕ ЗАНЯТОСТИ	125
Токсанбаева М. С., Коленникова О. А., Попова Р. И. ТРУДОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ В СТАТИКЕ И ДИНАМИКЕ	137
Макар С. В., Ярашева А. В. СОЦИАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ НАСЕЛЕНИЯ: ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ	150
Камнева Е. В., Полевая М. В., Шуракова Н. Н. ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЕЖИ К ИЗМЕНЕНИЮ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА В РОССИИ	163
Ростовцев А. И. ВЛИЯНИЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ	175
Леонидова Г. В., Баймурзина Г. Р., Кабашова Е. В. РЕПЕТИТОРСТВО КАК ВИД НЕФОРМАЛЬНОЙ ЗАНЯТОСТИ.....	186
Борковская Е. И., Александрова О. А. ПЕРСПЕКТИВЫ ВОВЛЕЧЕНИЯ МОСКВИЧЕЙ В ЭКОНОМИКУ СОВМЕСТНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ ..	201

ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Коленникова О. А., Токсанбаева М. С. ЗНАЧЕНИЕ ОПЫТА РАБОТЫ ДЛЯ КВАЛИФИКАЦИИ МЕДИЦИНСКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ	212
Александрова О. А., Махрова О. Н. РОЛЬ СТОЛИЧНЫХ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ В ФОРМИРОВАНИИ САМОСОХРАНИТЕЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ	223
Галкин К. А. ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ВОСПРИЯТИЕ НЕРАВЕНСТВ В ЗДРАВООХРАНЕНИИ ПОЖИЛЫМИ ЛЮДЬМИ	235

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ИСЭПН ФНИСЦ РАН

VII МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА НАСЕЛЕНИЯ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ».....	249
--	-----

ДЕМОГРАФИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Локосов В.В. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ КРИЗИС СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОЦЕНКА И ВОЗМОЖНОСТИ ВЫХОДА	4
Ткаченко А.А. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ДЕМОГРАФИЧЕСКОМУ ВОСПРОИЗВОДСТВУ И ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА	15
Неклюдова Н.П. ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К УПРАВЛЕНИЮ	29
Зорин Д.П., Медведь В.А. ДИНАМИКА И КОМПОНЕНТЫ ИЗМЕНЕНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ.....	42
Смирнов А.В., Панарина И.А. ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРА РОССИИ И ПОТЕРИ ОТ ОТДЕЛЬНЫХ ПРИЧИН СМЕРТИ	54
Ярашева А.В., Кулешов С.М., Козырев Н.А. ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ НА РЕПРОДУКТИВНЫЕ УСТАНОВКИ РОССИЯН: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ СРЕЗ.....	68
Мокренский Д.Н. ТЕНДЕНЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ ЦФО ЗА МЕЖПЕРЕПИСНОЙ ПЕРИОД 2010-2020 ГОДОВ	80

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНОВ РОССИИ

Морковкин Д.Е., Ряховский Д.И., Симагин Ю.А., Назарова Н.А. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЕПОПУЛЯЦИИ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ ДЛЯ РАЗВИТИЯ АГРАРНОГО СЕКТОРА	93
Шаров С.Ю., Шнейдерман И.М. ДОСТУПНОСТЬ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА КАК СПОСОБА РЕШЕНИЯ ЖИЛИЩНОГО ВОПРОСА	105
Дохолян С.В., Вершинина М.А. ВЛИЯНИЕ «ПРОСТРАНСТВЕННОГО СЖАТИЯ» НА УРОВЕНЬ ЖИЗНИ: АНАЛИЗ РЕГИОНАЛЬНЫХ ДИСПРОПОРЦИЙ.....	117
Шабанов В.Л. КАЧЕСТВО ЖИЗНИ СЕЛЬСКОГО И ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: СРАВНЕНИЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНТЕГРАЛЬНОГО ИНДИКАТОРА	129
Баширова А.А., Гимбатов Ш.М. ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН	144

КАЧЕСТВО И УСЛОВИЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Пилипенко И.В. ТРИ МЕТОДИЧЕСКИХ ПОДХОДА К СРАВНЕНИЮ ДИНАМИКИ ЗАРАБОТНЫХ ПЛАТ В 15 РЕСПУБЛИКАХ СССР И ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВАХ В 1960-Х — 2020-Х ГОДАХ (ЧАСТЬ I).....	155
Кашепов А.В. МАКРОЭКОНОМИКА И ДЕМОГРАФИЯ В ПРОГНОЗИРОВАНИИ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ...	171
Михалёв И.В., Цыпин А.П. СОЦИОЛОГО-СТАТИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ БАРЬЕРОВ ТРУДОУСТРОЙСТВА ИНВАЛИДОВ В РОССИИ.....	184
Сафонов А.Л., Коньчева Ю.Д. ЭФФЕКТИВНОСТЬ МЕР ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ-ИНВАЛИДАМИ В РОССИИ.....	197
Григорьева Н.С., Чубарова Т.В. ОХРАНА ЗДОРОВЬЯ РАБОТАЮЩИХ ПЕНСИОНЕРОВ В ФОКУСЕ ЗДРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ.....	212
Назарова И.Б. ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ: ПРИВЕРЖЕННОСТЬ И ОГРАНИЧЕНИЯ	227

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ИСПН ФНИСЦ РАН

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ» ЗА 2025 ГОД.....	236
---	-----

УШЁЛ ИЗ ЖИЗНИ МИХАИЛ КОНСТАНТИНОВИЧ ГОРШКОВ

29.12.1950 – 24.11.2025

24 ноября 2025 года в Москве на 75-м году жизни скончался Михаил Константинович Горшков, выдающийся ученый и общественный деятель, научный руководитель Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ФНИСЦ РАН), директор Института социологии ФНИСЦ РАН. Михаил Константинович посвятил свою жизнь развитию социологической науки, внес значительный вклад в изучение социальных процессов и явлений, активно способствовал формированию академического научного сообщества. С 2011 года Михаил Константинович являлся академиком РАН, он основатель ФНИСЦ РАН, который возглавлял в 2017-2021 годах. Под его руководством ФНИСЦ РАН стал одним из ведущих научных центров России, проводящих фундаментальные исследования в области социологии. Его научные труды и разработки оказали существенное влияние на развитие социологической мысли в нашей стране. Он оставил яркий след в истории российской науки, воспитал целое поколение ученых, продолжающих его дело. Светлая память о Михаиле Константиновиче навсегда сохранится в сердцах коллег, учеников и друзей.

Сотрудники Института социально-экономических проблем народонаселения имени Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН и редакции журнала «Народонаселение» выражают глубокие соболезнования семье и близким Михаила Константиновича.

Материал пересылается через официальный сайт журнала («отправить рукопись»): <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/population>. Формат страницы – А4. Текст должен быть набран шрифтом Times New Roman, кегль 12, междустрочный интервал 1,5. Рисунки и схемы выполняются в черно-белом цвете и дополнительно предоставляются в отдельных файлах в форматах JPEG, PDF и в исходном формате. Названия таблиц и рисунков даются на русском и английском языках. Под таблицами и рисунками указывается источник информации. Список литературы формируется в порядке упоминания в тексте и приводится после текста статьи. Ссылки в тексте на источник в списке литературы даются в квадратных скобках (напр., [5, с. 8]), а на нормативно-правовые документы и статистические материалы – в виде подстрочной ссылки внизу страницы. Общий объем материала от 0,5 до 1,0 п.л. В соответствующих местах ставится буква «ё».

Для статей обязательны:

- наличие аннотации, ключевых слов, и пристатейного списка литературы, оформленного по ГОСТ Р 7.0.100–2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание: общие требования и правила составления»;
- сквозная нумерация таблиц, рисунков, схем, подстрочных ссылок, математических формул;
- в начале каждой статьи после её названия необходимо указывать фамилии автора(ов) статьи, место и почтовый адрес работы, электронный адрес автора-ответственного исполнителя;
- аннотация и ключевые слова на русском языке приводятся перед текстом статьи;
- список литературы на русском языке и другие источники информации приводятся после текста статьи;
- название статьи; имена и фамилии авторов/автора, аннотация, ключевые слова, список литературы на английском языке приводятся после списка литературы на русском языке;
- в конце статьи приводится подробная информация об авторе(ах) на русском и английском языках: фамилия, имя и отчество, учёная степень, должность и место работы с указанием города и страны, электронный адрес, ORCID, PИNC AuthorID.

Требования к написанию аннотаций

Аннотация на русском языке должна быть:

- информативной (не содержать общих слов)
- отражать основное содержание статьи и результаты исследований. Предмет, тема, цель работы указывается в том случае, если они не ясны из заглавия статьи;
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);
- объём текста должен включать от 200 (минимум) до 250 слов.

Аннотация на статью на английском языке по объёму может быть больше аннотации на русском, не быть калькой русскоязычной аннотации.

Требования к переводу на английский язык пристатейного списка литературы

В зарубежных стандартах в библиографических записях не используются разделительные знаки, применяемые в российском ГОСТе («//» и «–»). Название книги и журнала/газеты отделяются от Ф.И.О. авторов и заглавия статьи типом шрифта и точкой. Для изданий не на английском языке делаются и перевод, и транслитерация. При ссылке на книжные издания названия издательства, организации и города (места издания) приводятся полностью. Обязательно указание диапазона страниц при описании статей в журналах или сборниках и общего количества страниц – в книжных изданиях. В конце неанглоязычных публикаций в скобках указывается язык, для русскоязычных: (in Russ.). Статьи из электронных источников описываются аналогично печатным изданиям с дополнением данных об адресе и дате доступа.

Примеры:

1. Yarygina T. Bednost' v bogatoj Rossii [Poverty in rich Russia]. Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Modern World]. 1994. No. 2. P. 25–35. (in Russ.)
2. Sarkisyan G. S., Kuznetsova N. P. Potrebnosti i dohod sem'i [Family Needs and Income]. Moscow. Ekonomika [Economics]. 1967. 178 p. (in Russ.)
3. Slepukhina I. L. Formirovaniye regionalnoy sistemy upravleniya obnovleniyem gorodskoy zhiloy zastroyki. [Formation of the regional system of management of the city housing stock renovation]. Arkhangel'sk. 2009. 184 p. Available at: <https://dlib.rsl.ru/01004325199> (Accessed: 18 May 2019). (in Russ.)

Требования к формулам:

- формулы должны быть набраны в формульном редакторе Word;
- после формулы ставится запятая, со следующей строки с абзаца после слова «где» расшифровка символов формулы в том порядке, в котором они идут в формуле; единицы измерения обязательны. Расшифровка даётся в строчку;
- греческие буквы набирают прямым шрифтом, латинские – курсивом;
- перенос формул следует делать на знаках равенства и соотношения между левой и правой частями формулы, знаках сложения и вычитания, на знаке умножения применением косоного креста (x) в конце одной строки и в начале следующей строки;
- знак умножения между буквенными символами не ставится ($A = be$), а между числами ставят точку по центру строки ($5 \cdot 30$);
- единицы измерения физических величин приводятся в системе СИ и отделяются от значения одним пробелом (12,87 мм, 58 Дж/моль), за исключением градусов и процентов (90°, 20 °C, 50%);
- в качестве десятичного знака в формуле используется запятая (например: 14,67).

Все статьи проходят рецензирование и проверку в системе «Антиплагиат». Результаты рецензирования и решения редколлегии о принятии представленной статьи к публикации сообщаются авторам.

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС

журнала ***НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ*** в «Урал-пресс»»: 79183
ISSN 1561-7785